СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

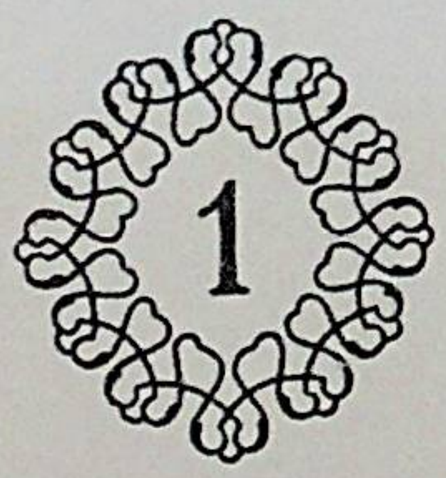
1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ~ 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. С. БРАГИНСКИЙ (главный редактор),
М. О. АУЭЗОВ, А. М. ДЬЯКОВ, Б. Н. ЗАХОДЕР,
Н. И. КОНРАД, А. А. КУЗНЕЦОВ, И. М. ЛЕМИН, А. Ф. МИЛЛЕР,
А. А. ПАШКОВСКИЙ, Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь),
В. В. СТРУВЕ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ (зам. главного редактора),
Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

П-20310
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А.Н. Киргизской С. С. Р.

ДОКУМЕНТЫ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Два года, прошедшие после XX съезда КПСС, насыщены событиями величайшего значения. Ход исторического развития полностью подтвердил правильность содержащихся в решениях съезда выводов и оценок как по вопросам строительства коммунизма в СССР, так и по важнейшим международным проблемам.

Истекшие годы характеризуются дальнейшим неуклонным ростом международных сил демократии и социализма и еще большим ослаблением сил империализма и реакции.

Решения XX съезда КПСС о мирном сосуществовании двух систем, о возможности различных форм перехода к социализму, о возможности предотвращения войн в современную эпоху вызвали большой идейный и политический подъем в международном коммунистическом и рабочем движении. Братские коммунистические и рабочие партии горячо одобрили и поддержали идеи XX съезда КПСС.

Выдержав многочисленные серьезные испытания, преодолев встретившиеся на его пути трудности, коммунистическое движение успешно идет вперед во всем мире, оказывая все возрастающее воздействие на ход мировой истории.

Характеризуя состояние коммунистических партий, В. И. Ленин говорил в 1919 г.: «На первом конгрессе (Коммунистического Интернационала.— *Ред.*) мы были, в сущности, только пропагандистами, мы только бросали пролетариату всего мира основные идеи, мы только бросали призыв к борьбе, мы только спрашивали: где люди, которые способны пойти по этому пути?»[1] С каждым годом этих людей становилось все больше и больше. Ныне в компартиях 75 стран насчитывается более 33 млн. коммунистов. Рабочий класс и его революционные партии во многих капиталистических странах стали подлинно массовыми организациями и играют видную роль в политической жизни. Выросли силы коммунизма и в странах Азии и Африки.

Крупнейшим успехом мирового коммунистического движения явились Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 64 стран в Москве в ноябре 1957 г. Они продемонстрировали единство и сплоченность международного коммунистического движения на идейной основе марксизма-ленинизма. В принятых Совещаниями Декларации и Манифесте мира разработаны и провозглашены важнейшие задачи коммунистов в борьбе за мир, демократию и социализм на современном этапе мировой истории. В них дана марксистско-ленинская оценка текущих проблем международного положения и основных тенденций нынешней эпохи.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 209.

«Декларация обобщает,— как отмечается в Постановлении декабрьского Пленума ЦК КПСС,— опыт работы коммунистических и рабочих партий социалистических стран по созданию и укреплению мировой социалистической системы. Вместе с тем в ней подытожен опыт рабочего движения в капиталистических странах, а также опыт национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран. Таким образом, в Декларации проанализирован и обобщен опыт всего международного рабочего и коммунистического движения за весь послевоенный период»[2].

В Декларации подчеркивается, что основным содержанием современной эпохи является переход от капитализма к социализму, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Теперь уже более трети человечества — свыше 950 млн. человек — вступили на путь социализма и строят новую жизнь; свыше 700 млн. населения в колониальных и зависимых странах сбросили колониальное иго и создали суверенные национальные государства. Около 150 млн. населения колоний ведут активную борьбу за свое освобождение. На долю социалистической системы приходится теперь 35% населения нашей планеты, 26% территории земного шара и 33% мирового промышленного производства. Социалистический строй обеспечивает развитие производительных сил темпами, невиданными в истории и недоступными для капитализма. Промышленное производство всех социалистических стран выросло с 1937 по 1956 г. в 4,1 раза, а капиталистических стран за это же время увеличилось менее чем в 2 раза (1,95). Сбывается предвидение В. И. Ленина: «...мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали»[3]. За восемь лет Народный Китай добился таких успехов, которые не могли быть достигнуты в старом Китае за прошедшее столетие. В настоящее время китайский народ поставил перед собой задачу: в течение 12—15 лет догнать по производству основных видов промышленной продукции такую высокоразвитую индустриальную страну, как Англия.

В Декларации содержится характеристика невиданных до сих пор в истории качественно новых взаимоотношений между социалистическими странами. Эти взаимоотношения строятся на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга. Однако эти принципы не исчерпывают всей сущности отношений между социалистическими странами. Неотъемлемой частью их взаимоотношений является братская взаимопомощь, в которой находит свое действенное проявление принцип социалистического интернационализма. Так, например, СССР на льготных условиях оказал странам социализма финансовую помощь на сумму около 30 млрд. рублей. Количество предприятий, строящихся сейчас в странах социализма при помощи СССР, составляет 300, а к 1962 г. достигнет 478. Только в КНР Советский Союз помогает строительству 211 предприятий, 21 отдельного цеха. Стоимость оборудования этих предприятий превышает 8 млрд. рублей[4]. Известно, что все страны социализма помогали восстанавливать разрушенное войной хозяйство Корейской Народно-Демократической Республики. Китайская Народная Республика оказывает значительную помощь Демократической Республике Вьетнам и другим странам.

Подытоживая материальные и политические успехи лагеря социализма,

[2] «Правда», 19 декабря 1957 г.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 33, стр. 354—355.
[4] «Дружба», 1957, № 10, стр. 8—9.

Председатель Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дун сказал: «Направление мирового ветра изменилось. В борьбе между лагерем социализма и лагерем империализма не ветер с Запада одолевает ветер с Востока, а ветер с Востока одолевает ветер с Запада»[5].

Если социализм находится на подъеме, то империализм идет к упадку. Позиции империализма значительно ослаблены в результате все усиливающегося распада колониальной системы. Народы стран Азии и Африки, завоевавшие независимость, настойчиво борются за укрепление экономической самостоятельности, за преодоление тяжелого наследия колониализма, отстаивая при поддержке мирового лагеря социализма свою политическую независимость.

Существование и укрепление лагеря социализма, обладающего мощной экономикой, положили конец монополии империалистов на торговлю промышленными товарами со странами Востока. Главное же состоит в том, что империалисты не являются более монополистами в области поставок средств производства, которые необходимы сейчас для индустриализации стран Востока. Ликвидирована монополия империалистов на обеспечение этих стран научно-технической консультацией и квалифицированными специалистами. Советский Союз и другие социалистические страны рассматривают помощь экономически отсталым и ранее угнетенным странам как выполнение своего интернационального долга, как осуществление заветов великого Ленина.

За последние годы СССР, например, предоставил на льготных условиях значительные кредиты Индии для строительства металлургического комбината, завода тяжелого машиностроения и других промышленных предприятий, заключил на взаимовыгодных условиях соглашения с Бирманским Союзом, Объединенной Арабской Республикой, Афганистаном и другими странами Востока. Бескорыстная помощь, оказываемая государствам Востока странами социалистического лагеря, принципиально отличается от «помощи» империалистических держав. Известно, что Индия так и не смогла получить крупных кредитов в США, так как, по сообщениям печати, предоставление американских кредитов обусловливается определенными политическими требованиями. Мировая общественность хорошо помнит, как монополии США и Англии пытались использовать экономические затруднения Египта и Сирии в своих военно-политических целях.

Характеризуя две противоположные линии в отношении стран Востока, военный министр Объединенной Арабской Республики Абдель Хаким Амер отметил, что империалистические державы обращаются с малыми государствами как волк с ягненком. Выступая на приеме во время визита в Москву, Абдель Хаким Амер так оценил дружественное сотрудничество между СССР и его страной: «Мы гордимся дружбой с вашим народом, гордимся сами и гордимся перед другими. Эта дружба является образцовым проявлением духа Бандунга, ибо она представляет собой живой образец мирного сосуществования между большой и сильной страной и страной небольшой, но обладающей древней культурой. Тем не менее это были отношения, построенные на основе равенства между странами с различными социальными системами, и, несмотря на это, обе страны нашли общую основу для плодотворного сотрудничества, на благо мира, на благо будущего человечества» [6].

Участники совещания компартий заявили, что ленинский принцип сосуществования государств с различным социально-политическим строем, полу-

[5] «Дружба», 1957, № 10, стр. 8.
[6] «Правда», 20 ноября 1957 г.

чивший дальнейшее развитие в решениях XX съезда КПСС, является незыблемой основой внешней политики социалистических стран и надежной основой мира и дружбы между народами. Интересам мирного сосуществования соответствуют пять принципов, выдвинутых Китайской Народной Республикой и Республикой Индии и подтвержденных историческими Бандунгской и Каирской конференциями. Борьба за мир и мирное сосуществование стала требованием подавляющего большинства человечества.

Коренной проблемой мировой политики является сейчас вопрос о войне и мире. Решающими силами в борьбе за мир являются: растущий лагерь социализма, возглавляемый Советским Союзом; миролюбивые страны Азии и Африки, сбросившие ярмо колониального угнетения, стремящиеся укрепить свою независимость и образующие вместе со странами социализма обширную зону мира; международный рабочий класс и освободительное движение народов колоний и полуколоний; массовое движение за мир.

Если стремление к миру, проведение мирной внешней политики вытекают из самой природы социалистических государств и поэтому страны социалистического лагеря глубоко заинтересованы в обеспечении мирного развития, необходимого для осуществления грандиозных общественных и экономических преобразований, то развитие империалистических государств определяется присущими капитализму законами конкурентной борьбы в самых острых и жестоких формах.

Важнейшее значение для идейного и организационного укрепления коммунистических партий имеет содержащееся в Декларации указание о необходимости решительной борьбы с ревизионизмом как с главной опасностью в рядах международного коммунистического движения. Борьба против ревизионизма является в то же время борьбой за утверждение принципов пролетарского интернационализма. В Декларации подчеркивается также необходимость преодоления догматизма и сектантства.

Декларация и Манифест мира наносят сильнейший удар по колониалистской политике империализма и различным лжетеориям «неоколониализма», «взаимозависимости» капиталистических стран Запада и стран Востока, теориям «добровольного дарования колониям независимости» и др. Эти документы разоблачают происки империализма и, в первую очередь, агрессивных кругов США в странах Востока, вскрывают подлинную сущность всевозможных пактов вроде СЕАТО, Багдадского и других, ставящих целью восстановление империалистического господства в странах Азии и Африки. Тем самым Декларация и Манифест мира способствуют консолидации прогрессивных сил в странах Востока, а также укреплению экономических, политических и культурных связей между странами социализма и молодыми независимыми государствами Азии и Африки.

Дальнейшим развитием идей XX съезда КПСС является положение Декларации о том, что формы перехода различных стран от капитализма к социализму могут быть разнообразными. Рабочий класс и его авангард, марксистско-ленинская партия, стремятся осуществить социалистическую революцию мирным путем, что, однако, не исключает при определенных условиях классовой борьбы в случаях, когда эксплуататорские классы прибегают к насилию над народом, и немирного перехода к социализму.

В современных условиях особенное значение для стран Востока приобретает вопрос об укреплении и усилении единого фронта антиимпериалистической борьбы самых широких социальных слоев, включающих не только рабочий класс и крестьянство, но и значительные группы интеллигенции и национальной буржуазии. Реакция часто запугивает мелкую и среднюю буржуазию тем, что коммунисты де являются сторонниками уничтожения всех видов частной собственности. У компартий имеется теперь богатый опыт Китая и других стран социализма, где преобразование

частно-капиталистической собственности проводилось мирными средствами, на принципах добровольности, в порядке сотрудничества с социалистическим государством. Этот опыт помогает разоблачать клеветническую пропаганду. Сейчас, когда социализм стал мировой системой, есть возможность вводить всеобщее избирательное право и при наличии непролетарских демократических партий, привлекая под контролем рабочего класса патриотически настроенные буржуазные слои к активному участию в политической жизни.

Опыт отдельных коммунистических партий (Индия, Индонезия и др.) свидетельствует о том, что, преодолев имевшуюся в свое время путаницу, при которой всякий буржуазный национализм без разбора объявлялся реакционным, они оказывают поддержку национальным правительствам своих стран в их борьбе за мир, за укрепление независимости, за прогрессивные социально-экономические преобразования. Одновременно коммунистические партии проводят свою самостоятельную линию в борьбе за социальные интересы рабочего класса, за полное экономическое освобождение своих стран, за дело социализма, против великодержавного шовинизма, за национальную консолидацию на основе равноправия народов. Известно, что важнейшее значение для успешной борьбы против угрозы войны, для отпора силам реакции имеет единство рабочего класса. Вывод, сделанный XX съездом КПСС о возможности сотрудничества компартий с социалистами по ряду важнейших вопросов, как известно, уже дал некоторые результаты. Произошло сближение позиций некоторых социалистических партий с позициями коммунистических партий. В частности, руководство Японской социалистической партии приняло решение бороться против ввоза в Японию американских управляемых снарядов, за сокращение военных расходов, за восстановление отношений с Китайской Народной Республикой. Коммунисты поддерживают выступления против колониализма постоянной организации социалистов стран Азии — «Азиатской социалистической конференции».

Совещания коммунистических и рабочих партий признали необходимым, чтобы коммунистические партии выступали за установление сотрудничества с социалистическими партиями как в борьбе за улучшение жизненных условий трудящихся, за мир между народами, завоевание и защиту национальной независимости, так и в борьбе за завоевание власти и построение социализма.

Решения Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий наносят сокрушительный удар по планам империалистической реакции, направленным на раскол международного коммунистического движения. Ярким свидетельством торжества принципов пролетарского интернационализма является горячее одобрение принятых Совещаниями документов десятками миллионов коммунистов, широчайшими массами трудящихся во всех странах.

Декларация и Манифест мира имеют огромное теоретическое и практическое значение для всех работников идеологического фронта, в том числе и для советских востоковедов. Они облегчают понимание сложных процессов, происходящих в странах Востока, способствуют более глубокому их изучению и обобщению. При анализе расстановки классовых сил в странах Азии и Африки особенно важно не допускать ошибок, которые имели место в исследовательских работах некоторых наших ученых, посвященных борьбе народов Востока против империализма, за достижение национальной независимости. Как известно, во многих работах ошибочно недооценивалась, а то и прямо отрицалась возможность участия на известных этапах национальной буржуазии в антиимпериалистической борьбе отдельных стран. В связи с значительными социально-экономическими пре-

образованиями, происходящими в странах Востока, вступивших на путь независимого развития, появилась и другая ошибочная тенденция, нашедшая свое выражение в статьях отдельных научных работников, утверждавших, что экономические преобразования, осуществляемые национальными правительствами в странах Востока, являются по своей природе социалистическими.

При изучении этого вопроса востоковеды могут исходить только из требований конкретно-исторического анализа сущности происходящих процессов. Указанные преобразования, и не будучи социалистическими, являются глубоко прогрессивными ввиду их национально-освободительной, антиимпериалистической и антифеодальной направленности развития государственного сектора экономики и миролюбивой политики, проводимой этими странами.

Неотложной задачей советских востоковедов является также глубокое изучение конкретных особенностей антиимпериалистической борьбы в каждой из стран Востока, форм и методов борьбы рабочего класса за свои коренные интересы в национально-освободительном движении. Необходимо всесторонне исследовать влияние победы Китайской революции и строительства социализма в Китайской Народной Республике, Монгольской Народной Республике, Корейской Народно-Демократической Республике и Демократической Республике Вьетнам на весь ход исторического развития в странах Востока. Большое значение имеет изучение опыта борьбы Коммунистической партии Китая против правых элементов. Гораздо больше внимания следует уделять исследованию внутреннего положения, политического и экономического развития отдельных стран.

Опыт показывает настоятельную необходимость всестороннего изучения советскими востоковедами осуществляемых в странах Востока социально-экономических реформ. Вооруженные марксистско-ленинской теорией, советские востоковеды должны более глубоко изучать новые явления в промышленности, в государственно-капиталистической экономике, в сельском хозяйстве, в культуре народов Востока, отпавших от системы колониализма. Тезис о распаде колониализма и кануне его полного краха, сформулированный XX съездом КПСС, выдвигает необходимость не только конкретного изучения путей и форм его распада, но, что особенно важно, путей и форм преодоления наследия колониализма, т. е. прежде всего технико-экономической отсталости слаборазвитых стран. Новые внутренние экономические связи, образующиеся в этих странах, разрыв старых и складывание новых внешних экономических связей и изменения в положении отдельных классов должны быть предметом пристального изучения. Проблемы индустриализации, преимущественного роста производства средств производства, обеспечения источников финансирования, конкурентная борьба империалистических государств на рынках капиталов и товаров слаборазвитых стран, установление ими нового типа международных экономических отношений с государствами лагеря социализма,— все это, без сомнения, явится объектом глубокого изучения нашими востоковедами.

В разоблачении всех и всяческих проявлений колониалистской и неоколониалистской идеологии важную роль призваны сыграть журналы «Советское востоковедение» и «Современный Восток», которые все еще недостаточно разрабатывают некоторые острые вопросы идеологической борьбы.

* * *

Ответственные задачи ставят перед советскими востоковедами решения Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки. В работе

этой конференции приняли участие посланцы 45 стран Востока, представляющих более половины всего человечества. Ее участники подвергли обсуждению самые актуальные, неотложные вопросы современности, единодушно наметили общую программу действий, подтвердили свою верность принципам Бандунга.

Каирская конференция решительно осудила колониализм и империалистическое угнетение. В принятой ею резолюции об империализме говорится, что «дальнейшее существование империализма несовместимо с новой эрой, в которой сейчас живет мир». Делегаты конференции единодушно выступали против агрессии и империалистических войн, против всех и всяческих проявлений колониализма, в какие бы одежды он ни рядился. Они заявляли о своем глубоком сочувствии всем народам, которые продолжают находиться под ярмом империалистического господства, о своей твердой решимости оказать всемерную помощь и поддержку освободительным движениям, направленным против колониального гнета.

Чрезвычайно большое значение имеют принятые Конференцией резолюции об экономическом и техническом сотрудничестве, о социальном развитии стран Азии и Африки, о культурных связях. Они свидетельствуют о крепнущей солидарности народов Востока, об их стремлении парализовать все попытки колонизаторов внести раскол в сплоченные ряды борцов за свободу и независимость.

Делегаты конференции горячо поддержали идею сотрудничества между странами Востока и социалистическими странами как в области экономики и укрепления культурных связей, так и в области совместной борьбы за мир, против колониализма. Участники Каирской конференции тепло встретили выступления советских делегатов, рассказавших о чувствах братской солидарности, которые испытывают народы Советского Союза к народам стран Азии и Африки.

Решения Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки получили горячую поддержку и одобрение во всех странах Востока. Напрасно пытаются некоторые журналисты империалистической прессы преуменьшить значение Каирской конференции, объявить ее «коммунистической затеей» и т. д. и т. п. Безвозвратно миновало время, когда можно было игнорировать волю народов Азии и Африки. Решения Каирской конференции выражают мысли и чаяния сотен миллионов людей, пробудившихся к активному политическому действию, ставших подлинными творцами мировой истории.

Советские востоковеды — историки, экономисты и филологи — без сомнения глубоко изучат материалы Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки. Это поможет им лучше понять сущность происходящих сейчас в странах Востока процессов, имеющих поистине всемирно-историческое значение, создать научные труды, глубоко и правдиво отражающие великую борьбу народов Востока за свое освобождение от угнетения и рабства.

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ БИРМЫ

А. Н. УЗЯНОВ

Десять лет назад, 4 января 1948 г., над Рангуном, столицей вновь рожденного государства Бирманский Союз, взвился флаг независимости. Многолетняя героическая борьба народов Бирмы против гнета колонизаторов завершилась победой. Мощное национально-освободительное движение привело к созданию единого антиимпериалистического общенародного фронта. Победе народов Бирмы способствовали могучий подъем национально-освободительного движения во всех странах Юго-Восточной Азии, разгром агрессивных держав в период войны, создание лагеря социализма, общее ослабление сил империализма. Английским колонизаторам, в течение многих десятилетий грабившим и угнетавшим народы Бирмы, пришлось отступить.

Молодому бирманскому независимому государству досталось исключительно тяжелое наследство.

Будучи вынужденными признать независимость Бирмы и принять требование бирманского народа о выводе из страны колониальных войск, английские колонизаторы пытались, однако, всеми силами сохранить свои позиции. Ряд статей Англо-Бирманского договора, подписанного 17 октября 1947 г., к которому было приложено подписанное несколько ранее соглашение об «обороне», был направлен на закрепление военного и экономического влияния Англии. За Англией было признано право иметь в Бирме военную миссию. Бирма оставалась в системе обороны Британской империи и лишалась права принимать военные миссии других стран. Создание национальной армии также предполагалось под руководством английских инструкторов. Бирму заставили платить огромные долги, которые сделали английские колониальные власти. Ее принудили так же гарантировать выплату «справедливой компенсации» за английские предприятия в случае их национализации. Предполагалось, что Бирма останется в стерлинговом блоке и будет придерживаться системы имперских преференций.

Колониальная Бирма совершенно не имела тяжелой индустрии, ни одного крупного предприятия обрабатывающей промышленности. Ключевые позиции в экономике страны находились в руках английских монополий, которые вывозили из Бирмы промышленное сырье, получая баснословные прибыли. В 1948 г. в стране насчитывалось всего 473 фабрично-заводских предприятия цензовой промышленности с общим числом рабочих в 46 500 человек [1]. Иностранный капитал продолжал играть

[1] «Statistical year book U. N. 1951». New York, 1951, p. 177.

большую роль в денежно-кредитной системе, экспортно-импортной торговле страны.

Величайшие бедствия принесла Бирме вторая мировая война: была разрушена треть всех промышленных предприятий, почти половина имущества и подвижного состава железных дорог [2], 100 железнодорожных мостов из 185 [3], почти 500 речных судов из имевшихся 600 [4]. Добыча полезных ископаемых в 1946 г. составила всего лишь 6 тыс. тонн вместо 108 тыс. тонн в последнем довоенном году. Добыча нефти сократилась с 7 762 тыс. баррелей до 700 тыс. баррелей [5]. Война причинила колоссальный ущерб сельскому хозяйству: была заброшена треть посевных площадей, наполовину сократилось поголовье рабочего скота. Общий уровень производства страны в 1946/47 г. составил лишь 61,2 процента к уровню 1938/39 г.

В Бирме господствовали феодальные отношения в землевладении и землепользовании. В 1948 г. из 19 323 841 акров всех сельскохозяйственных земель 6 452 848 акров принадлежало крупным помещикам и ростовщикам, обычно живущим в городах и не занимающимся земледелием. 90 процентов всех крестьянских хозяйств были опутаны долгами и попали в ростовщическую кабалу. Половина всех помещичьих земель в главных рисопроизводящих районах страны принадлежала иностранным землевладельцам-ростовщикам [6].

Тяжелые последствия колониализма не менее сильно сказывались в области просвещения и здравоохранения. В стране, где до прихода колонизаторов было больше умеющих читать и писать, чем в Англии, в 1946 г. насчитывалось всего 75 средних, 50 неполных средних и 1417 начальных школ [7]. В Бирме не было научно-исследовательских институтов, высших и средних учебных заведений для подготовки инженеров и техников. В стране насчитывалось менее 10 тыс. больничных коек и немногим более 2 тыс. врачей. Смертность здесь была значительно выше, чем во многих других странах Азии — 33 человека на 1 тысячу.

Используя трудности, переживаемые молодой республикой, английские и американские империалисты вмешивались в ее внутренние дела, пытались расколоть единство бирманского народа, подорвать самые основы независимости страны. Еще в начале ноября 1947 г., при обсуждении в английском парламенте вопроса о предоставлении Бирме независимости, консерваторы требовали ее расчленения на мелкие «самоуправляющиеся» национальные государства. Уинстон Черчилль уже тогда пророчествовал, что горные районы Бирмы скоро станут ареной межнациональной резни, подобно тому как это случилось в Индии. И действительно, когда независимость была провозглашена, империалистам удалось спровоцировать восстание каренов. В подготовке этого восстания приняли участие опытные английские разведчики — полковник Д. Таллок и майор А. Кэмпбелл. Некоторые руководители восстания открыто заявляли о том, что они стремятся к расчленению Бирмы и возвращению ее в состав Британской империи.

Американские империалисты осуществляли свое проникновение в Бирму под флагом так называемой технической помощи. В Бирму было направлено множество «советников» и «экспертов». Однако подлинное

[2] «Пидота — Новая Бирма». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, стр. 56.
[3] «Burma» (Handbook). Rangoon, 1955, p. 37.
[4] «Пидота — Новая Бирма», стр. 56.
[5] *Такин Кодо Хмаинг.* Путь Бирмы. «Новое время», 1956, № 2, стр. 6.
[6] *J. Andrus.* Burmese economic life. Stanford, 1953, p. 70.
[7] *Такин Кодо Хмаинг.* Указ. статья, стр. 7.

значение этой «помощи» стало ясным, когда за ней последовало грубое вмешательство во внутренние дела страны. Подстрекаемые американскими империалистами в Северную Бирму вторглись изгнанные из Китая чанкайшистские банды.

Все это, конечно, значительно осложнило продвижение молодого государства по пути независимости. Однако, благодаря выдержке и стойкости, проявленной народами Бирмы, натиск империалистов был отражен. Народы Бирмы повели упорную борьбу за ликвидацию тяжелого колониального наследия и упрочение своей независимости.

Если колониальные власти в Бирме опирались на феодалов-помещиков, на компрадорскую буржуазию, то национальное правительство независимой Бирмы опирается на более широкие слои общества: национальную промышленную и торговую буржуазию, мелкую буржуазию города и деревни, выступающие совместно против колониализма и за ликвидацию его последствий. Политику правительства, направленную на осуществление коренных национальных задач, поддерживают широкие массы народа. Правительство, возглавляемое У Ну, провозгласило лозунг сплочения народов, населяющих Бирманский Союз, заявило о необходимости экономического, политического и культурного развития отсталых районов страны.

Осуществляя политику укрепления независимости страны, в январе 1952 г., бирманское правительство отказалось подписать с США соглашение на основе «Закона о взаимном обеспечении безопасности». В 1953 г. оно заявило об отказе от американской «помощи» по четвертому пункту программы Трумэна. В конце того же года бирманское правительство добилось существенного сокращения государственного долга Англии. В начале 1954 г. было объявлено о решении Бирмы не продлевать соглашения с Англией о «совместной обороне».

С каждым годом все заметнее становятся достижения независимой Бирмы и в экономической области. Растет государственно-капиталистический сектор в промышленности. Это — прогрессивное явление, так как развитие госкапитализма способствует упрочению экономической независимости Бирмы. Вместе с тем растет и частный национальный капитал.

Государственный сектор начал создаваться на базе национализированной собственности английского колониального правительства. Во владение государства перешли железные дороги, средства связи и некоторые другие предприятия общественного значения. Кроме того, согласно конституции, государство получило право устанавливать свой контроль над природными богатствами страны, национализировать собственность частных монополистических компаний путем выкупа, а также создавать смешанные предприятия с участием государства и устанавливать государственную монополию на важнейшие статьи экспорта и импорта.

Серьезное значение в борьбе с колониальным наследием имело установление государственной монополии на экспорт рисопродуктов и тиковой древесины, составляющих вместе не менее 80% всего бирманского экспорта и почти половину доходной части государственного бюджета.

В 1952 году был ликвидирован бирманский валютно-денежный комитет в Лондоне и открыт в Рангуне Государственный банк Бирманского Союза, которому предоставлено право определять валютно-денежную систему страны, производить эмиссию банкнот, изменять размер и характер обеспечения банкнот в новых бирманских джа [8]. Бирманское правительство само стало определять паритет джа к золоту и любой другой иностранной валюте. В 1953 г. была отменена преференциальная система таможенных

[8] См. «Union Bank of Burma Act, 1952». Rangoon, 1952. Один джа = 84 коп.

тарифов для английских торговых фирм и установлена единая для всех импортеров система взимания пошлин в зависимости от степени важности ввозимых в страну товаров. Создание центрального банка позволило расширить сеть государственных банков. В 1953 г. был открыт Государственный сельскохозяйственный банк, а в 1954 г. начал функционировать Государственный коммерческий банк. Эти мероприятия позволили несколько сузить сферу деятельности ростовщиков.

Развитие государственно-капиталистического сектора создало известные возможности для регулирования развития экономики, для осуществления первых мер по государственному планированию.

Еще накануне провозглашения независимости, в 1947 г. временное правительство разработало двухлетний план восстановления и развития экономики страны. В 1952 г. было начато составление долголетнего плана (1953—1960) экономического развития Бирмы, известного под названием «Пидота — новая Бирма». Жизнь показала, однако, что американские «эксперты», принимавшие участие в составлении этого плана, игнорировали особенности экономики страны и ее первоочередные потребности.

В качестве главного источника финансирования «Пидота» предусматривались доходы от экспорта риса. Но мировые цены на рис упали. Традиционные рынки сбыта бирманского риса были захвачены американскими экспортерами. В связи с этим резко уменьшилась доходная часть государственного бюджета. Возникли большие трудности по пути осуществления плана «Пидота». Как заявил У Ну во время визита в Китайскую Народную Республику в 1954 году, для осуществления многочисленных проектов строительства потребовалось бы около 40 лет, если бы даже Бирма имела необходимые кадры и средства [9].

В 1956 году правительство Бирманского Союза приступило к составлению нового четырехлетнего плана развития экономики страны. Предусматривается, что в результате осуществления этого плана промышленное производство независимой Бирмы достигнет довоенного уровня. Современной техникой будут оснащены некоторые существующие предприятия. Значение нового четырехлетнего плана не ограничивается лишь простым ростом промышленного производства. Главное состоит в том, что в независимой Бирме будут заложены основы национальной промышленности.

Правительство Бирманского Союза внимательно изучает опыт планирования в социалистических странах. Государственные деятели Бирмы обменялись мнениями по проекту четырехлетнего плана с членами советской экономической делегации, прибывшей в Рангун в начале 1957 г. В обстановке дружбы и взаимопонимания обсуждались проблемы сельского хозяйства и промышленности, вопросы сотрудничества в развитии горнодобывающей и некоторых других отраслей промышленности Бирмы. Страны социализма изъявили готовность оказать всемерную помощь и содействие развитию бирманской промышленности. По сообщению газеты «Нью таймс оф Бирма», Бирманский Союз будет получать во все больших размерах промышленное оборудование и машины из Советского Союза, Чехословакии, Германской Демократической Республики и других социалистических стран для государственных и частно-бирманских предприятий [10].

За годы независимости в Бирме уже построено или ведется строительство ряда государственных промышленных предприятий, в том числе таких важных объектов, как гидроэлектростанция на р. Балу мощностью в 84 тыс. квт; металлургический завод под Рангуном производительностью

[9] «New Times of Burma», 12 декабря 1954 г.
[10] «New Times of Burma», 12 июня 1955 г.

20 тыс. тонн проката в год; нефтеочистительный завод в Стриаме; фармацевтический завод и джутовая фабрика в Рангуне, чайная фабрика в Мандалае, сахарные заводы в Намти и Пьинмане.

За истекшее десятилетие заметно вырос общий объем валовой продукции. Если принять за 100 уровень 1938/39 г., то в 1946/47 г. он составил всего 61, в 1955/56 г.— 90, а в 1956/57 г. (оценка) — 95 [11]. Этот рост достигается пока в основном за счет увеличения сельскохозяйственного производства. Из общей стоимости валовой продукции в 4430 млн. джа в 1955/56 г. 2081 млн. джа составляла продукция сельского и лесного хозяйства, рыболовства и рисоочистительных предприятий [12]. В 1956/57 г. (оценка) она соответственно составит 4690 и 2185 млн. джа [13].

На пути создания национальной промышленности стоят еще немалые трудности. Государство не располагает всем необходимым для строительства новых промышленных объектов. Не хватает средств, нет достаточного количества инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Перечисленные выше государственные предприятия строятся и оборудуются иностранными компаниями — главным образом английскими, японскими, западногерманскими [14]. Четырехлетний план предполагает еще более широкое привлечение иностранного капитала, особенно в горнодобывающей и нефтедобывающей промышленности. Позиции иностранного, преимущественно английского, капиталла в этих отраслях промышленности еще весьма прочны, хотя и подверглись некоторым изменениям. Так, были созданы две смешанные компании: «Бирма Корпорейшн Лимитед» (1951 г.) и «Бирма Ойл Компани» (1954 г.). В последней бирманскому государству принадлежит всего лишь 1/3 общего количества акций. Английские монополии по-прежнему продолжают получать большие прибыли.

Как подчеркивают сами бирманцы, господство английских монополий в горнодобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности является серьезным препятствием для восстановления и развития этих отраслей бирманской экономики [15].

Независимая Бирма добилась некоторых успехов и в восстановлении сельского хозяйства: в 1955/56 хозяйственном году общий индекс сельскохозяйственного производства составил 81 по сравнению с последним довоенным годом (1938/39 г. = 100) [16]. В 1956/57 хозяйственном году он должен составить 89 (оценка) [17]. За десять лет независимости стали использоваться многие заброшенные в годы войны земли. В 1955/56 г. обрабатывалось 86% всех возделывавшихся до войны земель, в 1956/57 г. (оценка) — 88% [18]. Площади под некоторыми культурами (сахарный тростник, табак) превышают довоенные.

Принимаются меры к повышению урожайности сельскохозяйственных культур. С этой целью намечено и частично осуществляется улучшение существующих ирригационных систем и их дальнейшее расширение. Начато комплексное изучение почв и классификация их пригодности под различные культуры. В этом Бирме оказывают дружественную помощь и советские ученые-почвоведы, прибывшие в страну в конце 1956 г. по просьбе бирманского правительства.

---

[11] «Economic survey of Burma». Rangoon, 1957, p. 3 (в дальнейшем «ESB»).
[12] Подсчитано по данным «ESB», стр. 3.
[13] Там же.
[14] Английские фирмы строят джутовую фабрику, фармацевтический, сахарный заводы и т. д., японские — гидроэлектростанцию на р. Балу, западногерманские — металлургический завод.
[15] *Такин Кодо Хмаинг.* Указ. статья стр. 6.
[16] «ESB», стр. 15.
[17] Там же.
[18] Там же, стр. 11.

Сельское хозяйство занимает центральное место в проекте четырехлетнего плана развития. Ведущей культурой по-прежнему остается рис. Предполагается, что посевные площади под рисом к 1960 г. будут расширены на 5 млн. акров. Это увеличение равно почти половине площади рисовых полей, засеянных в 1955/56 хозяйственном году. Будут расширены посевные площади и под другими культурами, особенно техническими (сахарный тростник, табак, чай и т. д.).

Осуществление намеченных мероприятий даст возможность изменить монокультурный характер сельскохозяйственного производства и тем самым обеспечить потребности страны в различных продуктах питания. Условия для этого имеются: в Бирме на одного человека приходится столько же пригодной для обработки земли, сколько на двух человек в Индии, Пакистане, на Цейлоне и на 10 человек в Японии [19].

В поднятии сельскохозяйственного производства решающую роль должно сыграть проведение в жизнь земельной реформы. Правительство Бирмы в 1948 г. приняло закон о национализации крупного землевладения и обеспечении землей мелких производителей. В 1953 г. в развитие этого закона, не осуществленного по ряду причин, был принят новый закон о национализации крупного землевладения за выкуп и распределении этих земель среди мелких арендаторов, малоземельных и безземельных крестьян в индивидуальном порядке или через сельскохозяйственные кооперативы. Национализации подлежат 6,2 млн. акров из 19,9 млн. акров обрабатываемых земель [20].

Закон о национализации земли ограничивает размер частного землевладения в рисопроизводящих районах пятьюдесятью акрами. Он предусматривает обеспечение мелких сельских производителей земельными наделами в размере 5 акров на хозяйство.

Проведение земельной реформы должно повлечь за собой изменение в социальных отношениях и неизбежно усилить классовое расслоение крестьянства. Уже сейчас обострилась классовая борьба в бирманской деревне. Но намеченная программа национализации земли пока осуществляется медленно.

На состоявшейся в июле 1957 г. в Рангуне специальной конференции по национализации земли премьер-министр У Ну сообщил, что до настоящего времени национализировано 1 156 442 акра земли. Землю получили 141 132 крестьянских хозяйства, или — по 4,4 акра земли в среднем на каждое хозяйство [21]. Таким образом, за четыре с половиной года действия закона 1953 г. план национализации и распределения земли выполнен на 20 процентов [22]. По заявлению У Ну правительство предпринимает меры для ускорения национализации земли и развития сельскохозяйственного производства в целом. В частности, будет введено ограничение на продажу и передачу в аренду земли крестьянами [23].

Более широкое развитие получит кооперативное движение. По официальным данным на 1 июля 1956 г., в Бирме насчитывалось 13 149 кооперативов всех типов, в том числе 6549 сбытовых сельскохозяйственных, 4525 потребительских, 900 рыболовецких и 206 промысловых кооперативов [24]. Государство помогает кооперативам, предоставляя им на льготных

---

[19] «Пидота — Новая Бирма», стр. 34.
[20] «Правда», 25 июля 1957 г.
[21] Там же.
[22] 1 акр = 0,405 га.
[23] До сего времени полученные по реформе наделы земельные и малоземельные крестьяне могли полностью продавать или передавать сельскохозяйственным кооперативам.
[24] «Burma» (Юбил. номер). Rangoon, 1957, p. 172.

условиях кредиты, сельскохозяйственный инвентарь, химические удобрения. Кооперативное движение облегчает государству контроль над мелкими производителями города и деревни, подрывает позиции ростовщиков и других спекулянтов в городе и деревне и со временем может укрепить позиции государственного сектора во всех сферах экономической жизни страны.

Десять лет независимой жизни Бирмы ознаменованы серьезными достижениями в развитии национальной культуры. За короткий срок в этой области сделано больше, чем за 62 года безраздельного господства колонизаторов. Только в течение 1952—1956 гг. было открыто 112 государственных средних школ, 343 неполных средних, 6891 начальная школа. Число учащихся во всех школах за эти годы выросло на 1 239 878 человек. Кроме государственных школ, в 1955/56 учебном году функционировали 614 частных школ [25]. За годы независимости значительно увеличилось число студентов Рангунского университета и его филиалов в Мандалае и Моулмейне. Налаживается подготовка учителей для средних и начальных школ, агрономов для сельского хозяйства и специалистов средней квалификации для национальной промышленности.

Успешному продвижению Бирмы по пути независимости в значительной мере способствует миролюбивая, антиколониальная внешняя политика ее правительства. Общественность Бирмы горячо поддержала отказ своего правительства от участия в агрессивном блоке СЕАТО. В сентябре 1955 г. бирманский парламент единогласно одобрил резолюцию, внесенную Рабоче-крестьянской партией Бирмы, с требованием, чтобы Бирма не вступала в СЕАТО.

Бирма одной из первых присоединилась к провозглашенным премьер-министрами Индии и Китая пяти принципам мирного сосуществования и явилась одним из инициаторов созыва исторической Бандунгской конференции. На основе пяти принципов Бирма установила прочные дружественные отношения со многими миролюбивыми странами Азии, Африки и Европы, в том числе с СССР, с Народным Китаем и другими социалистическими странами.

Советский Союз издавна пользуется горячей симпатией народов Бирмы. «Для народов Азии,— писал недавно премьер-министр Бирманского Союза У Ну, — победа Октябрьской революции означала ускорение процесса их пробуждения к свободе. Она возбудила надежду там, где ее не существовало; там же, где надежда была, она вливала новые силы в ряды освободительного движения. В Бирме, как и в других азиатских странах, Октябрьская революция в России дала мощный толчок нашей борьбе за свободу; она упрочила нашу решимость претворить в нашей общественной организации идеалы социальной справедливости, равенства и свободы» [26]. В свою очередь народы Советского Союза с величайшим сочувствием относились к борьбе народов Бирмы за свою независимость.

Дружеские связи между Бирманским Союзом и СССР успешно развиваются и становятся все более тесными. 1 июля 1955 г. были подписаны торговое соглашение между СССР и Бирмой, а также протокол о закупке Советским Союзом бирманского риса и о покупках Бирмой советских машин, оборудования и других товаров. В последующие годы эти соглашения дополнялись и расширялись. Торговля между обеими странами развивается на началах равноправия и взаимной выгоды. На таких же равноправных и взаимновыгодных условиях Бирмой установлены экономические и торговые связи с Китайской Народной Республикой, Чехословакией, ГДР, Венгрией, Польшей и другими демократическими странами.

[25] Подсчитано по данным журн. «Burma», 1957, т. VII, № 2, стр. 97.
[26] «Международная жизнь», 1957, № 11, стр. 73.

Яркой страницей в истории бирмано-советских отношений явилось посещение Советского Союза премьер-министром Бирмы У Ну и последовавший за тем визит дружбы Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева в Бирманский Союз. Личные контакты руководящих государственных деятелей стали большим политическим событием. Во время этих встреч была подтверждена общность взглядов в коренном вопросе современной международной жизни — в вопросе о сохранении и упрочении всеобщего мира и национальной независимости всех государств. В 1956 г. личные контакты государственных деятелей были продолжены посещением Бирмы А. И. Микояном, а в 1957 г.— визитом в СССР заместителя премьер-министра Бирманского Союза У Чжо Нейна. Летом 1957 г. Советский Союз посетила делегация парламента Бирмы. В начале 1958 г. Бирманский Союз посетила с ответным визитом делегация Верховного Совета СССР, возглавляемая заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. П. Тарасовым. Делегация приняла участие в торжествах, посвященных 10-летию независимости Бирмы. Все эти контакты, а также осуществляемый в последние годы широкий обмен культурными, научно-техническими и другими делегациями, способствовали дальнейшему укреплению и расширению дружественных политических, экономических, научных и культурных связей между СССР и Бирмой.

За десять лет независимости Бирманский Союз добился заметных успехов в своем политическом развитии, в экономической и культурной жизни. Эти успехи глубоко радуют советских людей, которые с горячей симпатией следят за строительством новой жизни народов Бирмы.

Советский народ искренно желает бирманскому народу еще больших успехов на пути упрочения своего суверенитета и достижения экономической независимости.

П-20310
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

Л. А. ГОРДОН

История борьбы рабочего класса Индии уже давно привлекает к себе внимание советских историков и экономистов. Однако большая часть опубликованных до настоящего времени работ относится к истории рабочего движения. Что же касается экономического положения пролетариата, оно исследовалось значительно реже. Между тем анализ особенностей эксплуатации и положения рабочего класса в колониальных условиях необходим для правильного понимания характера и истории рабочего движения в Индии.

В данной статье рассматриваются условия труда и жизни бомбейских рабочих в период между двумя мировыми войнами. Бомбей в это время являлся крупнейшим промышленным центром страны. Профессиональный состав рабочих города определялся колониальным характером экономики, при которой значительное развитие в Бомбее получили лишь текстильная промышленность, портовое и железнодорожное хозяйство. Текстильщики, насчитывавшие в своих рядах более 150 тыс. человек, являлись ведущей силой бомбейского пролетариата. Свыше 10 тыс. докеров, механиков было занято в порту, с которым были связаны также несколько десятков тысяч матросов судов, приписанных к Бомбею. Развитие металлообрабатывающей промышленности, как и везде в Индии, искусственно сдерживалось колониальными властями. Поэтому численность металлистов была крайне невелика — всего около 30 тыс. человек, из которых лишь 10—15 тыс. рабочих были сосредоточены в крупных железнодорожных мастерских. Наконец, примерно 150—200 тыс. человек трудились в качестве кули, разнорабочих, носильщиков, прислуги и т. д.[1] Почти полумиллионная численность пролетариата, его характерная структура, всеиндийское значение героической борьбы бомбейских рабочих — все это помогает выяснить на примере Бомбея некоторые основные особенности эксплуатации фабрично-заводского пролетариата, типичные для всей Индии. Особенности эти определялись колониальной структурой индийской экономики.

Империалистический гнет и засилье феодальных пережитков порождали в стране огромное аграрное перенаселение. В то же время колониальный режим всячески тормозил развитие промышленности. Аграрное перенаселение, охватывавшее десятки миллионов людей, превращалось в этих условиях в своеобразную форму постоянно растущей промышленной резервной армии. В 20—30-х годах кадры бомбейского пролетариата пополнялись за счет выходцев из различных частей Бомбейского президентства и частично Соединенных Провинций [2]. Рабочим Бомбея противостояла многомиллионная армия аграрного перенаселения маратской, гуджаратской и, отчасти, хиндустанской деревни. Еще больше осложняли положение особенности рынка труда в самом индийском городе. Из деревни в города шли миллионы разоренных крестьян, превращенных в пауперов. Лишь часть из них могла найти работу в промышленности. Остальные же перебивались случайными заработками, поденщиной. Это были кули, специфическая прослойка населения колониального города. Кули, являвшиеся по существу полупролетариями-полупауперами, соглашались на любые условия труда, лишь бы получить работу на фабрике. В таком же положении находилось большинство рабочих мануфактур, мелких мастерских и т. п. Кули и рабочие, живущие случайными заработками, создавали резервную промышленную армию непосредственно у ворот фабрики. Эта часть относительного перенаселения составляла около половины всего пролетарского населения Бомбея.

Огромные размеры относительного перенаселения — характерная особенность, присущая только колониальной экономике. В развитых капиталистических странах промышленная резервная армия составляет обычно лишь более или менее значительную долю индустриального пролетариата. В Индии же относительное аграрное перенаселение, включавшее миллионы безземельных крестьян, пауперов, батраков и т. п., буквально в десятки раз превышало сравнительно немногочисленный фабрично-заводской пролетариат. Помимо этого, в самом городе за спиной каждого работающего на фабрике стоял безработный или полубезработный. Такое соотношение активной части промышленной армии и относительного перенаселения сказывалось на положении рабочего класса и, прежде всего, на основном социальном отношении капиталистического производства — продаже рабочей силы пролетарием и присвоении прибавочной стоимости капиталистом. Теоретической «нормой» этого отношения является возмещение рабочему полной стоимости его рабочей силы, т. е. средств, необходимых для нормального существования рабочего и его семьи. На деле пролетариат почти никогда не получает заработную плату, соответствующую действительной стоимости его рабочей силы. Однако в развитых капиталистических странах буржуазия вынуждена обеспечивать большинству рабочих по крайней мере физически необходимый минимум средств существования (причем не только для самого рабочего, но и для его семьи). Иначе складывалось положение рабочего класса в колониальной Индии. Громадное относительное перенаселение приводило к тому, что пополнение пролетариата совершалось не только за счет естественного воспроизводства рабочего класса, но в значительной степени за счет постоянно растущей промышленной резервной армии, имеющей своим источником громадное аграрное перенаселение. Поэтому создавалась возможность ограничить заработную плату физическим минимумом лишь самого рабочего, а не всей его семьи. Террористический режим диктатуры колониальных властей, подавлявший борьбу пролетариата за улучшение своего положения, а также неравноправное и экономически более слабое положение индийской промышленности в конкурентной борьбе содействовали превра-

[1] Численность рабочего класса в Бомбее определена по материалам «Census of India, 1921», vol. IX, part I—II. Bombay, 1922; «Census of India, 1931», vol. IX. Bombay, 1933; «Royal commision on labour in India. Evidence, vol. I, part I. Bombay Presidency (including Sind). Written evidence». London, 1931 (в дальнейшем—RCLI); «Labour Gazette». Bombay, за 1921—1938 гг.

[2] Об этом убедительно свидетельствуют данные переписей 1921 и 1931 гг. о месте рождения большинства бомбейских рабочих.

щению этой возможности в закономерность. Иными словами, если в развитых капиталистических странах заработная плата опускается несколько ниже стоимости рабочей силы, то в колониальной Индии закономерностью стала постоянная продажа рабочей силы во много раз ниже стоимости.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить прожиточный минимум рабочей семьи с действительными заработками бомбейских рабочих. Правда, подобный прожиточный минимум не отражает точных размеров стоимости рабочей силы. Однако будучи рассчитан организациями, далекими от пролетариата, он во всяком случае не превышает ее действительных границ. Следовательно, сопоставление заработной платы с официальным прожиточным минимумом (а не с полной стоимостью рабочей силы) может лишь подчеркнуть достоверность общего вывода.

Наиболее обстоятельные расчеты прожиточного минимума для рабочих семей в Бомбее были сделаны в 1937—1938 гг. Комитетом по изучению условий труда в текстильной промышленности. Согласно этим подсчетам, необходимые расходы, которые могли обеспечить рабочей семье из четырех человек (муж, жена и двое детей) более или менее нормальное существование, составляли в 30-х годах не менее 50 — 55 рупий в месяц[3]. Учитывая изменения цен, соответствующую сумму для 20-х годов следует повысить до 75—80 рупий[4].

В сопоставлении с цифрами прожиточного минимума данные о заработной плате убедительно свидетельствуют о разительном несоответствии цены и стоимости рабочей силы в Индии. Заработок бомбейских текстильщиков характеризуется официальными переписями заработной платы 1921, 1923 и 1926 гг. Их основные выводы были воспроизведены позднее в материалах Королевской комиссии по труду в Индии (так называемой комиссии Уитли). Номинальная заработная плата и количество рабочих с 1921 по 1926 г. существенно не менялась, и потому каждая из переписей может быть использована для характеристики всего периода[5]. По этим данным средняя заработная плата бомбейских текстильщиков составляла в 1926 г. 30 рупий 10 ана в месяц[6] (37 рупий 10 ана 2 пайсы у мужчин и 17 рупий 12 ана 2 пайсы у женщин)[7]. Таким образом, даже текстильщики, т. е. квалифицированные и относительно лучше оплачиваемые рабочие, зарабатывали в 2—4 раза меньше прожиточного минимума. Они получали, следовательно, менее $^1/_2$—$^1/_4$ стоимости своей рабочей силы.

[3] «Textile labour enquiry committee. Final report», 1940, p. 74, 77—78. См. также *K. N. Srivastava*. Industrial peace and labour in India. Allahabad, 1954, p. 172; *V. D. Chopra*. Principles of minimum wages. «New age». Political monthly of Communist party, October 1956, p. 53.

Следует заметить, что указанный прожиточный минимум довольно близок к полной стоимости рабочей силы. Как отмечает политический журнал индийских коммунистов, прожиточный минимум 1937—1938 гг. обеспечил бы рабочим «не только физически необходимые средства существования, но и некоторые возможности для развлечений, образования и соблюдения норм гигиены» (*V.D. Chopra*. Указ. соч., стр. 55). Наши подсчеты необходимых расходов рабочей семьи, которые поддаются нормированию (питание, одежда, квартплата), также подтверждают достоверный характер выводов Комитета. Прожиточный минимум 1937—1938 гг. дает поэтому известное представление о стоимости рабочей силы.

[4] Индекс стоимости жизни промышленных рабочих Бомбея публиковался в каждом номере «Labour gazette». В 1937—1939 гг. он составлял 106 пунктов, в 1923—1927 гг.— 155 пунктов (1914=100). Возможная неточность, связанная с использованием одного и того же состава прожиточного минимума на протяжении 10—20 лет, вряд ли будет слишком велика. Об этом же говорит и приблизительно одинаковая структура расходов в рабочих бюджетах этого периода, что подтверждается обследованиями 1921/22, 1925, 1926, 1930, 1932/33, 1944/45 гг.

[5] В дальнейшем часто используется перепись 1921 г. для характеристики заработной платы в последующие годы.

[6] «Положение рабочего класса в Индии. Из материалов Королевской комиссии по рабочему вопросу в Индии». М., 1936, стр. 179 (в дальнейшем — ПРКИ).

[7] ПРКИ, стр. 18.

Однако официальные цифры еще не дают правильного представления об уровне заработной платы. Они составлены исходя из предположения о регулярной занятости рабочего в течение месяца. Фактически же дело обстояло иначе. Отсутствие оплаченных отпусков, изнурительный характер труда, недостаточное питание ослабляли рабочих, заставляли их время от времени не выходить на работу, теряя заработок. В период между двумя мировыми войнами число таких пропусков достигало 2—3 дней в месяц у мужчин и 3—4 у женщин[8]. Бомбейские текстильщики вели героическую стачечную борьбу. В среднем на каждого рабочего цензовой промышленности города в 1921—1938 гг. приходилось 1—2 дня забастовок в месяц[9]. В подавляющем большинстве случаев эти дни не оплачивались. Разумеется, стачки приносили огромную пользу рабочему классу. Даже в чисто экономическом отношении пролетариат потерял бы значительно больше, отказавшись от столь действенного оружия классовой борьбы. Однако неоплаченные дни стачек также следует учитывать при определении действительных размеров заработной платы. Таким образом, в среднем бомбейский текстильщик в рассматриваемый период получал заработную плату не за 25—26 дней в месяц, а лишь за 20—22 дня. Следовательно, рабочие-текстильщики, средняя зарплата которых равнялась в 1926 г. 1 рупии 4 ана 8 пайса в день[10], фактически зарабатывали не более 26—27 рупий в месяц, т. е. на 10—15% меньше официальных цифр.

Таблица 1

Заработная плата текстильщиков
(по данным переписи заработков 1921 г.)*

Месячный заработок в 1921 г. (в рупиях)	Количество рабочих (в % ко всему числу текстильщиков)	Примерное соотношение заработной платы и прожиточного минимума (75—80 рупий)
Менее 15	13	1/5
15—20	23	1/4
20—30	29	1/3
30—40	21	1/2
45—50	5	1/2—2/3
Свыше 50	9	2/3 и более

* Источник: «G. F. Shirras. Report on an enquiry into the wages and hours of labour in the cotton mill industry. Labour office. Government of Bombay». Bombay, 1923, p. 38—40 (в дальнейшем—«Wages and hours [1921]»). Количество фактически оплаченных дней, как и раньше, принимается за 21.

Уже средние цифры показывают, что заработки текстильщиков ни в какой мере не соответствовали стоимости их рабочей силы. Более точное представление о заработной плате основной массы рабочих в 20-х годах дают материалы переписи заработков 1921 г. (см. табл. 1).

Соотношение цены и стоимости рабочей силы не изменилось существенно и в 30-х годах. Правда, прожиточный минимум снизился до 50—55 рупий в месяц, но одновременно была урезана и заработная плата. К тому же за эти годы имела место значительная интенсификация труда в текстильной промышленности.

Что касается средних цифр для этого периода, то они могут быть легко выведены из данных о ежедневных заработках текстильщиков.

[8] RCLI, p. 305—306; «General wage census», part I. Perennial factories. Third report. Report on wages, hours of work and conditions of employment in the textile industries. May 1934. Labour office. Government of Bombay. Bombay, 1937, p. 141 (в дальнейшем — «General wage census, 1934», Part I, 3-rd report).

[9] «Labour gazette». Bombay, April 1940, p. 724.

[10] «Report of the textile labour enquiry committee». Bombay, 1938, p. 24—25.

Последние равнялись в 1937 г. 15 ана 5 пайса[11]. При 21 оплаченном рабочем дне это составит около 20 рупий в месяц. Более детальную картину рисует всеобщая перепись заработков 1934 г. (см. табл. 2).

Следовательно, и в середине 30-х годов, как и в предыдущем десятилетии, заработная плата текстильщиков была в несколько раз ниже стоимости их рабочей силы.

Такой же характер носила оплата труда и в других отраслях бомбейской промышленности. Даже у металлистов и рабочих железнодорожных мастерских, находившихся в несколько лучших условиях, средний заработок в 30-х годах равнялся примерно 41 рупии в месяц[12]. При этом для металлистов средние цифры особенно малопоказательны. В составе этой группы рабочих имелось сравнительно небольшое число высококвалифицированных механиков, слесарей, машинистов, кузнецов, получавших 50—55 рупий. Но в нее же входили многие тысячи кули, чернорабочих, подсобных рабочих, токарей и машинистов менее высоких разрядов, заработки которых колебались в пределах от 15 до 25 рупий в месяц[13]. Еще ниже оплачивался труд портовых рабочих. По данным обследования 1933—1934 гг., грузчики портового треста получали от 1 рупии 4 ана до 2 рупий в день. Число же рабочих дней у них не превышало 12—15 в месяц[14]. Эта категория рабочих получала в среднем не более $^1/_5$—$^1/_3$ стоимости своей рабочей силы. Наиболее низкой была заработная плата случайных рабочих, кули, поденщиков, которых в колониальном Бомбее насчитывалось десятки тысяч. Пределом их заработков было 20 рупий в месяц. В большинстве случаев они получали еще меньше, перебиваясь нерегулярной работой и зарабатывая не более 12 ана в день[15].

Таблица 2

Заработная плата текстильщиков
(по данным переписи заработков 1934 г.)*

Месячный заработок в 1934 г. (в рупиях)	Количество рабочих, получающих данный заработок (в % ко всему числу рабочих	Примерное соотношение заработной платы и прожиточного минимума (50—55 рупий)
Менее 15	23	1/4
15—20	31	1/3
20—30	30	1/2
30—43	8	1/2—3/4
Свыше 43	6	3/4 и более

* Источник: «General wage census, 1934», part. I, 3-rd report, p. 149—155. В переписи заработков 1934 г. отсутствует сводная группировка рабочих по величине заработной платы. Таблица составлена нами на основе тщательного подсчета данных о заработках рабочих по профессиям.

Таким образом, характеристика заработной платы бомбейских рабочих показывает ее полное несоответствие самому скромному прожиточному минимуму. Иными словами, продажа рабочей силы во много раз ниже стоимости становилась постоянной закономерностью. В этом состояла главная особенность эксплуатации рабочего класса в колониальной Индии. Заработная плата, составлявшая едва лишь треть прожиточного минимума, обрекала рабочий класс на муки хронического голода. «Миллионы и миллионы мужчин, женщин и детей, — писали делегаты английских тред-

[11] Report of the textile labour enquiry committee. Bombay, 1938, p. 24—25.
[12] «General wage census». Report on wages, hours of work and conditions of employment in the engineering industry in the Bombay presidency (excluding Sind), part I, first report, May 1934. Bombay, 1935, p. 94.
[13] Там же, стр. 86—88.
Следует указать также, что при определении заработной платы металлистов не учтены дни забастовок.
[14] *R. P. Cholia*. Dock labourers in Bombay. Calcutta — Bombay, 1941, p. 34 (Обследование фактически проводилось в 1933—1934 гг.).
[15] ПРКИ, стр. 22.

юнионов о положении рабочего класса в Индии,— получают лишь половину, а зачастую даже менее половины минимально необходимого количества пищи[16]. В отчете другой профсоюзной делегации говорилось: «Квалифицированные рабочие голодают. Большинство взрослых рабочих мужчин не в состоянии прокормить себя и семью на получаемую зарплату»[17].

Таблица 3

Питание бомбейского рабочего
(в граммах)*

Продукты	Питание бомбейского рабочего	Рацион заключенного на легкой работе	Рацион заключенного на тяжелой работе	Научно обоснованные нормы питания промышленных рабочих в Индии
Зерновые	585,14	625,97	680,40	400
Стручковые	40,82	95,26	122,47	100
Мясо	13,61	18,14	18,14	100
Жиры	9,07	13,61	13,61	50
Овощи и фрукты	31,75			320
Молоко				250
Яйца				1—2 шт.

* Источники: Сопоставление питания бомбейских рабочих и заключенных приводится в «Report on an enquiry into working class budgets in Bombay [1921—1922]». Bombay, 1923, p. 19—20 (в дальнейшем— «Working class budgets [1921—1922]»); научно обоснованные нормы заимствованы из книги *Р. Мукерджи*. Рабочий класс Индии. М., 1952, стр. 201.

Подавляющая масса пролетариев Бомбея потребляла значительно меньше пищи, чем этого требуют физические нормы. Более того, уровень их потребления был даже ниже, чем у заключенных в тюрьмах (см. таблицу 3).

Столь же ужасны были и жилищные условия рабочих. Жилищная проблема в колониальном Бомбее носила остро социальный характер. 34 % населения — имущие слои города — жили в квартирах из 2—3 комнат и более. Еще 30% семей занимали однокомнатные помещения, но при этом в комнате проживало менее 4 — 5 человек. Зато среди оставшихся 36% населения на каждую комнату приходилось свыше 6 жильцов. Эта группа охватывала примерно 384 тыс. человек, т. е. основную массу городских рабочих. Из них 237 тыс. жило в квартирах, где на каждую комнату приходилось от 6 до 9 человек, 116 тыс.— в комнатах с 10—19 жильцами и 31 тыс. в помещениях, в каждом из которых ютилось более 20 человек[18]. Члены немецкой профсоюзной делегации, посетившей Индию, отмечали: «помещения тюрем во владениях махараджи Джайпура... во всех отношениях лучше, здоровее и приличнее, нежели любое из пролетарских жилищ страны»[19]. Бомбейский рабочий питался хуже и жил хуже, чем каторжник в тюрьме. Рабочие стояли перед угрозой физического вымирания.

Несоответствие цены и стоимости рабочей силы было главной, но не

[16] *A. A. Purcell, J. Hallsworth*. Report on labour conditions in India. London, 1928, p. 10.
[17] «За партию». Ташкент, 1928, № 8, стр. 24.
[18] «Labour gazette». Bombay, October 1922, p. 15; *A. A. Purcell, J. Hallsworth*. Указ. соч., стр. 9.
[19] *K. Schrader, F. J. Furtwängler*. Das werktätige Indien. Berlin, 1928, S. 205.

единственной особенностью эксплуатации пролетариата в Индии. Для колониальных условий чрезвычайно характерна также консервация низших форм капиталистического производства и прямых пережитков средневековья [20]. Существование многих из этих форм было тесно связано с недостаточной заработной платой.

Наиболее крупной отраслью примитивного капиталистического производства в Бомбее в рассматриваемый период были мастерские по изготовлению биди (сорт сигарет) [21]. Всего в городе насчитывалось, по данным, относящимся к 30-м гг., 750 мастерских по изготовлению биди, где официально числилось около 20 тыс. рабочих [22]. Значительную часть их составляли женщины и дети[23]. Впрочем, официальные списки занятых в производстве биди рабочих мало показательны, так как здесь очень широко применялся труд не только самого рабочего, но и членов его семьи.

В отчете специального комитета, обследовавшего положение мастерских, говорится: «Обычно работницы приводят своих детей, помогающих им при утомительной нарезке (табака или обертки.— *Л. Г.*). Они не значатся в списках и на вопросы отвечают, что находятся здесь только потому, что принесли обед матерям»[24]. Бывали случаи, когда в мастерских работали даже пятилетние дети [25]. Но и при этих условиях женщины в мастерских биди могли заработать не более 15 рупий в месяц [26]. Эксплуатация в мастерских биди усугублялась тяжелыми условиями труда. Рабочий день обычно продолжался не менее 12 часов. Регулярные перерывы на обед и дни отдыха не существовали [27]. Что касается санитарных условий в мастерских, то они, по определению комитета, «не поддаются описанию. Это темные, грязные помещения с небольшими окнами, если таковые вообще имеются; подходы к ним находятся в чрезвычайно антисанитарном состоянии. Здесь так много рабочих — мужчин, женщин, зачастую и детей, что буквально негде пройти» [28].

Производство биди было не единственной отраслью примитивного капиталистического производства в Бомбее. Характерна также домашняя работа в спичечной промышленности. В городе имелось 7 крупных спичечных фабрик с современным оборудованием. Однако на этих фабриках производилась лишь часть операций (изготовление самих спичек, подготовка полуфабрикатов для коробок). Остальное раздавалось на дом. «Фабрики, — отмечается в отчете бомбейского тарифного бюро за 1928 г. — приготовляют фанеру и бумагу, которые затем раздаются на дом рабочим. Здесь из них изготовляют спичечные коробки, главным образом трудом

[20] Недостаток места не позволяет нам осветить такие стороны положения рабочего класса, как значительно более высокая, чем в Европе и Америке, продолжительность рабочего дня, антисанитарное состояние предприятий, отсутствие техники безопасности и т. п.

[21] Размеры этих мастерских различны — от мелких лавок с 1—2 рабочими до крупных мастерских с несколькими десятками рабочих.

[22] «India. Labour investigation committee. Report on an enquiry into conditions of labour in the bidi, cigar and cigarette industries». Delhi, 1946, p. 16 (в дальнейшем—«Labour investigation committee. Bidi industry»); «Labour gazette». Bombay, October 1935, p. 126—127.

[23] «Report of the Royal Commisson on Labour in India. June 1931». London, 1931, p. 214.

[24] «Labour investigation committee. Bidi industry», p. 16—17.

[25] ПРКИ, стр. 52.

[26] «Labour gazette». Bombay, October 1935, p. 129. В большинстве случаев рабочий получал 1 рупию 4 ана за 1000 штук биди. 4 ана уходило на обертку и клей, которые покупал сам рабочий. Искусный мастер изготовлял за день 600—700 штук биди. Число рабочих дней, по официальным данным, не превышало 20 в месяц.

[27] «Labour gazette». Bombay, October 1935, p. 129; ПРКИ, стр. 52.

[28] «Labour investigation committee. Bidi industry», p. 20.

женщин и детей»[29]. Оплата труда в этом производстве еще более низкая, чем в мастерских биди. Надомницы в спичечной промышленности зарабатывали в 20-е гг. в лучшем случае 6—7 рупий в месяц [30].

Общие закономерности, обрекающие семьи рабочих на труд в «потогонных» отраслях примитивного капиталистического производства, выступают здесь чрезвычайно отчетливо. «Работа,—говорится в упомянутом отчете,—обычно выполняется женщинами с помощью детей. Мужчины также часто участвуют в ней, когда они не полный день заняты на фабрике или даже по возвращении домой после рабочего дня. Работа обычно начинается рано утром и продолжается до поздней ночи»[31]. Рабочий получает $^1/_5$—$^1/_2$ стоимости рабочей силы и не может прокормить семью, хотя бы впроголодь. Поэтому в то время, как он работает на фабрике, его жена и дети вынуждены за гроши трудиться в мастерской или дома, не имея возможности ни отказаться от заработка, ни получить работу в цензовой промышленности.

Неполная оплата стоимости рабочей силы, невозможность свести концы с концами, влекли за собой также повсеместное развитие ростовщичества. Возникновение задолженности вследствие недостаточной заработной платы отмечается многими источниками. Так, например, обследование рабочих бюджетов в Бомбее, проводившееся в 1932—1933 гг., показало, что 18% всех долгов были вызваны расходами на повседневные нужды и на питание и 67% — чрезвычайными, но необходимыми затратами, связанными с болезнями, свадьбами, похоронами, безработицей [32]. Долги имело большинство рабочих. Характеризуя положение по Индии в целом, составители отчета комиссии Уитли писали: «Вычислено, что число семейств или отдельных рабочих, обремененных долгами, составляет в большинстве промышленных центров не менее двух третей их общего числа» [33]. О размерах долгов в этом отчете говорилось следующее: «Сумма долга в огромном большинстве случаев и иногда очень значительно превышает трехмесячный заработок рабочего. В сумму долга мы не включаем при этом долгов по месячным закупкам, которые обычно делаются в кредит»[34]. В годы кризиса, как показывает обследование 1932—1938 гг., размеры долгов в Бомбее еще более возросли.

Что касается величины процента, то господствующая ставка составляла «ану на рупию» в месяц, или 75% в год. В отчете комиссии Уитли указывалось: «Долг размером хотя бы в четверть годового заработка составляет уже тяжелое бремя, особенно для человека, всего дохода которого едва хватает на удовлетворение самых насущных нужд. Но бремя это еще увеличивается сверх всякой меры огромными процентами, которые приходится платить. Обычный размер взимаемых процентов — „одна ана на рупию“, т. е. одна ана с каждой занятой рупии. Это составляет 75% годовых, не считая сложных процентов. Для человека, имеющего долг хотя бы в размере 3-месячного содержания, „ана с рупии“ означает ежемесячную уплату почти 20 процентов жалования только по процентам, не считая погашения самого долга» [35]. Следует заметить, что нередко встречались случаи еще более высоких процентов — до 150 — 300% годовых [36].

[29] «Labour gazette». Bombay, June 1933, p. 745.

[30] Там же, стр. 754—755.

[31] Там же, стр. 755.

[32] «Report on an enquiry into working class family budgets in Bombay City [1932—1933]». Bombay, 1935, p. 32 (в дальнейшем—«Working class budgets, [1932—1933]»

[33] ПРКИ, стр. 26.

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] RCLI, p. 443.

Приведенные выше материалы показывают, что ростовщики отнимали у пролетариата в целом свыше 10% его заработной платы [37].

К числу важных особенностей эксплуатации пролетариата в Индии принадлежало также использование капиталом религиозно-кастовых пережитков для дополнительного угнетения наиболее приниженной части рабочих — выходцев из низших каст и неприкасаемых. Текстильная промышленность дает яркий пример такого использования сословно-кастовых пережитков (см. табл. 4).

Таблица 4

Заработки и религиозно-кастовая принадлежность рабочих *

	Цех	Ежедневный заработок большинства рабочих	Религиозно-кастовая принадлежность основной массы рабочих
Относительно лучше оплачиваемые профессии	Механический цех	2 рупии и выше	Маратхи и кунби из Конкана
	Ткацкий цех	1 рупия 7 ана — 2 рупии	Мусульмане-джулаха, мусульмане-зола, маратхи из Конкана и Декана
Среднеоплачиваемые профессии	Прядильные цеха	12 ана — 1 рупия 7 ана	Маратхи и кунби из Конкана и Декана, махары, манги, бхайя-пардеши и другие неприкасаемые
Наиболее низко оплачиваемые профессии	Чесальный цех	13 ана — 1 рупия	Махары, манги, бхайя и другие неприкасаемые
	Трепальный цех	15 ана	Бхайя-пардеши
	Кули	14—15 ана	Махары, моши, чамары из Декана
	Уборщицы, мусорщики, чистильщики	10—14 ана	Дхеды, махары и другие неприкасаемые

* Источники: Заработки приводятся по данным «Wages and hours, 1921», p. 23—24. Кастовый состав отдельных цехов суммирован по «Gazetteer of Bombay City and Island». Bombay, 1907 — 1909, vol. I, p. 207; RCLI, p. 428, 454; «Census of India, 1931», vol. IX, p. 184—193.

При изучении положения рабочего класса в Индии следует иметь в виду национально-расовую дискриминацию индийских рабочих. В Бомбее имелась крайне узкая прослойка высококвалифицированных английских рабочих — ткачей, прядильщиков, наладчиков, инструкторов и т. п. Эти рабочие получали около 800 рупий в месяц, бесплатную квартиру и ряд других привилегий [38]. Наиболее квалифицированные ткачи-индийцы, работавшие на автоматических станках, зарабатывали только 60—70 рупий в месяц [39]. Даже мастера и помощники мастеров из индийцев получали не более 150 рупий[40].

[37] Напомним, что долги имели по крайней мере $^2/_3$ рабочих и что они ежемесячно выплачивали ростовщикам 18—20% своей заработной платы. Это означает, что ростовщики получали 12—13% заработков всего рабочего класса.

[38] «Bombay industries: the cotton mills». Ed. by S. M. Rutnagur. Bombay, [1927], p. 291—292.

[39] «General wage census, 1934», part 1, 3-rd report, p. 149—155.

[40] Там же, стр. 86.

Колониальный характер эксплуатации индийского пролетариата особенно наглядно виден при сопоставлении с положением рабочих в развитых капиталистических странах.

Таблица 5

Условия труда рабочих-текстильщиков в Англии, США и Индии *

	Англия 1925 г.	США 1926 г.	Индия (Бомбей) 1923—1926 гг.
Длина рабочего дня	8 час.	9 час.	10 час.
Продолжительность рабочей недели	45 час.	51—55 час.	60 час.
Средний месячный заработок всех рабочих	100 рупий	213 рупий	26—27 рупий
Средний месячный заработок мужчин	137 рупий	254 рупии	31 рупия
Средний месячный заработок женщин	75 рупий	170 рупий	16 рупий
Почасовая оплата	9,2 ана	18,5 ана	2 ана
Ростовщическая эксплуатация (в % к заработной плате)	—	—	10%

* Источник: Данные о положении рабочих в Бомбее приводились выше. Условия труда английских текстильщиков характеризуются по официальному отчету об обследовании этой отрасли промышленности, опубликованному в бомбейской «Labour gazette». Bombay, July 1926, p. 1069—1071. Данные о США почерпнуты нами из «Wages and hours in American industry. National industrial conference board». New York, 1931, p. 47—58, а также «Statistical abstract of the United States, 1926». Washington, 1927. Перевод в рупии исчислен по официальным курсам.

Как видно из этого сопоставления, сравнительно с рабочими развитых капиталистических стран индийский пролетарий вынужден был трудиться значительно больше, а оплачивался его труд в несколько раз ниже.

Еще показательнее, однако, соотношение прожиточного минимума с заработками рабочих. Прожиточный минимум рабочих семей, учитывающий разный уровень потребностей пролетариата различных стран, дает известное представление об «естественных» и «нормальных» границах капиталистической эксплуатации [41]. Поэтому соотношение прожиточного минимума и фактических заработков позволяет сравнивать не только абсолютную величину эксплуатации, но и ее интенсивность. Оно показывает, так сказать, коэффициент сверхэксплуатации пролетариата. Выше уже указывалось, что заработная плата бомбейских рабочих равнялась в большинстве случаев $^1/_2$—$^1/_5$ прожиточного минимума. К этому следует добавить влияние ростовщической кабалы. Более точными показателями могут служить данные о заработной плате текстильщиков. Они достаточно характерны для всего фабрично-заводского пролетариата Бомбея. В 20-е гг. средний заработок рабочих текстильной промышленности города составлял, учитывая долю ростовщиков, не более 23—24 рупий в месяц, в середине 30-х гг. —18 рупий; прожиточный минимум соответственно равнялся 75—80 рупиям и 50—55 рупиям. Среднее соотношение прожиточного минимума и заработной платы, характерное для колони-

[41] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 320, 518. Прожиточный минимум указывает только приблизительные границы «нормальной» эксплуатации в той или иной стране. Точное представление о них может дать лишь сумма, соответствующая полной стоимости рабочей силы.

ального Бомбея, выразится в пропорции $\frac{80}{24} \approx 3{,}3$ для 20-х гг. и $\frac{55}{18} \approx 3$ для 30-х гг.

Подобного соотношения не знала в рассматриваемый период ни одна из развитых капиталистических стран. Конечно, сверхэксплуатация существует во всем капиталистическом мире, но масштаб ее в Европе и США несравним с тем, что имело место в колониальной Индии. Так, например, в США общепринятый прожиточный минимум (бюджет Геллера) составлял примерно 33 доллара в неделю [42]. Недельная заработная плата в обрабатывающей промышленности в то же время равнялась приблизительно 22 долларам [43]. Это дает отношение $\frac{33}{22} \approx 1{,}5$. В Англии прожиточный минимум определялся на основе так называемого бюджета Роунтри, средняя величина которого равнялась в предвоенные годы 54—55 шиллингам в неделю [44]. Средневзвешенный недельный заработок рабочих основных отраслей обрабатывающей промышленности составлял в те годы 44—45 шиллингов [45]. Отсюда для Англии соотношение $\frac{55}{45} \approx 1{,}2$. Наконец, в Германии до 1933 г., как показывают вычисления Ю. Кучинского, соотношение прожиточного минимума и заработной платы равнялось 1,2 — 1,6 [46].

Отношение прожиточного минимума и заработной платы в колониальной Индии может служить обобщающим показателем колониальной эксплуатации рабочего класса. Капиталистический гнет в колониальных условиях означал не только присвоение прибавочного труда рабочего, но и лишал его едва ли не большей части необходимого продукта. Иными словами, если в Европе и Америке капиталистическое угнетение обрекает пролетариат на нищету и страдания, то в колониальной Индии рабочие стояли перед непосредственной угрозой физической гибели. Свержение колониального режима становилось в буквальном смысле вопросом жизни и смерти для индийского рабочего класса. Поэтому с самого своего возникновения рабочее движение в Индии было тесно связано с общенародной антиимпериалистической борьбой. Особый размах оно приобрело после первой мировой войны под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. С этого времени рабочий класс превратился в ударную силу национально-освободительного движения. Индийский пролетариат развернул в период между двумя мировыми войнами героическую борьбу против национального и социального угнетения. Сопоставление показателей стачечной борьбы рабочих Индии, Англии и США свидетельствует о мужестве и активности индийского пролетариата (см. табл. 6).

Забастовочная борьба, несмотря на молодость индийского пролетариата и его недостаточную организованность, стояла примерно на том же уровне, что и в самых развитых капиталистических странах.

В рассматриваемый период рабочий класс Индии не стал гегемоном общенародной борьбы против колониального режима, однако его экономическая и политическая борьба имела огромное значение для дела освобождения Индии. Пролетариат наносил наиболее мощные удары по импе-

[42] «Handbook of labor statistics. 1941 Edition». United States Department of Labor. Bureau of Labor statistics, vol. I. Washington, 1942, p. 121—122.
[43] «Statistical abstract of the United States, 1939», Washington, 1940, p. 329.
[44] *J. Kuczynski*. Hunger and work. London, 1938, p. 4.
[45] *A. L. Chapman, R. Knight*. Wages and salaries in the United Kingdom 1920—1938 (Studies in the national income and expenditure of the United Kingdom, 5). Cambridge, 1953, p. 106.
[46] *Ю. Кучинский*. История условий труда в Германии. М., 1949, стр. 275.

Таблица 6

Забастовочное движение в Индии, Англии, США *

Период	Примерная численность промышленного пролетариата (в млн. чел.)			Число бастующих рабочих (в млн. чел.)			Число потерянных рабочих дней в млн.		
	Индия	Англия	США	Индия	Англия	США	Индия	Англия	США
Годы стабилизации капитализма (1923—1928 гг.)	3—4	8—10	16—18	1,7	4,4	2,7	60,6	191**	43,0
Мировой экономический кризис (1929—1933 гг.)				1,2	1,8	2,3	31,0	27,3	
Депрессия особого рода (1934—1936 гг.)				0,5	0,7	3,4	8,2	4,8	49,0

* Источники: «Statistical abstract of the Unites States», 1922—1939. Washington. 1923—40; «Statistical abstract for the United Kingdom for each of the fifteen years 1913 and 1923 to 1936». London, 1938; «Statistical abstract relating to British India from 1918—19 to 1927—28». London, 1930; «Statistical abstract for British India ... from 1927 — 28 to 1936 — 37». London, 1939; «Year book of labour statistics». International Labour Office. Geneva, 1937—1940; «The Indian year book 1941—42». Bombay and Calcutta [1942].

** В том числе 162 млн. рабочих дней было потеряно в одном только 1926 г. в результате всеобщей стачки.

риализму. Его борьба поднимала массы крестьянства, обостряла противоречия между империализмом и национальной буржуазией.

Всякий раз подъем национально-освободительного движения в период между двумя мировыми войнами имел в своей основе подъем стачечной борьбы пролетариата. В ряде случаев (например, в 1928—1929, 1934 гг.) подъем рабочего движения предшествовал развертыванию общенародной национально-освободительной борьбы. Рабочий класс своей борьбой активизировал широкие народные массы, будил их политическое сознание.

Выдающуюся роль в рабочем движении и национально-освободительной борьбе сыграл пролетариат Бомбея. Бомбейские рабочие, в особенности текстильщики, выступали в качестве боевого авангарда рабочего класса Индии.

В 1918—1929 гг. текстильщики Бомбея провели шесть всеобщих забастовок. Особенным размахом, упорством и политической остротой отличались стачки 1928—1929 гг. В 1928 г. 150 — 160 тыс. текстильщиков Бомбея бастовали в течение шести месяцев и возобновили работу только по решению стачечного комитета. Всего лишь через полгода после окончания этой стачки в апреле 1929 г. рабочие начали новую всеобщую забастовку. Она продолжалась около четырех месяцев и была подавлена зверскими репрессиями колониальных властей, провоцированием индо-мусульманских погромов, массовыми арестами руководителей стачки.

В начале 30-х гг. боевая активность бомбейских рабочих несколько ослабла, хотя и в эти годы они участвовали в ряде важных политических выступлений. Однако уже в апреле — июне 1934 г. бомбейские рабочие снова поднялись на всеобщую стачку. Замечательной чертой этой забастовки явилось то, что она впервые в Индии одновременно охватила рабочих нескольких промышленных центров. Вслед за текстильщиками Бомбея

в борьбу включились рабочие ткацких и прядильних фабрик Дели, Курлы, Шолапура, Каунпура и Нагпура. Забастовка 1934 г. явилась одним из первых шагов индийского пролетариата на пути овладения таким мощным средством классовой борьбы, как всеобщая стачка в масштабах всей страны. Важное значение имела всеобщая забастовка 7 ноября 1938 г., направленная против антирабочего законодательства.

Восемь всеобщих забастовок за 20 лет — таков итог героической борьбы бомбейского пролетариата. Политический опыт и революционные традиции межвоенного двадцатилетия помогли пролетариату Бомбея вместе с моряками индийского флота подняться в 1946 г. до высшей формы революционной борьбы — вооруженного восстания и тем самым внести важный вклад в общее дело борьбы за независимость Индии.

SUMMARY

The author of this article makes an attempt to bring out the specific features of the exploitation and the position of the working class in colonial India. The conditions of labour and the living standard of the proletariat of Bombay are taken as an example. In the author's opinion, the main feature of the exploitation of the working class under the colonial rule consisted in the inadequate payment of labour power (the minimum living wage being sevaral times higher than actual wages). Furthermore, the «worst forms of oppression» caused by the conservation of the lowest types of capitalist production, and the survivals of the Middle Ages were widespread in the industrial center of the colony. All these features greatly aggravated the conditions of the proletariat, and they account largely for the anti-imperialist trend of its struggle.

МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1908 ГОДА И АЛБАНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Н. Г. СЕНКЕВИЧ

В истории Турции начала XX в. одним из наименее исследованных является вопрос об участии нетурецких народов в революционном движении и, в частности, о роли их в подготовке и проведении младотурецкой революции 1908 г.

Настоящая статья ставит своей целью осветить одну из сторон этой большой многосторонней проблемы — участие албанского народа в революции 1908 года [1].

Своеобразие общественно-политической жизни Турции в конце XIX—начале XX в. заключалось в том, что турецкое революционное движение развивалось параллельно с более мощным освободительным движением нетурецких народов, входивших в состав Оттоманской империи.

В 1905—1907 гг. Турция испытала могучее влияние революционного подъема в России. Непосредственным откликом на русскую революцию был подъем буржуазно-демократического движения и революционной борьбы трудящихся масс.

Революционные события в России оказали особенно сильное влияние на Македонию и Албанию, в которых и до того успешно развивалось революционно-освободительное движение. На юге Албании были созданы национальные революционные комитеты, которые руководили деятельностью вооруженных отрядов — чет. В течение 1906—1907 гг. деятельность албанских чет становилась все шире и активнее.

Весной и летом 1908 г. подготовку к вооруженному выступлению в Европейской Турции начали также младотурки. К этому времени они создали в городах Македонии и Албании сеть своих организаций. Младотурецкие комитеты существовали на юге (в Охриде, Преспе, Струге, Монастыре (Битоль), Гьирокастре, Янине) и на севере (в Шкодере, Ускюбе, Феризовиче, Митровице, Призрене). Младо-

[1] Основным источником при написании данной работы послужили неопубликованные архивные материалы: документы из фонда «Политический архив» Архива внешней политики России; материалы фонда «Политический архив» Архива министерства иностранных дел Австро-Венгрии (Haus-Hof- und Staatsarchiv. Politisches Archiv. Материалы изучены в микрофильмах, хранящихся в Государственном университете в Тиране) и Государственного архива Народной Республики Албании (Arkivi i Shtetit i Republikës Popullore të Shqipërisë). Использованы также документы частного архива Атанаса Ташко—одного из участников албанского национального движения, а также албанские и турецкие мемуары Михаль Грамено, Исмаил Стразимири, Сулейман Кюльче, Ахмед Бедеви Куран.

турки не только были осведомлены о деятельности национальных албанских и македонских организаций, но в ряде случаев имели с ними близкую связь. В Гьирокастре, например, члены младотурецкого комитета являлись в то же время членами местного албанского комитета [2]. В Ускюбском вилайете в состав младотурецкого комитета входили наиболее влиятельные представители местной албанской знати, например, владелец единственной в этой области механизированной лесопильни Неджиб Драга-бей [3]. В Дибре албанский национальный комитет к 1907 г. объединился с местным комитетом младотурок и действовал согласованно с ним вплоть до революции в июле 1908 г. [4].

На севере, в Шкодере и Ускюбе, младотурецкая пропаганда имела особенный успех среди албанских солдат и офицеров. Три четверти офицерского состава в гарнизоне Ускюбского вилайета принадлежали к младотурецкой партии [5].

В начале июля русский консул в Шкодере Лобачев сообщал: «За последнее время в местном гарнизоне дисциплина серьезно пошатнулась, и младотурецкая пропаганда свила здесь прочное гнездо» [6].

Готовя революционное выступление, младотурки рассчитывали прежде всего на помощь частей Третьего армейского корпуса, а также албанских и македонских чет. И, действительно, уже в первые дни революции младотурок поддержал албанский комитет Корчи, который обратился к албанским четам с призывом присоединиться к революционным турецким отрядам. Албанский комитет Охрида также заявил о своем сочувствии революционной деятельности младотурок [7].

Командир первого революционного младотурецкого отряда Ниязи стремился завербовать себе сторонников прежде всего среди албанцев области Дибры, учитывая, что население ее, согласно местному обычаю, было поголовно вооружено. Оно могло в тот или иной момент либо оказать вооруженную помощь младотуркам, либо, напротив, выступить против них. В каждом селении Ниязи рассказывал о целях младотурецкого комитета и приводил жителей к присяге [8]. Призыв Ниязи не платить налогов и не подчиняться турецким чиновникам был с радостью подхвачен населением. Крестьяне охотно соглашались помочь революционным отрядам младотурок.

Султанское правительство, опасаясь участия албанцев в выступлении Ниязи, послало из Митровицы в Монастырь на подавление «бунта» генерала Шемси-пашу, прославившегося жестокими расправами над албанцами в 1907 г. Шемси-паша хотел использовать помощь влиятельных албанцев в районах, еще не охваченных движением. Этот план правительству осуществить, однако, не удалось, так как большая часть тех, на кого оно рассчитывало, перешла на сторону младотурок [9]. Сам Шемси-паша был убит в Монастыре младотурками.

---

[2] Архив внешней политики России, ф. «Политический архив» (в дальнейшем — АВПР, ф. ПА), д. 1678, л. 198.

[3] Arkivi i Shtetit i Republikës Popullore të Shqipërisë (в дальнейшем — AShRPSh), док. 630357, рукопись статьи Николы Иваная.

[4] *Ismail Sirazimiri*. Kujtime historike mbi lëvizjet kombëtare në qarkun e Dibrës (*Исмаил Стразимири*. Исторические воспоминания о национальном движении в округе Дибры). Тирана, 1931, стр. 11.

[5] АВПР, ф. ПА, д. 1479, л. 75.

[6] АВПР, ф. ПА, д. 1241, л. 16—17.

[7] *Mihal Grameno*. Kryengritje shqiptare. (*Михаль Грамено*. Албанские восстания). Влора, 1925, стр. 104—106.

[8] *Ahmed Bedevi Kuran*. Inkilâp tarihimiz ve jön türkler. (*Ахмед Бедеви Куран*. История нашей революции и младотурки). Стамбул, 1945, стр. 252.

[9] *Э. Ф. Найт*. Революционный переворот в Турции. СПб., 1913, стр. 118.

Стремясь придать своей организации и всему революционному движению «общеоттоманский» характер, младотурки в воззваниях первых дней революции называли себя и народ, к которому они обращались, «оттоманами» и говорили о братстве всех народов Турции и общности их интересов [10]. Лозунги братства и равенства всех национальностей младотурки использовали, чтобы привлечь на свою сторону многонациональное население Европейской Турции и продемонстрировать свое стремление разрешить национальный вопрос собственными силами, без вмешательства европейских государств.

Учитывая важную роль, которую должна была сыграть Албания и ее народ в революционных планах младотурок, комитет «Единение и прогресс» обращался к албанцам со специальными воззваниями. Одно из них было озаглавлено «Из центра Албании» и имело подпись «Оттоманский комитет „Единение и прогресс“» [11]. Задачей этого воззвания было не только добиться сочувствия целям младотурок, но и указать пути и методы борьбы за установление конституционного режима. В воззвании говорилось, что парламент спасет народ от непосильных налогов, от несправедливости судов и произвола чиновников [12]. Оно разоблачало захватническую политику Австрии и Италии в Европейской Турции, а также бездействие турецкого правительства. «До настоящего времени,— говорилось в воззвании, — Австрия и Италия день и ночь прилагали усилия к тому, чтобы забрать в свои руки: первая — Шкодер, Косову и Салоники, вторая — побережье в Шкодерском и Янинском вилайетах. Правительство ничего не сделало, чтобы помешать расчленению нашей страны» [13].

Антиимпериалистический характер агитации помог младотуркам привлечь на свою сторону албанское население Косовы, где с начала 1908 г. начались массовые крестьянские выступления в защиту земель, которые, по слухам, турецкое правительство намеревалось продать Австрии [14] в связи со строительством железной дороги на линии Митровица — Увац [15].

В первые дни июля 1908 г. в окрестностях Феризовича собралось несколько тысяч вооруженных албанских крестьян из Призрена, Дьяковы, Приштины и Вучитерна. Поводом к этому послужило незначительное, на первый взгляд, событие. В двух километрах от Феризовича австрийцы строили летнюю эстраду, чтобы отпраздновать окончание учебного года в Ускюбской школе для иностранцев. Этот факт был расценен албанцами как оскорбление их национальных и религиозных чувств. Народ собрался в Феризовиче, сжег постройки австрийцев, но не расходился, возбужденный известием о начавшемся якобы движении австрийской армии в направлении Косовы [16].

---

[10] «Красный архив», т. 6 (43), 1931, стр. 16.

[11] Опубликовано в специальном номере журнала «Leka». Шкодер, 1942, стр. 10, док. 3.

[12] Там же, стр. 11.

[13] Там же, стр. 12.

[14] В январе 1908 г. австрийское правительство получило от турецкого султана согласие на строительство железной дороги через Ново-Базарский санджак. Часть дороги должна была проходить по районам, населенным албанцами.

[15] Приезд в Митровицу в апреле 1908 г. 15 австрийских инженеров вызвал возмущение жителей Ипека и Митровицы. Чтобы успокоить население, турецкие власти вынуждены были объявить, что согласие султана дано лишь на проведение изыскательских работ, а не на скупку крестьянских земель и строительство железной дороги. Все же, боясь нападения албанских крестьян на строительные участки, правительство усилило гарнизон Митровицы. АВПР, ф. ПА, д. 1068, л. 127.

[16] *Suleyman Külçe*. Firzovik toplantısı ve meşrutiyet (*Сулейман Кюльче*. Собрание в Феризовиче и конституция). Измир, 1944, стр. 51—52.

Современник и очевидец событий Сулейман Кюльче пишет, что в Феризовиче действовали и вели агитацию несколько молодых офицеров-младотурок. По приказанию вали Ускюба, сюда прибыл для расследования начальник жандармерии вилайета Галиб-бей, член младотурецкого комитета Ускюба, успевший уже известить о происходившем центральный младотурецкий комитет в Салониках [17]. С этого момента руководство народным движением фактически перешло в руки младотурок. Действуя с согласия центрального комитета, местный младотурецкий комитет решил призвать собравшихся в Феризовиче албанских крестьян принять младотурецкие лозунги и конституционную программу, стремясь таким образом использовать национально-освободительное албанское движение в своих интересах. Галиб-бей, один из активных членов комитета, вопреки своей официальной миссии «успокоителя» народа, еще из Ускюба послал представителя комитета в район Качаника с поручением собирать народ. Затем из Феризовича он телеграфировал представителям албанских мусульманских общин в города Ускюбского вилайета—Ипек, Дьякову (Джакова), Приштину, Вучитерн, Митровицу и Призрен, предлагая им явиться в Феризович в сопровождении вооруженных отрядов [18].

На следующий день с разных концов вилайета в Феризович начали прибывать отряды вооруженных албанских крестьян. «Сегодня,— извещал 14 июля русский консул в Призрене Разумовский,— ушли старейшины, за ними потянулась масса албанцев Призрена, Дьяковы и окрестностей» [19].

Специально прибывшие из Ускюба эмиссары младотурок убеждали народ поддержать конституцию, разъясняя, что с введением конституции прекратится бесконтрольное хозяйничанье иностранцев и самоуправство турецких чиновников [20]. Учитывая монархические настроения части албанских крестьян, младотурки старались убедить их, что мусульманская религия освящает право парламента ограничивать власть султана, а конституция не противоречит Корану.

В то же время младотурки стремились предотвратить вооруженное выступление албанцев против турецкого господства. В первые дни революции они под видом «бесы» — клятвы о прекращении всех междоусобиц — добились обещания от собравшихся в Феризовиче (здесь находилось тогда несколько тысяч албанцев) не прибегать к оружию. Чтобы удержать народ от «крайностей», они выполнили некоторые его требования, удалили ненавистных населению чиновников [21].

Накануне решающих событий в Монастыре младотурецкий комитет Ускюба принял от собравшихся в Феризовиче клятву в верности комитету «Единение и прогресс» и конституции [22]. 20 июля в Стамбул на имя султана была послана телеграмма, подписанная представителями албанской знати, духовенства, торговцев. От имени населения Ускюбского вилайета в ней говорилось: «Для защиты суверенитета и славы нашего государства, для обеспечения счастья нашего народа... просим повеления вашего величества на введение конституционного закона, как это следует по закону Пророка и как это было подтверждено фирманом вашего величества от 7 зильхидже 1293 [23]. Слезно просим также разрешить открыть в Стамбуле национальный совет» [24].

[17] *Suleyman Külçe*. Указ. соч., стр. 51—52.
[18] АВПР, ф. ПА, д. 1099, л. 22.
[19] АВПР, ф. ПА, д. 1068, л. 41.
[20] Там же.
[21] АВПР, ф. ПА, д. 1099, л. 23.
[22] *Sulcyman Külçe*. Указ. соч., стр. 52; «Neue Freie Presse», 20 июля 1908 г.
[23] 23 декабря 1876 г.
[24] *Suleyman Külçe*. Указ. соч., стр. 53.

Присоединение албанского населения Ускюбского вилайета к конституционным требованиям младотурок было одной из причин, заставивших султана Абдул Хамида отказаться от сопротивления революционному движению.

Итак, за три недели открытой революционной агитации в армии и среди населения младотурецкий комитет «Единение и прогресс» привлек на свою сторону значительную часть населения Македонии и Албании. Это сыграло решающую роль в победе младотурецкой революции.

23 июля 1908 г. младотурецкий комитет, поддержанный армией и населением Европейской Турции, одержал победу. В этот день в Салониках и Монастыре было провозглашено восстановление конституционного строя, после чего султан Абдул Хамид издал соответствующее ираде.

* * *

Падение султанского режима было встречено в Албании демонстрациями и митингами, которые сопровождались братанием албанцев различных вероисповеданий. В окрестностях Шкодера, в Тузи, где находился значительный гарнизон албанских и турецких солдат, происходило братание их с окрестным горским населением [25].

Демонстрации в честь восстановления конституции были особенно праздничны и многолюдны на юге страны, где младотурецкая пропаганда встречала сочувствие еще до революции. Торжественно, при большом скоплении народа, прошел в Корче митинг, посвященный восстановлению конституции, а спустя несколько дней, 29 июля, состоялось празднование «дня свободы» [26]. Во Влоре 24 июля толпы народа вышли на улицы. Весь день и всю ночь продолжались праздничные манифестации. На следующий день по городу была расклеена листовка на турецком и албанском языках. В ней говорилось: «Соединимся и общими силами будем работать, подобно другим нациям, для блага и процветания нашей родины!» [27]. Листовка была выпущена от имени только что созданного оттоманского комитета единства, в состав которого вошли три офицера-турка и двенадцать горожан-албанцев. В подобной же обстановке происходили демонстрации и митинги в Гьирокастре. Здесь, а позднее и в других городах Южной Албании также были созданы оттоманские комитеты единства. Центральный комитет «Единение и прогресс» надеялся через них руководить деятельностью национальных организаций [28].

Но оттоманские комитеты не оправдали надежд младотурок. Младотурки хотели, чтобы комитеты привели все население Албании к присяге младотурецкому комитету и конституции. Между тем, комитеты, членами которых в основном были албанцы, действовали как национальные албанские организации. Во Влоре члены оттоманского комитета в первый же день его существования позаботились прежде всего об организации среди горожан сбора средств для приобретения за границей типографского станка с албанским шрифтом [29]. Оттоманский комитет г. Берата в августе прислал в села санджака три комиссии, которые принимали от

[25] АВПР, ф. ПА, д. 1241, л. 29.
[26] Частный архив А. Ташко. Письмо неизвестного автора к Атанасу Ташко, август 1908 г. Корча.
[27] АВПР, ф. ПА, д. 1676, л. 168.
[28] AShRPSh, док. 50091. Частное письмо неизвестного автора к Яни Врухо, 22 октября 1908 г. Кавая.
[29] АВПР, ф. ПА, д. 1676, л. 188.

населения не присягу младотурецкому комитету, а «клятву на верность конституции, Албании и албанскому языку» [30].

Общей чертой, характерной для народного движения Албании в первые недели конституционного режима, были массовые выступления против старого турецкого чиновничества и судей. Население поняло революцию как призыв к изгнанию турецких чиновников и созданию албанских органов самоуправления. «В Круе, — сообщал 27 июля Лобачев, — население стреляло в дом кадия и сместило должностных лиц. Управление в руках населения» [31]. В Дурресе и Тиране горожане сместили турецкую администрацию и передали управление городом в руки комитета из сорока человек [32]. В Дьякове в начале августа были изгнаны члены суда, полиция и каймакам; последнему жители разрешили вернуться через несколько дней под условием, что он не будет вмешиваться в частные дела граждан[33].

В некоторых случаях выступления против чиновничества не носили только антитурецкий характер, а были направлены и против чиновников-албанцев. Так, во Влоре спустя месяц после провозглашения конституции группа молодежи, явочным порядком взяв в свои руки полномочия городского оттоманского комитета, сместила известного взяточника, председателя уголовного суда — албанца. За злоупотребления смещены были также начальники полиции и жандармерии, секретарь управления санджака. Все они были албанцами, а некоторые из них являлись даже членами местного албанского комитета [34].

В отличие от многих других албанских городов, в Шкодере часть жителей — богатые мусульмане — встретили известие об установлении конституции очень сдержанно. «Пользуясь большими привилегиями, — писал русский консул Лобачев, — они боятся, как бы реформы и конституция не навязали им воинской повинности и налогов, от которых они пока были избавлены» [35]. Только под давлением демократических слоев — мелких торговцев, ремесленников, рабочих — мусульманская знать Шкодера отказалась от сопротивления конституционному режиму.

В начале августа младотурецкий комитет решил провести в Шкодере празднование восстановления конституции. Все население города и окрестностей специальной листовкой комитета было приглашено на митинг. На этом митинге главной темой выступлений младотурок явилась проповедь «оттоманизма». «Лейтмотивом всех выступлений было заявление, что отныне в Турции нет ни мусульман, ни христиан, ни различных народностей, имеется лишь один османский народ» [36]. Однако речи албанцев носили патриотический характер. Во время их выступлений раздавались крики: «Да здравствует свобода, да здравствует Албания» [37].

Несмотря на видимое спокойствие, обстановка в Шкодере была напряженной, младотурки опасались выступления албанского населения. Во время салюта в честь конституции пушки в Шкодере имели при себе боевые снаряды, дула их были наведены «на всякий случай» на город. Солдаты-албанцы из местного гарнизона были задержаны в казармах—командование запретило им участвовать в торжествах [38].

[30] АВПР, ф. ПА, д. 1676, л. 226.
[31] АВПР, ф. ПА, д. 1241, л. 28.
[32] Там же.
[33] АВПР, ф. ПА, д. 1099, лл. 44, 46.
[34] АВПР, ф. ПА, д. 1676, лл. 216—217.
[35] АВПР, ф. ПА, д. 1241, л. 27.
[36] АВПР, ф. ПА, д. 1241, л. 33.
[37] AShRPSh, док. 630076. Частное письмо неизвестного автора к Николе Иванаю, 7 августа 1908 г. Шкодер.
[38] АВПР, ф. ПА, д. 1241, л. 34; см. также *E. Durham*. Die slavische Gefahr. Stuttgart, 1922, s. 225.

В Ускюбском вилайете младотурки воздержались от устройства манифестаций. Здесь только на собраниях офицеров и городской знати младотурецкие комитеты объявили о введении конституции. В некоторых санджаках было сменено руководство военной и гражданской администрации [39].

Только в самом Ускюбе младотурецкий комитет решился на торжественную встречу делегатов-албанцев, присланных от собрания в Феризовиче. 24 июля за ними отправился специальный поезд. Комитет хотел договориться с делегатами, чтобы они постарались предотвратить выступление масс. Но когда поезд с членами младотурецкого комитета и представителями г. Феризовича подходил к Ускюбу, его задержала четырехтысячная толпа вооруженных крестьян. Они потребовали впустить их в Ускюб, чтобы «изгнать австрийских офицеров и требовать автономной Албании с центром в Ускюбе и управлением на основании обычного права (закон Дукадьина)» [40]. С большим трудом удалось уговорить крестьян перенести свое выступление на следующий день.

За ночь высóты у города были, по приказу младотурецкого комитета, заняты пятью артиллерийскими батареями и всей пехотой гарнизона. В день празднования конституции Ускюб имел вид осажденного вражескими войсками города. Албанским крестьянам, собравшимся в окрестностях, было объявлено о запрещении входить в город. Комитету удалось всякими посулами склонить их к бесе (клятве) не противодействовать новому режиму и конституции [41]. Затем младотурецкий комитет предпринял ряд мер для «успокоения» населения. Он объявил о прекращении строительства дороги Увац — Митровица до решения парламента, а также о предстоящем отозвании австрийских офицеров из Европейской Турции. За албанскими народными собраниями было признано право участвовать в управлении краем наравне с младотурецкими комитетами [42].

На севере младотурки вместо оттоманских комитетов создали смешанные комиссии из местной знати и членов младотурецких комитетов. Процедура принятия присяги у населения растянулась почти на месяц. При этом в северных районах, доставлявших младотуркам большое беспокойство, они прибегли к регистрации в особых списках всех, кто принес присягу комитету [43].

В первые дни после установления нового режима албанские народные массы еще верили обещаниям младотурок. Поэтому постепенно нараставшее недовольство еще не выливалось в активные выступления против нового режима. Только в некоторых районах Албании реакционно настроенные представители албанской знати, потерявшие с введением конституции пенсии и пожалования султана, пытались использовать это недовольство народа в своих авантюристических интересах. Они вели контрреволюционную пропаганду, разжигали в албанских крестьянах религиозную и национальную ненависть к немусульманскому населению. Но в целом движение албанских крестьян на севере сохраняло и в этот период свой антифеодальный и национальный характер.

* * *

Живой интерес к политическим событиям в Турции проявили албанская эмигрантская печать и отдельные албанские эмигранты-патриоты. Восторженное отношение к революции очень скоро сменилось у них попытками трезво оценить создавшуюся обстановку. Сдержанность и

[39] АВПР, ф. ПА, д. 1099, лл. 24, 25; д. 1068, л. 44.
[40] АВПР, ф. ПА, д. 1479, л. 97.
[41] АВПР, ф. ПА, д. 1479, л. 98—99.
[42] АВПР, ф. ПА, д. 1479, л. 110.
[43] АВПР. ф. ПА, д. 1068, л. 69.

скрытая враждебность младотурецких руководителей по отношению к албанцам заставили призадуматься над реальностью щедро расточаемых комитетом «Единение и прогресс» обещаний предоставить албанцам национальные права и свободы. «После перемены обстановки в Турции, сейчас еще больше чем когда-либо необходимо бороться, чтобы у нас не отняли вновь наши национальные права», — писал один из албанских патриотов в редакцию газеты «Шпнеса э Штюпенис» [44].

В печати и частной переписке этого периода можно встретить яркие и трезвые оценки конституции и революции в целом. «Что я думаю о Конституции младотурок? Это, мне кажется, одна из самых больших насмешек истории, и настоящим патриотам не нужно отступать ни на иоту от своей борьбы против Турции», — писал в начале августа 1908 г. албанский публицист Фаик Коница [45] Николе Иванаю, редактору газеты «Шпнеса э Штюпенис». Албанская газета «Комби», выходившая в США, скептически отзывалась о возможности успеха младотурецкой революции. Слишком прогнила, по ее мнению, турецкая империя и слишком сильны были национальные противоречия внутри нее. «Комби» определила младотурецкую революцию как верхушечную военную революцию, не связанную даже с низшими слоями армии. Она признавала необходимость активного участия албанцев в революционных событиях, но предостерегала албанские комитеты от излишней доверчивости к младотуркам. Газета считала возможным временное сотрудничество албанцев с комитетом «Единение и прогресс», но при условии осторожности и защиты национальных албанских интересов [46]. Лишь одна албанская газета «Лирия», начавшая выходить после восстановления конституции [47], восторженно отозвалась о младотурецкой революции: «У Америки есть 4 июля 1776 г., у Франции — 14 июля 1789 г., у Турции—10 июля 1908 г.» (т. е. 24 июля н. ст.—начало революции. — *И. С.*) [48]. «Лирия» с первых же номеров начала пропагандировать идеи младотурок [49]. Она убеждала албанцев прекратить самостоятельную национальную борьбу и сотрудничать с младотурками.

Борясь против соглашательских тенденций в национальном движении, албанская патриотическая печать выдвигала национальные требования. Спустя неделю после провозглашения конституции газета «Комби» писала: «Желанием и стремлением каждого албанца должны быть самоуправление албанского государства и провозглашение национальной конституции. К этому должна быть направлена вся наша деятельность» [50]. Политические программы, которые выдвигали демократические газеты, начинались с требования свободы для албанского языка и школ. Так, журнал «Албания» ставил первым пунктом своей программы «признание правительством албанской народности и албанского языка» [51]. Газета «Дрита» предлагала созвать специальный конгресс по этим вопросам [52].

---

[44] AShRPSh, док. 630075. Частное письмо Пангели Эвангели к Николе Иванаю, 4 августа 1908 г. Бухарест.

[45] AShRPSh, док. 630099. Частное письмо Фаика Коницы к Николе Иванаю, 6 августа 1908 г. Лондон.

[46] «Kombi», 24 июля 1908 г.

[47] Еженедельная газета «Лирия» начала выходить 27 июля 1908 г. в Софии, с № 11 выходила в Салониках.

[48] «Lirija», 14 [27] июля 1908 г.

[49] Редактор газеты Мидхат Фрашери, тесно связанный с младотурками (он получил от комитета «Единение и прогресс» важный административный пост в Салоникском вилайете), с июля 1908 г. и до провозглашения независимости Албании в 1912 г. был проводником турецкого влияния в албанском национальном движении.

[50] «Kombi», 31 июля 1908 г.

[51] «Albania», 1908 г. (журнал «Албания» выходил в Брюсселе под редакцией Дервиша Химы).

[52] «Drita», 19 сентября 1908 г.

* * *

В первые месяцы революции албанские политические деятели, активно участвовавшие в национально-освободительном движении, не выработали еще единой согласованной политической линии. Ярко выступало недоверие к младотуркам. Однако сильны были и мирные, соглашательские настроения, надежды на реформы и парламент. И хотя печать левого демократического крыла предостерегала от примиренчества и призывала к действиям, в этот период еще не был поставлен вопрос об организованных массовых выступлениях против младотурецкого правительства. Тем не менее следует признать, что младотурецкая революция, при всей ее ограниченности, создала некоторые благоприятные условия для развития активности народных масс. Особенно усилилась культурно-просветительная деятельность.

В первые недели конституционного режима были созданы новые албанские школы, организовано печатание албанских книг и учебников. Открытие школ и набор учеников проходили в торжественной обстановке, устраивались митинги и продажа албанских книг. В Эльбасане самое большое здание в городе — тюрьма — было превращено в школу, в первый же день в нее записалось около полутора тысяч человек [53]. При создании школ большие затруднения возникали из-за недостатка учителей. По этой причине в школе, открытой в Влоре, первое время занятия велись только на вечерних курсах албанского языка, где, кроме детей, занимались и взрослые [54].

В отличие от старых школ, организованные теперь школы не разделялись по религиозному признаку и фактически не подчинялись местным церковным общинам. Забота о содержании школ возлагалась на городские управы [55].

К концу августа школы были открыты в Эльбасане, Влоре, Берате, Гьирокастре [56]. Новые школы пользовались большей популярностью и авторитетом, чем старые духовные школы. Население требовало знания албанского языка также и от духовенства. В казе Колонья восемь ходжей не были приняты населением, так как не знали албанского языка. Они смогли приступить к службе только после того, как получили рекомендации клуба в Монастыре, где посещали вечерние курсы албанского языка [57]. Особенно успешно организация новых школ шла на юге страны. Однако здесь, как и по всей Албании, приходилось преодолевать большие трудности. Греческая церковь всячески препятствовала деятельности албанских школ; она задерживала учеников в своих школах под угрозой отлучения их от церкви [58].

С движением за создание новых школ тесно связана была деятельность албанских клубов и просветительских обществ. Клубы возникли в обстановке энтузиазма первых недель революции и имели пестрый со-

---

[53] АВПР, ф. ПА, д. 1676, л. 191; д. 569, л. 114.

[54] АВПР, ф. ПА, д. 1676, л. 223.

[55] В Бератском санджаке, чтобы покрыть расходы на содержание двух новых школ, городская управа ввела монополию на керосин и новый налог (по 10 пара) на бараньи шкуры, которые вывозились отсюда в большом количестве (Частный архив А. Ташко, письмо Гьергь Карбунара к Сотиру Колеа, 2 августа 1908 г. Берат; см. также АВПР, ф. ПА, д. 1676, л. 224).

[56] «Lirija», 4 августа 1908 г.

[57] Haus-Hof- und Staatsarchiv. Politisches Archiv. Albanien XII (в дальнейшем— HHStA; PA. Albanien XII). Донесение австрийского консула в Монастыре 7 декабря 1908 г.

[58] AShRPSh, док. 630090. Частное письмо Коля Камси к Николе Иванаю 2 августа 1908 г. Влора.

циальный состав: членами их были представители городской демократии, знатные беи, крупные чиновники, офицеры. Но большинство клубов имело демократический характер. Устав клуба в Монастыре, например, подчеркивал, что «не будет никакого различия и отделения одного члена клуба от другого. Как для тех, кто платит много, так и для тех, кто платит мало, права перед клубом равны» [59].

Клубы не имели определенной политической программы. Требованием клуба Янины было, например, «распространение албанского языка и взаимопомощь, моральная и материальная» [60], а также освобождение албанской школы и церкви от влияния греческого патриархата [61]. Клуб «Гегения» в Шкодере, наряду с задачами национального характера, преследовал и экономическую цель — создание албанского кредитного общества [62].

В первый период после победы революции комитет «Единение и прогресс», в руках которого находилась вся власть в стране, не препятствовал деятельности албанских клубов, надеясь с их помощью держать под своим контролем и влиянием национальное албанское движение и лишить его таким образом боевого характера. Младотурки использовали старые контакты и связи с албанскими патриотами и своей демагогической агитацией об общности идей и задач добились того, что руководство клубов включило в свои уставы пункт о сотрудничестве с комитетом «Единение и прогресс» [63]. Однако большинство клубов приняло этот пункт только формально.

Даже в этот период свободного существования клубов не вся их деятельность проходила легально, не все о них было известно. Поэтому нельзя признать правильной встречающуюся в литературе огульную оценку всех албанских клубов как пассивных, соглашательских организаций. Относившиеся внешне лояльно к младотуркам клубы иногда вели тайную национальную пропаганду. Так, тайный комитет клуба «Башкими» в Монастыре, состоявший из пяти человек, планомерно посылал в провинцию людей для создания там тайных национальных комитетов [64].

Австрийский консул Розфаи сообщал из Монастыря 7 декабря 1908 г. краткую программу тайного комитета: «В каждом значительном месте Албании пять тайно избранных лиц должны вести национальную пропаганду. Эти пять лиц должны клятвенно обещать посвятить себя албанскому делу...» [65]. В результате деятельности албанских клубов тайные комитеты были созданы во многих городах страны.

Спустя месяц после объявления конституции тайный союз возник во Влоре. Он носил безобидное название «Лига требований албанских школ», но преследовал политические цели: пропаганду независимости Албании [66]. Тайные комитеты имелись также и на севере — в Ускюбе и Дьякове [67].

[59] «Kanonizma e lig'e klubit të shqiptarevet në Manastir „Bashkimi"». («Устав и уложение албанского клуба „Башкими" в Монастыре»). София, 1908, стр. 5.
[60] «Regullore e shoqerisë së shaiptarevet në Janinë («Устав албанского общества в Янине»). Янина, 1908, стр. 7.
[61] АВПР, ф. ПА, д. 1676, л. 251.
[62] АВПР, ф. ПА, д. 1241, л. 50.
[63] «Kanonizma e klubit të Gjirokastrës „Drita"». («Устав клуба "Дрита„ в Гьирокастре»). Гьирокастра, 1908, стр. 3.
[64] HHSt A; PA. Albanien XII. Донесение австрийского консула в Монастыре от 7 декабря 1908 г.
[65] Там же.
[66] HHSt A;PA. Albanien XII. Донесение австрийского консула во Влоре от 3 ноября 1908 г.
[67] HHSt A; PA. Albanien XII. Донесение австрийского консула во Влоре от 29 ноября 1908 г.

Существование наряду с легальными клубами таких тайных комитетов свидетельствует о том, что после младотурецкой революции албанское национальное движение не утратило своего боевого характера, не ограничилось легальными рамками.

* * *

Приведенные выше факты показывают, что поддержка, оказанная албанцами младотуркам во время июльских событий 1908 г., имела большое значение для установления конституционного режима в Турции.

После революции албанский народ получил некоторые новые возможности для развития национального движения, и он использовал их в первую очередь в культурно-просветительной области. Однако преобладание культурно-просветительных форм в национальном албанском движении было временным. В очень короткий срок шовинистическая политика младотурок показала албанскому народу, что новый режим не может принести ему свободу. С весны 1909 г. в Албании вновь усилилось национально-освободительное движение, которое привело к народным восстаниям 1910, 1911 и 1912 гг. и, наконец, к освобождению Албании от турецкого господства в ноябре 1912 года.

SUMMARY

The article is dedicated to the role played by the Albanian people in the Young Turk Revolution of 1908 which has been poorly studied up to now. Data show that the Albanian people played an active part in this revolution. The establishment of a constitutional regime in Turkey afforded new possibilities for the development of the national movement. The Albanian people utilized this to open schools, clubs, etc. However, the chauvinistic policy of the Young Turks forced the Albanian people once more to resort to armed struggle which resulted in the liberation of Albania from the Turkish yoke in November 1912.

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ В ЯПОНИИ В XVI ВЕКЕ

П. А. ИСКЕНДЕРОВ

XVI век в Японии был периодом бурного роста феодальных городов. По данным Харада, из 269 городов, существовавших в Японии к концу XVI в., 184 возникло за исторически короткий срок: с 1501 по 1580 г.[1] Харада при этом не учитывает еще довольно значительного числа так называемых призамковых городов (城下町), большинство которых появилось в конце XVI в.[2] Быстрый рост японских городов в XVI в. отмечали также первые европейские миссионеры — испанцы и португальцы, посетившие Японию в середине XVI в. Преобладали города с населением менее 10 тыс. человек, однако уже тогда в Японии было немало городов, насчитывавших свыше 10 тыс. жителей. В наиболее крупных из них таких, как Сакаи, Хаката, Ямада, Касугаяма, Аннодзу, Касивадзаки, Тэннодзи и других, число жителей превышало 30 тыс. человек, а в столице Киото — 100 тыс.[3]

Значительно выросли в XVI в. города Киото, Сакаи, Хаката и другие, ставшие крупными центрами ремесла и торговли. Наибольшее развитие получило производство изделий из металла, лака и фарфора, различных видов оружия, выработка тканей. В Сакаи было сосредоточено производство высококачественных шерстяных тканей, лакированных изделий, известных под названием сакаинури и сюнкэйнури, различных видов оружия — от мечей до пушек и охотничьих ружей, и т. д.[4] Крупнейшим центром текстильного производства был Киото. Знаменитые ткани, изготовленные в районе Нисидзин города Киото и в Хаката, славились по всей стране. В Сакаи и Камакура, в Таннан провинции Кавати, в Симода провинции Ямато, Нори провинции Харима и в некоторых других местах было сосредоточено кузнечное и литейное дело[5]. Основными видами изделий

[1] 原田伴彦中世における都市の研究 (*Харада Томохико*. Средневековые города). Токио, 1942, стр. 236.

[2] Профессор Мичиганского университета Джон Хэлл, основываясь на работах японских авторов, в частности, на трудах Оруй Нобору, Тоба Масао и Тоёда Такэси, подсчитал, что большинство призамковых городов Японии было основано в течение 1580—1610 гг., и пришел к выводу, что «трудно найти аналогичный период городского строительства в мировой истории». См. *J.W.Hall*. The Castle town and Japan's modern urbanization. «The Far Eastern Quarterly», November 1955, vol. XV, № 1, p. 44.

[3] Данные о численности населения в некоторых японских городах XVI в. и более раннего периода см. *Харада Томохико*. Указ. соч., стр. 132—142. О числе жителей в городах Японии конца XVII и XVIII вв. см. 豊田武、日本の封建都市 *Тоёда Такэси*. Феодальные города Японии). Токио, 1954, стр. 148—150 и 156—160.

[4] 本庄栄治郎、日本經濟史 (*Хондзё Эйдзиро*. Экономическая история Японии). Токио, 1954, стр. 125.

[5] 豊田武、中世日本商業史 (*Тоёда Такэси*. История средневековой торговли Японии). Токио, 1954, стр. 84.

из металла являлись колокола, гонги (ванигути), мечи, а также предметы домашнего обихода—кастрюли, котлы, таганы, мотыги, лопаты. О размерах производства, например мечей, некоторое представление дают данные о вывозе их в Китай: за период с годов Оэй (1394—1427) до годов Тэммон (1532—1554) было вывезено 100 тыс. мечей[6]. Большое развитие получило и производство бумаги. Наиболее крупными центрами его становятся Футю провинции Этидзэн, Осима провинции Овари, Токияма провинции Мино[7]. Значительно расширяется гончарное производство, чему в немалой степени способствовало влияние искусных ремесленников Кореи, где в то время имелось уже хорошо налаженное производство фарфоро-фаянсовых изделий[8].

Источники дают возможность установить наличие нескольких десятков ремесленных специальностей в японских городах XVI в. — кузнецов, литейщиков, оружейников, гончаров, мастеров, изготовлявших различные предметы из лака, резчиков по дереву, резчиков по металлу, ювелиров, ткачей, шляпников, кожевников, плотников, столяров, кровельщиков, маляров, виноделов, маслоделов[9]. Среди ремесленников перечисленных специальностей следует выделить кузнецов—специалистов по ковке меди, серебра и железа, так как в XVI в. уже можно говорить о разделении труда внутри данной ремесленной специальности.

Одним из показателей экономического роста феодального города служит уровень развития городской торговли, ее организации. При этом очень важно установить, насколько развит был внутренний рынок, ибо, как ни велика была роль внешней торговли в развитии японского феодального города, экономически его облик определяла внутренняя торговля. Привозные товары находили спрос главным образом лишь в крупных приморских городах, основные же японские города XVI в. были тесно связаны с прилегавшими к ним сельскохозяйственными районами, являясь центрами товарного производства и ремесла. Это тем более необходимо подчеркнуть, что, несмотря на дальнейшее развитие ремесла и товарно-денежных отношений, в Японии XVI в. продолжало господствовать натуральное хозяйство. На пути развития внутренней торговли, и, следовательно, на пути создания единого внутреннего рынка, стояли серьезные препятствия: феодальная раздробленность страны, постоянные междоусобные войны, множество таможенных барьеров между отдельными феодальными владениями.

В ранних феодальных городах товарное производство было развито очень слабо. Так называемые периодические рынки (定期市) служили фактически единственным местом торговых сделок. До XVI в. городские рынки функционировали, как правило, не более трех раз в месяц. В конце XV— начале XVI в. в связи с развитием товарного производства и ростом спроса на товары появляются рынки, функционирующие уже шесть-девять раз в месяц. В городах Эдо, Нара, Ямагути и других обычным явлением становятся ежедневные рынки[10]. Создаются специализированные рынки. Например, рыбный рынок в Ёдо, рисовый — в Киото, конский рынок в Нара, существовали также рынки по продаже коров и другие[11].

Городской рынок удовлетворял не только потребности горожан в продовольствии, но и крестьянства прилегающей округи в изделиях реме-

[6] *Тоёда Такэси*. История средневековой торговли Японии, стр. 63.

[7] Там же, стр. 37.

[8] 大島延次郎、日本都市發達史 (*Осима Нобудзиро*. История развития японских городов). Токио, 1955, стр. 178—179.

[9] 國史資料集 («Сборник документов по истории Японии»). Токио, 1944, т. 2 и 3.

[10] *Осима Нобудзиро*. Указ. соч., стр. 95.

[11] Там же, стр. 96.

сленного производства. Источники позволяют установить относительно полный перечень товаров, обращавшихся на рынках японских городов конца XV — начала XVI в.: рис, табак, муги (зерно), сладкий картофель, сакэ, соевые бобы, чай, масло, уксус, овощи, рыба, дрожжи, птица, соль, шелковые, хлопчатобумажные и льняные ткани, хлопок (вата), лакированные изделия, изделия из бамбука, из фарфора, циновки, котлы, таганы, мечи, мотыги, топоры, кастрюли, гвозди, древесный уголь, дрова и лесоматериалы, бумага. Приведенный список свидетельствует о значительном развитии городского рынка в XVI в. Правда, нет данных, позволяющих установить размеры товарного обращения. Однако уже одно то, что на городских рынках были представлены разнообразные товары, позволяет говорить о японском городе XVI в. как о центре торговли. Этот список товаров дает также возможность проследить не только тесную связь городского рынка с деревней, снабжавшей город продовольствием, но и зависимость последней от городского рынка и городского ремесла, ибо многие ремесленные изделия, представленные на этих рынках, были, несомненно, предназначены специально для крестьян.

Несмотря на значительное развитие товарно-денежных отношений в конце XVI — первой половине XVII в. внутренний рынок в условиях господства натурального хозяйства продолжал оставаться незначительным, спрос на товары —низким. Все это вынуждало торговцев и ремесленников объединяться в цехи и гильдии — дза (座) и совместно добиваться осуществления монопольного права на производство и продажу определенных видов товаров и в определенных районах. При этом происходила борьба цехов с бродячими торговцами, пытавшимися нарушить их монопольные права. «Мелкий товаропроизводитель чувствует, что его интересы, в противоположность интересам остального общества, требуют сохранения этого монопольного положения, и потому он *боится* конкуренции. Он употребляет всяческие усилия, как единоличные, так и коллективные, чтобы задержать конкуренцию, чтобы „не пустить" соперников в свой район, чтобы укрепить свое обеспеченное положение мелкого хозяйчика, имеющего определенный круг покупателей» [12].

Регламентация торговли заключалась не только в том, что в городах устанавливались определенные базарные дни и даже определялись виды товаров, подлежащих продаже в тех или иных кварталах города. Строжайшим образом запрещалось посещать городские рынки и торговать на них торговцам, не входящим в существовавшие в данном районе объединения ремесленников и торговцев. В одном из документов храма Хиёси дзиндзя, датированном 1549 г., говорится, что в случае, если на городском рынке будут обнаружены лица, торгующие бумагой и не входящие в дза, то весь товар их будет конфискован [13].

Во второй половине XVI в. наступает период расцвета товарного производства. Значительно расширяется товарное обращение, охватившее целые области, а затем и всю страну. Зарождается единый национальный рынок, чему способствовал начавшийся в конце XVI в. процесс объединения страны, инициаторами которого выступили феодалы Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Прекращение междоусобных войн, ликвидация застав, унификация денежной системы [14], введение единой системы мер и весов оказали благоприятное влияние на развитие товарного обращения, активизировали деятельность торговцев и ремесленников.

[12] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 289.

[13] «Сборник документов по истории Японии», т. 3, ч. 1, стр. 70.

[14] Основной денежной единицей в годы Тэнсё (1573—1591) становится золотая монета духо, а в годы Кэйтё (1596—1614) — кобан. См. *Осима Нобудзиро* Указ. соч., стр. 167.

Расширению торговли в японских городах второй половины XVI в. способствовали также отмена ограничений в городской торговле и создание свободных корпораций ремесленников и торговцев. Эти мероприятия известны под названием ракуити (樂市) и ракудза (樂座).

Таким образом, XVI в. ознаменовался значительным развитием японских городов. Их экономический рост обусловил и их политическое развитие: появилось несколько самоуправляющихся городов, наиболее крупным из них был Сакаи. В Сакаи (этой «восточной Венеции», как называли его европейцы) был городской совет, состоявший из 36 членов, по существу руководивший всеми делами города. В Сакаи проживали крупные купцы, игравшие важную роль во внутренней и внешней торговле Японии в XVI в. Ода Нобунага, борясь против растущей экономической мощи сакайских купцов и желая подчинить их своей власти, в 1568 г. обложил город налогом, составлявшим огромную по тем временам сумму в 30 тыс. кан [15]. Кроме Сакаи, правом самоуправления пользовался также город Хирано. Дошедший до нас документ свидетельствует, что, когда Ода Нобунага собирался подчинить Сакаи своей власти и лишить его права самоуправления, городской совет Сакаи обратился к городскому совету Хирано с воззванием, в котором говорилось:

«Городскому совету города Хирано.

Как нам стало известно, Ода... скоро предпримет против нас наступление. Поэтому мы обращаемся к вам, надеясь договориться о том, чтобы обе стороны направили свои войска к нашим границам для совместной защиты наших территорий.

Посылаем настоящее воззвание на ваше усмотрение.

С глубоким уважением
Городской совет города Сакаи» [16].

Этот документ интересен не только тем, что он подтверждает наличие городского совета в Хирано, но и тем, что он свидетельствует, как справедливо замечает Хани Горо, о том, что в Японии «были даже попытки создания союзов вольных городов...» [17]. Кроме Сакаи и Хирано, японские историки относят к городам, пользовавшимся правом самоуправления, Кувана и Мицукэ. Ряд японских городов лишь частично обладал правами самоуправления. К числу таких городов относятся Касивадзаки провинции Этиго и Мацуяма провинции Мусаси [18].

Итак, XVI в. явился важным этапом в истории развития японских городов. Материалы, относящиеся к рассматриваемому периоду, дают возможность установить по крайней мере три основные причины столь быстрого роста и развития феодальных городов Японии в XVI в.

I. Дальнейшее развитие производительных сил страны и общественного разделения труда. Об этом свидетельствует появление новых отраслей сельского хозяйства, усовершенствование орудий обработки почвы, намечавшаяся специализация районов страны по определенным культурам, а также некоторое расширение обрабатываемой площади. На протяжении шести столетий, с X по XV в., количество обрабатываемой площади в сущности оставалось почти одинаковым. В начале X в. она составляла 862 796 тё, к началу XV в.—уже 946 016 тё, но к концу XV и началу XVI в.

[15] 續應仁後記 (Хроника Дзоку Онинкоки). См. «Сборник документов по истории Японии», т. 2, ч. 2, стр. 1029.

[16] Там же.

[17] *Хани Горо.* История японского народа. Перевод с японского. М., 1957, стр. 63.

[18] Там же, стр. 59.

сократилась до 854 711 тё [19], а с площадью провинции Дэва (38 600 тё)[20] составляла 893 311 тё. Сокращение обрабатываемой площади на 52 705 тё по сравнению с началом XV в. было связано с разложением сёэн (поместий) и непрекращавшимися междоусобными войнами. К концу XVI в. наблюдается некоторое расширение обрабатываемой площади в стране примерно до 1,5 млн. тё [21]. Этот рост в известной мере произошел в результате проведенного Хидэёси земельного кадастра [22]. Данные о сборе урожая риса — этой основной сельскохозяйственной культуры Японии, и то только ориентировочные, имеются лишь на конец XVI в. Весь урожай риса в стране в этот период составлял 18—18,5 млн. коку [23].

Наряду с рисом широкое распространение получили новые культуры: хлопок, чай, табак, сахарный тростник, сладкий картофель и т. д. Так, чай, который в XII — XIII вв. культивировался лишь в районе Удзи и Цугао провинции Ямасиро, к XV — XVI вв. стали возделывать в провинциях Ямато, Тамба, Ига, Исэ, Суруга, Мусаси и других [24]. Широкое распространение культуры чая привело к расширению производства фарфоро-фаянсовых изделий, которое было сосредоточено главным образом в Сэто провинции Овари, откуда и происходит название японских фарфоровых изделий (сэтомоно). К XVI в. значительное распространение получили льноводство, хлопководство и шелководство, одновременно расширилось производство хлопчатобумажных и шелковых тканей. Наиболее крупными центрами текстильного производства были города Киото, Сакаи, Хаката, Ямагути и другие [25].

К XVI в. уже наметилась некоторая специализация районов по определенным видам производства. В «Тэйкин орай» содержатся сведения о том, как распределялось по провинциям производство товаров: в провинции Синано, например, производилось полотно, в Кодзукэ — хлопок, в Кага — шелк, в Хитати — чесуча, Тоса и Аки доставляли лесоматериалы, Бинго — сакэ, Тикудзэн и Тикуго — хлебные злаки (муги), в Сануки была сосредоточена бумажная промышленность, а жители Каи и Нагато занимались в основном скотоводством [26]. Большое развитие получила горнорудная промышленность. В этот период были обнаружены новые залежи золота, серебра, меди и других полезных ископаемых. Всего в XVI и начале XVII в. в Японии было обнаружено более 80 залежей золота, серебра, меди, свинца и других полезных ископаемых [27]. Кроме того, велась добыча серы (главным образом в провинциях Бунго и Сацума), ртути, минералов (наждак, агат) и т. д. [28] Разработка новых месторождений вызвала приток на рудники большого количества крестьян, которые бросали свои наделы и шли сюда на заработки. Так создавались новые поселения, превращавшиеся затем в города.

---

[19] *Хондзё Эйдзиро*. Указ. соч., стр. 125.
[20] Там же.
[21] 本庄榮治郎、日本社會經濟史 (*Хондзё Эйдзиро*. Социально-экономическая история Японии). Токио, 1928, стр. 375.
[22] Говоря о росте обрабатываемой площади Японии к концу XVI в., нельзя не учитывать того обстоятельства, что Хидэёси уменьшил единицу измерения земельной площади. Если раньше тё был равен примерно 1,2 га, то в результате земельного кадастра он стал равен 1 га.
[23] 大日本租稅史 («История налогового обложения в Японии»), т. 2. Токио, 1926—1927, стр. 275; *Хондзё Эйдзиро*. Социально-экономическая история Японии, стр. 375.
[24] *Тоёда Такэси*. История средневековой торговли Японии, стр. 9.
[25] Там же, стр. 36.
[26] «Сборник документов по истории Японии», т. 2, ч. 2, стр. 1009—1010.
[27] *Осима Нобудзиро*. Указ. соч., стр. 167—168.
[28] *Тоёда Такэси*. История средневековой торговли Японии, стр. 23—24.

Рост производительных сил страны способствовал дальнейшему разделению труда — отделению ремесла от земледелия, что обусловило появление все новых и новых городов. Быстрый рост феодальных городов происходил на фоне упадка феодальных поместий (сёэн) и образования крупных феодальных владений, что содействовало разделению труда в масштабах всей страны — отделению города от деревни. О степени общественного разделения труда можно судить по тому, насколько развито было в то время товарное хозяйство, основой которого является общественное разделение труда [29]. Иначе говоря, о степени общественного разделения труда можно судить по размерам рынка, ибо «„рынок" является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана с степенью специализации общественного труда» [30]. Данные, которыми мы располагаем, дают основание утверждать, что к XVI в. товарное производство в Японии значительно развилось. Уже в XV в. на рынке Минамити в Нара было представлено 30 видов различных товаров, среди них: рыба, шелк, шелковое кимоно на вате (кособэ), индиго, полотно, бумага, топоры, циновки, соевые бобы, соль, гвозди, котлы, картофель, редька, стрелы, кастрюли, рис, птица, древесный уголь и др.[31] На рынке Хамаити в городе Тэннодзи в конце XV в. продавались такие товары, как рис, сакэ, дрожжи, японская хурма, каштаны, циновки, бамбук, сосновые доски, соль, рыба, полотно, сладкий картофель, индиго, бумага, литые металлические изделия, мечи, мотыги, лакированные изделия [32]. В одном только районе Канто, по подсчетам Тоёда [33], в XVI в. было более 60 рынков.

Интересно, что среди товаров, обращавшихся на городских рынках в XVI в., были широко представлены не только продукты сельского хозяйства, но и предметы ремесленного производства и прежде всего различные металлические изделия. Судя по этому, мы можем говорить о широком развитии таких важных ремесленных специальностей, как литейное и кузнечное производство.

Таким образом, основной и главной причиной быстрого роста городов в XVI в. явилось дальнейшее расширение общественного разделения труда на основе роста производительных сил страны.

II. Большое влияние на развитие японских феодальных городов оказала внешняя торговля, поскольку мировая торговля в большой степени способствует усилению общественного разделения труда — отделению ремесла от земледелия, появлению новых отраслей ремесленного производства, развитию товарно-денежных отношений. Критикуя Прудона, который, по словам К. Маркса, был «далек от понимания вопроса о разделении труда», К. Маркс писал: «Говоря о разделении труда, он вовсе не чувствует потребности говорить о мировом *рынке*. Но разве разделение труда в XIV и XV веках, когда еще не было колоний, когда Америка для Европы еще не существовала, а с Восточной Азией сносились лишь через посредство Константинополя, не должно было коренным образом отличаться от разделения труда в XVII веке, когда имелись уже вполне развитые колонии?» [34].

В XVI в. Япония имела уже довольно широкие внешнеторговые связи. Она вела торговлю со многими странами Азии. Кроме Китая, Кореи и

---

[29] См. *В. И. Ленин*. Соч., т. 3, стр. 15.
[30] *В. И. Ленин*. Соч., т. 1, стр. 83—84.
[31] «Сборник документов по истории Японии», т. 2, ч. 2, стр. 1015—1016.
[32] *Тоёда Такэси*. Феодальные города Японии, стр. 15.
[33] *Тоёда Такэси*. История средневековой торговли Японии, стр. 315—317.
[34] *К. Маркс, Ф. Энгельс*. Избранные письма. М., 1947, стр. 25.

островов Рюкю, Япония торговала с такими государствами, как Аннам (Трунбо), Тонкин, Лусон, Патан (Непал), Бруней, Сиам, Камбоджа, Макао, Гоа [35]. Япония импортировала шелк-сырец, шерстяные ткани, бархат, хлопок, ковры, ртуть, сахар, слоновую кость, изделия из стекла и т. д., а экспортировала мечи,лакированные изделия, створчатые ширмы, веера, изделия из золота и серебра и другие [36]. С середины XVI в. устанавливаются торговые связи Японии с европейскими государствами и прежде всего с Португалией и Испанией: европейские купцы ввозили в Японию главным образом огнестрельное оружие. Доставлявшееся на остров Танэгасима оружие распространялось торговцами Сакаи по всей стране [37]. Потребность в огнестрельном оружии была так велика, что вскоре в Сакаи наладили его производство.

Прямое влияние на развитие ряда японских городов, и прежде всего таких, как Сакаи, Хёго, Хаката, Хирадо, Нагасаки, Фунаи, Оцу, Нагахама, оказала именно внешняя торговля и особенно торговля с Китаем. В годы Тэнсё (1573—1591) искусные китайские ткачи ознакомили японских ремесленников Сакаи, Хаката и Ямагути с производством ряда высококачественных тканей (в частности, китайского газа, дамасского шелка, шелкового крепа, парчи и т. д.) [38]. Вскоре японские ремесленники сами стали производить эти товары.

Наибольшего расцвета японо-китайская торговля достигла в первой половине XVI в. Об этом свидетельствует динамика роста японского экспорта в Китай по отдельным статьям. Так, если в 1433 г. в Китай было вывезено 2,5 тонны медной руды, а в 1453 г.— 91,2, то в 1539 г. экспорт медной руды достиг уже 179,1 тонны. То же можно сказать и об экспорте японских мечей: в 1433 г. было вывезено всего 3502 меча, в 1453 г. — 9900, а в 1539г.—24 862[39]. Кроме того, косвенным показателем роста объема японо-китайской торговли может служить численность японского посольства в Китае. В 1468 г. оно насчитывало всего 200 человек, а в 1539 г.—456, причем из них 297 человек занимались исключительно торговой деятельностью [40].

Непосредственное участие во внешней торговле принимали крупные феодалы, влиятельные торговцы, монастыри и храмы. Среди них можно назвать таких крупных феодалов юга страны, как Симадзу, Набэсима, Като, Мацуура, влиятельных торговцев Сумикура Норимори из Киото, Суэёси Магодзаэмон из Осака, Ноя Сукэдзаэмон из Сакаи, Сумия Ситиродзиро из Мацудзака, Араки Содзаэмон и Суэцугу Хэйдзо из Нагасаки и других [41]. Внешней торговлей занимались и такие крупные феодальные дома, как Оути и Отомо[42]. Центрами внешней торговли были крупные, главным образом приморские, города, они же являлись основными потребителями привозных товаров, ибо спрос на последние был невелик. Тем не менее развитие внешней торговли в значительной мере способствовало росту внутренней торговли, росту товарности не только ремесленного производства, но и земледелия, что не могло не привести к еще большему разделению труда и специализации производства.

---

[35] 中村孝也、日本社會經濟史概說 (*Накамура Такая*. Очерки социально-экономической истории Японии); 新講大日本史 (Новый курс лекций по истории Японии). Токио, 1942, т. 12, стр. 18.
[36] Там же.
[37] *Хани Горо*. Указ. соч., стр. 60.
[38] *Осима Нобудзиро*. Указ. соч., стр. 177.
[39] *Wang Yi-t'ung*. Official relations between China and Japan 1368—1549. Cambridge. Massachusetts, 1953, p. 104—106.
[40] Там же, стр. 106.
[41] *Накамура Такая*. Указ. соч., стр. 18.
[42] «Сборник документов по истории Японии», т. 2, ч. 2, стр. 1069—1070.

III. XVI в. известен в истории Японии как период междоусобных войн (戰國時代). К этому времени был полностью завершен процесс разложения мелких и средних поместий и образования крупных феодальных княжеств. Последние не признавали власти центрального правительства и вели непрекращавшиеся междоусобные войны.

Образование независимых от феодального правительства княжеств привело к появлению нового типа феодальных городов, так называемых призамковых городов, которые становились политическими, экономическими и военными центрами данного княжества. Возникновению призамковых городов способствовало также широкое распространение огнестрельного оружия, появление которого произвело переворот в военном деле, привело к изменению тактики ведения боя, вызвало необходимость сооружения более крупных укреплений, в частности замков феодалов. Строительство замков потребовало большого количества рабочих рук, которые можно было найти только среди крестьян, большей частью разорившихся. Кроме того, оно создавало благоприятные условия для деятельности ремесленников, находивших здесь широкое применение своему труду и возможность сбыта своей продукции. Так вокруг замков феодалов стали появляться поселения крестьян и ремесленников.

Постоянные войны вынуждали феодалов иметь при себе регулярное войско. Оно набиралось главным образом из самураев, оторвавшихся от своих земельных владений и превратившихся в воинов-профессионалов. Самураи, составлявшие с их челядью значительный процент населения призамкового города, являлись потребителями ремесленной продукции. Поэтому ремесленникам было выгодно селиться вокруг замков феодалов, где они находили не только сбыт для своих изделий, но и убежище. По мере роста и развития ремесленного производства и товарного хозяйства эти поселения превращались в города.

Этот тип городов в количественном отношении занимал наибольший удельный вес среди феодальных городов Японии. В течение всего периода феодализма в Японии возникло свыше 200 призамковых городов. В приведенной Тоёда Такэси таблице призамковых городов Японии поименован 141 город [43]. Правда, в ней учтены лишь города тех феодальных княжеств, которые получали урожай риса свыше 50 тыс. коку [44]. Если же учитывать призамковые города княжеств, с земли которых собирался урожай менее 50 тыс. коку, как это делает Эндо Мотоо, то их окажется 236 [45].

Наибольший рост призамковых городов наблюдался в конце XVI—начале XVII в. Поскольку призамковые города приносили большие доходы своим феодалам, последние, чтобы привлечь в эти города как можно больше населения, предоставляли их жителям льготы и привилегии. К числу таких льгот можно отнести, например, освобождение от задолженности (токусэйрё) и отмену поземельного налога (地子). От уплаты поземельного налога были освобождены в конце XVI — начале XVII в. жители призамковых городов: Огаки, Нагахама, Мики и многих других. В 1609 г. Токугава Иэясу освободил от уплаты поземельного налога жителей призамкового города Сидзуока, а в 1634 г. то же сделал и Токугава Иэмицу в отношении Осака [46]. Нельзя не учитывать, что взимавшийся с городских жителей поземельный налог составлял незначительный процент от общей суммы феодальных налогов, а экономическое развитие города приносило феодалам несравненно бóльшую выгоду. Насколько незначительный про-

---

[43] *Тоёда Такэси*. Феодальные города Японии, стр. 302—303.
[44] Коку — мера, равная 180,4 литра.
[45] 遠藤元男、日本中世都市論 (*Эндо Мотоо*. Средневековые города Японии). Токио, 1940, стр. 120—130.
[46] *Тоёда Такэси*. Феодальные города Японии, стр. 103.

цент от общей суммы налогов, взимавшихся феодалами, составлял поземельный, видно хотя бы на примере дома Токугава. Весь доход дома Токугава исчислялся в 4 млн. коку [47], а поземельный налог с жителей Осака составлял менее 9 тыс. коку риса, или 180 каммэ серебром.

Введение ряда льгот в какой-то мере способствовало привлечению в города новых жителей, но не это, разумеется, было главной причиной роста городского населения. Население призамковых городов росло главным образом за счет разорившихся крестьян, которые вынуждены были бросать свои наделы и селиться в городах. Наиболее крупными призамковыми городами были Канадзава, Нагоя, Сэндай, Фукуока, Сидзуока и другие. В призамковом городе Гифу в 1569 г. насчитывалось уже около 10 тыс. человек [48].

Быстрый рост японских городов в XVI столетии имел важное значение для дальнейшего развития производительных сил страны. Феодальные города Японии, в которых все бóльшую роль начинает играть частная сообственность, где растет торговая буржуазия, в XVI в. начинают выступать против феодальной раздробленности, за создание централизованного государства. Все это способствовало созданию единого национального рынка, развитию капиталистических отношений.

SUMMARY

The author gives three basic reasons for the rapid growth of feudal cities in 16th century Japan: 1) the further development of the productive forces and of the social division of labour (separation of the handicrafts from agriculture); 2) development of foreign trade; 3) formation of big feudal principalities with the consequent appearance of a new type of feudal city, the castle city which developed around the castle and became a political, economic and military center of the principality.

[47] *Тоёда Такэси.* Феодальные города Японии, стр. 103.
[48] *Эндо Мотоо.* Указ. соч., стр. 117.

О ПРИЧИНАХ ВОЗВЫШЕНИЯ И ПАДЕНИЯ САМАНИДОВ

*Б. Г. ГАФУРОВ**

Немногим более века просуществовало государство Саманидов (874—999), однако оно оставило неизгладимый след в памяти многих и многих поколений. Это нашло свое отражение прежде всего в произведениях арабо- и фарсиязычных авторов, переживших падение саманидского государства.

Поэт Абубакр Абдаллах ибн Мухаммад ал-Ласики, писавший на арабском языке, оплакивал это падение горестными стихами:

تخيل شدة الايام لينا و كن بصروف دهرک مستهينا
الم تر دور هم تبكى عليهم و كانت مألفا للعز حينا
وقفنا معجبين بها الى ان وقفنا عندها متعجبينا

Представь себе легкими трудности времени
И пренебреги превратностями своей судьбы!
Разве ты не видишь, как их города оплакивают их,
А были они одно время обиталищем величия.
Мы останавливались, восхищенные ими, пока не
Застыли, потрясенные, перед ними[1].

Вариации на тему о благоденствии (сомон) при доме Саманидов (оли Сомон) были популярны в классической поэзии на фарси. Об этом писали Абулхасан Маджддудин Исхок Кисои и Носири Хусроу.

Неоднократно поэты и летописцы приравнивали государство Саманидов к державе Сасанидов, этому «упорядоченному персидскому царству», по выражению Фридриха Энгельса [2]. Показательно, что до последних лет существования Бухарского эмирата значительные земельные угодья его считались семейными вакфами Саманидов (вақфи авлоди Сомон), и денежный сбор с лиц, пользовавшихся этими землями, выплачивался потомкам Саманидов, проживавшим в Бухаре. В различных горных районах Восточной Бухары (Бальджуанское бекство и др.) взимание некоторых налогов (например, «савсор» с пушнины) обосновывалось тем, что их якобы ввели саманидские эмиры. С Саманидами же связывала народная молва образование некоторых больших поселений в различных районах Средней Азии.

* Доклад, прочитанный на XXIV Международном конгрессе ориенталистов в Мюнхене (1957 г.).
[1] См. «The Ta'rikh-i-Jahán-Gushá of Juwayni», part I. Ed. by Mirza Muhammad of Qazwin. London—Leyden, 1912, p. 242.
[2] См. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1947, стр. 75.

А. А. Семенов совершенно правильно отметил, что «в течение длинного ряда веков сохранялся в стране, некогда управлявшейся Саманидами, как бы известный пиэтет к их памяти»[3].

Довольно полное представление о политической истории саманидского государства дают нарративные источники. Почти исчерпывающую сводку этих источников мы находим в интересном труде Саида Нафиси о Рудаки (главным образом в первом томе). В классических трудах В. В. Бартольда и последующих работах советских историков (А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова, Б. Н. Заходера и автора настоящей статьи) освещены многие стороны социально-экономической жизни при Саманидах. Издавна предметом исследования многих ориенталистов были вопросы литературной жизни в эпоху Саманидов (Дж. Дармстетер, Г. Эте, Э. Браун, А. Крымский, Т. Нёльдеке и др.), в последние десятилетия этим вопросам особенно много внимания уделяли иранские авторы (М. Казвини, С. Нафиси, М. Бахар, З. Сафа и др.) и советские востоковеды (С.Айни, Е. Э. Бертельс, И. С. Брагинский и др.). В статьях А. Ю. Якубовского и А. А. Семенова внесена ясность в вопрос о происхождении Саманидов и о дате установления их власти[4]. Много ценного внесла в изучение периода господства Саманидов сессия Академии наук Таджикской ССР, проведенная в Сталинабаде в июне 1954 г., результаты работ которой отражены в упоминавшемся выше томе трудов Академии, где помещены статьи А. А. Семенова, Л. В. Ошанина, О. А. Сухаревой, В. А. Ворониной, Н. А. Кислякова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинского, М. Ф. Фазылова и М. И. Занда.

Все перечисленные работы и многие другие труды советских и зарубежных авторов, относящиеся к исследованию истории Средней Азии и Ирана эпохи древности и раннего феодализма, дают возможность ответить на вопрос, волновавший еще современников бурного расцвета и стремительного распада державы Саманидов: в чем причины этого возвышения и падения, происшедшего по существу на глазах всего лишь двух-трех поколений?

Династия Саманидов была, как известно, иранской династией, точнее, восточноиранской, в отличие от западноиранских, например Буидов. Достаточно взглянуть на географические границы саманидского государства, чтобы определить его как преимущественно среднеазиатское в широком смысле слова (охватывающее и Трансоксиану и Хорасан). В центре этого государства были расположены территории, издавна населенные восточными, среднеазиатскими иранцами, предками таджиков. Поэтому, чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо обратиться прежде всего к рассмотрению исторических судеб предков этого народа, к истории Согдианы, Бактрии, Хорезма и Парфии, этих древнейших восточноиранских государственных образований.

Весьма скудные письменные источники по доисламской истории Средней Азии значительно пополнились за годы советской эпохи в результате многочисленных археологических экспедиций. Особенно плодотворны были раскопки, проведенные под руководством А. Ю. Якубовского по Согду (Древний Пянджикент), С. П. Толстова по Хорезму, М. Е. Массона по Парфии (Старая Ниса), М. М. Дьяконова по Бактрии (Калаи Мир). Следует упомянуть также раскопки французской миссии в Афганистане (Ghirschmann, Haqin и др.). Полученные таким образом исторические

[3] *А. А. Семенов*. К вопросу о происхождении Саманидов. «Труды Академии наук Таджикской ССР», т. XXVII. Сталинабад, 1954, стр. 11.

[4] См. *А. Ю. Якубовский*. Об одном раннесаманидском фельсе (из ранней истории Саманидского дома). «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», вып. XII. М.—Л., 1946; *А. А. Семенов*. Указ. соч.

данные свидетельствуют о непрерывном развитии культуры населения Средней Азии со времен палеолита, о высоком уровне цивилизации, достигнутом народами Средней Азии в период, предшествовавший арабскому завоеванию. Было установлено, что к этому периоду здесь уже сложились феодальные отношения, поэтому арабы не сыграли той роли, какая принадлежит в развитии феодализма в Западной Европе сокрушившим Римскую империю варварам. Арабские завоеватели застали здесь высоко развитую экономику, богатые научные и литературные традиции. Неудивительно поэтому, что первоначально на первый план выступили сугубо отрицательные, разрушительные последствия завоевания. Не случайно и упорное сопротивление завоевателям местного свободолюбивого населения. Эта борьба, достигавшая порой крайнего драматизма, хорошо отражена в источниках и обстоятельно проанализирована и изложена в известных работах В. В. Бартольда и Х. А. Р. Гибба.

Вместе с тем было бы неверно недооценивать положительные результаты включения территории Трансоксианы (Мавераннахра) и Хорасана в состав Арабского халифата. Следует указать на демократические, уравнительские тенденции раннего ислама, проявившиеся впоследствии в различных народно-еретических течениях, сыгравших положительную историческую роль. Большое значение имело взаимообщение различных народов Ближнего и Среднего Востока, объединенных в рамках халифата. Это общение привело к расцвету положительных знаний, науки и литературы, творцами которых выступали представители разных народов, к расцвету культуры, получившей в науке общее название «арабской» (по языковому признаку). Наконец, нельзя не учитывать, что в создании халифата проявилась известная тенденция к государственной феодальной централизации, что впоследствии было успешно использовано местными иранскими династиями.

Очень важно отметить, что мощные народные движения, прокатившиеся по Средней Азии в ответ на арабское завоевание, особенно движение «белорубашечников» (мубайида, или сафедджомагон; см. исследования С. Айни и А. Ю. Якубовского), также способствовали процессу создания относительно централизованных государств, возглавленных местными династиями, в частности государства Саманидов[5]. С известными оговорками здесь можно провести аналогию с ролью средневековых народных движений в укреплении королевской власти в Западной Европе.

Самое упрочение династии Саманидов, решающая победа Исмаила Саманида над Амром ибн Лайсом Саффаридом (879—900), происшедшая у стен Бухары в 900 г., основывались на поддержке Исмаила народными массами — простолюдинами и ремесленниками. Об этом свидетельствует уже самый ранний из дошедших до нас источников по Саманидам — ат-Табари[6]. Об этом же пишут Ибн-Мискавейх[7] и еще более определенно Наршахи, рассказывающий о том, как Исмаил выдал довольствие и оружие и аристократам, и простолюдинам, и ремесленникам-ткачам (و مر اهل و نااهل را و جولاهه همه‌را علوفه بداد), и Амр, вначале возликовавший, недооценив, какую грозную силу представляет народное ополчение, был разгромлен[8].

Утверждение Наршахи о вооружении Исмаилом простолюдинов и ткачей находит подтверждение в «Та'рихи Систан»:

[5] См. *Б. Г. Гафуров*. История таджикского народа, т. 1. М., Госполитиздат, 1955.

[6] Ат-Табари, III, 2194.

[7] «Gibb memorial series», vol. VII, 5, p. 10.

[8] نرشخی تاریخ بخارا (*Наршахи*. Та'рихи Бухара). Тегеран, 1938, стр. 105.

اسماعیل بن احمد اندرماوراءالنهر منادی کردکه عمرو آمدکه ماوراءالنهر
بگیرد و مردمان بکشد و مالها غنیمت کند و زنان و فرزندان برده کند چون
چنین بود هرچه اندر ماوراءالنهر کس بود مردان کاری همه با او بر خاستند
و بحرب آمدندگفتند بمردی کشته به از آنکه اسیر

«Исмаил ибн-Ахмад в Мавераннахре велел глашатаям кричать: „Явился Амр, чтобы захватить Мавераннахр, убивать людей, грабить имущество и обратить в рабство детей и женщин". Поскольку это так и было, все ремесленники, которые были в Мавераннахре, стали на его сторону и отправились на войну с Амром со словами: „Лучше славная смерть, чем плен"»[9].

Вся политика первых Саманидов была направлена на сближение с местным населением, на культивирование местных традиций, на их своеобразный синтез с арабской, мусульманской культурой. Отсюда и признанная роль Саманидов в развитии классической поэзии на языке фарси. Характерно, что именно при Саманидах сложилась идея объединения всех иранских народностей, так ярко выраженная в бессмертной «Шахнаме» Фирдоуси. В этих-то условиях и мог появиться такой гигант рационалистической мысли, как Ибн-Сина. Недаром известный арабский географ ал-Макдиси, изъездивший все мусульманские страны от Испании до Индии, писал о Саманидах, что «они лучшие из царей по характеру, по виду и по почтению к науке и людям ее... они не обязывают людей науки целовать перед ними землю, и у них весь месяц рамазан происходят по вечерам собрания с целью диспутов в присутствии правителя» [10].

Прекрасным архитектурным памятником, запечатлевшим время ранних Саманидов, является знаменитый мавзолей Исмаила Саманида, о котором один из последних исследователей писал: «Как общее, так и частности говорят, что зодчий, создавший уникальное произведение эпохи Саманидов, следовал исконным канонам местной согдийской школы, воплощая лучшие ее достижения, и потому это прекрасное творение составляет законную гордость таджикского народа» [11].

Если Исмаил Саманид мог заявлять, что «я — стена Бухары», то лишь потому, что его поддерживал народ саманидской державы. О том, какое это имело значение, стало ясно именно в последние десятилетия существования государства Саманидов, когда они лишились этой поддержки.

Процесс феодализации повлек за собой, с одной стороны, развитие системы условных пожалований, тенденцию к переходу от бенефиция к лену и к росту удельной раздробленности, а с другой — к усилению феодального закабаления общинного крестьянства. Все это привело к увеличению центробежных сил в государстве: умножилось число выступлений феодалов против центральной власти, а также число народных мятежей. Наиболее ярким проявлением роста недовольства народных масс следует, вероятно, признать усиление карматского движения (проповедь Мухаммада Нахшаби; ср. карматские мотивы уравнительности в творчестве Рудаки) [12]. Доказательством того, что Саманиды боялись народа, является коренное изменение ими порядка комплектования войска, переход от сбора ополчения по округам к созданию гвардии из тюркских гуламов.

[9] تاریخ سیستان (Та'рихи Систан). Тегеран, 1935, стр. 255.

[10] «Descriptio imperii moslemici auctore Al-Mokadassi». BGA, vol. III, Lugd.-Batav, 1877, p. 338.

[11] *В. А. Воронина*. К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов. «Труды АН Таджикской ССР», т. XXVII, 1954, стр. 47.

[12] См. *И. С. Брагинский*. Из истории таджикской народной поэзии. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 267; *В. Н. Заходер*. Мухаммед Нахшаби. «Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета», 1940, вып. 41.

Рост недовольства народа подтачивал внутренние силы Саманидов. Очень скупо, но выразительно, повествует об этом очевидец событий Хилал ас-Саби, чей рассказ впервые обнаружил в рукописи и опубликовал В. Р. Розен еще в конце прошлого века. Вот что пишет (со слов очевидца) Хилал ас-Саби: «Я был в Бухаре, когда пришли войска ханские. И взошли тогда хатибы (проповедники) Саманидов на кафедры соборных мечетей и возбуждали народ к борьбе и говорили от имени Саманидов: „Вы ведь знаете, как мы хорошо с вами обращались и как мягко мы к вам относились. И угрожает нам теперь этот враг, и вам теперь надлежит помогать нам и сражаться за нас. Просите же Бога, чтобы он благословил вас в деле оказания нам помощи и поддержки". Жители Бухары большей частью носят оружие, как и [вообще] обитатели Мавераннахра. И когда люди услыхали это, то они пошли к тем, которые у них считались факихами (законоведами), и просили их фетвы относительно того, сражаться ли им. Но те запретили им это, говоря: „Если бы Ханиды препирались [с Саманидами] из-за религии, то сражаться с ними было бы обязательно. А когда борьба идет из-за благ сего мира, то не позволено мусульманам губить себя и подставить себя для убиения. Образ жизни этих людей [т. е. Ханидов] прекрасный и вера их безупречна, и [поэтому] лучше воздержаться [от всякого вмешательства]". И было это одной из главных причин захвата власти Ханидами и бегства и падения Саманидов. И вступили Ханиды в Бухару и вели себя прекрасно и были милостивы к народу» [13].

В. В. Бартольд в свое время правильно заметил: «... о каком-либо сопротивлении Богрохану при его движении из Исфиджаба на Самарканд и Бухару и при занятии им столицы Саманидов (в источниках.—*Б. Г.*) не говорится. Очень вероятно, что народ, более всего страдавший от постоянных смут, отнесся к перемене династии довольно равнодушно» [14].

Из приведенного нами анализа вытекает следующий вывод. Государство Саманидов—инструмент господства крупной феодальной аристократии, лишенное поддержки народа, интересы и чаяния которого пришли в резкое, непримиримое противоречие с интересами феодальной знати,— не выдержало внешнего нажима и развалилось. Таковы поучительные причины возвышения и падения Саманидов, таковы некоторые достойные внимания уроки истории.

SUMMARY

Dr. B G. Gafurov convincingly proves that the dynasty of Samanides was sustained in power by the support of the people. The entire policy of the first Samanides was directed towards the establishment of contacts with the local population, towards the support of local traditions and their peculiar synthesis with the Arab Moslem culture. As soon as the state of the Samanides (a state of feudal aristocracy) lost the support of the people whose interests and aspirations clashed with the interests of the feudal nobility, it fell, unable to resist foreign pressure.

These are the reasons of the rise and fall of the Samanides, concludes the author, these are some of history's lessons which are worth pondering over.

[13] *В. Розен*. Рассказ Хилâля ас-Сâби о взятии Бухары Богра-ханом. ЗВОРАО, 1888, т. II, вып. 3 и 4, стр. 275.

[14] *В. Бартольд*. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 270—271.

СУЩНОСТЬ ЯПОНСКОЙ ТЕОРИИ НАТУРАЛИЗМА *

(Из истории японской литературной критики)

Б. В. ПОСПЕЛОВ

Становление современной японской литературы относится к первому десятилетию XX в. В качестве одного из основных художественных методов изображения действительности в этот период утверждается критический реализм.

Истоки японской литературы критического реализма восходят к творчеству Фтабатэя, которое оформилось в период углубления классовых противоречий в Японии и было тесно связано с буржуазно-демократическим движением «дзию минкэн ундо», охватившим страну в 80-х годах XIX в. Не менее важным фактором, обусловившим направление творчества этого писателя, явилось влияние русской литературы критического реализма. Его роман «Плывущее облако» (1886), написанный под сильным воздействием Гончарова и Тургенева, явился в Японии, по существу, первым произведением, которое было создано на основе реалистического метода. Произведение Фтабатэя было новым для японской литературы как по своей форме, так и по содержанию. Оно пробило брешь в литературе писателей-эпигонов феодальной эпохи и определило путь развития литературы реалистического направления.

Большое значение имела литературно-переводческая деятельность Фтабатэя. Она способствовала чрезвычайному распространению в Японии русской литературы, которая наряду с французской сыграла важнейшую роль в развитии реализма в Японии[1]. В значительной степени под влиянием русской литературы оформилось и творчество Симадзаки Тосона, Куникидо Доппо и многих других японских писателей периода расцвета литературы критического реализма. Не будет преувеличением сказать, что в истории международных литературных связей, пожалуй, трудно найти примеры такого исключительно мощного влияния одной литературы на другую, как влияние русской литературы на японскую. Об этом свидетельствуют и данные анализа важнейших произведений и признания самих писателей и литературных критиков Японии.

---

* Публикацией данной статьи журнал продолжает обсуждение проблемы возникновения и развития реалистической тенденции в литературах народов Востока и ее взаимоотношений с другими направлениями и творческими методами [см. статьи: *Н. И. Конрад*. Начало китайского гуманизма (1957, № 3); *В. Г. Эрман*. Об элементах народности в индийской классической драматургии (1957, № 4) и другие]. Редакция просит литературоведов принять участие в обмене мнениями по этой проблеме.

[1] О роли Фтабатэя в развитии японской реалистической литературы и популяризации произведений русских писателей см. *Н. И. Конрад*. Проблема реализма и литературы Востока. «Вопросы литературы», 1957, № 1.

Японские писатели-реалисты начала XX в., используя метод реалистического отображения действительности, сумели создать ряд высокохудожественных произведений, поднимавших злободневные вопросы современности. Критика буржуазного общества, показ теневых сторон капитализма обусловили критическое направление их творчества и большую социальную значимость их произведений.

После того как критический реализм стал доминирующим в японской литературе, в Японии впервые оформились эстетические теории, которым были посвящены статьи и книги по вопросам эстетики и художественного мастерства. Это не было случайным явлением. «Развитие новых критических убеждений,— писал Чернышевский,— каждый раз было следствием изменений в господствующем характере литературы» [2]. В центре внимания японской литературной критики этого периода стояли вопросы, связанные с тем новым, что принесли в литературу писатели-реалисты Тосон, Доппо и другие. Японские критики пытались осмыслить и теоретически обобщить новый метод, который занял ведущее место в японской литературе. Конечно, развитие литературной критики в Японии в первом десятилетии XX в. было обусловлено не только причинами литературного порядка. Главные причины изменений в японской литературе и критике коренились в изменениях самой общественной жизни, в обострении тех социальных противоречий, которые были характерны для японского общества первого десятилетия XX в.

В японской критике этого периода сложились два основных направления: «натуралистическое» и так называемое «ёюха», представители которого стояли по существу на позициях идеализма, антиреализма. «Натуралистическое» направление развивалось на базе реалистической литературы. Провозгласив принципы «натурализма» в художественном творчестве и усмотрев в произведениях японских писателей воплощение этих принципов, японская критика назвала эту литературу «натуралистической».

Общеизвестно, что термин «натурализм», обозначавший тот или иной метод художественного творчества, в своем историческом развитии претерпел целый ряд смысловых изменений. Обычно указывают на Руссо как на первого писателя, провозгласившего принцип натурализма в литературе. Лозунг натурализма, который воспринимался в эпоху Руссо как призыв приблизиться к природе, к естественному человеку, был использован для заявления о «естественном», данном самой природой праве человека быть равным в обществе и выражал передовые устремления французской буржуазии, боровшейся против феодализма.

В дальнейшем, в силу изменения исторических условий, натуралистический тезис обращения к природе постепенно терял свое первоначальное значение. Когда французские натуралисты второй половины XIX в. стали призывать писателя к изображению биологической природы человека, натурализм стал качественно новым явлением.

Термин «натурализм» понимался также в значении приближения литературы к действительности, к обществу. Иногда он употреблялся для обозначения литературных течений, представители которых стояли на позициях критического реализма. Таковой, например, была «натуральная школа» в русской литературе 40-х годов прошлого столетия, идейным вождем которой был В. Г. Белинский. Конечно, литература русской «натуральной школы» не имела ничего общего с натуралистической литературой, воплотившей в себе принципы натуралистической теории второй половины XIX в.

---

[2] *Н. Г. Чернышевский*. Избранные философские сочинения, т. I, 1950, стр. 412.

Что же представляло собой «натуралистическое» направление в японской литературной критике? Термин «натурализм» впервые появился в Японии в конце 80-х годов в одном из обзоров европейской литературы известного японского писателя и переводчика Мори Огай. Этим термином (по-японски «сидзэнсюги») Огай назвал новое направление во французской литературе. Затем в Японии были переведены теоретические работы французских натуралистов. Особенно большое распространение получили работы Золя «Романисты-натуралисты», «Экспериментальный роман» и другие. Вместе с ранними художественными произведениями этого писателя они составили базу, на основе которой японская литературная общественность познакомилась с натурализмом.

Таким образом, на первом этапе натурализм в Японии понимался в том смысле, который ему придавали французские писатели и теоретики. Под влиянием натурализма Золя в Японии также появились отдельные теоретические работы и художественные произведения, выдержанные в откровенно «золаистском» духе, например, опубликованные в конце 90-х годов XIX в. произведения Осуги Тэнгай и Нагаи Кафу. Наглядно иллюстрировавшие основные положения натурализма, они в художественном отношении находились еще на низком уровне. Эта ветвь японского натурализма не получила в тот период развития и вскоре заглохла, однако семена золаистского натурализма были посеяны, и через некоторое время они дали в Японии свои всходы.

Между тем в Японию проникали все новые теоретические работы западноевропейских критиков. Стали известны Ипполит Тэн, Георг Брандес, широкое распространение получили работы немецких натуралистов, расширившие для японской публики значение термина «натурализм». Однако западноевропейская критическая литература не могла создать японской литературно-критической школы, ибо литературные и общественные условия в самой Японии для этого еще не созрели. Японские писатели и критики продолжали поиски художественных принципов, наиболее отвечавших запросам общества, пытаясь обосновать их в своих теоретических работах.

Одним из этапов развития натурализма в Японии явились теоретические установки писателя Таяма Катай, изложенные в некоторых его работах, опубликованных в начале 900-х гг. Несмотря на значительное влияние теории Золя на Таяма Катай, его натурализм на этом этапе представлял собой несколько отличное от натурализма Нагаи Кафу явление. Таяма Катай выдвинул принципы «неприкрашенного изображения» и «плоскостного изображения». Их сущность состояла в требовании объективно, без прикрас отображать действительность, отказаться от предвзятого мнения относительно происходящих в ней явлений, не навязывать своих субъективных выводов. В данном случае Катай взял одну из рациональных сторон теории Золя, именно ту, которая более всего подходила для борьбы с антиреалистической феодальной литературой, доминировавшей в Японии. Но все это были лишь робкие попытки осмыслить и изложить особенности нового художественного метода. Развитие литературной теории натурализма началось несколько позже — во второй половине первого десятилетия XX в., когда в Японии уже получила достаточное развитие реалистическая литература. Натурализм этого периода отличался от того натурализма, с обоснованием которого в конце XIX в. выступили Тэнгай и Кафу. Это было новое явление, родившееся под влиянием изменений в японской литературе и испытавшее на себе воздействие западноевропейской критики.

Натуралистическое направление в японской критике окончательно оформилось в 1907—1908 гг., его возглавляли известные критики и литературоведы Симамура Хогэцу и Катаками Тэнгэн (Нобуру). Особое место среди теоретиков японского натурализма занимал Хасэгава Тэнкэй. За Хогэцу, Катаками и Тэнкэем шли Сома Гёфу, Накамура Сэйко, Нобори Сёму, Накадзава Ринсэн, Ивано Хомэй и ряд других критиков и публицистов. При изучении весьма обширной литературы по вопросам «натуралистической теории» бросается в глаза неоднородность эстетических воззрений критиков. Среди них ясно обнаруживаются две группы. Основная, объединявшая большинство сторонников натуралистического направления, возглавлялась Хогэцу и Катаками. Во главе второй стоял Тэнкэй.

Литературная теория Хогэцу, естественно, находится в тесной связи с его мировоззрением и эстетическими взглядами. Как и большинство теоретиков натуралистического направления, Хогэцу принадлежал к передовой мелкобуржуазной японской интеллигенции, которая в начале XX в. остро реагировала на противоречия современного ей общества. Растерянность перед беспощадной действительностью, скорбь по поводу судьбы человека в капиталистическом обществе, сознание несправедливости существующего социального строя — таковы черты мировоззрения Хогэцу.

Хогэцу был присущ так называемый утилитарный взгляд на искусство. В искусстве и литературе Хогэцу видел средство выражения «страдания» человека, бьющегося в тисках неразрешимых противоречий. Хогэцу призывал искусство и литературу искать «правду» жизни, которая всегда выступала у него как олицетворение присущего лучшим представителям японской интеллигенции чувства «скорби», и указывал на необходимость подчинения искусства действительности [3]. Ратуя за приближение искусства к жизни, Хогэцу указывал, что оно должно служить обществу, человеку, а не целям удовлетворения субъективно-эстетических вкусов художника. На базе теории утилитарного искусства Хогэцу и строил свою литературную теорию, которую он называл «натурализмом». Вот ее основные положения, которые мы находим в работах этого критика.

«Изучение натурализма возможно в двух направлениях — в направлении изучения его конструктивных элементов и изучения его ценности... Конструктивные элементы натуралистического метода можно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения способа натуралистического изображения и, во-вторых, с точки зрения целей и материала изображения. Анализируя натурализм с точки зрения способа изображения, мы находим в нем два вида изображения, а именно: чисто объективное изображение явлений и изображение с привнесением субъективно-оценочного момента. Другими словами, реалистическое и оценочное (объяснительное) изображение. В первом случае мы имеем „собственно натурализм", во втором — „импрессионистический натурализм". Изображая природу, следует воспроизводить ее по возможности объективно, правдиво и точно. В этом случае способ изображения должен быть подобен способу отражения вещей в зеркале, т. е. изображение явления должно быть абсолютно объективным, абсолютно реалистическим. В этом сущность „собственно натурализма"» [4].

Касаясь объекта изображения, Хогэцу пишет далее: «Идеалистическая литература стремится к изображению идей. Натурализм же изображает

---

[3] См. 島村抱月, 美學と生の興味 (*Симамура Хогэцу*. Эстетика и интересы жизни). 早稲田文學(«Васэда бунгаку»), 1907, № 10; *его же*. 藝術と實生活の界に 横はる一線 (Линия разделения искусства и действительной жизни). «Васэда бунгаку», 1908, № 9 и другие.

[4] 島村抱月, 文藝上の自然主義 (*Симамура Хогэцу*. Натурализм в литературе). «Васэда бунгаку», 1908, № 1, стр. 109.

правду. Правда — вот слово, являющееся жизнью натурализма, его девизом» [5].

Говоря об особенностях содержания «натуралистической» литературы, Хогэцу отмечает, что до появления натуралистических произведений в японской литературе были две ярко выраженные тенденции — доставить произведением удовольствие читателю и «придать произведению практическое содержание». Но, пишет Хогэцу, эти элементы как составные части категории прекрасного должны присутствовать в литературе одновременно. Если в литературном произведении нет такого единства элементов, то его художественная ценность незначительна; если оно преследует практические цели, то становится, подобно учебнику, сухим, резонерствующим; если же преследует цели развлекательные, то полно анекдотов, полуфантастических рассказов или гимнов разврату и пьянству. Истинно художественная литература должна иметь практическое значение, но одновременно возбуждать чувство удовольствия и глубоко проникать в сердце читателей [6].

Примером воплощения прекрасного в единстве его двух составных элементов Хогэцу считал современную ему «натуралистическую» литературу, «практическим содержанием» которой является «правда», «истина» как отражение характерных явлений действительности и характерных для общества умонастроений. «Если натуралистическая литература считает своим содержанием „истину“, то, естественно, что предпосылкой к определению натуралистического художественного метода будет стремление писателя объяснить, раскрыть природу этой „истины“, „правды“, ибо литература, занимающаяся изложением религиозных идей, вопросов философии или описывающая лишь поверхностные явления действительности, не является натуралистической»[7]. Натуралистическая литература «противопоставляет установившейся старой морали, современной культуре естественность, безыскусственность и заставляет человека вспомнить о его первоприроде. Эта литература описывает природу, противостоящую цивилизации» [8].

Чтобы более наглядно изложить сущность натуралистического метода, Хогэцу сравнивает его с романтизмом и приходит к выводу о том, что «характерные черты романтизма, возникшего как протест против формалистических установок классицизма, стремление романтизма вникнуть в сущность явлений и предметов свойственны и натурализму. Натуралистическая литература ставит перед собой задачу раскрыть глубокий смысл явлений в их подлинном, неприукрашенном виде. Однако, в отличие от романтизма, натурализм не может забывать и о правдивости изображения форм проявления действительности... В литературе, конечно, невозможно показать всю совокупность явлений действительности — в ней изображаются лишь индивидуальные явления. Но одновременно с размышлением о сущности индивидуального явления человеческой жизни возникает вопрос о смысле человеческой жизни вообще как комплексе явлений, что заставляет вас задуматься над судьбой человека»[9].

Современные Хогэцу литераторы из антинатуралистического лагеря подвергали ожесточенной критике писателей «натуралистической» школы за то, что они якобы были пристрастны к изображению животных инстинктов человека и т. д. В заключительном разделе цитируемой нами работы Хогэцу отвечает этим критикам, что «тот, кто отождествляет натурализм

[5] *Симамура Хогэцу*. Натурализм в литературе, стр. 112.
[6] 島村抱月, 自然主義の價値如何 (*Симамура Хогэцу*. Ценность натурализма). «Васэда бунгаку», 1908, № 5, стр. 19.
[7] Там же, стр. 21.
[8] Там же, стр. 22.
[9] Там же, стр. 26.

с теорией „свободы воли“, делает громадную ошибку в понимании сущности натуралистического метода. Поскольку похоть, низменно-плотские чувства являются частью действительности, то для изображения настоящей, реальной жизни в необходимых случаях не приходится скрывать эти чувства...»[10] Развивая мысль о теории «свободы воли» (в данном случае «свобода воли» понимается Хогэцу в смысле свободы от официальных догм и традиций, в смысле отрицания старых моральных устоев), в проповеди которой обвиняют натурализм его противники, Хогэцу пишет, что самое содержание литературы натурализма неизбежно влечет к столкновению заключенных в ней идей с официальной моралью, являющейся продуктом определенной социальной среды, и в этом отношении противопоставление идей натуралистической литературы идеям, имеющим хождение в жизни, безусловно.

Такова сущность натуралистического метода Хогэцу. Что же такое «правда», «истина», которые он считал «объектом изображения натуралистической литературы»? Характеризуя сущность эстетических воззрений Хогэцу, мы говорили уже, что в понятие «правды» Хогэцу вкладывал смысл «скорби», сожаления, присущих той части японского общества, которая остро переживала конфликт между действительностью и человеком. Иными словами, требование изображения правды жизни у Хогэцу являлось требованием изображения общественного чувства, общественного умонастроения. Литература натурализма и должна была дать писателю возможность выступить перед обществом с показом правды социальной жизни.

Призывая писателей раскрывать все стороны человеческой жизни, поднимать общественные проблемы, изучать смысл явлений действительности, изображать эти явления обоснованно, исходя лишь из данных глубокого анализа действительности, показывать ее наиболее мрачные стороны, ни в коем случае не делая изображение низменно-плотских чувств самоцелью, Хогэцу ориентировал литературу на правдивое, реалистическое отображение действительности.

Вполне понятно, что в условиях капиталистической Японии писатель, стремившийся реалистически воспроизвести действительность, мог пойти только по пути критического реализма, ибо сама действительность определяла критическое отношение художника к явлениям жизни. В установке Хогэцу на правдивое, объективное отображение действительности, таким образом, была заключена идея критического реализма, идея развития глубокосодержательной, высокоидейной, реалистической литературы. В этом ценность и прогрессивное значение «натуралистической» теории Хогэцу.

Разумеется, было бы неправильным считать, что литературная теория Хогэцу была вполне законченной и свободной от ошибок. Формалистический в ряде случаев подход к оценке роли литературы, увлечение абстрактным теоретизированием не позволили Хогэцу полностью выявить общественно-историческое значение реалистической, или, употребляя его термин, натуралистической литературы, объяснению сущности которой он посвятил свои критические работы. Тем не менее Хогэцу был первым критиком и теоретиком, который, продолжив работу известного писателя и критика конца XIX в. Цубоути, заложил основы литературной теории реализма в Японии.

Перейдем к рассмотрению литературной теории Катаками.

Катаками принадлежал к той же части японской интеллигенции, что и Хогэцу. Подобно последнему, он скорбел по поводу «неустройства»

[10] *Симамура Хогэцу*. Ценность натурализма, стр. 27.

современной ему жизни, искренне сочувствовал страдавшему в условиях буржуазной Японии народу.

Но вместе с тем Катаками были присущи черты, которых мы не найдем в мировоззрении Хогэцу и ряда других представителей японской интеллигенции. Катаками более глубоко задумывался над жизнью, стараясь найти ответ на вопрос о путях ее обновления.

Отрицая современное ему буржуазное общество, Катаками мечтал о новом, более совершенном общественном строе. Выступая с критикой социального уклада японской жизни, он выражал уверенность в способностях человека улучшить общественный строй и создать условия для всестороннего развития личности.

Правда, в то время Катаками еще не знал, какое общество придет на смену буржуазному, кто будет строителем этого общества и какие пути ведут к нему, но уверенность в счастливом для человека исходе борьбы за лучшее будущее никогда не покидала его [11].

Эта отличительная черта мировоззрения Катаками оказала влияние и на его литературно-эстетические взгляды, в том числе и на его теорию «натурализма».

В период утверждения теории «натурализма» Катаками только еще начинал свою публицистическую деятельность. По сравнению с Хогэцу, он создал меньше работ по вопросу о художественном методе, но все написанное им в «натуралистический» период его литературно-критической деятельности, свидетельствует о том, что Катаками уже в 1907—1908 гг. как теоретик прочно стоял на позициях критического реализма. Катаками следующим образом характеризует «натуралистический» метод: «Сущность натуралистического метода заключается в объединении элементов действительности, воспринятой на основании непосредственного опыта, с личностью, с „я", воспринимающей эту действительность, т. е. заключается во вторичном изображении человеческой жизни на основании непосредственного опыта и в результате рассмотрения действительности как единого целого... Натурализм рассматривает непосредственно воспринимаемую действительность как движущуюся к воспринимающему ее субъекту, к „я", а субъекта — „меня" — как движущегося к воспринимаемой действительности, обращая при этом внимание на колебания движущегося субъекта как на объективно существующее явление... Колебания субъекта — это есть отношение индивидуума ко всему существующему в действительности. При признании материальной действительности и ее сил недостатки, ложь, грубость, жестокость, темные стороны нашей несовершенной и неустроенной жизни в конце концов вызывают весьма сильное ответное чувство, отношение писателя к ней. Это отношение, чувство будет не чем иным, как острой болью, скорбью, сожалением. А изображение объективно воспринятых явлений, окрашенное в тона скорби и боли, с привнесением чувства сожаления и будет натуралистическим изображением» [12].

Таким образом, отличительной чертой «натуралистического» метода Катаками считал воспроизведение действительности на основании изучения ее явлений; подходя к этим явлениям, писатель должен давать им оценку и выявлять свое отношение ко всему, что он наблюдает в жизни.

[11] Стремление найти «правду», уверенность в способности человека заменить буржуазный строй более совершенным общественным режимом, присущие Катаками в «натуралистический» период его литературно-критической деятельности, явились прочной базой последующего развития его мировоззрения в сторону приближения к социализму. Через 10—15 лет после начала своей критической деятельности Катаками окончательно порвал с классом буржуазии. Последние годы своей жизни он посвятил изучению проблем теории пролетарской литературы.

[12] 片上天弦，人生観上の自然主義 (*Катаками Тэнгэн*. Натурализм в мировоззрении). «Васэда бунгаку», 1907, № 12, стр. 9.

В этом Катаками видел принципиальное отличие новой «натуралистической» литературы от японской литературы конца XIX в. Не ограничиваясь призывом к изучению действительности, он прямо указывал, каким должно быть отношение к ней писателя: темные стороны несовершенной и неустроенной жизни должны вызывать у него чувство боли и сожаления, поэтому, описывая явления действительности, он не может оставаться равнодушным. Ориентируя писателя на изображение теневых сторон жизни, Катаками призывал тем самым создавать общественно значимые произведения, боролся за развитие глубоко идейной литературы, реалистически отображающей «дух» времени.

Некоторые критики упрекали писателей натуралистического направления за то, что в их произведениях, полных скорби и печали, не отражены светлые моменты жизни. Признавая, что некоторые основания для такой критики есть, Катаками тем не менее считал определяющим действие «жестоких сил материального мира».

«Расстилающаяся перед нами действительность, объективно существующий мир с давних пор является ареной борьбы одного со многими. Это „одно" есть личность. Неизвестно, как скоро взойдет заря, возвещающая о наступлении того дня, когда бесследно исчезнет сознание противоположности личности и общества и все объединится в одно гармоничное целое... В сегодняшней жизни, от которой не может уйти сознание нашего маленького „я", не забывается душевная тоска, даже если вы делаете различие между показаниями вашего разума и вашего рассудка, даже если вы чувствуете себя незаинтересованным в подходе к оценке явлений действительности. Мы по-прежнему стремимся освободиться от этого чувства боли и тоски, но это желание, оставаясь только желанием, лишь увеличивает нашу печаль. Это чувство печали, чувство страдания сопровождается работой нашего сознания, которое трудно заставить молчать. Но разве не является именно это сознание основой нашей жизни? Натуралистическая литература является выражением этого беспрестанно работающего сознания. Она родилась по требованию этого сознания» [13].

Это высказывание наглядно иллюстрирует взгляды Катаками на общество и задачи литературы, отображающей явления этого общества. Правдивое изображение «неустроенной», основанной на несправедливости и насилии жизни — таков, по мнению Катаками, основной принцип «натуралистического» метода. Призывая описывать характерные явления действительности, Катаками приближался к правильному истолкованию значения единичного для показа типического. Мысль, что каждый единичный факт в художественном произведении должен иметь значение всеобщего, уже видна в его высказываниях о характере «натуралистического» изображения в цитированной нами работе «Натурализм в мировоззрении». Еще более полно идеи о соотношении единичного и всеобщего в художественном произведении и о необходимости всестороннего показа явлений изложены в статье «Натурализм Флобера». Анализируя роман Флобера «Мадам Бовари», который он рассматривал как образец «натуралистической» литературы, Катаками писал: «Если главным объектом изображения и является всего лишь жизнь Эммы, то она показана всесторонне, во всех ее связях, проявлениях... Можно сказать, что произведение „Мадам Бовари" рисует жизнь средних слоев провинциального общества Франции... Описывая узкий круг частных явлений, оно в то же время изображает и всеобщее, показывает всеобщую ситуацию» [14].

[13] *Катаками Тэнгэн*. Указ. соч., стр. 10—11.

[14] フロベルの自然主義 (*Катаками Тэнгэн*. Натурализм Флобера). «Васэда бунгаку», 1908, № 1, стр. 165.

Итак, реализм — таково содержание литературной теории Катаками. В своих суждениях о сущности реалистического метода Катаками был более последователен, чем Хогэцу. Он не остановился на полпути и указал литераторам, решившим посвятить себя делу прогресса, дорогу, которой они должны были идти в жизни. Пожалуй, не будет ошибки, если мы скажем, что среди японских критиков тех лет именно Катаками наиболее глубоко понимал задачи литературы в обществе [15]. Это обстоятельство дает право считать Катаками самым выдающимся представителем японской критики начала XX в. вообще и ее «натуралистического» направления в частности.

Что касается литературной теории третьего, наиболее известного автора работ о «натурализме» — Хасэгава Тэнкэя, то его взгляды на литературу находились по существу в полном противоречии со взглядами Хогэцу и Катаками. Резкое обострение классовых противоречий в Японии после русско-японской войны привело к образованию среди интеллигенции различных группировок, тяготевших к тем или иным классам общества. И если в мировоззрении Катаками и Хогэцу нашли свое отражение идеи демократически настроенных слоев мелкой буржуазии Японии, то Тэнкэй выражал идеи той части японской интеллигенции, которая в этот период окончательно перешла на службу к империалистическим, милитаристским кругам японской буржуазии.

Тэнкэй называл свое мировоззрение «нигилистическим», рассматривая его как базу развития так называемого реалистического мировоззрения. Его нигилизм носил характер мещанского бунтарства против всех и всяких идей—философских, религиозных, моральных.

Известно, что одной из форм выступления японских критиков и публицистов против буржуазного общества в период обострения классовых противоречий в стране было отрицание старых религиозных догм, морали, традиций. Нельзя не признать положительное значение подобной критики, подрывавшей идеологические основы японского капитализма. Но Тэнкэй опошлил эту критику, выступив с отрицанием не только старых идей и морали, но и идей, науки вообще. В распространении идей — самое большое зло для современного общества, утверждал неоднократно Тэнкэй, солидаризуясь с Ницше, провозвестником идеологии империалистической реакции и фашизма.

Призывая отказаться от попыток решить вопрос о сущности бытия, волновавший тогда многих представителей японской интеллигенции, Тэнкэй выдвинул тезис «реалистического» осмысления жизни, заключавшийся в требовании безапелляционного принятия буржуазной действительности такой, какой она была на самом деле.

Тэнкэй ратовал за воспитание японских трудящихся в духе выработанного им «реалистического» мировоззрения. Он боролся против распространения идей гуманизма, усматривая в нем всего лишь пустую абстракцию. Тэнкэй провозгласил идею «конкретного человека», согласно которой каждый человек должен твердо знать свое место в обществе, а именно: эксплуататоры призваны руководить и распоряжаться, а эксплуатируемые — работать и подчиняться во имя «общих» интересов укрепления государства. Тэнкэй негодовал по поводу недостаточно «реалистической» системы образования детей японских трудящихся: «Я думаю, что мы должны всемерно поощрять распространение принципа самого последовательного реализма. В чем сущность этого принципа? Говоря в общих словах, это принцип такого воспитания, когда каждый воспитуемый до конца осознает свое место в обществе... Сын лавочника должен знать, что он сын лавочника, сын чиновника должен осознать, что он сын чиновника, сын аристократа должен осознать, что он сын аристократа — это и есть так называемое реалистическое воспитание. Однако сегодняшняя система воспитания, не делая различия между детьми крестьян, горожан, военных, аристократов и т. д., всех их обучает в духе идеального человека, и поэтому им преподают одинаковые принципы морали, этики, одинаковые знания по науке и искусству. Сыну рикши, сыну лавочника, торгующего сластями, сыну мелкого служащего — детям всех трудящихся классов необходимо внушить понятие об их действительном месте в жизни. И в этом мы видим их счастье, процветание общества, развитие культуры» [16].

Таковы взгляды Тэнкэя, которые определили принципиальное отличие его «натуралистической» теории от «натуралистической» теории Хогэцу и Катаками. Несмотря на то, что Тэнкэй, так же как и Хогэцу и Катаками, придерживался «утилитарного» взгляда на искусство и литературу, его утилитаризм в корне противоположен утилитаризму двух первых теоретиков японского «натурализма». Основные высказывания Тэнкэя о сущности «натуралистического» метода мы находим в одной из его многочисленных работ, озаглавленной «Ошибки в понимании натурализма»: «Если говорить об основной идеологии натуралистической школы, то, пожалуй, слово „нигилизм“ точнее всего определяет ее сущность. Услышав это, некоторые, пожалуй, испугаются и скажут, что в таком случае силой закона необходимо пресечь это течение. Но это будет заблуждением относительно истинного значения этого слова. Неправильно считать, будто бы наш нигилизм адекватен мировоззрению возникшей в России и получившей там громадное распространение партии нигилистов. Мы должны рассматривать эти два мировоззрения как абсолютно противоположные друг другу явления, но если кратко говорить о сущности нигилизма, то это — идеология, отказывающаяся подчиняться каким бы то ни было авторитетам и признающая только действительность» [17].

Указывая на «нигилизм» как на базу «натурализма» и подчеркивая его безопасность для господствующих классов, Тэнкэй пояснял, как принципы «нигилизма», будучи примененными в литературной практике писателя, влияют на его отношение к действительности. Принципы нигилизма, писал Тэнкэй, требуют проникать в реальную действительность, очищая ее от всяких украшений, какими являются для нее идеалы. Проявление этого мировоззрения в литературе и есть натурализм. Художник, принадлежащий к натуралистической школе, должен, отбросив идеал прекрасного, идеал добра, идеал правды и т. д., стремиться к «разоблачению действительности», которую Тэнкэй понимал весьма своеобразно. По его мнению, слово «действительность» совсем не равнозначно употребляемому философами слову «истина». Истина, правда, утверждал Тэнкэй, это термины, сложившиеся в результате теоретического, абстрактного рассуждения на основании наблюдения какой-либо части действительности. Это нечто аморфное, неосязаемое. Доброе, прекрасное и другие им подобные идеалы являются разновидностями истины, поэтому натурализм их не признает. Объектом его изучения должна быть только «чистая действительность». Отличительной особенностью натурализма является то, что он не дает оценки ни одному явлению. Описывая действительность, он просто воспро-

[15] Работа Катаками 片上天弦, 排自然主義論一斑 (Пример антинатуралистической теории) オトトギス («Хототогису», т. II, № 6, 10, 11), в которой он выступил против критики реализма немецким литературоведом Нордау,— лучшее из известных нам произведений японской критики 1906—1910 гг.

[16] 長谷川天溪 現實主義の諸相 (*Хасэгава Тэнкэй*. Формы реализма). 太陽 («Тайё»), 1908, № 8, стр. 157—158.

[17] 長谷川天溪, 自然主義對する誤解, 太陽 (*Хасэгава Тэнкэй*. Ошибки в понимании натурализма). «Тайё», 1908, № 5, стр. 154.

изводит ее такой, какой она является в данный момент [18]. «Бесполезно потрясать копьями идеалов перед действительным миром, непрерывно изменяющимся во времени и пространстве. Уже стало невозможно тешить себя иллюзиями относительно действительности. Мы сможем вполне удовлетвориться объяснением сущности человеческой жизни только на основании ее наблюдения. Это будет осмысленным реализмом. В философии он проявляется в последнее время в форме прагматизма, а в литературе — в форме натурализма» [19].

Тэнкэй прямо указывал, что писатель не должен стремиться найти в действительности всеобщее и изобразить это всеобщее в литературном произведении. Данные эмпирические наблюдения—вот, по Тэнкэю, принцип восприятия действительности. «Натурализм,— писал Тэнкэй, — не настаивает на изображении действительности в целом или, скорее, не ставит себе вопроса, что же такое действительность, взятая как целое...» [20]. Эту же мысль он повторил в работе «Направление в современной литературе»: «Натурализм—это метод отображения правды, истины такой, какой она предстала перед вашими глазами. Является ли эта правда универсальной, или вечной, или прекрасной, или безобразной — натурализму до этого нет дела» [21]. Такова сущность литературно-эстетических и литературно-критических воззрений трех главных представителей школы «натурализма» в Японии — Хогэцу, Катаками и Тэнкэя.

Как мы видим, направление в японской литературной критике, вошедшее в историю под названием «натуралистического», представляло собой неоднородное явление. С одной стороны, к нему примыкали критики и публицисты, во взглядах которых на задачи и роль искусства и литературы в обществе нашли свое выражение умонастроения передовой части японской мелкобуржуазной интеллигенции, оппозиционно настроенной к существовавшему политическому режиму, а с другой — публицисты, выражавшие интересы реакционных кругов японского общества, стремившиеся поставить литературу на службу империализму и милитаризму. Если представители реакционного течения в «натуралистической» школе, идеологом которого был Тэнкэй, стояли на позициях натурализма в собственном смысле этого слова, то представители прогрессивного течения во главе с Хогэцу и Катаками создали по существу первую теорию реализма на японской почве.

SUMMARY

The author analyses the literary and esthetic views of the leading representatives of Japanese literary criticism of the so-called «naturalistic» trend represented by Shimamura Hogetsu, Katakami Tengen and Hasegawa Tenkei. This trend, which had taken shape at the beginning of the twentieth century, was to exercise great influence on Japanese criticism as a whole and the literary research in the years that followed. The study of the works of Hogetsu, Katakami and Hasegawa Tenkei has shown that Hogetsu as well as Katakami followed the realistic trend. As for Hasegawa Tenkei, there was in essense no difference between his own theory and the theory of naturalism in the modern sence of this word. Hence, the author's conclusion about the heterogeneous character of the literary criticism of the naturalistic trend. Taking into account, however, that the absolute majority of critics of this trend followed Hogetsu and Katakami the author considers the naturalistic trend as a whole to be realistic.

[18] См. *Хасэгава Тэнкэй*. Формы реализма, стр. 156—157.

[19] 長谷川誠也現實害露の想哀, 太陽 (*Хасэгава Сигэнари*. Скорбь, возникающая при раскрытии действительности). «Тайё», 1908, № 1, стр. 160.

[20] Там же, стр. 158.

[21] 長谷川天渓近事小說壇の傾向, 太陽 (*Хасэгава Тэнкэй*. Направление в современной литературе).

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БИРМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

У ТИН ФАТ

Любая попытка изложить историю современной бирманской литературы не будет полной, если не проследить развитие романа, поскольку последний, являясь новым жанром в бирманской литературе, в значительной мере способствовал рождению новых писателей и поскольку появление его было прямым следствием революционных тенденций в литературе. До начала текущего столетия в бирманской литературе преобладали *вавутху* — рассказы о перевоплощениях Будды (известные на пали под названием *джатак*), главным образом в виде переводов или эпических поэм.

С точки зрения классицистов, любой литературный сюжет, отклоняющийся от *джатак*, является слишком земным, чтобы быть отнесенным к литературе, поскольку последняя рассматривалась ими как нечто потустороннее. Поэтому, в то время как «Занака за»[1] относилась древними писателями к литературе, «Дуэмено вутху»[2], очень популярная в XIX в., считалась простой романтической историей, недостойной носить священное имя литературы. Одно время полагали, что для того, чтобы написать *пьо* (одна из форм бирманской эпической поэзии), претендент на звание поэта должен был заимствовать сюжет из одного из 550 рассказов о перевоплощениях Будды (согласно буддийским источникам, таких рассказов именно 550). Вунджи Падетараза в 1741 г. восстал против этой традиции, выступив со своей «Туза пьо»— сентиментальной поэмой, не имевшей ничего общего с религиозной тематикой классицистов. С течением времени, в процессе постепенного развития *вавутху* разделились на два вида литературных произведений — *за*, представлявшие собой притчи, в которых излагалось учение буддизма, и *вутху*, в которых проявилась тенденция к возрождению доромантической бирманской мифологии, саг и народных сказок. Таким образом, «Ядана Чемоун», написанный в середине восемнадцатого столетия и впервые изданный отдельной книгой в 1905 г., появился во всем блеске славы первого бирманского романа. И в самом деле, по форме и по содержанию — это первый бирманский роман, знаменующий новую эру в бирманской литературе.

Время Мьявади Вунджи У Са (1766—1852) рассматривается современными литературными критиками как начало «бирманского ренессанса», явившегося результатом усилившихся связей Бирмы с Востоком и с Западом. Казалось, что именно в этот период бирманский роман получит свое дальнейшее развитие, но, к сожалению, У Са стремился главным образом возродить бирманскую драму.

[1] «Занака за» (*Занака* — собственное имя, *за* — драма) — «Драма о короле Занака», сюжет ее заимствован из десяти рассказов о перевоплощениях Будды. Написанные первоначально на пали, они были переведены на бирманский язык приблизительно в 1758 г.

[2] *Вутху* — рассказ, *Дуэмено* — главный персонаж, мифическая птица, образ которой использован в предании о происхождении страны Кая.

В течение длительного промежутка времени (1825—1886), когда англичане осуществляли захват всей территории Бирмы, бирманская литература была все еще представлена поэтическими произведениями, написанными различными размерами — *пьо*, *кабья*, *ланка* и *ряду*, которые подчинялись правилам стихосложения, применявшимся в пали и санскрите. Эпоха расцвета поэзии, которая началась в пятнадцатом столетии с Шин Махарататара и Шин Маха Тилавунта и продолжалась до конца XIX в., способствовала развитию бирманской драмы и лирики. Однако бирманская проза, несмотря на то, что она была представлена такими жанрами, как *ва* и *вутху*, находилась почти под запретом у аристократии, являвшейся основной интеллектуальной силой при бирманском дворе. Разумеется, некоторые мыслители, например, принц Мекхара (около 1830 г.) и министр Йо Атуинвун У Хлайн (около 1880 г.), ясно понимали значение прозы как естественного средства массового общения. Принц Мекхара, впервые используя прозу, начал распространять научные и математические знания; он перевел также энциклопедию Риса. У Хлайн изучал химию по французским источникам и политические идеи Запада — по английским. Для популяризации научных знаний и политической идеологии Запада он прибегал, естественно, к самой обыкновенной прозе. У Хлайн был блестящим политическим мыслителем своего времени, безуспешно стремившимся к замене деспотии конституционной монархией. Но в 1886 г. Бирма была полностью захвачена империалистами. Бирманская культура не могла уже развиваться далее нормально.

Во времена бирманских королей очагами учености были монастыри. В 1891 г. в Бирме насчитывался 15 371 буддийский монастырь. Таким образом, на каждую деревню и город приходилось свыше двух монастырей или, в среднем, один монастырь на каждые 93 дома. Однако монастырская система образования уступила место системе образования, введенной колонизаторами. Молодые люди того времени лицом к лицу столкнулись с западной литературой, главным образом английской, и были очарованы художественной формой и содержанием западного романа. В этой связи уместно процитировать сэра Д. Дж. Скотта, который в 1921г. следующим образом писал о рождении бирманского романа:

«Вполне вероятно, что в бирманской литературе в скором времени произойдут большие изменения. В стране уже сейчас выходят газеты на родном языке и иллюстрированные периодические издания, а совсем недавно было издано несколько романов, написанных в западном духе обычной прозой и напоминающих романы Александра Дюма. Двадцать лет тому назад это было бы невозможно. Первый роман «Маунг Йин Маунг Ма Ме Ма» был не только напечатан в местной типографии и переплетен в картонный переплет, но был также иллюстрирован фотографиями и имел такой успех, что за ним последовали другие».

Роман «Маунг Йин Маунг Ма Ме Ма», о котором так красноречиво писал сэр Д. Дж. Скотт, не что иное как «Граф Монте-Кристо», адаптированный и выданный за первый бирманский роман молодым, принявшим христианство бирманским адвокатом Джеймсом Хла Джо. Люди того поколения, подобно Д. Дж. Скотту, доверчиво отнеслись к его словам, но, очевидно, они не знали о существовании «Ядана Чемоун» (роман назван так по имени героя) и других произведений. Современные критики также, по-видимому, находятся в плену неверного представления, будто роман «Маунг Йин Маунг Ма Ме Ма» — первый бирманский перевод или адаптация.

В действительности уже в то время существовали две переводные книги. В 1902 г. был переведен «Робинзон Крузо» Д. Дефо. Несколько позже появился перевод Хатим Тай», сделанный бирманским мусульманином. Это скорее не роман, а переводная мусульманская классика, в том же смысле, в каком «Занака за» считается переводной бирманской классикой. Тем не менее Джеймсу Хла Джо следует отдать должное за то, что он проложил своим современникам дорогу в беллетристику, занимающую ныне ведущее место в творчестве писателей. Несколько лет спустя бирманская публика познакомилась с Шекспиром. В течение 1912—1914 гг. были переведены «Ромео и Джульетта», «Отелло» и «Венецианский купец». Переводы были осуществлены У Шуэ Чу (редактором журнала «Light of Burma»), принадлежавшим к тому типу прогрессивных журналистов, которые своими произведениями способствовали пробуждению национального самосознания народа. Позднее англичане приговорили его к ссылке.

Следуя примеру Джеймса Хла Джо, бирманские писатели, не испытавшие влияния западного романа, пытались вновь открыть литературное богатство Бирмы, передававшееся устно из поколения в поколение в виде саг и народных сказок. В 1906 г. Вун Схайеджи У Чи широко представил их в своей книге «Чинбоун Юэтс Маунг Хмайн» (Маунг Хмайн — продавец розовых бутонов). В центре романа — любовные приключения повесы, которые могут напомнить читателю, знакомому с европейской литературой, подчищенное издание Боккаччо. Литературный стиль романа грубоватый, но весьма живой и развлекательный.

У Чи опубликовал еще несколько романов, например «Сейнтале», «Мьятале» и «Сага дауна». Последний больше известен как превосходная бирманская народная сказка. Примерно в 1907 г. у У Чи появился соперник в лице Маунг Ба Тина, который написал книгу «Маунг Та Но». Маунг Ба Тин был скорее педагогом, чем писателем-романистом, вероятно поэтому в его произведении можно встретить все, начиная от способа приготовления вареной свинины и кончая подробным исследованием о добродетели.

Однако эти романы не могли удовлетворить интеллектуальные запросы уже искушенных читателей, у которых к тому времени развился литературный вкус благодаря чтению в оригинале произведений западных романистов и первых образцов бирманской журналистики. Задача дальнейшего развития бирманского романа легла на У Ла, уроженца Шуэбо (Верхняя Бирма) — местности, которая считалась англичанами рассадником бирманских национально-освободительных идей. У Ла служил в бирманской полиции, однако он унаследовал традиции Шуэбо и, несмотря на английское образование, прочно заложенная в нем бирманская культура не поддалась натиску западного влияния. У Ла был серьезно обеспокоен нарушением преемственности бирманской культуры и цивилизации. Будучи офицером полиции, он видел также, как падают нравы. Обладая острым глазом сатирика, он сумел оценить положение бирманской культуры и выступил с социальной критикой в своих произведениях «Сабебин» и «Шуэпьизо». В этих социальных романах он высмеивает получившего английское образование молодого юриста, который настолько пропитан всем иностранным, что не может найти себе место в национальной культуре. В «Сабебине» У Ла рисует карикатуру на деревенского дон-жуана иностранного происхождения, имеющего деньги, пользующегося влиянием и нарушающего все моральные нормы, которыми руководствуется бирманское общество. Романы У Ла можно смело считать предтечей современного бирманского романа.

Тем временем в области романтизма заявил о своем литературном существовании Леди Пандита У Маунг Джи. Он написал серию беллетристических произведений — «Маунг Тока Эйнмекхан» (Мечты Маунг Тока), сюжет которых напоминает «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» Мильтона. Леди Пандита У Маунг Джи перевел также «Сакунталу» Калидасы. Позднее, под псевдонимом Мандалай Маунг Кхин Маунг, он написал «Кхин Мьин Джи» и много других романов подобного рода, отличавшихся пышностью литературной орнаментировки. Этот велеречивый стиль получил свое дальнейшее развитие в особого рода писаниях о любви и интригах в привилегированных кругах среднего класса. В настоящее время У Маунг Джи больше известен своими историческими романами «Табиншуетхи» и «Байиннаун».

К этому времени сочинение романов стало почти помешательством, и, хотя не было сделано серьезных попыток развить этот жанр, в произведениях романистов того периода совершенно очевидно обнаруживается склонность отображать человеческие эмоции — главным образом любовь и ненависть. Ведущая роль в этой эмоциональной литературе принадлежала П. Монину, секрет успеха которого заключался в простоте его прозы. Романы этого писателя чем-то напоминали произведения Ги де Мопассана, хотя им было очень далеко до литературных высот, достигнутых французским мастером короткого рассказа. П. Монину следует отдать должное за то, что он пробуждал

в молодых людях желание идти вперед, показывая стремление скромного человека достигнуть высокой цели. Этот человек добивается у него осуществления своей заветной мечты и в награду за свои мужественные усилия получает любовь любимой женщины. В «Не Йи Йи» он даже поднимает проблему реформы в области литературы, а в произведениях последующих лет благословляет движение *кхисан*, о котором будет сказано ниже.

Другим романистом этого направления был Махасхуэ, который сочетал тему любви с темой глубокого патриотизма. Романы этого писателя могут быть отнесены, правда, с некоторыми оговорками, к политическим, поскольку они разжигали пламя восстания против англичан. Его «До Ме Ме» представляет собой политический обвинительный акт против английского правительства, которое подавляло национальные устремления бирманского народа. Примерно к этому же времени относится появление юмористических новелл Завана. Его «Колледж Чаунта» (Студент колледжа) представляет собой квинтэссенцию бирманского юмора.

В то время как У Маунг Джи пытался создать свою школу романтиков, У Лун, ставший впоследствии известным под именем Такин Кодо Хмайн, искал литературные формы, которые наилучшим образом соответствовали бы его антиимпериалистическим настроениям. Будучи еще в молодые годы романтиком, как и его современник У Маунг Джи, У Лун, в отличие от последнего, проявлял склонность к драматургии, поэтому он написал больше дюжины пьес, которые были поставлены на сцене покойным драматургом У По Сейном. Мастер стихосложения в форме *набе* (бирманская закрытая рифма), драматург У Лун, в то время совсем еще молодой человек, не только привел в восторг У По Сейна, но также завоевал сердца бирманских крестьян и рабочих. Но он не был удовлетворен формами своего литературного творчества и потому искал новые пути. В этот период его потянуло к журналистике. Журналистская деятельность дала ему отличную возможность проявить свой глубокий патриотизм, зародившийся в нем с тех пор, когда он, еще ребенком, узнал, что король Тибо был сброшен с бирманского трона английскими империалистами. Работая журналистом, он обнаружил, что беллетристический стиль, в котором были выдержаны его газетные статьи, не только отвечает его собственным вкусам, но и нравится массовому читателю.

Национальный подъем, охвативший всю страну, способствовал превращению драматурга У Луна в сатирика Мистера Маунг Хмайна. У Лун избрал своим псевдонимом имя героя «Чинбоун Юэте Маунг Хмайн» не случайно. Присущее писателю чувство юмора побудило его высмеять английское почтительное обращение «мистер», связав его с именем распутника. В скором времени появился на свет его «Бо Тика», что в буквальном переводе означает «Комментарий об англичанах». Это произведение— злая сатира на английских колонизаторов и на появившуюся во время их господства касту бирманских чиновников, рабски подражавших своим хозяевам.

К тому времени уже существовал бирманский роман, и Мистер Маунг Хмайн решил испытать себя в новом литературном жанре, поэтому поэтическая проза «Бо Тика» уступила место обычной прозе его первого и последнего романа «Мистер Хмайн Хмадобоун».В этом произведении драматург У Лун временами вновь отступает от прозы и обращается к поэзии, но, по существу, это все же роман, поскольку он вполне отвечает современной концепции романа со всеми присущими ему качествами и развитием темы человека и окружающей его среды. Эта попытка отразить действительность фактически открыла в бирманской литературе эру реализма, который нынешнее поколение писателей стремится усовершенствовать. Роман «Хмадобоун» является воплощением революционного гуманизма, который пронизывает и последующие произведения истинного патриота У Луна. В этом отношении У Луна можно сравнить с китайским писателем Лу Синем, который примерно за десятилетие до этого начал бороться против империализма и феодализма и выступил с гуманистических позиций в защиту попранного человеческого достоинства. У Лун и по сей день остается защитником обездоленных.

1920 год был годом зарождения национально-освободительного движения в Бирме. Мистер Маунг Хмайн всей душой отдался всенародной борьбе за независимость страны. По существу он стал идейным вождем, направлявшим национальные устремления своих соотечественников на завоевание свараджа (self-rule). Из-под его легкого пера вышли такие монументальные произведения, как «Тика о дауне», «Тика о мьяуке», «Тика о кхуэ» и «Тика о такинах». Эти произведения в полной мере отражали развитие его революционных взглядов. Даун означает «павлин», изображение которого является национальной эмблемой свободной Бирмы. Берясь за эту тему, автор предвидел день, когда бирманский павлин сможет разбить цепи иностранного господства и пропеть победную песнь свободы. Когда же англичане, против желания бирманцев, пожаловали Бирме диархию, Мистер Маунг Хмайн выступил с гневной критикой английского империализма и его бюрократической системы в Бирме. Он написал пародию на империалистов и их прихвостней — «Тику о мьяуке», что значит «исследование об обезьянах». Вслед за конституционными реформами было нарушено единство Генерального совета бирманских ассоциаций. Образовалось множество фракций. Лидеры ссорились между собой, всегда готовые разойтись во взглядах и никогда — прийти к единому решению. Это вызвало негодование Мистера Маунг Хмайна. Он выступил со своей «Тикой о кхуэ» (Тикой о собаках), в которой досталось всем реакционным деятелям тогдашней Бирмы. Борьба за политическую власть среди современного ему поколения борцов за свободу породила в Мистере Маунг Хмайне скептическое неверие в свое поколение, и он пришел к выводу, что миссия освобождения бирманского народа ляжет на новое поколение.

В 1930 г. группа молодых людей, называвших себя такинами (господами), создала лигу До Бама Аси айоун. Называя себя такинами, они подчеркивали свое стремление стать хозяевами в собственном доме. Конечной целью этой организации было сбросить ярмо иностранного владычества посредством борьбы за грамотность и просвещение — борьбы, которая, фактически, была замаскированным политическим движением рабочих и крестьян Бирмы. Мистер Маунг Хмайн, который к этому времени стал признанным вождем движения молодежи, зародившегося одновременно с национально-освободительным движением в 1920 г., окончательно связал свою судьбу с молодым поколением и его борьбой и принял свое теперешнее имя Такин Кодо Хмайн. Позднее, в 1937 г., он написал «Тику о такинах», в которой отстаивал идею революции, вынашиваемую в умах молодежи того времени.

Бок о бок с этим политическим движением, в стенах Рангунского университета ширилось литературное движение, унаследовавшее традиции движения молодежи 1920 г., которое возвестило начало борьбы за национальное освобождение. Вскоре после образования Рангунского университета У Пе Маунг Тин, который в то время только окончил Оксфордский университет, получил звание профессора языка пали. Через некоторое время он стал во главе Отделения востоковедения. Будучи рьяным сторонником национального движения, он повел энергичную борьбу с университетскими властями за создание кафедры бирманского языка и литературы. Борьба увенчалась успехом, и вскоре У Пе Маунг Тину удалось объединить вокруг себя группу учеников во главе с покойным У Сейн Тином, находившимся на индийской гражданской службе. Он был первым бирманцем, получившим почетный диплом Рангунского университета. Его современниками были У Тейн Хан и У Вун. Изучая бирманскую литературу (как древнюю, так и средневековую), они натолкнулись на памятники литературы Паганского периода, которая была представлена надписями на камнях и вызывала чувство благоговения своей простотой. Как раз в это время классицисты и романтики возвращались к «цветистому, высокопарному и поучительному бирманскому языку» средних веков. Именно поэтому новая группа молодых исследователей бирманской литературы попыталась,в знак протеста против многословия и высокопарности, возродить простую и доходчивую бирманскую прозу. Это течение, знаменующее собой ранний этап литературной революции, получило известность как движение *кхисан*, что означает в переводе «век экспериментов».

Еще будучи студентами, члены вышеупомянутой группы приняли псевдонимы. У Сейн Тин назвал себя Тейпан Маунг Ба, У Тейн Хан — Зоджи и У Вун — Минтувун. Ранние произведения лидеров движения *кхисан* характеризуются романтиз-

мом молодости, но позднее они стали импрессионистами. На первом периоде творчества Тейпан Маунг Ба сказалось юношеское увлечение реализмом. Однако ему удалось отразить лишь свои впечатления об окружающей жизни, без далеко идущих попыток ее реалистической интерпретации. Принадлежащие перу Тейпан Маунг Ба «Кхисан поунбьин» (Рассказы о «веке экспериментов») являются свидетельством не только его собственного литературного успеха, но и плодотворности рассматриваемого литературного движения того периода.

Зоджи, во многих отношениях находившийся под влиянием Мольера, перевел на бирманский язык «Мещанин во дворянстве» (Махасанджинту пьяза). Он написал несколько коротких рассказов и поэм, в большинстве которых призывал соотечественников бороться за национальное самоопределение. Его проза отличается гармоничностью, простотой и выразительностью эпитетов и определений. Его поэмы и короткие рассказы показывают, что он считал необходимой борьбу за оздоровление социальных устоев, подорванных в результате извращений в оценке моральных и культурных ценностей, что еще раньше было замечено его предшественником У Ла. После того как по Бирме прошли английские и японские войска [3], Зоджи пропел свой гимн свободе. Столкнувшись с реальной действительностью, он вступил на путь реализма, отказываясь поддаваться иллюзорности чувств и подчиняясь лишь велениям сознания и разума. Зоджи известен также и как литературный критик. Его недавняя работа «Тика о Такин Кодо Хмайне» представляет собой литературное исследование об У Луне — человеке и поэте. Писательское кредо Зоджи сводится к тому, что литература любой страны, в особенности страны, освободившейся, подобно Бирме, недавно, может развиваться лишь на основе соответствующей критики и самоанализа.

Лирическое направление в бирманской литературе возглавлялось Минтувуном За юношескую сентиментальность некоторые современники шутливо называли его поэтом «лирическим, слезливым и мрачным». Однако его целью всегда было возрождение былой поэтической славы Бирмы. Минтувун является в полном смысле слова бирманским поэтом. За сладкозвучием его лирических интонаций скрывается «сила тонкости», как характеризовал его лирику профессор Рангунского университета Г. Х. Лус. «Несмотря на то, что все вокруг него испытало иностранное влияние,— пишет Лус,— его язык — бирманский, чистый, незагрязненный. Его сюжеты — также бирманские, буддистские и даже традиционные. Он ученый, глубоко знающий древнюю Бирму, пали, пью, старый монский и древнебирманский языки. И все же только немногие из его поэм обременены этой ученостью. Скучного многословия он тщательно избегает». Эта оценка распространяется и на движение *кхисан* в целом. Минтувун также и литературный критик. Он никогда не спорит по поводу формы и содержания произведений современных писателей, но решительно выступает тогда, когда сталкивается с пренебрежением к основам писательского искусства.

По мере распространения движения *кхисан* в него вовлекались все новые и новые писатели. Многие из них и сейчас сверкают на небосводе современной бирманской литературы. Достаточно упомянуть еще одного представителя этого направления — Маунг Тхина, который начал свою литературную деятельность в качестве критика, призывая писателей, примыкавших к движению *кхисан*, развивать современную бирманскую прозу и поэзию. Вскоре он сам попробовал свои силы в жанре короткого рассказа и написал «Ко Даун». В этом произведении дается реалистическая картина жизни задавленной и угнетенной, по своей природе глубоко провинциальной, но подвергшейся изменениям в результате урбанизации бирманской деревни, население которой эксплуатируется ради прибылей иностранных монополистов. Его сатира настолько лишена остроты, что, по словам современников, антипатии в «Ко Дауне» вызывают симпатии. О Маунг Тхине говорят, что «его сила — здравый ум». И действительно, примером такого здравомыслия может служить его пьеса «Ба-айечизоунле» (поставленная писателем совместно с кинорежиссером У Нья На в 1944 г.), хотя в ней содержится несколько идеалистический анализ реальной обстановки периода японской оккупации. Реалистическая нота отчетливо звучит в его послевоенном романе «Нга Ба», рассказывающем об одном крестьянине и его семье, которые, лишившись земли, оказываются раздавленными бременем иностранной эксплуатации. Он рисует также образ приспособленца, который, пользуясь невежеством крестьян, ради спасения своей жизни называет себя бордом за национальную независимость. О Маунг Тхине один из его современников сказал следующее: «Его симпатии всегда глубоки и вместе с тем он никогда не теряет сдержанности. Его нельзя обвинить ни в страстности, ни в сентенциозности. Даже в тех случаях, когда он особенно мягок, он не становится сентиментальным. Даже когда ему надо сказать что-нибудь горькое, он делает это легко и изящно».

[3] Имеется в виду период второй мировой войны.— *Прим. ред.*

В это же время Тейн Пхе Мьин, первоначально примыкавший к движению *кхисан*, работая в еженедельнике «Дидоу», редактором которого был Дидоу У Ба Чо (павший вместе с Боджу Ау Саном от руки убийцы), пробовал свои силы в области журналистики вместе с Такин Ну. Тейн Пхе Мьин, очень живо интересовавшийся злободневными социальными, а позднее и политическими проблемами, начал осознавать свои обязанности перед обществом, в котором он родился. Его перу принадлежит несколько социальных романов, в частности «Тебоунджи» и «Текхи Насхо».

Первый был направлен на возрождение религиозной дисциплины среди последователей Будды, а второй — на уничтожение такого социального зла, как проституция. Роман «Тебоунджи» навлек на его автора недовольство монахов. Позднее Тейн Пхе Мьин написал еще несколько романов, а также политических трактатов и лекций, свидетельствующих о его острой политической наблюдательности. В послевоенном романе «Лансаноби» ясно ощущается стремление автора найти выход из создавшегося в стране положения, который он видит в объединении прогрессивных элементов.

Рассмотренное выше новое движение в литературе не ограничивалось узким кругом посвященных. Оно росло и распространялось вширь, являясь фактически дополнением к революционному движению в политике, которое возглавляла молодежь и поддерживали патриотически настроенные писатели старой школы. Идеи У Луна распространились к тому времени среди всего поколения, а прогрессивные элементы во главе с юным Такин Ну создали в 1937 г. издательство «Нага-ни», что значит по-бирмански «Красный дракон».

Такин Ну и его современники черпали вдохновение в нелегально распространявшейся марксистской литературе. Их политический энтузиазм нарастал, но если бы их деятельность по распространению революционных идей через печать не была правильно понята и поддержана крестьянами и рабочими, то сопротивление силам империализма оказалось бы совершенно невозможным. В то время как кхисанское движение писателей начало пробуждать массы в интеллектуальном отношении, деятели, группировавшиеся вокруг издательства «Нага-ни», стремились пробудить массы к политической жизни. Лидер этой группы Такин Ну был, однако, скорее писателем-романистом и драматургом, чем издателем. Он написал и перевел много пьес. Его подлинно реалистическое произведение «Йесепа бекуэ», в котором описывается тюремная жизнь во времена английского господства, заняло почетное место в бирманской литературе.

В целом эти две силы — *кхисан* и *нага-ни* — дополняли друг друга на раннем этапе революционной борьбы. От десятилетия к десятилетию бирманская литература брала на себя все бóльшую ответственность. Массовой борьбе должно было предшествовать пробуждение масс. Писатели движения *кхисан* и группа издательства «Нага-ни», встретившись на общей платформе, имели теперь общую цель. Оставалось включиться в национально-освободительную борьбу старому поколению. Писатель-юморист Завана, вдруг став очень серьезным, взял на себя роль посредника, поскольку он был другом обеих сторон. Успешным результатом всего этого явилось образование перед самым началом второй мировой войны Ассоциации писателей. В период японской оккупации члены Ассоциации играли важную роль в области идеологии. Они отказались стать прислужниками японцев, и, поскольку в то время из-за

недостатка бумаги единственным возможным путем общения с массами была сцена, они хорошо использовали это единственное средство для предупреждения своих соотечественников об опасностях, которые нес с собою фашизм, говоря об этом даже под самым носом у фашистских угнетателей. Благодаря их усилиям бирманская сцена и драма революционизировались; этот процесс продолжается и по сей день.

Когда Бирма была освобождена и смогла провозгласить свою независимость, молодое поколение бирманских писателей почувствовало в себе силу взять на себя еще более серьезную ответственность, чем та, которую несли их предшественники. Во время японской оккупации молодежь была лишена возможности учиться. В стране ощущалось сильное тяготение к знаниям, и современные писатели правильно поняли ту роль, которую они должны были сыграть в качестве идейных руководителей своих менее счастливых соотечественников. Более того, были серьезно подорваны основы цивилизации и культуры. Представления о ценностях были перевернуты с ног на голову. Поэтому новые литераторы отлично осознавали всю важность возрождения бирманской национальной культуры и передовых бирманских традиций. Были испытаны и освоены новые литературные формы, эксперименты проводятся и сейчас.

Главным идейным фактором бирманской поэзии является патриотизм. Большинство современных поэтов все еще черпает вдохновение у Такин Кодо Хмайна. Несмотря на свое увлечение ультрамодернистским стилем, они все же не могут устоять перед темой патриотизма, к которой все время возвращается Такин Кодо Хмайн, хотя эта тема стала сейчас шире и общечеловечнее.

Между устремлениями молодежи и реальной действительностью сегодняшнего дня наблюдается известное противоречие. Это можно проследить не только в современной поэзии, но и в современном романе. Направление развития современного бирманского романа можно охарактеризовать как социалистическое. Молодой человек обнаруживает интерес к улучшению общества, в котором он вырос. Ему еще немного лет, но он чувствует, что в существующих сейчас условиях он приобрел значительный и притом суровый опыт. Он пытается по-своему анализировать социальные болезни, которые ведут общество к распаду. Он стремится, опять-таки по-своему, изыскать пути и средства для того, чтобы положить конец этому злу, искренне желая установить «рай на земле». Ему немного лет, но он рано развился и поэтому считает, что обладает всеми качествами взрослого. Временами молодое поколение может быть слишком порывистым, однако искренность его стремлений дает ему силы вести борьбу.

Таков общий обзор современного состояния бирманской литературы. Популярными писателями сегодняшнего дня являются Ма Ма Ле, Дагоун Тая, Бамо Тин Аун, Таду, Тукха, Аун Лин, Пиньоунни и другие. Из них Ма Ма Ле, Дагоун Тая и Бамо Тин Аун подошли к поворотному пункту в своей жизни. Они как раз сейчас вступают в реалистическую фазу своего творчества и продолжают революционные традиции, унаследованные ими от своих предшественников. Короче говоря, современное литературное движение ведет к созданию такой литературы, которая является по своему характеру национальной, бирманской, и в то же время — органической частью мировой литературы, поскольку она воспринимает новые веяния мировой культуры в целях создания атмосферы терпимости и сотрудничества между народами всего мира, способствующей достижению мира и свободы.

SUMMARY

The article deals with modern Burmese literature and begins with a brief excursus into its history. Believing that it is impossible to give a satisfactory review of the history of Burmese literature without tracing the evolution of the Burmese novel, the author devotes special attention to the development of this genre. Analysing the basic literary trends and naming their representatives, he emphasises the progressive role played by the Burmese writers in the struggle for the national liberation of their country.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ ИБН ХАЛДӮНА

С. М. БАЦИЕВА

Историко-социологическая теория Ибн Ҳалдӯна (732/1332—808/1406), изложенная в его труде في طبيعة العمران في الخليقة (О природе общественной жизни людей)[1], в течение 150 лет является предметом оживленной дискуссии в востоковедной и философской литературе. К настоящему времени в оценке этой теории выявились две основные диаметрально противоположные тенденции.

Ряд авторов, в том числе и некоторые известные западные ориенталисты, вольно или невольно искажая основные идеи труда Ибн Ҳалдӯна, пытаются представить великого арабского мыслителя идейным предшественником наиболее реакционных социологических теорий XIX—XX вв.[2], апологетом ортодоксального фанатизма[3] или крайнего мистицизма[4].

Прогрессивные ученые европейских и, в особенности, арабских стран, стремясь к объективному раскрытию исторического содержания труда Ибн Ҳалдӯна, отмечают независимость его теорий от религиозных догм, наличие в ней ряда материалистических моментов, подчеркивают мысли Ибн Ҳалдӯна о закономерном характере исторического развития[5].

---

[1] Этот труд принято называть مقدمة (Введение) по месту, занимаемому им в большом историческом труде Ибн Ҳалдӯна كتاب العبر و ديوان المبتدأ و الخبر في ايام العرب و العجم و البربر و من عاصرهم من ذوي السلطان الاكبر (Книга поучительных примеров и диван подлежащего и сказуемого о днях арабов, иранцев и берберов и тех из обладателей величайшей власти, кто был их современниками). Однако сам Ибн Ҳалдӯн придает произведению самостоятельное значение и дает ему цитированное нами название.

[2] *E. F. Gautier*. Le passé de l'Afrique du Nord. Paris, 1952, p. 102—103; *B. Prakash*. Ibn Khaldun's philosophy of history. «Islamic Culture», vol. XXVIII, 1954, № 4; *G. Bouthoul*. Ibn Khaldoun, sa philosophie sociale. Paris, 1930; *O. G. Wesendonk*. Ibn Chaldun, ein arabischer Kulturhistoriker des 14. Jahrhunderts. «Deutsche Rundschau», Bd. 194, 1923.

[3] *H. A. R. Gibb*. The Islamic background of Ibn Khaldun's political theory. «Bulletin of the School of Oriental Studies», vol. VII, 1933, part 1; *G. E. Grunebaum*. Medieval Islam. Chicago, 1947, p. 339—340. Значительно приблизился к точке зрения Гибба в своей последней работе Э. Розенталь (*E. I. J. Rosenthal*. Ibn Jaldūn's attitude to the falāsifa. «Al-Andalus», vol. XX, 1955, fasc. I).

[4] *M. Syrier*. Ibn Khaldun and Islamic mysticism. «Islamic Culture», vol. XXI, 1947, № 3.

[5] *В. В. Бартольд*. История изучения Востока в Европе и России. Изд. I. СПб, 1911, стр. 14—15; изд. II. Л., 1925, стр. 13—14; *M. K. Ayad*. Die Geschichts-und Gesellschafs

Ибн Ҳалдӯн посвятил свой труд изучению законов жизни общества. Он писал о своем учении: «Это независимая наука, ибо она имеет специальный предмет — общественную жизнь и человеческое общество... Это — новая наука, которая возникла самостоятельно, и я не знаю слов об этом предмете ни у одного из людей»[6]. Определяя отношение «новой науки» к истории, Ибн Ҳалдӯн указывает, что история имеет внешнюю и внутреннюю сторону. Если предшествующие историки занимались только описанием событий и фактов, то в задачу «новой науки» входит исследование «сущности» исторических явлений, установление их внутренней связи и взаимозависимости. «А такая история образует важнейшую ветвь философии и заслуживает [того, чтобы] считаться в числе ее наук»[7].

Предметом «новой науки» является «'умрāн»—общественная жизнь людей.«Объединение людей в общество — необходимое явление; и это есть смысл „'умрāна“»[8]. Общественная жизнь рассматривается Ибн Ҳалдӯном прежде всего как совместная производительная деятельность людей, обусловленная материальными нуждами. Все остальные проявления жизни общества — политика, наука, культура — также составляют содержание «'умрāна», но не определяют его смысла.

В числе аргументов, доказывающих необходимость объединения людей в общество, Ибн Ҳалдӯн приводит слова Аристотеля: «Человек — гражданин по природе»[9]. Однако концепция, которую он затем излагает, резко отлична от политических учений античных авторов и их средневековых последователей.

Если,согласно Аристотелю,человек родится политическим существом,а его действия определяются сознанием общей пользы и стремлением к наслаждениям, то Ибн Ҳалдӯн связывает общественное бытие человека не с его духовной природой и инстинктивными стремлениями, а с естественными потребностями в пище, в средствах к жизни. «Жизнь и существование [человека] невозможны без пищи... но сила одного человека мала для приобретения нужной ему пищи... Необходимо объединение сил многих ему подобных для получения пищи ему и им»[10]. Учитывая разность исходных позиций и содержание концепций Аристотеля и Ибн Ҳалдӯна, невозможно отождествлять взгляды обоих

---

lehre Ibn Ḫaldūn's. Stuttgart—Berlin, 1930; *R.Brunschvig*. La Berbérie Orientale sous les Hafsides, t. II, Paris, 1947, p. 385—393; *J. Lacoste*. La grande oeuvre d'Ibn Khaldoun. «La Pensée», 1956, № 69; J. *Bielavski*. Ibn Haldūn, historyk, filozof i socjolog arabski z XIV wieku. «Przegląd Orientalistyczny», 1957, № 2; عمر فروخ كلمة فى ابن خلدون و مقدمته (*'Умар Фарруҳ*. Об Ибн Ҳалдӯне и его «Введении»), Бейрут, 1943; ساطع الحصرى درسات من مقدمة ابن خلدون (*Сāṭиʻал-Ḥусарӣ*. Исследования о «Введении» Ибн Ҳалдӯна). Бейрут 1943—1944; احسان سركيس ابن خلدون العالم الذى سبق عصره (*Иҳсāн Саркӣс*. Ибн Ҳалдӯн—ученый, опередивший свой век). «Ал-Джадид» май 1954; *M. Mahdi*. Ibn Khaldûn's philosophy of history. London, 1957.

[6] مقدمة ابن خلدون Prolégomènes d'Ebn Khaldoun. Texte arabe publié d'après les manuscrits de la Bibliothèque Imperiale par M. Quatremère. Paris, MDCCCLVIII, ч. I, стр. 61—62 арабского текста.

[7] Там же, стр. 2.

[8] Там же, ч. II, стр. 126. Термин «'умрāн» обычно переводят как «цивилизация», «культура». Однако у Ибн Ҳалдӯна «'умрāн»—не продукт и не результат, а самый процесс жизнедеятельности общества.

[9] *Ибн Ҳалдӯн*. Указ. соч., ч. I, стр. 68. Ибн Ҳалдӯн цитирует известное положение Аристотеля: «Человек по природе своей существо политическое» (*Аристотель*. Политика, пер. С. А. Жебелева. М., 1911, стр. 7). Понятие «существо политическое», т. е. «гражданин полиса», Ибн Ҳалдӯн передает словом «маданӣ», буквально «горожанин», что строго соответствует смыслу определения Аристотеля.

[10] Там же, стр. 69.

мыслителей, как это делает А. С. Лаппо-Данилевский[11], а вслед за ним и С. Ф. Кечекьян[12].

Человек не может добыть себе средства к жизни иначе, чем использованием своих сил и способностей в труде, указывает Ибн Ҳалдӯн. Трудовая взаимопомощь находит свое выражение в разделении труда между людьми. Это проистекает из нужд людей в разнообразных орудиях. «Каждое из действий... нуждается в орудии, которое нельзя изготовлять без участия различных ремесел»[13]. Следовательно, сущность общества — в совместном труде его членов для обеспечения средств к жизни на основе разделения труда между людьми.

Объединение людей в общество порождает новые закономерности, основная из которых — необходимость в управлении. Общество нуждается в организующем начале, подавляющем противоположные стремления отдельных личностей. Организующим началом в обществе является власть, осуществляемая правителем: «Потребность в правителе... естественное качество людей... Этот аргумент часто приводят философы, когда они желают подтвердить необходимость пророчества рациональными доводами. Но вслед за этим они говорят: „А это управление осуществляется согласно предписанному Аллахом божественному закону, который приносит один из людей, отличающийся от остальных особыми качествами руководства, вверенными ему Аллāхом“... Это утверждение философов не является аргументом; существование и жизнь возможны без пророчества... [Ведь] обладающие [священным] писанием и следующие за пророками малочисленны по сравнению с язычниками, не имеющими [священного] писания. Они [язычники], поистине, большинство населения мира...Этим разъясняется тебе ошибка [утверждения] философов об обязательности пророчества».[14]

Таким образом, Ибн Ҳалдӯн опровергает господствующую концепцию божественного происхождения власти и показывает, что власть — естественное для общества явление. Значение выдвинутых Ибн Ҳалдӯном положений трудно переоценить. Материальная жизнь была признана им основой, на которой создается общество и которая определяет все остальные проявления общественной жизни. Само общество было определено не как политический коллектив(античная концепция),не как религиозная община (средневековая концепция), а как трудовой коллектив.

Характеризуя объективные условия жизни общества, Ибн Ҳалдӯн рассматривает роль географической среды и возможность влияния на общественную жизнь сверхъестественных сил. Необходимо заметить, что распространенное мнение об Ибн Ҳалдӯне как представителе географического детерминизма в социологии совершенно неверно[15]. Ибн Ҳалдӯн рассматривал географическую среду как важное объективное условие жизни общества, определяющее ойкумену человечества и некоторые физические и психические особенности людей, но не более того.

В вопросе о влиянии сверхъестественных сил на жизнь человеческого общества Ибн Ҳалдӯн идет по пути Ибн Рушда еще резче разграничивая области знания и веры. Человеческая мысль, по мнению Ибн Ҳалдӯна, способна абстрагировать только чувственно воспринимаемые явления окружающей действительности; явления же сверхъестественные человеческому восприятию не доступны и потому не могут быть познаны разумом: «Мы вообще не можем ничего утверждать о существовании нематериального мира, кроме того, что нам известно о явлениях, свойственных человеческой душе [и] проявляющихся, например, во сне... А все остальное — дело скрытое, к [познанию] которого нет пути. Некоторые древние исследователи уже высказали эту мысль, когда утверждали, что все нематериальное не может быть доказано... и что ничего не приводит

---

[11] *А. С. Лаппо-Данилевский*. Методология истории, вып. I. Пг., 1923, стр. 76.

[12] «История политических учений». М., 1955, стр. 135.

[13] *Ибн Ҳалдӯн*. Указ. соч., ч. I, стр. 69.

[14] Там же, стр. 72—73.

[15] Это мнение отражено и в статье «Ибн Халдун»,помещенной в томе 17 Большой Советской Энциклопедии (изд. 2).

к достоверности относительно божественных субстанций, а говорится о них лишь предположительно. И если мы после [стольких] трудов и стараний на основании предположительно. И если мы после [стольких] трудов и стараний на основании предположения удовлетворимся [опять] только предположением, то какова польза от таких наук и от занятий ими?»[16]

Неосновательно также мнение о связи теории Ибн Ҳалдӯна с исламом[17]. Правда, книга «О природе общественной жизни» пестрит ссылками на волю Аллāха, коран и шариат. Однако уже А. Кремер и Э. Розенталь показали, что это лишь удачный прием автора для маскировки собственных взглядов, не связанных с религиозной доктриной[18].

Следует отметить, что Ибн Ҳалдӯн признавал существование бога, отводя ему, как и ряду других арабских мыслителей средневековья, роль первопричины мироздания. Однако дальнейшее развитие природы и общества, по мнению ученого, происходит без божественного вмешательства.

Относя вопрос о сверхъестественном целиком к области веры, Ибн Ҳалдӯн исключает трансцендентный момент из области науки. Наука, по его мнению, должна постигать только естественные законы, внутренне присущие самому обществу.

Основным фактором, определяющим жизнь общества, ИбнҲалдӯн считает хозяйственную деятельность людей: «Знай, что различие племен по образу их жизни зависит только от различия способов добывания ими жизненных средств. Объединение [людей в племена]происходит исключительно для взаимопомощи при добывании этих средств»[19]. Под «различием в образе жизни» Ибн Ҳалдӯн понимает прежде всего различие в типе хозяйственной деятельности. Поэтому он выделяет два основных вида общественной жизни: сельский и городской.

Сельских жителей Ибн Ҳалдӯн разделяет на оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов, не возводя, однако, этого разделения в абсолют. И тех и других, как он отмечает, объединяет одно решающее обстоятельство: они способны добывать свои жизненные средства «лишь в размере, необходимом для поддержания жизни и создания того, что нужно для жизни, не выходя за пределы этого»[20] Напротив, городские жители, «часть которых занимается ремеслом, а часть — торговлей», благодаря большему количеству рабочих рук в городах и большему разделению труда производят не только «необходимое», но и «избыточное», что позволяет им жить в изобилии и достатке[21]. Оба эти вида общественной жизни генетически связаны между собой. «Первое, что желает человек, — это то, что необходимо для жизни. Он достигает совершенного и изобильного только после того, как имеется необходимое. Так суровость сельской жизни предшествует изнеженности [жизни] городской. Поэтому мы находим, что городская жизнь — цель сельского жителя, к которой он стремится... Формы городской общественной жизни вторичны по отношению к формам сельской жизни и последняя есть корень первой»[22].

При всем отличии городского общества от сельского Ибн Ҳалдӯн прежде всего подчеркивает их историческую связь. Он рассматривает отношение сельской и городской жизни как отношение низшей и высшей фаз развития общества. Низшая фаза — фаза примитивного и мало дифференцированного производства, низкого уровня жизни. Высшая фаза — фаза развитого и разнообразного производства, высокого уровня жизни. Переход от низшей фазы к высшей есть результат концентрации боль-

[16] *Ибн Ҳалдӯн.* Указ. соч., ч. III, стр. 215.
[17] *H. A. R. Gibb.* Указ. соч., стр. 30—32.
[18] *A. Kremer.* Ibn Chaldun und seine Kulturgeschichte der islamischen Reiche. «Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Classe», Bd. 93, 1879, Hf. 1-2, S. 584—588; *E. Rosenthal.* Ibn Khaldun: a North African Muslim thinker of the XIV century. Manchester, 1940, p. 4—5.
[19] *Ибн Ҳалдун.* Указ. соч., ч. I, стр. 220.
[20] Там же, стр. 221.
[21] Там же.
[22] Там же, стр 224—225.

шого количества рабочей силы в одном месте, сселения сельских жителей в города, изменения вида хозяйственной деятельности на основе разделения и усложнения труда. Концентрация людей в городах, концентрация рабочей силы и максимальная специализация труда — таков основной путь развития общества. Только концентрация и разделение труда позволяют создать избыточные продукты, что является главным условием материального прогресса. «Если жители какого-либо города или области распределят все труды соразмерно своим потребностям и необходимым нуждам, то их удовлетворит в этом меньшая часть труда. Остальной труд является избыточным по отношению к труду, используемому для [удовлетворения] необходимых потребностей, и употребляется для нужд изобилия и для того,в чем нуждаются жители других городов и что приобретают путем равноценного обмена и по стоимости. Благодаря этому они достигают известного богатства»[23].

То же самое верно, по мнению Ибн Ҳалдӯна, и в отношении целых стран. Высокий уровень их общественной жизни, обилие населения и концентрация рабочей силы в городах позволяют создать такую массу избыточных продуктов, которая содействует росту материального благосостояния общества: «Мы знаем удивительные рассказы о богатстве [Ирака, Индии и Китая]. Многие люди думают, что это богатство происходит... из-за того,что в их земле много золота и серебра. Но это не так,ибо нам известно, что наиболее богатые золотые рудники [находятся] в областях Судана... И утверждают астрологи, когда видят такое богатство Востока, что расположение звезд и планет в гороскопах жителей Востока более благоприятно, чем в гороскопах жителей Запада. И это верно с точки зрения звездных законов, а что касается земных обстоятельств, то причина состоит в том расцвете общественной жизни в землях Востока, о которой мы уже говорили. А расцвет общественной жизни содействует росту приобретений благодаря обилию трудов, которые являются причиной [приобретений]. Вот почему отличается Восток своим богатством, а не благодаря влиянию звезд»[24].

Распределение труда предполагает известные формы трудового обмена между членами общества. Поскольку в обществе, где жил Ибн Ҳалдӯн, господствовали простые товарные отношения, единственно возможную форму трудовой взаимосвязи людей он видел в товарообмене. «Рука человека простерта над миром и [всем] тем, что в нем [имеется]... Руки людей протянуты для того, чтобы взять, и это обще им [всем]. Но то, что достигла рука одного, запрещено другому, если он не даст за это что-либо равноценное. И человек, как только овладеет собой и оставит позади период [младенческой] слабости, трудится для того, чтобы делать приобретения и тратить то, что пошлет ему из них Аллāх, на удовлетворение своих насущных нужд и потребностей путем равноценной уплаты[25].

В основе эквивалентного обмена лежит равенство стоимости обмениваемых продуктов. В течение многих веков человеческая мысль пыталась раскрыть загадочную субстанцию, определяющую эквивалентность обмена. Дальше других пошел в этом отношении Аристотель. Указывая, что каждый продукт служит как для потребления, так и для обмена, Аристотель, однако, считал обмен неестественным употреблением вещи, не видя, что различные предметы заключают в себе общую субстанцию — человеческий труд[26]. То препятствие, перед которым остановился греческий философ, стесненный историческими границами античного общества, было преодолено в новых исторических условиях Ибн Ҳалдӯном, выдвинувшим положение о роли труда как создателя стоимости: «Знай,— пишет он,— все то, что использует человек и приобретает в качестве имущества, если это из [произведений] ремесла, равноценно стоимости [вложенного] труда. Это [имущество] представляет собой предмет хранения, поскольку труд, заключенный в нем, не является сам по себе целью хранения. Некоторые ремесла

[23] *Ибн Ҳалдӯн.* Указ. соч., ч. II, стр. 235.
[24] Там же, стр. 245—246.
[25] Там же, стр. 273.
[26] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 66.

включают в себя другие: так, работа плотника связана с изделиями из дерева, ткачество — с прядильней, и [таким образом] труд в обоих этих [ремеслах] — больше, и его стоимость [соответственно этому] выше... Таким образом, разъяснено, что все или большая часть того, что человек приобретает и из чего извлекает прибыль, [равноценно] стоимости человеческих трудов» [27].

Такова, по Ибн Ҳалдӯну, экономическая сущность современного ему общества. Главным условием существования такого общества, основанного на товарном производстве множества мелких производителей, является частная собственность самих производителей на средства и продукты труда. Все учение Ибн Ҳалдӯна о государстве и власти, его экономическая и политическая программа основаны на ясном понимании этого. Смысл существования власти, все ее функции Ибн Ҳалдӯн сводит, в конечном счете, к защите частной собственности: «Когда они [люди] объединяются, необходимость приводит их к хозяйственным отношениям между собой и к удовлетворению [таким путем] своих нужд. И каждый простирает руку за тем, в чем нуждается, чтобы взять это..., и отгоняет его от этого другой, соответственно человеческой силе на это... Поэтому невозможно существование людей без правителя, который защищает их друг от друга» [28]. И в другом месте: «К дурным качествам в характере людей относится [стремление к] насилию и враждебность друг к другу. И тот, кто направляет взор на имущество своего брата, уже простирает и руку, чтобы захватить оное, если только не удержит его от этого властитель» [29].

Каждой фазе общественной жизни присуща своя, исторически обусловленная политическая организация. Организующим началом сельского общества, по Ибн Ҳалдӯну, является ʻаṣабиййа — кровно-родственная связь между членами общества. Во главе группировок кровных родственников (родов и племен), которые Ибн Ҳалдӯн также называет ʻаṣабиййами, стоят вожди и старейшины с ограниченной властью, целиком зависящей от их отношения с членами ʻаṣабиййи. Для городского же общества характерно государство во главе с правителем или царем, обладающим неограниченной властью, основанной на насилии. Генетически царская власть связана с ʻаṣабиййей, так как первоначально основатель династии всегда опирается на военную силу племен. В условиях городской жизни ʻаṣабиййа быстро разлагается, и царь заменяет племенное ополчение наемными войсками. В силу внутренних закономерностей общественной жизни каждая отдельная династия претерпевает разложение и гибель, и ее сменяет другая правящая династия. Ибн Ҳалдӯн указывает, что на Востоке каждая новая династия первоначально находит себе военную опору в аṣабиййе, в отсталых кочевых племенах [30]. Однако смена династий не означает круговорота общественной жизни. Исторический процесс, по мнению Ибн Ҳалдӯна, имеет необратимый поступательный характер. Поэтому совершенно неправомерны попытки ряда буржуазных интерпретаторов видеть в Ибн Ҳалдӯне одного из создателей теории циклизма [31].

Политика государства и его роль в общественной жизни определяются, как считает Ибн Ҳалдӯн, характером взаимоотношений между государством и обществом: «Государство и власть являются по отношению к общественной жизни тем, чем является форма по отношению к материи: образом, сохраняющим свой вид благодаря существованию материального содержания. Философией установлено, что невозможно одно

[27] *Ибн Ҳалдӯн*. Указ. соч., ч. II, стр. 275—276. См. также стр. 235—236, 246.

[28] *Ибн Ҳалдӯн*. Указ. соч., ч. I, стр. 338.

[29] Там же, стр. 333.

[30] В связи с этими взглядами Ибн Ҳалдӯна один из реакционнейших социологов конца XIX — начала XX в. — Л. Гумплович пытался изобразить арабского мыслителя предтечей империалистической теории насилия, идеологом кочевничества. См. *L. Gumplowicz*. Ibn Chaldun, ein arabischer Soziolog des XIV. Jahrhunderts. В кн.: «Soziologische Essays». Innsbruck, 1899.

[31] Данный взгляд развивался А. Кремером и Л. Гумпловичем. См. также *E. Meyer*. Geschichte des Altertums, Bd. I. Stuttgart und Berlin, 1907, S. 82.

отделить от другого. Поэтому государство без общественной жизни немыслимо так же, как общественная жизнь без государства и власти... Таков смысл государства» [32].

Государство — это форма, которая должна соответствовать своему материальному содержанию, т. е. власть должна определяться уровнем развития общественной жизни. Цель государства обеспечить нормальные условия для развития общественной жизни, прежде всего обеспечить условия для производства и нормального обмена. В этом должна состоять основная линия государственной политики; всякое отклонение от нее грозит существованию общества. «Знай, что несправедливость к людям в отношении имущества губит их надежду на приобретение его, ибо они видят, что цель этой несправедливости — вырвать имущество из их рук; и когда гибнут надежды, руки отстраняются от труда... А общественная жизнь, ее полнота, богатство, расходы ее рынков зависят только от трудов и стараний людей в приобретении [жизненных] благ... И если люди не будут заботиться о средствах существования, и отстранятся руки людей от приобретения [их], то не будет сбыта на рынках... И рассеются люди по другим странам в поисках пропитания, и опустеют жилища их, и разрушатся города, и склонится к упадку — вместе с упадком [общественной жизни] — положение государства и власти, ибо они есть форма общественной жизни, которая гибнет вместе с гибелью необходимого для нее материального [содержания]» [33].

Исходя из своего понимания сущности государства и основной задачи государственной политики, Ибн Ҳалдӯн резко критикует известную ему практику государственного управления как наносящую огромный ущерб развитию общественной жизни. Наиболее серьезный порок государственного управления ученый видит в покушении государства на собственность подданных — в чрезмерных налогах и необоснованных конфискациях. Применяя юридические, экономические, политические и морально-этические аргументы, Ибн Ҳалдӯн протестует против повышенного налогообложения, которое подрывает интерес к труду и грозит государству гибелью. Столь же резко отзывается он о попытках государства монополизировать определенные виды торговли, что ведет к разорению купцов и ремесленников, неспособных конкурировать с казной [34].

В связи с главными принципами своей теории Ибн Ҳалдӯн формулирует следующие основные требования к государственной политике: 1) прекращение злоупотреблений в отношении личности и имущества подданных; охрана личности и имущества подданных; 2) умеренное налогообложение податного населения; освобождение торговли от налогового обложения; 3) ликвидация государственых монополий в торговле и производстве; полная свобода торговли и производства; 4) запрещение значительной концентрации земель в руках вельмож, что дает им чрезмерную политическую власть; 5) ликвидация рабства; 6) проведение политики мира по отношению к соседям [35].

Таковы основные положения учения Ибн Ҳалдӯна. Мысли о производительной деятельности людей как основе жизни общества, о труде как создателе стоимости, и о производстве избыточных продуктов как основе материального прогресса являются гениальными догадками ученого. Однако исторические условия не позволили Ибн Ҳалдӯну определить ту объективную силу, которая движет вперед общественное развитие. Исходя из правильной материалистической предпосылки, что в основе возникновения общественной жизни лежит насущная необходимость добывать средства к существованию, Ибн Ҳалдӯн считает движущей силой дальнейшего развития общества субъективные желания людей, стремление к более обеспеченной жизни. В то же время он оговаривается, что сами стремления к «обеспеченной жизни» возникают, когда в обществе появляются материальные предпосылки, т. е. некоторые накопления. Ибн Ҳалдӯн

[32] *Ибн Ҳалдӯн*. Указ. соч., ч. II, стр. 264—265.

[33] Там же, стр. 93—94.

[34] Там же, стр. 85—87.

[35] Эта программа в основном изложена в главах, посвященных торговой и финансовой политике государства. См. там же, стр. 79—106, 257—262.

остановился перед тем «заколдованным кругом» домарксовых материалистических теорий общественного развития, ликвидировать который мог только диалектический материализм.

Учение Ибн Ҳалдӯна создалось на базе достижений средневековой философии стран Ближнего и Среднего Востока. Некоторые мысли, развиваемые в труде «О природе общественной жизни», в той или иной форме могут быть обнаружены у ряда выдающихся ученых и философов Ближнего и Среднего Востока, творивших до Ибн Ҳалдӯна. Так, в частности нельзя не отметить, что воззрения Ибн Ҳалдӯна прямо перекликаются с рядом положений, высказанных еще в XI в. Ибн Сӣной в тех главах كتاب الشفاء (Книга исцеления), где трактуются вопросы социологического и политического характера[36]. Выступая как прямой продолжатель Ибн Рушда, Ибн Ҳалдӯн поднял философскую мысль на новую ступень. В области теории познания он сделал шаг вперед по сравнению с Ибн Рушдом, категорически разделяя знания и веру. Ибн Ҳалдӯн отрицал возможность компромисса веры и знания, резко критикуя философов, пытавшихся рациональными доводами решить метафизические проблемы.

Великая заслуга Ибн Ҳалдӯна перед исторической и философской науками состоит в распространении принципов передовой философии своего времени на изучение жизни человеческого общества. По мнению Ибн Ҳалдӯна, существуют основные закономерности, общие как для природы, так и для человеческого общества. Прежде всего это причинно-следственная связь явлений: «Внешний мир со всеми явлениями, которые в нем существуют, мы видим в форме правильного расположения [явлений] благодаря связи причин и следствий и соединению явлений друг с другом. И прежде всего мир стихий [37] свидетельствует о том, как постепенно [происходит] поднятие от земли к воде, потом к воздуху, потом — к огню; и все это связано друг с другом... Затем посмотри на мир творения,— как он начинается с руд, потом идут растения, потом — животные, и все это в удивительной форме последовательности: конец мира [минерального] связан с началом области растений..., [это такие растения], у которых нет семян. Конец области растений, например, пальма и виноград, связан с началом области животных [теми простейшими животными], у которых не существует ничего, кроме способности к осязанию... И распространился [по земле] мир животных, и умножились виды их, дойдя постепенно [в своем развитии] до человека, обладателя мысли и рассудка, подготовленного к восприятию, но не доступны мысль и обдумывание действий» [38].

Переворотом в арабской философии было переосмысление Ибн Ҳалдӯном взаимоотношений формы и материи. Слабой стороной учения арабских философов было воззрение на взаимоотношения формы и материи, согласно которому материя пассивна и инертна, форма же играет активную, руководящую роль. Ибн Ҳалдӯн, употребив понятие формы и материи по отношению к общественной жизни, поставил проблему взаимоотношений формы и материи на путь правильного решения: развитие материальной жизни общества, по учению Ибн Ҳалдӯна, определяет политическую жизнь общества.

Материалистический характер историко-философского учения Ибн-Ҳалдӯна и гуманизм его политической программы заставляют с особым интересом искать ответ на вопрос о классовых позициях ученого, что невозможно сделать без анализа исторической обстановки в Магрибе XIV в.

Наиболее значительными явлениями в истории Магриба XIV в. было быстрое развитие приморских городов, сопровождавшееся ростом их политического влияния. В городах резко вырос объем текстильного, металлообрабатывающего, кожевенного, маслобойного, мукомольного, керамического и некоторых других производств. Списки экспортируемых из Магриба товаров свидетельствуют, что лишь небольшая часть возрос-

[36] См. последнее критическое издание этих глав: Mohammad Yūsuf Mūsā. La sociologie et la politique dans la philosophiei d'Avicenne. Caire. 1952.

[37] Имеются в виду четыре стихии— земля, вода, воздух, огонь, из которых, согласно учению античных и средневековых арабских философов, состоит мир.

[38] *Ибн Ҳалдӯн.* Указ. соч., т. I, стр. 173—174.

шей продукции ремесленного производства предназначалась на вывоз, основная же ее масса поступала на североафриканский рынок [39]. Рост городского ремесла отражал быстрое развитие товарных отношений в Магрибе, рост товарности феодального хозяйства.

Важнейшей причиной быстрого развития товарного хозяйства в Магрибе был экономический подъем в странах Средиземноморья в XIII—XIV вв., открывший широкие возможности сбыта сельскохозяйственной продукции. Рубеж XIII и XIV вв. охарактеризован Энгельсом как «закат феодального средневековья, заря современной капиталистической эры»[40]. Эта характеристика относится прежде всего к Италии, где в недрах феодального общества начал формироваться новый экономический уклад[41]. Капиталистический уклад, возникший в XIV в. в некоторых торгово-промышленных центрах Италии, явился новой силой, оказавшей существенное влияние на социальную жизнь не только Италии, но и многих других стран Средиземноморья. Основой этого влияния явилось то обстоятельство, что «исторической предпосылкой первого расцвета мануфактур — в Италии... были сношения с зарубежными нациями»[42].

Заморская торговля итальянских городов достигла в XIV в. грандиозного по тому времени размаха, намного превзойдя уровень XIII в. Наряду с итальянскими, значительную заморскую торговлю вели портовые города Каталонии и Прованса, Константинополь, Александрия и другие, создавшие в Средиземноморье тот широкий рынок, который сделал там возможным значительный подъем производства и явился условием возникновения капиталистических мануфактур в Италии. В XIV в. средиземноморский рынок уже можно назвать международным рынком периода зарождения ранних капиталистических отношений.

Страны Магриба, особенно Ифрикия с ее крупнейшими портовыми городами Тунисом и Биджайей, оказались вовлеченными в систему средиземноморского рынка. Спорадические торговые операции XII—XIII вв. к концу XIII в. сменились регулярной торговлей на основе долгосрочных договоров почти со всеми крупными торговыми центрами Италии, Каталонии и Прованса. В европейско-берберийской торговле произошли качественные изменения, оказавшие важное влияние на социальную жизнь Магриба. Это тесно связано с возникновением капиталистической мануфактуры в шерстоткацком производстве Италии, прежде всего во Флоренции.

В XIV в. шерстоткацкая промышленность Флоренции достигла невиданного дотоле уровня — ее годовая продукция в 20—30 раз превосходила продукцию других крупных центров шерстоткацкого производства [43]. В Италии возник огромный спрос на сырье. Шерсть итальянских овец из-за ее очень низкого качества почти не шла в производство, и основным сырьем была импортная шерсть [44]. Ввоз шерсти составлял основную часть импорта итальянских городов. Наряду с Англией крупнейшим поставщиком основного сырья главной отрасли раннекапиталистической промышленности стала Ифрикия, где производилась шерсть одного из самых лучших сортов — «гарбо» [45]. Шерсть была важ-

[39] *Mas Latrie.* Relations et commerce del'Afrique septentrionale ou Magreb avec les nations chrétiennes au Moyen age. Paris, 1886, p. 374—378.

[40] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. II, стр. 327.

[41] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр 721.

[42] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. изд. 2, т. 3, стр. 54—55. Эта формула Маркса и Энгельса раскрыта на конкретном историческом материале в работе В. И. Рутенбурга «Очерк из истории раннего капитализма в Италии». М.— Л., 1951, стр. 102, 111, 119—122.

[43] *В. В. Стоклицкая-Терешкович.* К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в. Сб. «Средние века», вып. V. М, 1954, стр. 342.

[44] *A. Doren.* Studien aus der florentiner Wirtschaftsgeschichte, Bd. I. Die florentiner Wollentuchindustrie. Stuttgart, 1901, S. 10—11.

[45] *A. Schulte.* Garbo und Florenz. «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», Bd. 58, 1902, S. 385—390; *R. Davidsohn.* Garbowolle und Garbotuch. «Historische Vierteljahrschrift», VII, 1904, S. 386—389; *A. Doren.* Italienische Wirtschaftsgeschichte. Bd. I. Jena, 1934, S. 335—336.

нейшим, но не единственным продуктом магрибского экспорта. Высококачественное ифрикийское оливковое масло вывозилось не только в Европу, но и в Египет и Аравию [46]. В Италию и Францию вывозились хлопок, лен, шелк, сахар, воск [47]. Важное значение имел вывоз соли, монополизированный Венецией, и квасцов, необходимых шерстоткацкой промышленности [48]. Огромные прибыли купцам Магриба приносила транссахарская торговля с Черной Африкой [49]. Экспортный поток из Северной Африки был столь силен, что уже в конце XIII в. он достигал Фландрии.

Будучи крупным экспортером сельскохозяйственного сырья, Магриб являлся немаловажным рынком сбыта ряда западноевропейских товаров. Характерно, что наряду с тканями, металлическими изделиями, оружием, предметами роскоши Ифрикия импортировала сырье и полуфабрикаты для своей ремесленной промышленности — железо, медь, олово, строительный лес, лаки, краски, а также, в неурожайные годы, зерно [50]. В XIV в. страны Магриба занимали важное место в средиземноморской торговле, в сложившемся вокруг средиземноморского рынка разделении труда.

Возможность широкого сбыта сельскохозяйственной продукции на внешний рынок резко стимулировала рост эксплуатации крестьянства феодалами, у которых появилась «неутолимая жажда прибавочного продукта», возникающая при вовлечении феодальной страны в развитую международную торговлю [51]. Ведущей формой эксплуатации крестьянства стала издольщина в наиболее тяжелых видах — за четвертую или пятую часть урожая. В областях Телля большое применение в XIV в. получили особого рода контракты на наем пастухов, фактически превращавшие нанявшихся в крепостных [52]. В положении различных социальных групп, прежде всего в положении отдельных прослоек феодального класса, произошли серьезные изменения. В наиболее завершенном виде эти изменения произошли в Ифрикии.

Ведущее положение внутри феодального класса Ифрикии занимала «аристократия крови» — объединенные в союз альмохадские шейхи, располагавшие крупными военными контингентами племен и значительными земельными владениями. Эта аристократия продолжала вершить государственные дела и при Хафсидах (1228—1574), которые сами были выходцами из ее среды [53]. Вместе с тем с XIII в. начала усиливаться другая часть феодального класса, постоянно жившая в городах и занимавшая различные административные и военные должности. Ее земельные владения были невелики, и она не имела влияния в племенах. С развитием крупной заморской торговли и с превращением в XIII—XIV вв. большей части обусловленных феодальных держаний «икта» в необусловленные земельные владения экономическое положение этой группы аристократии значительно укрепилось. Особенно важное значение приобрела для нее торговля шерстью. По мере вовлечения Ифрикии в международную торговлю эта аристократия, все больше сращиваясь с верхушкой купеческих и ремесленных корпораций, образовала руководящую группу городских нотаблей [54]. Нам представляется приемлемым обозначить эту группу аристократии термином «патрициат», как сделал Б. Н. Заходер в отношении части хорасанской «городской» землевладельческой аристократии X—XI вв., тесно связанной с торгово-ремесленными корпорациями [55].

---

[46] *R. Brunschvig.* Указ. соч., стр. 262.
[47] *Mas Latrie.* Указ. соч., стр. 374—382.
[48] *R. Brunschvig.* Указ. соч., стр. 263—264.
[49] *E. W. Bovill.* Caravans of the old Sahara. London, 1933.
[50] *Mas Latrie.* Указ. соч., стр. 364—371.
[51] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 241.
[52] *R. Brunschvig.* Указ. соч., стр. 197—201.
[53] *Ибн Халдун.* Указ. соч., т. II, стр. 12.
[54] Об этой группе аристократии см. *R. Brunschvig.* Указ. соч., стр. 167—168. Указание Бруншвига о превращении нотаблей в среднюю и крупную буржуазию неверно — их положение базировалось на феодальной собственности на землю.

Видную роль в среде патрициата городов Магриба играли «андалусцы» — мавританское население Испании, бежавшее от реконкисты. Наследники самой передовой в то время испано-мавританской цивилизации, «андалусцы» долгое время сохраняли культурное и профессиональное превосходство над местным населением, благодаря чему быстро встали во главе ремесленных и купеческих корпораций, поставляя магрибскому обществу лучшие научные и литературные кадры. Из знатной «андалусской» семьи происходил и Ибн Халдун.

«Андалусская» аристократия не была связана с племенами и не имела крупных земельных владений. Ее благосостояние зависело от государственной службы и торговых доходов. Поэтому «андалусцы» были сторонниками сильной централизованной власти и процветающей торговли, противниками автономистски настроенных, добивающихся полного контроля над государственными делами альмохадских шейхов. «Андалусцы» были руководящим ядром магрибского патрициата, наиболее выдающимися представителями новой аристократии, стремившейся отодвинуть на задний план военно-племенную знать. Борьба между «андалусцами» и альмохадскими шейхами за руководящую роль в государстве красной нитью проходит через всю историю Ифрикии XIII—XIV вв.[56] С этой борьбой связан рост политического значения городов Ифрикии и Центрального Магриба, усиление власти муниципальных органов, где руководящую роль играл патрициат.

В условиях магрибского общества XIV в. патрициат выступал как наиболее передовая и прогрессивная группировка правящего класса. Главные требования патрициата в области экономической и административной политики сводились к мерам, предусматривающим максимальные возможности для развития торгового хозяйства в рамках феодальной и мелкотоварной экономики. Именно эти требования выражала политическая программа Ибн Халдуна, являвшаяся высшим выражением политического мышления патрициата. Однако было бы грубым упрощением считать, что теория и программа Ибн Халдуна обусловлены только узкокорыстными интересами патрициата. В условиях острой социальной борьбы в Магрибе той эпохи политический курс патрициата совпадал с направлением прогрессивного развития страны, с интересами значительных масс городского и сельского населения. Защищая требования патрициата, Ибн Халдун выступал как поборник прогресса, как защитник интересов широких масс населения страны. Этим объясняются гуманистические и демократические моменты его теории.

Во многих работах, посвященных Ибн Халдуну, автор книги «О природе общественной жизни» изображается как гениальный одиночка, не имевший ни предшественников, ни последователей, как создатель пессимистической и фаталистической теории циклического развития общества, живший в эпоху полного экономического, политического и культурного упадка «мусульманского мира». Как следует из изложенного выше, эта концепция является ошибочной. Ибн Халдун был ученым и государственным деятелем периода наивысшего исторического подъема городов Магриба в эпоху феодализма, крупнейшим представителем испано-магрибской научно-философской школы, развившим материалистические стороны учения Ибн Рушда и распространившим материалистические принципы на изучение общественной жизни. В учении Ибн Халдуна нашли выражение наиболее прогрессивные, опережающие век идеи, порожденные быстрым социальным развитием и острой борьбой прогрессивных и реакционных сил в его стране.

---

[55] *Б. Н. Заходер.* Хорасан и образование государства Сельджукидов. «Вопросы истории», 1945, № 5—6, стр. 130—131.
[56] О роли «андалусцев» в истории Ифрикии см. *R. Brunschvig.* Указ. соч., стр. 155.

SUMMARY

The historic and philosophical doctrine of Ibn Khaldūn, great Arab scientist of the 14th century, outlined in his "Book on the Nature of Social Life", is an outstanding achievement of materialistic thought in Arab and in all medieval science. Ibn Khaldūn spoke of labour as the foundation of human society and the producer of values, and advanced the thesis that the political organization of society is determined by its economic development, and that the progress of society is connected with progressive changes in social economy.

In the social and political sphere Ibn Khaldūn was a spokesman for the interests of the patricians of Maghrib.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ФАЗЛ-ХАКА

Л. Р. ПОЛОНСКАЯ

Вопрос о содержании идеологических течений в период народного восстания 1857—1859 гг. в Индии имеет научное и политическое значение. Английская историография и часть современной английской прессы односторонне истолковывают сложный и противоречивый характер мировоззрения некоторых руководителей и участников восстания. В английской повременной печати второй половины XIX в. восстание обычно представлялось как военный мятеж и антианглийское выступление горстки феодалов. Однако такая точка зрения не была единственной. В монографиях некоторых английских историков признавалось широкое участие в восстании народных масс, превратившее «бунт сипайских полков» в великое национальное восстание. Но и в таких работах, как правило, восстание совершенно неправильно, преднамеренно и вопреки его объективному значению оценивалось как реакционное, направленное на восстановление старых феодальных порядков. Нынешняя английская официозная печать стремится представить события 1857—1859 гг. как реакционный мятеж, направленный не на освобождение Индии от английского колониального господства, а только на борьбу против европейской цивилизации, в защиту старых феодальных порядков. Так, д-р Тинкер, ведущий курс истории Юго-Восточной Азии в Лондонском университете, пишет, что восстание было направлено не вообще против английского господства, а лишь против проводимых англичанами прогрессивных мероприятий, затрагивавших религиозные и кастовые обычаи Индии, против европейской цивилизации [1]. Развивая «теорию» реакционности восстания, он, естественно, совершенно отрицает его освободительный характер.

«Теория» реакционности восстания как раньше, так и теперь означает оправдание английского колониального господства в Индии, и уже по одному этому научно несостоятельна, а исторически противоречит объективному смыслу событий.

В связи с этим небезынтересно вспомнить выступление Дж. Неру на массовом митинге, созванном в Дели в честь годовщины восстания 10 мая 1957 г. Дж. Неру отметил тогда, что хотя английская историография в течение столетия изображала события 1857—1859 гг. как локальный мятеж отдельных полков и нескольких феодалов, индийцы придерживались другого мнения: они считали и считают, что в 1857—1859 гг. имела место народная война за независимость, явившаяся попыткой освободить Индию от иноземного господства [2]. В книге «Открытие Индии» мы находим характеристику восстания как «войны за независимость Индии» [3].

---

[1] См. *H. Tinker*. Afterthoughts on the Indian Mutiny. «Eastern world». London 1957, vol. XI, № 7, p. 19.

[2] «The Hindustan times», 11 мая 1957 г.

[3] *Дж. Неру*. Открытие Индии. М., Изд-во иностр. литературы, 1955, стр. 346.

За несколько лет до восстания великие учители пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что перед Индией стоит историческая задача — завоевать независимость. В международном аспекте борьбу народов Индии за свободу, как и борьбу других народов Востока против порабощения иностранным капиталом, классики марксизма рассматривали как союзника европейской революции, придавая этой борьбе огромное революционное значение. Марксу же, как известно, принадлежит не вызывающая никаких сомнений характеристика индийского восстания как национального. В августе 1857 г. он писал: «Со временем просочатся и другие факты, которые убедят даже Джона Булля в том, что то, что он считает военным мятежом, в действительности есть национальное восстание» [4].

Не входя в подробное рассмотрение того, какой отклик нашло индийское восстание в различных странах, достаточно будет ограничиться несколькими примерами. В Англии борьбу индийцев за независимость приветствовали чартисты. Справедливой войной за независимость считал индийское восстание Луи Блан во Франции. Оно вызвало также сочувствие русского революционно-демократического лагеря. Н. А. Добролюбов недвусмысленно писал, что конечной целью Англии в Индии была «государственная и частная корысть, а не дело цивилизации». Он подчеркивал, что индийцы восстали не против цивилизации, что недовольство «направляется скорее всего на английский способ приложения цивилизации к Индии, исходя из побуждений, более близких к просвещенным стремлениям века, нежели могут предполагать англичане» [5]. Ясно, что отношение к индийскому восстанию, его оценки определялись борьбой мнений, политических течений, партийной принадлежностью. Так было сто лет назад. Так и сейчас, ибо злободневность вопросов, связанных с восстанием, ныне, в период крушения колониализма, в период национально-освободительных войн и революций, не только не ослабела, а еще более обострилась.

Индийская историография, посвященная изучению индийского национального восстания, исключительно богата. Еще в прошлом веке, несмотря на колониальный режим и жесточайшую цензуру, некоторые ученые выступили против оценки восстания 1857—1859 гг. как реакционного, в защиту его глубоко прогрессивного значения как войны индийцев против иноземного ига за свободу своей родины. Первой работой, в которой выражалась национальная точка зрения, была книга В. Д. Саваркара, запрещенная английскими властями почти сразу же после ее опубликования [6]. Однако английская версия реакционности восстания оказала серьезное влияние на индийскую историографию. Это сказалось прежде всего в определении индийскими учеными места восстания в процессе исторического развития Индии.

В недавно вышедших работах д-ров Мазумдара и Сена по существу отрицается прогрессивный характер восстания. В противоречии с собранным в монографиях богатым фактическим материалом находится положение авторов о том, что победа восстания якобы вследствие того, что им руководили феодалы, явилась бы шагом назад в историческом развитии Индии. Эта же точка зрения высказывается в отдельных статьях юбилейного номера газеты «Хиндустан таймс», совмещаясь в то же время с признанием народного и освободительного характера восстания. Так, М. Венкатарангайя, рассматривая восстание как первую войну за независимость и сравнивая его с национально-освободительным движением 1919—1947 гг., пишет: «Последствия первой войны были для индийского общества значительно меньшими, чем последствия второй. Они не были непосредственными и имели скорее отрицательный характер... Если бы первая война за независимость победила, то проведение социальных реформ было бы прекращено и восторжествовал бы традиционный ортодоксальный образ жизни. В случае победы те, кто вели войну, установили бы правление феодалов и реакционных элементов, и модернизация индийского общества была бы приостановлена»[7]. Генеральный секретарь Коммунистической партии Индии Аджой Гхош в статье «1857 год — национальное восстание» весьма аргументированно опровергает версию о реакционности восстания, направленного якобы на сохранение и восстановление феодальных порядков в Индии[8].

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XI, ч. I, стр. 228.

[5] *Н. А. Добролюбов*. Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии. Полн. собр. соч., т. III. М., 1936, стр. 55, 59.

[6] *V. D. Savarkar*. The Indian war of independence 1857. Second edition. Bombay, 1947.

Одним из аргументов, используемых для доказательства реакционности восстания, является то, что им руководили феодалы, единственной целью которых была якобы реставрация старых феодальных порядков. Понятия «феодальное руководство» и «реакционное руководство» исследователи этого толка сознательно отождествляют и рассматривают независимо от исторических условий. Они не учитывают тот общеизвестный факт, что против английских колониальных властей выступил не класс индийских феодалов в целом, а его отдельные представители и что в силу сложившихся исторических условий под давлением народа они вынуждены были в известной мере бороться и за общенародные интересы.

Изучение идеологии руководителей восстания, имеющее большое значение в связи с вопросом о характере восстания, делает настоятельно необходимым исторически правильно оценить деятельность представителей так называемой феодальной интеллигенции, возглавлявших восстание. Несмотря на их тесную связь с классом феодалов и крайнюю противоречивость их общественно-политических взглядов, объективно их деятельность отражала общенародное стремление к освобождению от иноземного господства и к национальной консолидации, что, несомненно, имело огромное прогрессивное значение. Самостоятельное развитие Индии было первостепенным условием развития новых социально-экономических отношений, предпосылкой капиталистического прогресса. Накануне восстания уже возникла и все больше давала о себе знать тенденция к самостоятельному развитию по капиталистическому пути, пробивавшая себе дорогу, несмотря на препятствия, обусловленные иностранным господством и сохранением феодальных и полуфеодальных отношений в индийской деревне.

Первая половина XIX в. была периодом завоевания Индии и складывания аппарата насилия английских колонизаторов, возникновения наиболее эффективных методов колониальной эксплуатации. Это было время глубокого кризиса феодального строя и мучительно медленного развития капиталистических отношений, что не могло не отразиться на общественной мысли того времени, которая принимала различные направления в зависимости от того, с какими классами связывали свою судьбу ее выразители.

При изучении общественной мысли Индии первой половины XIX в. основное внимание в нашей литературе уделялось идеологии формировавшейся тогда буржуазии Бомбея и Калькутты. Анализ деятельности ее представителей содержится в ряде работ советских авторов[9]. Однако общественные взгляды социальных групп, связанных с переживавшим кризис феодальным обществом, оставались, как правило, вне поля зрения исследователей. Настоящая статья посвящена общественному деятелю собственно Хиндустана Фазл-хаку — одному из видных последователей Шаха Валиуллы, положившего начало идеологическому течению, известному в индийской историографии под названием мусульманского возрождения[10].

[7] *M. Venkatarangaiya*. Social effects of the two wars of independence. «The Hindustan times». Supplement, 15 августа 1857 г.

[8] *A. Ghosh*. 1857. A national uprising. «New Age». Communist party weekly. 1957, vol. IV, № 33.

[9] *И. М. Рейснер*. Очерки классовой борьбы в Индии. М., 1932; *Е. В. Паевская*. Рам Мохан Рой — предшественник буржуазного национального движения в Бенгалии. «Ученые записки Тихоокеанского института», т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, и др.

[10] В английской литературе последователи Шаха Валиуллы обычно именуются ваххабитами. Однако секта ваххабитов составляла лишь часть представителей «мусуль-

К середине XIX в. общенародное недовольство колониальным режимом приняло в собственно Хиндустане острые формы. Это вызывалось тяжелым положением крестьянства, составлявшим основную часть населения. Экспроприация земельной собственности верхних слоев раджпутского крестьянства, поставлявших основные контингенты для бенгальской армии, была одной из непосредственных причин восстания[11]. В этой части Индии, составлявшей некогда ядро державы Великих Моголов, сохранилось много старых феодальных центров, пришедших к тому времени в полный упадок. Сосредоточенные здесь разоренные англичанами ремесленники также готовы были в любую минуту выступить против ненавистного английского господства. Купечество этих районов, торговавшее преимущественно с Пенджабом и Афганистаном и обслуживавшее в первую очередь двор Великих Моголов, выражало недовольство торговой монополией Ост-Индской компании. Значительная часть феодалов собственно Хиндустана была недовольна аннексией Ост-Индской компанией их феодальных владений. В этой обстановке возникло и развивалось идеологическое течение, связанное с именем Фазл-хака.

Фазл-хак родился в местечке Хайрабади Агрского округа Ситапур. Его отец — судья Хайрабади Маулана Фазл-имам—был видным последователем Шаха Валиуллы. Сам Фазл-хак, ученик и последователь валиуллаха Хезрет-шаха Абдул Азиза, был хорошо известен в Дели как крупный поэт и ученый[12]. В Дели Фазл-хак занимался также торговлей и был связан со многими купцами Ауда, пользуясь среди них известным влиянием[13].

До аннексии Аудского княжества Фазл-хак не выдвигал лозунгов антианглийского восстания и не выступал со сколько-нибудь развернутой критикой английской политики в Индии[14]. В начале 40-х годов он покинул Дели. В этот период стали укрепляться его антианглийские настроения. После Дели Фазл-хак служил в Джаджире, Рампуре, Тонке и других княжествах, формально сохранявших еще свою независимость. Накануне восстания он был судьей в Ауде.

Непосредственным поводом для начала активных действий по подготовке восстания послужила для Фазл-хака аннексия Аудского княжества. Фазл-хак переехал в Альвар, где и выдвинул идею вооруженного антианглийского восстания, считая, что основной его силой будут недовольные английским господством феодалы.

Современники и биографы Фазл-хака сообщают о его многочисленных обращениях к правителям княжеств с призывом начать вооруженное антианглийское восстание[15]. Накануне восстания он совершил поездку по Ауду, где встретился с видным руководителем восстания Ахмедуллой-ханом. Несмотря на то, что Фазл-хак проявил большую активность в деле организации антианглийских выступлений, выступление сипайских частей в Мируте явилось для него полной неожиданностью.

манского возрождения». Поэтому в статье употребляется не термин «ваххабиты», перешедший к нам из английской литературы, а значительно более распространенный в Индии термин «валиуллахи».

[11] См. *А. М. Осипов.* К вопросу о роли раджпутского крестьянства в индийском национальном восстании 1857—1859 годов. «Вопросы истории», 1957, № 6.

[12] علامه فضل حق خیرآبادی .باغی هند.ستان. مترجه مولانا عبدالشاهد خان شروانی (*Фазл-хак Хайрабади.* Индийское восстание. Перевод [с арабского на урду] Моуланы Мохаммеда Абдул Шахид-хана Ширвани). Баджнаур, 1947, стр. 11—20; رئیس احمد جعفری — بہادر شاہ ظفر اور ان کا عہد (*Реис Ахмад Джафри.* Бахадур-шах Победитель и его время). Лахор, 1955, стр. 855 857.

[13] *Реис Ахмад Джафри.* Указ. соч., стр. 859—860.

[14] *Фазл-хак Хайрабади.* Указ. соч., стр. 11—20; *Реис Ахмад Джафри.* Указ. соч., стр. 856—860.

[15] *Фазл-хак Хайрабади.* Указ. соч., стр. 153—154.

В осажденную английскими войсками восставшую столицу Индии — Дели Фазл-хак прибыл в августе 1857 г.[16]. В этот период в Дели в качестве властей действовали дурбар Бахадур-шаха, совет восставших сипаев и горожан и военный суд сипаев, возглавлявшийся Бахт-ханом[17]. Фазл-хак был членом дурбара падишаха, поддерживал связь с советом восставших, часто выступал на его заседаниях с сообщениями о ходе восстания в других районах страны и с призывами продолжать непримиримую войну с англичанами.

В осажденном Дели Фазл-хак находился до последнего дня. Затем вместе с остатками отступавшей армии он прибыл в Лакнау, продолжая оставаться в антианглийском лагере. Он поддержал Ахмадуллу-хана, опиравшегося в своей антианглийской борьбе на крестьян и ремесленников и выступавшего против феодальной знати Лакнау, которая стремилась прекратить борьбу против англичан[18].

Деятельность Фазл-хака во время восстания имела глубоко прогрессивный характер. Он поднялся над религиозной ограниченностью, призывая к единству индусов и мусульман. Выступая вначале за изгнание англичан из Индии силами отдельных феодалов, он в ходе движения поддержал борьбу народных масс и, в противоположность феодалов, он в ходе движения поддержал борьбу народных масс и, в противоположность феодальной знати, в своем большинстве изменившей восстанию и перешедшей на сторону англичан, он до конца своих дней выступал за изгнание англичан из Индии.

После поражения восстания Фазл-хак в 1859 г. был арестован английскими властями и предан суду. Судьи старались вынудить у него признание, что не он написал фетву о войне против англичан, а подписал ее «по принуждению, под давлением черни». Судьям нужно было это признание, чтобы показать, что даже такой популярный общественный деятель, крупный писатель и поэт, как Фазл-хак, только по принуждению пошел против англичан. Однако замысел колонизаторов провалился. Фазл-хак заявил: «Эта фетва справедлива. Я ее написал и сегодня по-прежнему придерживаюсь того же мнения»[19]. Он был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой на Андаманские острова. Там он и провел остаток своих дней вместе с другими индийскими патриотами.

В ссылке Фазл-хак написал свои лучшие работы, посвященные событиям 1857—1859 гг., «Индийское послание» и «Индийские оды», которые были изданы уже после его смерти под названием «Индийское восстание». В этих работах он попытался осмыслить социально-экономические и политические причины, приведшие к восстанию, а затем к его поражению. Он резко критиковал английскую политику в Индии и прямо писал об измене части феодальной знати, на антианглийскую борьбу которой он ориентировался накануне восстания. Таким образом, и после поражения восстания Фазл-хак оставался в лагере непримиримых врагов британских колонизаторов и вел против них «борьбу словом и пером».

Работы Фазл-хака являются ценным источником для изучения взглядов идеологов восстания.

Проанализируем позиции, с которых Фазл-хак критиковал английское колониальное господство, лозунги, которые он выдвигал против этого господства, и как представлял себе будущее государственное устройство Индии.

В «Индийском послании» и «Индийских одах» Фазл-хак подчеркивал, что британское владычество оказалось губительным для всех слоев индийского общества. По его словам, английская политика, которая «была направлена на подчинение различных

---

[16] *Реис Ахмад Джафри.* Указ. соч., стр. 865.

[17] سید انیس الطاف علی بریلی — جنرل بخت خان روہیلہ (*Сеид Унис Альтаф Али Барейли.* Генерал Бахт-хан Рохил). Приложение к книге منشی امیر احمد علوی — بہادر شاہ ظفر (*Мунши Эмир Ахмад Али.* Бахадур-шах. Победитель). Лакхнау, 1955, стр. 241—244.

[18] *Фазл-хак Хайрабади.* Указ. соч., стр. 161—165.

[19] Там же, стр. 170.

классов Индии... привела к опустошению городов и неисчислимым бедствиям народа»[20]. Он отмечал также, что установление британского владычества сопровождалось разорением крестьян, так как «англичане сосредоточивают в своих руках зерно, которое родит индийская земля, и, отняв у крестьян их права землевладения, оставляют им только право уплачивать денежную ренту. Они стремятся также лишить крестьян возможности свободно покупать и продавать зерно и получать выгоды от этой торговли»[21].

От английского господства, писал Фазл-хак, страдают и индийские торговцы, поскольку «англичане отдавали предпочтение своим людям и стремились сами регулировать повышение и понижение цен и доставку товаров на рынок» [22].

Он обращал внимание также на губительные последствия иноземного господства для служилой прослойки и образованных слоев индийского общества. В его работах говорилось о том, что английские завоеватели стремятся подчинить своим интересам дело образования и обучения индийцев, до сих пор бывшее монополией улемов и брахманов[23]. В этом вопросе в работах Фазл-хака нашла отражение позиция мусульманских улемов, выступавших против светского образования. Противясь вмешательству колонизаторов в жизнь индийцев, Фазл-хак возражал, в частности, и против отмены отдельных религиозных обычаев. Он отмечал, что чужеземцы стремятся уничтожить все индийские обычаи и законы и навязать свои законы и веру. «Они намереваются обратить в христианство всех индийцев, будь то богач или бедняк, знатный или простолюдин, оседлый житель или странник, горожанин или крестьянин»[24]. Фазл-хак указывал также на то, что английские власти угрожают религиозным обычаям как мусульман, так и индусов [25]. «Англичанам хорошо известно,— писал он,— что всякая религиозная общность создает, как не раз подтверждалось в жизни, препятствия для иноземного завоевания и гнета и побуждает к революционному, освободительному движению, поэтому они энергично принимают различные меры к тому, чтобы уничтожить и религию и национальную общность»[26]. Дискриминация английскими властями индийцев, как отмечалось в «Индийском послании», прежде всего проводилась в армии. Фазл-хак считал, что английские власти стремились заставить сипаев отказаться от веры и обычаев отцов, полагая, что тогда «остальные жители Индии, опасаясь наказания и преследований, не посмеют оказывать сопротивления английскому господству»[27]. Такая политика английских правителей, подчеркивал Фазл-хак, неизбежно вызывала всеобщую ненависть и должна была привести к восстанию [28].

Большое значение придавал Фазл-хак вопросам индусско-мусульманского единства. Часть руководителей валиуллахов была склонна причислять к неверным не только англичан, но и индусов. Фазл-хак предостерегал этих руководителей от такой позиции, указывая на возможные опасные политические последствия ее. Еще до восстания, во время столкновения между мусульманами и индусами в Ауде накануне аннексии княжества, Фазл-хак поднялся над религиозным сектантством и выступил за единство мусульман и индусов, указывая, что вражда между ними облегчает англичанам захват индийской территории [29]. «Маулана (Фазл-хак.— *Л. П.*) был твердо уверен, что, поскольку мусульмане живут в Индии, они, несомненно, должны находиться

[20] *Фазл-хак Хайрабади.* Указ. соч., стр. 357—358.

[21] Там же, стр. 358.

[22] Там же.

[23] Там же, стр. 357.

[24] Там же, стр. 356.

[25] Там же, стр. 359. В связи с расширением деятельности христианских миссионеров накануне восстания в Индии распространялись слухи, что англичане собираются якобы обратить всех мусульман и индусов в христианство. Английская религиозная политика вызывала возмущение всех слоев индийского населения.

[26] Там же, стр. 357.

[27] Там же, стр. 359.

[28] Там же.

[29] Там же, стр. 355.

в дружественных отношениях с индусами. Они должны воздерживаться от таких действий, которые могут превратить индусов в их врагов и дать возможность англичанам вмешаться в индусско-мусульманские отношения,— писал Реис Ахмад Джафри.— Фазл-хак понимал, что если индусы и мусульмане будут едины, англичанам придется покинуть эту страну, а если между этими двумя великими и славными народами не будет единства, им обоим придется жить в рабстве и английское господство будет прочным и незыблемым»[30]. Мысль о единстве индусов и мусульман нашла яркое выражение в написанных Фазл-хаком для падишаха «Законах об управлении государством». В одном из них говорилось о необходимости проведения политики веротерпимости и запрещения убивать коров, дабы не оскорблять религиозные чувства индусов. В связи с этим законом были отданы соответствующие распоряжения как в Дели, так и в других центрах восстания [31].

Фазл-хак был одним из авторов изданной в августе 1857 г. фетвы валиуллахов Дели, объявлявшей восстание всеиндийской священной войной против англичан. Фетва призывала к освободительной борьбе не только мусульман, для которых участие в джихаде было священным долгом, но и представителей всех других религий и каст[32]. Руководители сипаев Дели обратились с воззванием к сикхам Пенджабской армии, обещая каждому, кто перейдет на сторону восставших, земельные пожалования и другие награды[33].

Содержащаяся в работах Фазл-хака критика английской политики в Индии и характеристика главных причин восстания и требований повстанцев во многом совпадают с основными положениями прокламаций, выпускавшихся восставшими в Дели и издававшимися обычно от имени Бахадур-шаха или могольского принца.

Так, одна из прокламаций извещала о том, что в годовщину столетнего господства чужеземцев английское правление должно смениться индийским (хинду-радж) и что на помощь индийцам придут и персидский шах, и афганский эмир, и даже русский царь. Другая прокламация гласила, что все индийцы, как богатые и знатные, так и бедняки, должны восстать против англичан, которые подвергли поруганию их религию, касту и честь. В прокламации, распространявшейся в Канпуре и Дели, говорилось, что сипаи и земледельцы должны объединить свои усилия в борьбе против англичан и освободить Индию от засилия иноземцев[34].

В обращении ко всем индусам и мусульманам, изданном в июне 1857 г., отмечалось, что непосильный поземельный налог и различные другие поборы разорили индийцев и превратили их в нищих. Прокламация обращала внимание на высокие таможенные сборы и дорожные пошлины, препятствовавшие индийцам свободно передвигаться по своей стране, а также на ухудшение положения образованных людей и служилой прослойки. «Все уважаемые и ученые люди лишились своих занятий и миллионы не имеют теперь необходимых средств к существованию»[35]. В прокламации критиковалась также религиозная политика колониальных властей и указывалось на то, что восстание в армии явилось следствием всеобщего недовольства[36].

Прокламация от 29 сентября 1857 г. содержала подробную характеристику английской политики по отношению ко всем слоям индийского общества. Главное место

[30] *Реис Ахмад Джафри.* Указ. соч., стр. 862—863.

[31] *Фазл-хак Хайрабади.* Указ. соч., стр. 357; ذكاء الله — تاريخ عروج عهد انگليشيه (*Зиккаулла.* История установления английского господства), [Б. м., б. г.], стр. 688; *Реис Ахмад Джафри.* Указ. соч., стр. 864.

[32] *Реис Ахмад Джафри.* Указ. соч., стр. 841.

[33] «The crisis in the Punjab from 10 of may until the fall of Delhi, by a Punjab employee». Lahore, 1858, p. 132—133.

[34] *A. Mehta.* 1857. The great rebellion. Bombay, 1946, p. 27—30; *Мунши Эмир Ахмад Али.* Указ. соч., стр. 127.

[35] Полный текст прокламации см. «The Pakistan times». 1857. War of Independence. Supplement, 10 мая 1957 г.

[36] Там же.

в ней отводилось характеристике губительных последствий английской политики для индийских феодалов и требованию неограниченного права собственности на землю. «Уложение заминдари, — говорилось в прокламации— установило для землевладельцев чрезмерно высокий налог и разорило многих заминдаров, имения которых были распроданы за недоимки»[37]. После победы восстания, отмечалось далее в прокламации, «налог не будет обременительным, честь и достоинство заминдаров будут спасены и каждый заминдар будет пользоваться абсолютным правом заминдара»[38].

Критика торговой политики английского правительства в Индии в прокламациях и в работах, написанных Фазл-хаком после подавления восстания, в основном совпадает. Она сводилась к требованию свободной торговли, предоставления индийским купцам правительственных ссуд и бесплатной перевозки товаров. В прокламациях указывалось, что английские власти монополизировали торговлю важнейшими товарами и и взимают высокие пошлины[39]. Таким образом, прокламации и работы Фазл-хака отражали не только интересы феодалов, но и представителей торгового капитала.

В работах Фазл-хака, написанных после подавления восстания, главное внимание, как мы видели выше, уже было обращено на разорение крестьян и потерю ими прав собственности на землю. Это свидетельствовало об известном преодолении Фазл-хаком своей классовой ограниченности в этом вопросе. Фазл-хак, как и все валиуллахи, придавал большое значение вовлечению в антианглийское движение также ремесленников. После изгнания англичан ремесленникам была обещана работа при дворе падишаха, князей и раджей[40]. Это было, несомненно, данью времени и тщетной попыткой сохранить отжившие отношения средневекового прошлого.

В прокламациях говорилось также о том, что английские власти лишили индийцев всех высших военных и гражданских должностей, отняли у них возможность самим воспитывать своих детей и оскорбили религиозные чувства как индусов, так и мусульман[41].

Большой интерес представляет позиция Фазл-хака в вопросе о будущем государственном устройстве Индии, освобожденной от английского господства. Фазл-хак не выдвинул идеи замены правления падишаха другой формой государственного устройства. Как известно, широкое распространение в период восстания имели лозунги «мульк-и падишах» (страна падишаха), «хукумат-и сипах» (правление сипаев)[42]. Охваченная восстанием территория накануне английского завоевания формально находилась под властью Великих Моголов. Неудивительно, что восстановление власти правителей Дели являлось для восставших собственно Хиндустана символом восстановления государственной независимости Индии. Лозунг «мульк-и падишах» поддерживался Фазл-хаком и большинством других руководителей восстания. Что касается отношения Фазл-хака к совету сипаев и другим органам власти восставших, то о них можно судить по тому, что он признал их законными и сотрудничал с ними.

В своей практической деятельности он поддержал отдельные мероприятия этих органов, направленные на облегчение положения масс (отмена некоторых налогов, наделение землей крестьян и т. д.). Но ни Фазл-хак, ни другие идеологи восстания не выдвинули антифеодальных лозунгов.

Если во время восстания Фазл-хак считал, что руководящую роль в нем должны играть феодалы, то в работах, написанных после подавления восстания, он подчеркивал неспособность знати возглавить восстание и управлять государством. Он подробно описал беспомощность шаха, прямую измену многих членов дурбара, как мусульман, так и индусов, и отметил, что разногласия в лагере восставших были одной из главных

[37] См. *A. Mehta*. Указ. соч., стр. 27—29.
[38] Там же.
[39] Там же.
[40] Там же, стр. 30.
[41] Там же.
[42] «The Indian mutiny 1857—1858», vol. I. Calcutta, 1893, vol. II—III. Calcutta, 1902.

причин поражения восстания[43]. В то же время он говорил о героизме ремесленников и крестьян, упорно продолжавших борьбу, и писал, что состоявшие из них отряды муджахидов были самыми самоотверженными и дисциплинированными защитниками Дели[44].

Мировоззрение и деятельность Фазл-хака несли на себе отпечаток сложных и противоречивых процессов, которые переживало индийское общество в середине XIX в., когда Англия завершила завоевание огромной индийской территории, включив в состав Британской Индии последние независимые княжества. Недовольство английской политикой всех слоев населения Индии достигло тогда наивысшего предела. Это всенародное недовольство отмечал в своих работах и Фазл-хак. Восставшие выдвинули требование свободной торговли и отмены льгот и привилегий английским фирмам, отражая тем самым интересы индийского торгового капитала. Понятно, что ни Фазл-хак, ни другие видные идеологи и руководители восстания не были представителями буржуазного национализма, который в то время формировался в таких центрах, как Бомбей и Калькутта. Вместе с тем в районах, охваченных восстанием, с наибольшей силой проявилось недовольство феодалов, крестьянства и ремесленников английской налоговой политикой, аннексией феодальных княжеств, разорением ремесла. Участие в восстании многих представителей разорившихся феодальных семей и старинных княжеских родов было в сущности последним значительным проявлением феодального национализма, который нашел свое выражение в произведениях Фазл-хака. Наиболее полно в работах Фазл-хака и делийских прокламациях восставших были выражены требования той части феодалов, интересы которой были ущемлены британскими колонизаторами.

Однако Фазл-хак понял в конце концов неспособность класса феодалов возглавить антианглийскую борьбу. Он поднялся, в известном смысле, над узкоклассовыми интересами феодалов, так как писал о необходимости улучшить положение народных масс и поддержал массовую борьбу за изгнание англичан из Индии. Он призывал представителей всех религий к совместной борьбе против иноземного господства. Общественно-политические взгляды Фазл-хака отразили общенародное стремление к освобождению от колониального ига, и в этом отношении вся его деятельность служила национальным интересам Индии и имела глубоко прогрессивный характер.

Идея изгнания англичан из Индии, утверждения самостоятельного индийского государства, создания национальной государственности, развивающейся по своим внутренним законам, в какой бы архаической и противоречивой форме эта идея ни выражалась в общественно-политических взглядах руководителей и видных участников восстания, безусловно исторически прогрессивна. Не подлежит сомнению, что восстание было направлено на освобождение от мучительного колониального гнета, которое являлось необходимым условием для самостоятельного экономического и политического развития Индии.

Для исследователя-историка совершенно очевидно, что борьба отмирающего феодализма и развивающегося капитализма протекала бы в условиях национальной независимости, в исторически несравненно более благоприятной для индийского народа обстановке, чем под эгидой иностранного господства. Иноземное владычество, хотя и внесло в индийское общество элементы буржуазного развития, в конечном итоге явилось самым сильным препятствием для любого прогресса и консервировало в Индии самые отвратительные феодальные пережитки как непременное условие существования колониального господства. На протяжении 90 лет со времени восстания 1857—1858 гг. перед Индией стояла историческая задача, не решенная восстанием, поскольку оно потерпело поражение, — завоевание национальной независимости. Только в 1947 г. в результате огромного развития массового движения задача эта была решена, и Индия вступила в новую полосу своего исторического развития.

[43] *Фазл-хак Хайрабади*. Указ. соч., стр. 368—370.
[44] Там же, стр. 366—374.

SUMMARY

A representative of the so-called Moslem Renaissance and a follower of Shāh Walīullāh, Allamah Fazl Haqq (1797—1870) was one of the most distinguished ideologists of the people's uprising of 1857—1859. His works reflected the general resentment of the people against the British rule which brought about the uprising. He criticized the British land tax and trade policy and attached great importance to the united struggle of the Hindus and Moslems for the liberation of their native land. His works most thoroughly reflect the interests of the feudal landlords in Hindustan opposed to the British rule. The popular and national character of the uprising of 1857—1859 had greatly influenced the social and political views of Allamah Fazl Haqq.

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

К ВОПРОСУ О ПЕРСИДСКОЙ ПРОСОДИИ

На одном из заседаний VI секции (исламоведение; изучение языков и литератур) XXIV Международного конгресса востоковедов в Мюнхене шотландским иранистом Л. Р. Элвелл-Саттоном был прочитан доклад «A New Approach to Persian Metres, their Origins, Development and Classification», привлекший внимание участников небезынтересной попыткой дать новую классификационную систему традиционного персидского стихосложения. Основные положения доклада, который любезно представлен автором в распоряжение нашего журнала, сводятся к следующему.

Преимущественным распространением в персидской поэзии (около 75% проанализированных автором 2500 стихотворных образцов различных эпох) пользуются метры, насчитывающие от четырнадцати до шестнадцати слогов в полустишии. Другая значительная группа (около 18 % проанализированных автором стихотворений) насчитывает одиннадцать слогов в полустишии. В то же время в связи с возможностью замены двух кратких слогов долгим количество слогов в пределах одного и того же стихотворения может варьировать.

Если пренебречь вариантами метров, получающимися за счет замены двух кратких слогов долгим, удлинения первого из двух начальных кратких слогов и редко наблюдаемого превращения в сверхдолгий последнего долгого слога, то можно говорить о том, что действительно употребительными в персидской просодии является несколько менее ста стихотворных размеров, которые различаются по длине и по группировке долгих и кратких слогов. Все они принадлежит к одному образцу, если рассматривать их как части бесконечно повторяющегося узора, из которого могут быть выделены отрезки произвольной длины. Все эти метры, за очень редким исключением, возможно расклассифицировать по следующим пяти просодическим конструкциям:

А. U — — U — — U — — U — — и т. д.
Б. U — — — U — — — U — — — U — — — и т. д.
В. U U — — U U — — U U — — U U — — и т. д.
Г. U — U — U U — — U — U — U U — — и т. д.
Д. U — U — — U U — U — U — — U U — и т. д.

Из общего числа метров, активно используемых в персидском стихосложении, только восемь не могут быть точно подведены под указанную конструкцию. Процентное соотношение между пятью основными конструкциями таково: А — 3%, Б — 29%, В — 21%, Г — 43%, Д — 4%. Наиболее распространенными являются следующие метры:

Г. U — U — U U — — U — U — U U — 16% муджтасси маҳбӯн
Г. — — U — U — U U — — U — U — 14% музāри'и макфӯф
Б. — U — — — U — — — U — — — U — 14% рамали маҳзӯф
В. U U — — U U — — U U — — U U — 11% рамали маҳбӯн

Нижеследующая таблица насчитывает 25 наиболее распространенных метров в их соответствии с пятью основными конструкциями.

1. А.	U — — U — — U — — U — —	Мутақāриби мусаммани сāлим
2.	U — — U — — U — — U —	Мутақāриби мусаммани маҳзӯф
3.	— — U — — ‖ — — U — —	Мутақāриби мусаммани аслам
4. Б.	U — — — U — — — U — — — U — — —	Хазаджи мусаммани сāлим
5.	U — — — U — — — U — —	Хазаджи мусаддаси маҳзӯф

6. ——U———U—‖——U———U— Раджази мусаммани сālим
7. —U———U———U———U— Рамали мусаммани махзуф
8. —U———U———U— Рамали мусаддаси махзуф
9. В. UU——UU——UU— -UU— Рамали мусаммани махбуни махзуф
10. UU——UU——UU— Рамали мусаддаси махбуни махзуф
11. ——UU———‖——UU——— Хазаджи мусаммани ахраби макфуф
12. ——UU——UU——UU—— Хазаджи мусаммани ахраби макфуфи махзуф
13. —UU——UU——U—* Сарīʻи мусаддаси матвийи максуф
14. Г. U—U—UU——U—U—UU—— Муджтасси мусаммани махбун
15. U—U—UU——U—U—UU— Муджтасси мусаммани махбуни махзуф
16. —UU——U—‖—UU——U— Мунсариҳи мусаммани матвийи максуф
17. —UU——U—U—UU—— Мунсариҳи мусаммани матвийи манҳур
18. UU——U—U—UU— Ҳафīфи мусаддаси махбуни махзуф
19. ——U—U——‖——U—U—— Музāриʻи мусаммани ахраб
20. ——U—U—UU——U—U— Музāриʻи мусаммани ахраби макфуфи махзуф
21. Д. ——UU—Ū̆—U——UU—** Хазаджи мусаммани ахраб
22. ——UU—U—U——— Хазаджи мусаддаси ахраби макбуз
23. ——UU—U—U—— Хазаджи муссаддаси ахрəби макбузи махзуф
24. —UU—U—U—‖—UU—U—U — Раджази мусаммани матвийи махбун
25. UU—U—U——UU—U—U—— Рамали мусаммани машкул

Квантитативная основа персидской просодии подтверждается спектрографическим измерением долготы слогов: короткий, долгий и сверхдолгий слоги при чтении стихов декламатором исчисляются соответственно в 0,2, 0,44 и 0,62 секунды каждый, т. е. соответствие между ними представляет почти точную пропорцию 1 : 2 : 3.

Основные конструкции, из которых состоит персидское стихосложение, глубоко органичны для него, и их происхождение следует искать в характерных особенностях самого персидского языка.

ДРЕВНЕПЕРСИДСКОЕ *MARĪKA*

С. И. БАЕВСКИЙ

Впервые полностью опубликованная Э. Херцфельдом [1] в 1938 г. ахеменидская клинописная надпись Накш-и-Рустем Б (NRb) пополнила наши представления о словарном составе древнеперсидского языка — очень скудном, по дошедшим до нас памятникам — словом marīka, в котором исследователи увидели социальный термин.

Данное слово встречается в надписи всего два раза (третий раз восстановлено издателем). Понимание его затрудняется крайне ограниченным контекстом с большими лакунами и недостаточной изученностью древнеперсидской социальной терминологии. Предлагаемые толкования термина или мало убедительны (например, ʻраб' [2], ʻслуга' [3]), или несколько неопределенны (например, ʻподданный' [4]). Они опираются в основном на вавилонскую версию надписи и недостаточно используют иранский языковый материал.

Для уточнения значения слова marīka целесообразно между тем привлечь прежде всего материал родственных иранских языков, в которых можно проследить близкое соответствие данному слову.

В NRb оно стоит в звательном падеже, редко встречающемся в древнеперсидских надписях. В авестийском этому слову соответствует mairya (+ именной суффикс — ʻка'). Х. Бартоломэ переводил авестийское mairya как ʻнегодяй', ʻковарный' [5], не располагая опубликованным позже полным текстом надписи NRb. Резко отрицательное отношение к mairya, которое показывает авестийский контекст, можно объяснить, очевидно, отношением составителей Авесты, представителей зороастрийской общины, к противникам своей веры. Исходное значение слова mairya (и его пары ǰahika), по-видимому, шире. Приведем в качестве примера Яшт 14, § 51:

mā hē mairyō gəurvayōit mā ǰahika mā ašāvō asrāvayat gāvō ahumərəxš paityārənō imam daēnąm yąm āhūirīm zaravuštrīm

Чтобы ничего [от этого] не получил ни негодяй, ни блудница, ни ašāvō, который не произносит Гат, жизнь разрушает — противник этой веры, ахуровской, заратуштровской! [6]

Закономерное фонетическое соответствие древнеперсидскому marīka можно усмотреть в среднеперсидском mēraγ, неоднократно засвидетельствованном в среднеперсидской литературе, в том числе в таком важном памятнике юридического содержания, как «Сасанидский судебник» — Mādīγān i hazār dādəstān («Сборник тысячи решений») [7]. «Сасанидский судебник» — собрание примеров юридической практики, составленное, по-видимому, в позднесасанидскую эпоху. Содержание свода касается главным образом статей имущественного и семейного права, а также судопроизводства [8].

---

* Последний слог каждого полустишия всегда долгий.

** Размер рубāʻй.

[1] *E. Herzfeld.* Altpersische Inschriften. Berlin, 1938. Рецензии на эту книгу: *А. Фрейман.* Новые работы по древнеперсидским надписям. «Вестник древней истории», 1940, № 2; *H. Junker.* Herzfeld, Ernst. Altpersische Inschriften. «Orientalistische Literaturzeitung», 1941, 44 Jahrgang, № 1.

[2] *E. Herzfeld.* Указ. соч., стр. 11; см. также *В. О. Тюрин.* Социальное положение kur-taš по документам из "сокровищницы" Персеполя. «Вестник древней истории», 1951, № 3.

[3] *R. G. Kent.* The Nakš-i Rustam inscriptions of Darius. «Language», vol. 15, 1939, № 3, p. 169; *его же.* Old Persian. Connecticut, New Haven, 1950, p. 202; см. также *H. W. Bailey.* A problem of the indo-iranian vocabulary... «Rocznik orientalistyczny», t. XXI, 1957, p. 86, note 42.

[4] *W. Hinz.* Altpersischer Wortschatz. Leipzig, 1942, S. 108; см. также *И. М. Дьяконов.* История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 328.

[5] *Chr. Bartholomae.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, S. 1151.

[6] Цит. по *K. Geldner.* Avesta, I Jasna, 1886; II, Vispered und Khorde Avesta, 1889; III, Vendidad, 1895. Stuttgart; см. также: Яшт 5, § 41 и 50; Яшт 9, § 30; Яшт 10, § 2; Яшт 17, § 57 и 58; Яшт 19, § 11 и 32; Вендидад 5, § 35; Вендидад 22, § 2.

[7] Дошедшая до нас в единственной рукописи часть Mādīγān i hazār dādəstān (в дальнейшем Mhd) издана факсимильно, фотоцинкографическим способом: ч. I. Mâdiâgân-i-Hazâr Dâdîstân. A photozincographed Facsimile of a MS. Poona, 1901; ч. 2: The Social code of the parsees in sasanian times, part II. Bombay, 1913. Транскрипция, с нераскрытыми арамейскими идеограммами, и английский перевод (*S. Bulsara.* The laws of the ancient persians. Bombay, 1937) не удовлетворяют современным требованиям. Приводимые далее примеры даны на основе нашего чтения указанного выше издания факсимиле. Ссылки на страницы указаны по данному изданию.

[8] *C. Salemann.* Manichaeische Studien. I. St.-Pétersbourg, 1908, S. 145; *А. А. Фрейман.* Заметки по пехлевийской лексикографии. «Известия Российской Академии наук». Пг., 1918, № 8, стр. 767—769; *его же.* Существует ли «среднеазиатский» термин в сасанидском судебнике? Тамже, № 5, стр. 311—312; *Chr. Bartholomae.* Über ein sasanidisches Rechtbuch. Heidelberg, 1910; *его же.* Zum sasanidischen Recht. I—V. Heidelberg, 1918—1923; *его же.* Die Frau im sasanidischen Recht. Heidelberg, 1924; *A. Pagliaro.* L'anticresi nel diritto sasanidico. «Rivista degli Studi Orientali», vol. XV, 1935; *его же.* Note di lessicografia pahlavica. «Rivista degli Studi Orientali», vol XXVI, 1951; *А. Г. Периханян.* К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. «Вестник древней истории», 1952, № 4; *Н. В. Пигулевская.* Из истории эко-

Разделы «Сасанидского судебника», где встречается термин mēraγ (и его пара ziyānaγ), показывают, что им означается человек, лично распоряжающийся своим имуществом и обладающий правом наследования. Mēraγ самостоятельно выступает в суде в качестве истца, предъявляет и получает в суде нужные ему документы и акты.

Примеры:

I. Mhd, стр. 50. Ka xᵛāstaγ paδ stōrīh ō zan ē [uδ] marδ ē dahēδ (h)ast Kē āngōn goβēδ ku ka xᵛāstaγ 2 stōrīh (h)ast stōr 2 ōh bavēδ ziyānaγ uδ aβarīγ mēraγ dārišn uδ ka ē stōrīh (h)ast ziyānāγ aβāγ mērāγ dārišn

Если имущество дают в опекунство женщине [и] мужчине..., есть такие, которые говорят так: «Если имеется имущество для двух опекунств, то наличествует два опекуна; одно опекунство должно принадлежать ziyānaγ, а другое — mēraγ'у. А если имеется одно опекунство, то им должны владеть сообща и ziyānaγ и mēraγ».

II. Mhd, стр. 83. mēraγ dārišn dāštan nē framān dāδ xᵛastaγ paδ dūdāγ dāštan aβāistan mēraγ (по контексту — глава дома) должен владеть [этим]; [пока] не было издано распоряжение (относительно) сохранения имущества, оно должно сохраняться в семье.

III. Mhd, стр. 82. ka ō zan [i] šahr gōβēδ ku frazand i az tō zāδ stōrīh i man ē gīrēnd ka zāδ uδ stōrīh nē gīrēnd uδ mēraγ zan uδ frazand i pāδīxšah-īhā (h)ast ō zan uδ frazand rasēδ

Если [кто-нибудь] заявляет горожанке так: «Дети, рожденные тобой, получат мое опекунство», [и] когда дети родились и не получают опекунства, а у mēraγ'а есть полноправные жена и дети, то [опекунство] распространяется на эту жену и этих детей.

IV. Mhd, стр. 98. ēvaγ ēn ku ka niβēsēδ ku mēraγ paδ dāδaγgōβīh i mēraγ pēš i man āmaδ ēγ-(a)š paδ dāδaγgōβīh nē paδigriftan bavēδ paδ čand niβišt uδ hambāst i pēš [i] dastəbarān karδ

... когда [кто-нибудь] пишет так: «Mēraγ обратился ко мне с посредничеством для mēraγ'а», в таком случае судоговорение не допускается, пока не предъявлен судьям засвидетельствованный письменный документ.

На основании прочтенных статей Mhd, в которых встречается слово mēraγ (помимо приведенных, см. также стр. 3, 45, 63, 68, 100 и др.), при всей трудности понимания и точного перевода текста, можно заключить, что mēraγ означает в основном «мужчина», «муж», затем «глава семьи», «хозяин дома», т. е. полноправный член общества.

В новоперсидском языке закономерным фонетическим соответствием среднеперсидского mēraγ является засвидетельствованное в словарях mirä 'глава семьи'. См., например, в словаре برهان قاطع (Решающий довод)[9]: میره بروزن خیره بمعنی خواجه باشد که خدا ورئیس و صاحب خانه ایست 'mirä» по образцу [огласовки] xirä обозначает господина, который является старостой, главой и хозяином дома'.

В курдском языке имеется слово mêr со значением 'мужчина', 'муж'. Наряду с ним засвидетельствовано слово merî со значением 'человек'. Первое из указанных слов, по всей видимости, продолжает собой среднеперсидское mēraγ, древнеперсидское marīka и mairya, а второе является закономерным отражением древнеиранского martiya.

номических отношений Ирана в IV—VI вв. «Краткие сообщения Института востоковедения», XIV. М., 1955; *ее же*. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956. *J. C. Tavadia*. Die Mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier. Leipzig. 1956.

[9] محمدحسین بن خلف تبریزی متخلص ببرهان فرهنگ برهان قاطع (*Мухаммад Хусайн б. Халаф Табрīзī, прозываемый Бурхāн*. Словарь «Решающий довод»). т. II. Тегеран, 1317/1938, стр. 1370.

Небезынтересно, может быть, отметить, что в некоторых современных иранских диалектах бытуют слова, фонетически близкие новоперсидскому mirä со значением 'муж', 'супруг', например, в диалекте Meimêi — mɛrɛ ('муж', 'супруг')[10], в диалекте Färizändi-mera ('муж', 'супруг')[11].

Таким образом, приведенный материал иранских языков, близкий древнеперсидскому marīka, дает значения 'муж', 'мужчина', 'полноправный человек'.

Это позволяет высказать предположение о социальном значении marīka в ахеменидскую эпоху. Как известно, NRb — надгробная надпись Дария — является зерцалом по своему назначению и содержанию. Дарий в надписи призывает уважать его воинскую доблесть и подражать ей. Нет основания предполагать, что зерцало было обращено к рабу. Очевидно, marīka, к которому обращается Дарий, был свободный перс, член kāra (народа-войска), воин.

SUMMARY

The author analyses the ancient Persian word *marīka* recorded in the inscription of Naqshi Rustem B, and compares it with the corresponding terms in the Avestan and Middle Persian. Noting the existence of corresponding terms in the New Persian, Kurdish and some of the modern Iranian dialects, he arrives at the conclusion, contrary to the opinions of Herzfeld, Kent and Hinz, that *marīka* means a free Persian, a member of the kāra (the people as an army), a warrior.

ЕЩЕ РАЗ ОБ АУСТРОАЗИАТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬЕ

А. Я. ШЕВЕЛЕНКО

Помещенная во втором номере «Советского востоковедения» за 1956 г. статья А. И. Блинова «К вопросу о существовании аустроазиатской семьи языков» вызывает живой интерес уже потому, что она касается весьма слабо изученных языков Юго-Восточной Азии. Автор ставит своей целью доказать, что никакой аустроазиатской семьи не существует, и для этого использует работы некоторых ученых, являющихся противниками аустроазиатской теории.

Рассмотрим последовательно приводимые А. И. Блиновым аргументы.

Говоря о зарождении указанной теории, он отмечает, что уже в конце XIX в. «К. Форбс пришел к заключению, что вопрос о близости между языками мон-кхмер и мунда не заслуживает дальнейшего обсуждения» (стр. 153). Но почему? Это остается неясным. Простая ссылка на «имя» еще ничего не доказывает. Мы, в свою очередь, могли бы отметить, что такие видные исследователи, как Габеленц и Фурнро, примерно в то же время подтверждали языковую близость между мон-кхмер и мунда[1].

---

[10] *A. K. S. Lambton*. Three Persian Dialects. London, 1938, p. 38.

[11] *A. Christensen*. Contributions à la Dialectologie iranienne. Kϕbenhavn, 1930, p. 289.

[1] См. *G. von der Gabelentz*. Die Sprachwissenschaft. Leipzig, 1891, S. 158; *L. Fournereau*. Le Siam ancien. Paris, 1895, p. 47.

Полагая, что аустроазиатская теория восходит исключительно к книге *В. Шмидта* «Die Mon-Khmer-Völker», 1906, автор в дальнейшем направляет всю критику против этой книги, хотя фактический материал сосредоточен и в более ранних его работах[2], а впоследствии Шмидт приводил новые доказательства в защиту указанной теории[3]. О предшественниках Шмидта А.И.Блинов даже не упоминает. Между тем, Шмидту принадлежит лишь частное оформление лингвистической теории, сложившейся еще в XIX в. Ее истинным родоначальником является Эрнст Кун, и подорвать ее можно, только опровергнув данные его исследований[4] и всех работ его многочисленных сторонников. Если исходить из статьи А. И. Блинова, то может сложиться впечатление, что Шмидт шел один против широкого научного течения, представленного его противниками. На самом же деле налицо совсем иная картина: сторонники аустроазиатской теории образуют мощный хор, в котором тонут чужие голоса. Не говоря уж об историках, искусствоведах, антропологах, археологах и этнографах[5], среди последователей Куна насчитывается целая плеяда лингвистов[6], в том числе такие ученые, как Стен Конов[7], Боулс[8], Вульф[9], Одрикур[10], Кондомина[11], Сильвэн Леви[12] и многие другие. К тому же одни историографические экскурсы вообще ничего еще не смогут решить. «Действительно научным критерием,— справедливо замечает автор статьи,— выдвигаемым при разрешении вопроса о наличии близости между исследуемыми языками, является сходство основного словарного фонда и грамматического строя этих языков» (стр. 154). Следовало ожидать, что А. И. Блинов детально рассмотрит поэтому лексику объединяемых в аустроазиатскую семью языков, чтобы доказать их различие. Однако такого всестороннего исследования в статье нет. Оно заменено лишь несколькими частными примерами, которые никак не опровергают того положения, что, скажем, кхмерский и бахнарский или кхаси и монский языки принадлежат к одной языковой семье. Между тем, лексические сопоставления подтверждают аустроазиатское единство. Коснемся, например, основного словарного фонда языковой группы

[2] *W. Schmidt*. Die Sprachen der Sakei und Semang auf Malacca und ihr Verhältniȝ zu den Mon-Khmēr-Sprachen («Bijdragen tot de taal-,land- en volkenkunde van Nederlandsch-Indië», 1901, VIII deel); *его же*. Grundzüge einer Lautlehre der Khasi-Sprache in der Beziehung zu den Mon-Khmer-Sprachen. München, 1904; *его же*. Grundzüge einer Lautlehre der Mon-Khmer-Sprachen. Wien, 1905.

[3] См. *W. Schmidt*. Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde. Heidelberg, 1926, и др.

[4] *E. Kuhn*. Über Herkunft und Sprache der transgangetischen Völker. München, 1883; Beiträge zur Sprachenkunde Hinterindiens. München, 1889.

[5] См. также «Revue des arts asiatiques», 1926, N 6; «Études Asiatiques... de l'École Française d'Extrême-Orient», I, II, 1925; «Documents d'éthnographie navale», fasc. 1—3. Paris, 1946 и другие.

[6] См. «Austro-Asiatica», I—II. Paris, 1928.

[7] См. *S. Konow*. Munda and Dravidian Languages. «Linguistic survey of India», 1906; vol. IV; *его же*. Notes of the Munda family of speech in India. «Anthropos», 1908, t. III, fasc. I, p. 68—82.

[8] См. *G.T. Bowles*. Linguistic and racial aspectsof the Munda problem. «Studies in the Anthropology of Occania and Asia». Cambridge, Mas, 1943, fasc. 1.

[9] *K. Wulff*. Über das Verhältnisse des Malayo-Polynesischen zum Indochinesichen. København, 1942.

[10] См. *A. G. Haudricourt*. La place du vietnamien dans les langues austro-asiatiques. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», 1953, t. 49, № 138.

[11] См. *G. Condominas*. Ènquête linguistique parmis les populations montagnardes du Sud-Indochinois. «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», 1954, t. XLVI, fasc 2.

[12] См. *S. Lêvi, J. Przyluski, Bloch*. Pre-Aryan and pre-Dravidian in India.Calcutta, 1929.

национальных меньшинств Юго-Восточного Индокитая, родство которой не только с более отдаленным монским, но и с кхмерским А. И. Блинов отрицает:

Значение	Монский (диалект Тавоя)	Бахнар	Срэ	Джарай	Радэ	Кхмер
порхать	plan	par	par	por	phiör	pelăn, phlŏ
входить	thmo	mut	mut	mut	—	—
покупать, забирать	heat	ruöt	roat, blei	ble	bley	—
рыба	kă	ka	ka	akan	kan	sre-ka
птица, птичье крыло	cheng	xem	sim	chim	chim	chăméng
медведь	—	xögau	jirkao	jögau	k'gao	—
свинья	—	nhung	un	un	un	—
курица	—	ir	iar, mönu	mönu	m'nu	mânh
рисовые зерна	—	phe	phe	breh	braeh	krâhp, bai

Можно ли после этого отбрасывать a priori самую мысль о близости данных языков?

А. И. Блинов замечает, что мундский язык сантали морфологически не схож с монским. Однако генеалогические отличия им мало отмечаются. Между тем генеалогическая близость особенно заметна при сопоставлении некоторых корней монского и хо (восточномундского) языков:

Значение	Мон	Хо[13]	Значение	Мон	Хо
Мать	yài	aya	Голова	kdop	kupe
Земля	ti	ote	Глаз	mot	met
Солнце	tngoa	singi	Нос	muh	mua
Вода	dai	dah	Рот	paing	bai
Гора	do	toke	Ухо	kto	khetway
Камень	tmom	tongi	Кость	jaut	jang
Тигр	klĕ	kula	Рука	tau	tee
Ты	mneh	nien	Грудь	to	toa
Этот	nau	noa	Слушать	ming	mena
1	mwai	moy	Плакать	yeam	yam
2	bā	bai	Жажда	litan	titang
3	pi	pia	Соленый	bo	bekh
4	pan	ponia	Тонкий	sri	serua
5	mesun	monaya	Толстый	kron	kiriena
6	taro	turia			

Ср. также первые 6 числительных в мундском языке коль (*A. Nottrott*. Grammar of the Kol-language. Ranchi, 1905, p. 112): Miad, baria, apia, upunia, morea, turia.

Приводимые Шмидтом 345 лексических совпадений в аустроазиатских языках А. И. Блинов не принимает, указывая на шесть неудачных примеров (согласно Хевеши), и критикует самый метод Шмидта, состоящий в стремлении восстановить в ходе

[13] По данным Tickell, см. «Journal of the Asiatic Society of Bengal», Nov. 1840, Nov. 1848; *его же*. Grammatical construction of the Ho language; там же, 1866, XXXV. part 2.

сопоставления древний сантали (стр. 155). Между тем, если думать вообще о генеалогическом родстве, то обязательно придется искать язык-основу. Можно ли при этом не вскрывать более поздние напластования, к чему совершенно правильно стремился Шмидт? Неудачная методика обработки им некоторых слов из сантали не уничтожает сходства между мон, кхмер, стиенг, бахнар и другими языками.

Приводя таблицу Ж. Пшилуского, в которой сопоставляются названия чисел в трех аустрических языках: сантали, мон и муонг, автор считает, что она ничего не доказывает, поскольку сам Шмидт не включал муонг в семью аустроазиатских языков. Однако всякое отступление от старой теории или уточнение и даже расширение ее вовсе не свидетельствует о несостоятельности или о том, что эта теория не может эволюционировать. Другое возражение А. И. Блинова направлено против того, что приводится небольшое количество числительных. Значит ли это, что Пшилуский должен был умолчать о наблюдаемом сходстве? Кстати сказать, таблицу Пшилуского можно дополнить данными из других языков, которые (за исключением кхмерского) А. И Блинов также не хочет причислять к аустроазиатским:

Значение	Бахнар	Стиенг	Бьят	МОИ			Кхмер
				говор[14] трао-юмбра	говор[15] мокао	говор[16] трао-барна	
1	ming	mui	muoi	mué	moue	mui	mûy
2	bar	bar	bar	bar	bar	paré	pîr
3	peng	pe	pe	peil	peil	pair	bèy
4	puön	puon	puon	póón	pouan	boan	buon

Опираясь на доводы Масперо и Хевеши о многосложности корней в языках у мунда и односложности их в мон-кхмерских, А. И. Блинов замечает, что у мунда и мон-кхмерских не совпадают фонетические системы (стр. 156). Факт важный, но не играющий главной роли при установлении генеалогических связей. Добавим, что в кхаси, более близком к мунда, чем к мон-кхмерским, встречаются односложные корни[17].

Мон-кхмерские, говорит автор, не знающие артикля и грамматического рода, нельзя сближать с языком кхаси из Ассама, обладающим указанными категориями (стр. 156). Но артикль в настоящее время имеется и не во всех индоевропейских языках, которые тем не менее входят в одну семью. Что касается рода, то в мон-кхмерских различаются тела одушевленного рода и неодушевленного. Роль артикля же играют постоянные слова-частицы: pros (мужчина) или chhmoûl (мужской); srĕy или krem̆̆m (женщина, девушка) и nhî (женский).

Вывод о том, что малаккская группа языков не может быть отнесена к аустроазиатской семье (стр. 157), вряд ли логичен, поскольку у них обеих можно найти общие слова основного фонда.

То же нужно сказать и о тех переходных наречиях, которые указывают на правомерность объединения всех аустронезийских и аустроазиатских языков в аустрические (более широкое понятие):

[14] См. *P. Baron* et *P. Patte*. Dictionnaire moï. Saigon, 1904 (Appendice à *P. Patte*. Hinterland Moï. Paris, 1906, p. 241—246).

[15] См. *A. Gautier*. Vocabulaire moï. Paris, 1882.

[16] См. *P. Nêis*. Vocabulaire moï. Paris, 1880.

[17] *W. Schott*. Die Cassia-Sprache im nordöstlichen Indien. Berlin, 1859, S. 416. Ср. также: *K. Himly*. Bemerkungen über die Wortbildung des Mon. München, 1889; *W. Ryse*. An introduction to the Khasia language. Calcutta, 1855.

Значение	Бахнар	Срэ	Джарай	Радэ	Тьям
Дух, ум	yang	yang	yang	yang	yan
Вода	dak	daa	ea	êa	ia
Корм	xiem	siam, rong	rong	chiem, rong	ciam
Барабан	högôr	söngör	hagör	hgör	hagör
Гонг	cheng	cing	ching	ching	cin
4	puön	puan	pa	pa	pak
5	pödam	pram	röma	ema	limö
7	töpâh	poh	töjuh	kjuh	tijuh
8	töhngam	pham	sopan	epan	dalapan
1000	röbau	röbu	röbao	—	ribau

В свое время уже Шмидт говорил о возможности установления отдаленной связи между малайскими и мон-кхмерскими, причем в качестве переходных наречий называл как раз отмеченные нами тьям, радэ и джарай, а также седанг[18]. Сейчас это предположение уточняется. Согласно Дам Бо, схема взаимосвязей между языками Восточного и Южного Индокитая такова: от кхмерского переходный язык бьят ведет к группе пемзи (PeMSJ — горные народности Южного Индокитая, аббревиатура французского названия книги), в которую входят стиенг и бахнар (ближе всего к бьят), маа и срэ (центральные наречия); далее следуют джарай, радэ, ноанг, рэглай (переходные к тьямскому), тьям и индонезийские языки[19]. С другой стороны, через язык мон (трао) можно установить связь с вьетнамским[20] (ср. с предыдущими таблицами):

Значение	Трао-юмбра	Вьетнамский	Значение	Трао-юмбра	Вьетнамский
Дочь	côn	con	Звать	kúol	kêu
Сестра	iêm	em	Слушать	nhorne	nghe
Племянник	sau	cháu	1	mué	một
Юг	nanh	nam	3	peil	ba
Запад	ti	tây	4	póón	b'ôn
Обувь	jiàn	giày			
Нить	suic	chỉ	7	pò	bảu
Серебро	prak	bạc	8	pham	tám
Дождь	mi	mu'a	9	sin	chín

Наконец, А. И. Блинов даже не упоминает о родстве с мон-кхмерским таких языков, как коль, бхумидж, курку, мундари, карна и др. (см. *G. Campbell*. Specimens of languages of India. Calcutta, 1874, p. 79—91; *J. C. Whitley*. A Mundári primer. Calcutta, 1873, p. 31—35; *G. A. Grierson*. Linguistic survey of India. Calcutta, vol. I, 1928, part 2, p. 1—337).

Помимо лингвистических данных, аустроазиатское единство подтверждается также данными историческими. Согласно господствующему в настоящее время мнению, некогда предки монов и других народов жили непосредственно к югу от Гималаев и Тибетских гор. На западе, между Гангом и Брахмапутрой, находились мунда и кхаси.

[18] *W. Schmidt*. Die Mon-Khmer-Völker. Braunschweig, 1906, S. 17—25. См. также *A. Conrady*. Eine merkwürdige Beziehung zwischen austrischen und den indochinesischen Sprachen. «Aufsätze zur Kultur- und Sprachgeschichte». München, 1916, S. 475—504.

[19] *Dam Bo*. Les populations montagnardes du Sud-Indochinois. Lyon, 1950, p. 24—42.

[20] См. *P. Baron*. Указ. соч., стр. 226—235 и *E. Potteau*. Conversations. Saigon, 1873, p. 5—25.

Центральное положение занимали моны и кхмеры. На востоке, вплоть до Южного Китая, жили различные горные племена. У всех этих народов сохранились восходящие к той эпохе генеалогические легенды, схожие даже в частностях. В памятниках искусства Северо-Восточной Индии и Камбоджи наблюдаются общие черты, идущие от доисторических времен и не связанные с более поздним влиянием индийских колонистов на индокитайцев. Под давлением других народов или по иным причинам преаустрические группы начали смещаться к югу. При этом Бенгальский залив отсек мунда от монов; первые из Бенгалии передвинулись в Ориссу, кхаси осели в Ассаме, а мон-кхмеры через Бирму двинулись на юго-восток. От того времени у них сохранились общие племенные названия: «мунда», говорящие на языке «кола», соответствуют «мон», говорящим на языке «талайн» (*k* Коромандельского побережья превратилось в *t* бирманских берегов).

Когда моны дошли до р. Менам, от них отделились кхмеры, двинувшиеся далее на юго-восток по притокам Меконга. В Таиланде до сих пор находят следы этой кхмерской ветви. Одновременно Северный Индокитай заняли родственные кхмерам переселенцы из района Юньнань-Гуанси. Единство их материальной культуры подтверждается археологическими данными, позволяющими датировать это расселение примерно II тысячелетием до н. э. или около того. Оно повлияло на перемещение далее к югу местных аборигенов — будущих аустронезийцев. Тогда же возник контакт между аустроазиатами и протомалайцами, ушедшими позднее в Индонезию. В то время еще сохранялись многие следы родства индокитайских аустроазиатов с индийскими. Но смешение пришельцев с аборигенами привело к тому, что процесс формирования аустроазиатских языков протекал среди населения, которое в этническом отношении было неоднородным. Этими данными нельзя пренебрегать.

Основное содержание статьи А. И. Блинова сводится к отрицанию близости между сантали и мон-кхмерскими языками, однако заключает он свою статью требованием отказаться от признания аустроазиатской семьи как таковой. Между тем, мон и кхмер могут быть тем ядром, вокруг которого концентрируются близкие диалекты, наречия и говоры Индокитая. Через них в свою очередь прослеживается контакт с мундскими, индонезийскими и, ставя вопрос шире, с аустронезийскими языками. Ничто не изменится, если перерезать или, наоборот, сохранить одну нить, ведущую от этого ядра к сантали.

Наконец, А. И. Блинов, подвергая критике указанное построение, не противопоставляет ему ничего позитивного. Им отмечаются неизбежные дефекты теории, только еще находящейся на стадии развития, а для генеалогической группировки рассматриваемых языков что-либо лучшее не предлагается. Поэтому мнение о существовании аустроазиатской семьи остается для нас непоколебленным.

SUMMARY

In the article "Is there an Austro-Asiatic Family of Languages?" ("Sovietskoye Vostokovedenie" No. 2, 1956) A. I. Blinov, citing the arguments of Forbes and Hevesy rejects W. Schmidt's theory about the existence of an Austro-Asiatic family of languages. The reviewer disagrees with A. I. Blinov. The existence of an Austro-Asiatic family of languages is being proved by the identity of lexicology in the Ho, Mon, Khmer, Bahnar, Jarai, Mundari and other languages.

Austro-Asiatic unity is confirmed also by the historic community of the lMunda and Mon-Khmer peoples who have a common place of origin in the region which ies to the South of the Himalayas and the Tibet.

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

ИЗУЧЕНИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ*

В. Н. ЗАХОДЕР

В истории взаимоотношений народов Европы и Азии были периоды, когда культура некоторых народов Европы намного превосходила культуру других народов, но были и периоды, когда исключительного расцвета достигала культура народов Востока и во многом превосходила Запад. Это обстоятельство определило характер доставшегося нам от прошлого огромного культурного наследия.

Уже наиболее древний памятник русской письменности — «Повесть временных лет»— сохранил следы знакомства с литературными традициями не только Запада и Византии, но и Востока. Последние проникали в древнюю русскую письменность через Поволжье, торговые центры которого служили местом близкого соприкосновения византийцев, русских, армян, арабов, иранцев и других народов.

Появление русского научного востоковедения у нас принято относить к петровскому времени. В начале XIX в. была предпринята одна из первых попыток придать международный характер изданию восточных источников по истории русского народа. К этому же времени относится деятельность выдающегося издателя и комментатора восточных текстов Х. М. Френа (1782—1851). Попытка осуществить международное сотрудничество была сделана по инициативе исторического кружка графа Н. П. Румянцева (1754—1826). Под руководством Х. М. Френа и на средства, предоставленные в значительной мере самим Н. П. Румянцевым, нескольким известным европейским востоковедам был поручен розыск, комментирование и изучение восточных источников. Так, Хаммер-Пургшталю (1774—1856), близко связанному с графом Вацлавом Ржевусским (1765—1832), известным коллекционером восточных рукописей и книг[1], в 1816—1825 гг. было поручено составление хрестоматии из восточных источников на тему о русских древностях. Эта хрестоматия, вышедшая под редакцией Х. М. Френа, состояла из арабских, персидских, турецких текстов, французских переводов и комментариев в форме писем, обращенных к графу Румянцеву[2]. По существу, это был первый систематизированный свод извлечений из арабо-турецко-персидских рукописей, относящихся к истории Восточной Европы, главным образом, конечно, к истории русского народа. В «письмах» составителя были, конечно, и малоаргументированные положения, не всегда достаточно оправдан был

* Доклад, прочитанный на состоявшемся в октябре 1957 г. в Варшаве Конгрессе по вопросу об изучении восточных источников по истории стран Восточной и Центральной Европы.

[1] См. *Jan Reychman*. Znajomość i nauczanie języków orientalnych w Polsce XVIII wieku. Wrocław, 1950, s. 104—105.

[2] «Sur les origines russes, extraits de manuscrits orientaux adressés à M-r le Comte de Romanzoff, chancellier de l'empire de Russie, dans une suite de lettres depuis l'an 1816 jusqu'á l'an 1825...» St. Pétersbourg, 1827.

выбор той или иной рукописи, того или иного отрывка из нее, много неясного, спорного было в трактовке отдельных трудных пассажей. Несмотря на все это, нельзя недооценивать значения этих первых шагов. Некоторые материалы, собранные кружком Румянцева, до настоящего времени не утратили своей научной ценности. По инициативе кружка, в 1822 г. одному из крупнейших византологов и арменистов своего времени Вивиен де Сен Мартену было поручено составление хрестоматии по русской истории на восточных источниках, имевшихся во Франции. Преждевременная смерть ученого помешала завершить эту большую работу по выявлению и публикации источников, хранившихся в Национальной библиотеке Парижа[3]. Прямым продолжателем этой работы стал известный специалист по арабской исторической географии ученик Рено — Ш. Дефремери (1822—1883). В 1843 г. он опубликовал ряд неизвестных или малоизвестных отрывков из восточных (арабских) рукописей, имевших отношение к истории не только русского, но и других народов Восточной Европы[4].

К сожалению, меценатская деятельность румянцевского кружка, как и многие другие научные предприятия, организованные подобным образом, не привела к созданию более или менее стабильного, постоянно и длительное время действовавшего учреждения. Ни в XIX, ни в XX в. не наблюдается каких-либо заметных попыток объединить международные усилия в издании трудов по интересующей нас тематике, хотя для отдельных ученых необходимость такого объединения была очевидна.

В нашей стране неоднократно предпринимались попытки создать свод восточных известий о Восточной Европе силами одного ученого. Задумал издание такого свода П. С. Савельев (1814—1859), ученик О. И. Сенковского. Об этом свидетельствует адресованное ему письмо одного из первых историков стран Востока в России В. В. Григорьева: «Стыдно П. С. Вижу, честолюбие одолевает вами незаметно для вас самих, а наука терпит от этого, спрашивает ежечасно у молвы: скажи, кумушка, скоро увижу я у себя «Хива древняя и новая», «Сказания вост. писателей о народах, живших в России», «De origine Chorasmico — Grusinorum seu Georgianorum dissertatio» и другие сочинения Павла Степановича, которые он вот уже года четыре, как обещает мне подарить?»[5]. Очевидно, именно об этих «Сказаниях восточных писателей» писал П. С. Савельев в ответном письме В. В. Григорьеву: «У меня идут три параллельные труда... Второй — «Восточная Библиотека для Русской истории...»[6]. К сожалению, мы не находим никаких указаний на то, чтобы П. С. Савельеву удалось осуществить издание этих трудов. Первый большой свод без подлинных текстов, а только с русскими переводами источников был осуществлен семитологом А. Я. Гаркави (1835—1919) и представлен им в 1868 г. в качестве магистерской диссертации[7]. Это сочинение, по словам И. Ю. Крачковского, «эпоху в нашей области открыло»[8]. В труде А. Я. Гаркави мы находим в оригинальных русских переводах наиболее известные отрывки из восточных источников, в которых встречались сведения о русских и славянах. Переводы снабжены био-библиографическим обзором и историко-филологическим комментарием. Значение подобной работы несомненно, однако, выполненный одним исследователем в сравнительно короткий срок, этот свод не мог, конечно, претендовать на какую-либо полноту: многие отрывки выпали из поля зрения составителя, без внимания остались текстовая зависимость отрывков и наличие параллелизмов, заимствований, повторений и т. д.

Публикация семитологом Д. А. Хвольсоном (1819—1911) отрывков из хранившегося в Британском музее в Лондоне географического сочинения Ибн-Русте[9] (неверно транскрибированного как Ибн-Даste), и издание арабистом В. Р. Розеном (1849—1908) в 1878 г. известий ал-Бекри[10], взятых из той же замечательной испанской коллекции восточных рукописей, собранных профессором Паскалем де Гайангосом (1809—1897), из которой несколько лет тому назад Ц. Е. Дублер взял отрывки текста Абу Хамида ал-Гранадино[11], наконец, труд В. В. Бартольда (1869—1930), написанный по принадлежащей Британскому музею рукописи Гардизи[12], свидетельствуют о том, какие рукописные сокровища по истории народов СССР хранятся в западноевропейских собраниях. Вместе с тем издание В. В. Бартольдом в России такого великолепного памятника средневековой географической литературы, как среднеазиатский аноним — «Ḥудӯд ал-ʿа̄лам», переведенный затем на английский язык В. Минорским[13], говорит о значении наших собраний для изучения истории многих европейских, в том числе и центральноевропейских стран. Все это является свидетельством того, как необходима международная научная кооперация в издании восточных источников по Восточной Европе. Упомянутыми выше именами, конечно, не исчерпывается число русских дореволюционных востоковедов, проделавших большую работу по привлечению восточных источников для изучения истории Восточной Европы. Достаточно вспомнить Б. А. Дорна (1805—1881), в 1875 г. опубликовавшего свой фундаментальный «Касний», упоминавшегося уже В. В. Григорьева (1816—1881), давшего ряд исследований о сношениях русов с Востоком, Ф. Ф. Шармуа, В. Г. Тизенгаузена, Ф. Вестберга, чьи смелые выводы в отношении восточных источников не всегда, однако, могли быть безоговорочно приняты[14], и многих других.

Еще труднее, разумеется, детально характеризовать новейшую историю развития рассматриваемой отрасли востоковедения в нашей стране. Одно несомненно — Великая Октябрьская социалистическая революция содействовала расширению и углублению исследовательской работы, вооружив исследователей подлинно научной методологией. Среди ученых, занимавшихся интересующей нас отраслью востоковедения, значительную часть составляли люди, научная деятельность которых началась еще задолго до революции. К их числу относится В. В. Бартольд, который во многом, в частности и в деле изучения восточных источников по Восточной Европе, продолжил, развил и углубил великолепные традиции русской востоковедной школы. Кроме упоминавшегося уже выше издания «Ḥудӯд ал-ʿа̄лам», В. В. Бартольд после Октябрьской

---

[3] См. *Ch. Defrémery*. Fragments de géographes et d'historiens arabes et persans inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. «Journal Asiatique», Juin 1849, t. XIII, p. 459; см. также «Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg, tenue le 29 Decembre 1845.St.-Pétersbourg, 1847, p. 45—46.

[4] См. *Ch. Defrémery*. Указ. соч.

[5] См. *Н. И. Веселовский*. Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам. 1816—1881. СПб., 1887, стр. 63.

[6] См. *В. В. Григорьев*. Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861, стр. 50.

[7] Диссертация была издана в 1870 г. под названием «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских».

[8] *И. Ю. Крачковский*. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 139.

[9] «Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста... в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон». СПб., 1869.

[10] «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах», ч. 1 (Статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена). Приложение к XXXII тому «Записок» ИАН, № 2. СПб, 1878.

[11] Abū-Ḥāmid el-Granadīno y su relacion de viaje por tierras eurasiaticas, texto arabe, traduccion et interpretacion por Cesar E. Dubler. Madrid, 1951.

[12] *В. Бартольд*. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894. Записки ИАН, VIII серия по историко-филологическому отделению, т. 1, № 4, 1897.

[13] «Ḥудӯд ал-ʿа̄лем». Рукопись Туманского, с введением и указателем В. Бартольда. Л., Изд-во АН СССР, 1930; «Ḥudūd al-ʿĀlam. The Regions of the world. A Persian geography 372 AH—982 AD. Transl. and expl. by V. Minorsky». E. J. W. Gibb Memorial' Series. New series, XI, Oxford, 1937.

[14] См. *И. Ю. Крачковский*. Указ. соч., стр. 153—154.

революции закончил ряд работ, в которых подытоживались достижения в области изучения восточных источников и выдвигался ряд новых важных положений. К таким работам относится: доклад о состоянии и ближайших задачах изучения истории турецких народностей, прочитанный на I Всесоюзном тюркологическом съезде (большая часть доклада затрагивала вопросы, представляющие существенный интерес для исследования истории народов Поволжья); небольшая, но весьма значительная по выводам заметка «О письменности у хазар»[15] и явившаяся плодом многолетней исследовательской деятельности (опубликованная уже после смерти ученого) статья «Арабские известия о русах»[16]. Мы уже не говорим о многочисленных и широко известных статьях по исторической географии народов Восточной Европы, основанных в значительной мере на восточных источниках и изданных в «Энциклопедии Ислама», деятельным сотрудником которой состоял В. В. Бартольд.

У И. Ю. Крачковского (1883—1951) интерес к рассматриваемой теме был направлен, как и в других областях его научной деятельности, не к древнему или средневековому периоду истории, а к современности, к изучению во время пребывания на арабском Востоке (1908—1910) интересов арабов к русской литературе и России и интересов русских к арабской литературе. Нельзя не остановиться с особым вниманием на том высоком и благородном представлении о значении арабистики, которое И. Ю. Крачковский неоднократно высказывал, в частности, в наиболее яркой и впечатляющей форме в своих очерках «Над арабскими рукописями», известными европейскому читателю по переводам на многие языки, среди которых я не могу не назвать изящный польский перевод проф. А. Зайончковского. Обнаружившийся затем у ученого интерес к восточной географической литературе (в начале к эфиопской, затем к арабской) натолкнул его на тему, богато представленную арабской письменностью и весьма необходимую для изучения истории Восточной Европы. Так родилась очень важная для характеристики организационных и методических позиций Крачковского записка «О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии»[17]. Содержавшиеся в записке положения об изучении и издании восточных источников по Восточной Европе были положены в основу деятельности целого научного коллектива, решившего посвятить свой труд изучению рассматриваемой темы. Эти вырабатывавшиеся годами взгляды И. Ю. Крачковского нашли свое отражение в его собственном творчестве, в его работе, посвященной Кавказу и Средней Азии, их связям с арабским миром, а также в немногочисленных, но очень ценных работах о Восточной Европе. Среди последних особое значение имеет редакция русского перевода и комментариев мешхедской рукописи Ибн-Фадлана[18], а также законченный, но еще не изданный труд по общей истории арабской географии, где значительное место уделено интересам арабских географов к Восточной Европе.

К числу ученых, принадлежащих к тому же поколению, относится Н. Я. Марр (1864—1934), весьма интересовавшийся арабскими источниками по Кавказу и написавший ценную работу о старинных русско-хазарских лексических связях[19]. В. А. Гордлевский (1876—1956) и С. Е. Малов (1880—1957) продолжали традиционную для русских востоковедов работу в области трактовки «Слова о полку Игореве»[20].

---

[15] Сб. «Культура и письменность Востока», кн. IV. Баку, 1929, стр. 17.

[16] «Советское востоковедение». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, № 1, стр. 15—50.

[17] «Записки Института востоковедения Академии Наук СССР». Л., Изд-во АН СССР, 1932, 1, стр. 55—62.

[18] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1939.

[19] *Н. Я. Марр.* По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века. Избр. работы, т. V. М.—Л., Соцэкгиз, 1935, стр. 67—113; *И. Ю. Крачковский.* Н. Я. Марр и памятники арабской литературы. «Библиография Востока», М.—Л., Изд-во АН СССР, вып. 10 (1936), 1937, стр. 7—15.

[20] *В. А. Гордлевский.* Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). «Известия Академии наук СССР», отд. лит-ры и языка, 1947, т. VI, вып. 4, стр. 317—337; *С. Е. Малов.* Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». Там же, 1946, т. V, вып. 2, стр. 129—139.

Под влиянием В. В. Бартольда в значительной мере складывалась научная деятельность А. Ю. Якубовского (1886—1953), наряду со своей главной специальностью— история Средней Азии,— интересовавшегося общей историей мусульманского Востока, а также традиционными для русского востоковедения проблемами ранней истории народов Восточной Европы. В 1926 г. А. Ю. Якубовский написал работу «Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г.— 943/4 г.»[21] Это был его первый труд по ранней истории народов Восточной Европы, отличавшийся, как и все его работы в этой области, привлечением свежего, мало использованного материала, оригинальной трактовкой его и глубоким интересом к истории материальной культуры и археологии. В 1927 г. вышла работа А. Ю. Якубовского «Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в.»[22] Еще большее значение имели написанная совместно с Б. Д. Грековым и вышедшая двумя изданиями монография «Золотая Орда», в которой перу А. Ю. Якубовского принадлежат главы, основанные на восточном материале, статьи «О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.»[23] и «К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках» [24].

Арабист А. П. Ковалевский, автор упомянутого выше русского перевода мешхедского варианта сочинения Ибн-Фадлана, выступает преимущественно как историк-филолог. За последние годы он издал ряд работ, связанных с углубленным изучением Ибн-Фадлана и его путешествия: «О степени достоверности Ибн-Фадлана»[25], «Посольство халифа к царю волжских булгар в 921—922 г.»[26], «Вивгення Подорожи Ібн-Фадлана на Волгу за мешхедським рукописом»[27] и книгу «Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана» (Чебоксары, 1954). Его «Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.» (Харьков, 1956) представляет собой монографию, в которой даны значительно исправленный русский перевод мешхедского варианта сочинения Ибн-Фадлана, а также большой комментарий.

Последняя по времени издания работа А. П. Ковалевского, помещенная в «Трудах исторического факультета Харьковского университета» (1957, т.5; на укр. яз.), посвящена Масуди.

Отмеченное выше при характеристике трудов А. Ю. Якубовского сочетание филологических и археологических интересов в еще большей степени характеризует работы С. П. Толстова, посвятившего значительную часть своей научной деятельности древней и средневековой истории Хорезма. Высказанные им соображения о деятельности хорезмийских торговых колоний на Поволжье, в Итиле и Болгарах, а также другие наблюдения над старинными связями народов Средней Азии и Поволжья представляют большой интерес для исследователя[28].

Много нового и интересного вносят работы специалистов смежных специальностей. К такого рода работам принадлежит обобщающая монография П. Смирнова, изданная в Киеве в 1928 г. на украинском языке, «Вользкий шлях и стародавние Руси». Эта монография «предпринятая,— по словам И. Ю. Крачковского,— на основании значи-

---

[21] «Византийский Временник», 1926, т. XXIV, стр. 63—92.

[22] Там же, 1927, XXV, стр. 53—76.

[23] «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии. М., 1946, т. III, № 5, стр. 461—472.

[24] «Советская археология», 1948, X, стр. 255—270.

[25] «Исторические записки», 1950, № 35, стр. 265—293.

[26] «Исторические записки», 1951, № 37, стр. 189—214.

[27] «Труди Історичного факультету. Харківський державний університет». Харків, т. 2, 1952, стр. 143—157.

[28] См., например, *С. П. Толстов.* Из предыстории Руси (Палеоэтнографические этюды). «Советская этнография», сб. статей. М.—Л., 1947, VI—VII, стр. 39—59.

тельно устарелой уже теперь передачи источников»[29], все же была положительно оценена западноевропейской наукой[30]. Еще больший интерес представляет единственная в своем роде попытка крупного историка СССР Б. Д. Грекова дать на основании широкого и детального анализа русской летописи монографическое обозрение «Волжские болгары в IX—X веках»[31]. Вряд ли можно не упомянуть также работ К. В. Кудрявцева «Половецкая степь» (1948), Б. А. Рыбакова «Русские земли по карте Идриси 1154 года» [32], А. Л. Монгайта «К вопросу о трех центрах древней Руси» [33] и многие другие.

Следует сказать еще о двух факторах, которые также определяют современное состояние и ближайшие пути развития рассматриваемой нами отрасли востоковедения. Первым из этих факторов является состояние изучения источников в странах Центральной Европы, вторым — становление темы «восточные источники по Восточной и Центральной Европе» как одного из разделов мирового востоковедения.

Для подавляющего большинства народов стран Центральной Европы проблема восточно-западных отношений является почти такой же существенной частью прошлого (во всяком случае в определенные и достаточно продолжительные периоды их исторического существования), как и для русского, украинского, белорусского народов. Для них не в меньшей степени, чем для народов СССР, непосредственное, систематическое соприкосновение с народами Востока (турками и татарами по преимуществу) предопределило необходимость изучения восточных источников для познания собственной отечественной истории. Отсюда вполне естественное и закономерное развитие в этих странах отрасли востоковедения, посвященной изучению восточных источников, имеющих отношение к истории этих стран. Об этом свидетельствует деятельность многих ученых центральноевропейских стран, посвятивших свое время и труд изучению или изданию восточных источников, важных для отечественной истории той или иной страны, как то профессоров: А. Зайончковского, Т. Левицкого, Я. Рейхмана (Польша), Л. Фекете, К. Цегледи (Венгрия), И. Кабрда, И. Грбека (Чехословакия), Б. Джурджева, Байрактаревича (Югославия) и других.

Не менее значительным фактором является развитие интересующей нас отрасли востоковедения в мировой науке. В списке ученых, занимающихся исследованием этой проблемы, мы найдем и востоковедов крайнего севера (Таллгрен в Финляндии) и ученых южноевропейских стран—А. Кодацци (Италия), Ц. Е. Дублер (Швейцария—Испания), Кл. Каэн (Франция). Работа в этом направлении ведется также и в США. Многочисленны ценные исследования В. Минорского, в значительной мере продолжающего традиции академического востоковедения.

Развитие изучения восточных источников применительно к истории Восточной и Центральной Европы в СССР и в странах центральноевропейских народных демократий подводит нас к вопросу о необходимости объединения и координации научной деятельности в этой области. Выгоды такого объединения и координации очевидны. Не говоря уже о преимуществах широкого использования самых разнообразных источников, хранящихся в собраниях СССР и научных центрах стран народной демократии, и о ликвидации возможного при изолированной работе параллелизма отдельных исследований, совместная организация работы поможет создать постоянный, сильный коллектив исследователей.

Ближайшим планом работы такого объединения должно быть, на наш взгляд: 1) издание свода восточных источников по Восточной и Центральной Европе по определенному эталону, имеющего общую нумерацию, единую транскрипцию (транслитерационную систему) и единую систему индексов; 2) издание отдельных исследований по наиболее важным вопросам; 3) каталогизация источников, отрывков, документов, которые могут трактоваться как источники по Восточной и Центральной Европе; 4) организация через определенные промежутки времени международных конгрессов по рассматриваемой проблеме, на которых ставились бы на обсуждение наиболее актуальные научные и организационные вопросы.

---

[29] *И. Ю. Крачковский.* О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии. «Записки Института востоковедения АН СССР». Л., 1932, I, стр. 58.

[30] «Ḥudūd al-ʿĀlam...», p. 427.

[31] «Исторические записки», 1945, № 14, стр. 3—37.

[32] «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры». М., 1952, вып. XLIII, стр. 3—44.

[33] Там же, 1947, вып. XVI, стр. 103—112.

SUMMARY

Prof. B. N. Zahoder's article gives an account of the report delivered by him at the Warsaw Congress of orientalists in October, 1957, on the study of Eastern sources regarding the history of the Central and East European countries.

Concluding his historiographic survey, the author makes some suggestions which should, in his opinion, help in the study of the above mentioned Eastern sources and emphasizes the necessity of unifying and coordinating scientific research in this field.

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

از شمار دو چشم یک تن کم
وز شمار خرد هزاران بیش
رودکی

Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как умер Евгений Эдуардович Бертельс, и с каждым днем все более чувствуется, какая это тяжелая утрата для отечественного востоковедения.

Е. Э. Бертельс родился 25 декабря 1890 г. в Петербурге в семье врача. Еще с гимназических лет Евгений Эдуардович ощущал тяготение к изучению Востока, его культуры. Окончив в 1914 г. юридический факультет Петербургского университета и работая юристом, Евгений Эдуардович начал самостоятельно изучать турецкий и персидский языки. Лишь после Октябрьской революции ему удалось осуществить свою заветную мечту — изучение восточных языков в университете. В 1918 г. Евгений Эдуардович стал студентом восточного отделения факультета общественных наук Петроградского университета. Одновременно он учился в Петроградской консерватории. В 1920 г., после окончания университета, Евгений Эдуардович стал научным сотрудником Азиатского музея, а с 1921г. — преподавателем Ленинградского института живых восточных языков. В 1928 г., по представлению академика В. В. Бартольда, ему было присуждено звание профессора.

Е. Э. Бертельс принимал активное участие в мероприятиях, проводимых партией и правительством по созданию научных центров в Средней Азии. С 1932 г. Евгений Эдуардович Бертельс работал заведующим историко-лингвистическим сектором Таджикской базы Академии наук СССР. В 1935 г. ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук, а в 1939 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Евгений Эдуардович неоднократно представлял советское востоковедение на различных международных конгрессах востоковедов. Авторитет Евгения Эдуардовича был чрезвычайно высок в мировой ориенталистике, особенно среди народов Востока. Он был избран членом-корреспондентом Иранской Академии наук (1944) и Арабской Академии наук в Дамаске (1955).

Будучи в течение многих лет признанным главою советской иранистики, Евгений Эдуардович плодотворно работал и во многих других областях востоковедения, поражая своей эрудицией и блестящим знанием около двух десятков восточных языков и литератур. Им составлены грамматики персидского языка и пушту, написаны очерки персидской, таджикской, узбекской, туркменской литератур; его перу принадлежат переводы с санскрита, авестийского, арабского, персидского, пехлеви, пушту, турецкого, таджикского, чагатайского, узбекского и других языков.

Научные труды Евгения Эдуардовича, опирающиеся на тонкое владение первоисточниками, составят многие и многие тома. Чрезвычайно существенную роль сыграли его труды в изучении творчества таких поэтов-гигантов Востока, как Низами, Джами и Навои. В мае 1948 г. Е. Э. Бертельсу за участие в подготовке критического текста поэмы Низами «Искандер-намэ» была присуждена Сталинская премия.

Евгений Эдуардович вел неустанную работу по подготовке научных кадров как для Москвы и Ленинграда, так и для республик Средней Азии и Закавказья. Его

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

1890—1957

учениками являются многие доктора и кандидаты филологических и исторических наук в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Сталинабаде и Баку. Неоценимы заслуги Евгения Эдуардовича в развитии литературоведения наших восточных республик, признанием чего, в частности, нашло свое выражение в избрании его почетным членом Академий наук Туркменской ССР и присвоении ему званий заслуженного деятеля науки Узбекской и Таджикской ССР. Евгений Эдуардович был постоянным консультантом и добрым советчиком всех обращавшихся к нему ученых и научной молодежи.

Советское правительство, высоко ценя заслуги Евгения Эдуардовича, неоднократно награждало его орденами и медалями.

Глубоко почитаемый советской и мировой прогрессивной научной общественностью, любимый своими многочисленными учениками и всеми, кто обращался к нему и пользовался его щедрой консультацией, Евгений Эдуардович, несмотря на долголетнюю болезнь, не прерывал своей работы и умер скоропостижно среди творческих трудов и замыслов. Своей славной жизнью он вписал яркую страницу в историю русского и советского востоковедения.

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР Е. Э. БЕРТЕЛЬСА

Публикуемая ниже библиография научных трудов чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту. Большое количество статей Евгения Эдуардовича выходило на языках народов СССР, а также в зарубежных востоковедческих изданиях, причем в архиве покойного не всегда удается найти указания на место и время их публикации. В основу настоящей библиографии положен составленный Е. Э. Бертельсом список, насчитывающий около 200 опубликованных и неопубликованных работ. Последние в настоящий список не включены. Библиография пополнена на основании картотеки составителя. Список включает в себя расположенные по годам опубликования статьи, рецензии и переводы Е. Э. Бертельса, а также некоторые работы, вышедшие под его редакцией.

1. Из буддийских сказаний. Черный змей (Пер. с санскрит.). «Сноны», 1918, № 1, с. 10—12.
2. Шейх Муслих-эд-дин Саади Ширазский. Гулистан. Избранные рассказы. Пер. Е. Бертельса. Предисл. С. Ф. Ольденбурга. Берлин, 1922, 112 с.
3. Сезаи, Сами паша-заде. Сергюзешт. Кючюк-шейлер. М.— Л., 1923. Частичная публикация перевода: «Восток», кн. 3, 1923, с. 83—93.
4. Книга о соловье («Бульбуль-намэ») Феридеддина Аттара. «Восток», кн. 2, 1923, с. 5—18.
5. Низами. Семь портретов. Пер. и вступ. ст. «Восток», кн. 3, 1923, с. 14—25.
6. Рец. Низами. «Семь красавиц». Рассказ индийской царевны. Пер. А. Е. Грузинского. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1922. «Восток», кн. 2, 1923, с. 143—144.
7. Рец. Henri Massé. Essai sur le poète Saadi suivi d'une bibliographie. Paris, 1919, 268 pages + LXII. «Восток», кн. 3, с. 192—194.
8. Рец. Reynold A. Nicholson. Studies in Islamic Mysticism. Cambridge, 1921, XII + 282 p. The Kitab al-Luma' fi'l-tassawwuf of Abu Nasr 'Abdallah b. 'Ali al-Sarraj al-Tusi, edited for the first time, with critical notes, abstract of contents, glossary, and indices, by Reynold A. Nicholson. «E. J. W. Gibb Memorial» series, vol. XXII. Leyden and London, 1914, L + 154+472 p. «Восток», кн. 3, 1923, с. 185—187.
9. Рец. H. S. Nyberg. Kleinere Schriften des Ibn Al-Arabi. Nach Handschriften in Upsala und Berlin zum ersten Mal herausgegeben und mit Einleitung und Kommentar versehen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der philosophishen Doktorwürde mit Genehmigung der weitberühmten philosophischen Fakultät zu Upsala vorgelegt. Leiden, 1919, XIV + 203+240. «Восток», кн. 3, 1923, с. 196—198.

10. Персидский театр. «Akademia». Л., 1924, 93 с.
11. Об одном комментарии на газель Аттара. ДРАН — Б, 1924, с. 187—189.
12. Комментарий на газель Аттара. ДРАН — Б, 1924, с. 126—129.
13. Описание рукописей, поступивших в Азиатский музей в 1924 г. из библиотеки А. А. Базилевского в Варнавине. ДРАН — Б, 1924, с. 109—112.
14. Две газели Баба Кухи Ширази. ДРАН — Б, 1924, с. 59—62.
15. Суфийская космогония у Феридеддина Аттара. «Яфетический сборник», т. III, 1924, с. 81—98.
16. Четверостишия шейха Неджмеддина Кубра. ДРАН — Б, 1924, с. 36—39.
17. Отрывки из Авесты. Перевод с языка Авесты и заметка. «Восток», № 4, 1924, с. 3—11.
18. Толкование Абд-ур-Рахмана Джами на приписываемые ему четверостишия. ЗКВ, т. I, 1925, с. 19—46.
19. Бехаит об истории бехаизма. «Восток», кн. 5, 1925, с. 202—207.
20. Абдаллатиф Балхи, таджикский поэт XIX века. ДРАН — Б, 1925, с. 27—30.
21. Космические мифы и газели Баба Кухи. ДРАН — Б, 1925, с. 43—45.
22. Одна из мелких поэм Сенаи в рукописи Азиатского музея. ДРАН — Б, 1925, с. 39—42.
23. Die paradiesischen Jungfrauen (Ḥūris) im Islam. «Islamica», 1925, vol. VI, Fasc. 2, S. 263—287.
24. Грамматика персидского языка. Л., 1926, 127 с.
25. Бахтиар-намэ. Персидский текст и словарь. Л., 1926, с. 11+40+50.
26. Поэзия муллы Мухсин-и Файз-и Кашани. Сб. «Иран», т. I, 1926, с. 1—28.
27. Дестур-намэ Низари Кухистани. «Восточный сборник», I, 1926, с. 37—104.
28. Послание Абдаллаха Ансари визирю. ИАН, 1925, с. 1139—1150.
29. Тараш-намэ, дидактическая поэма дервишей Джалали. ДАН — Б, 1926, с. 35—38.
30. Четверостишия шейха Маджд ад-дина Багдади. ДАН — Б, 1926, с. 137—140.
31. Описание собрания персидских рукописей, пожертвованных в Азиатский музей в 1926 г. Полномочным Представительством СССР в Персии. ДАН — Б, 1926, с. 89—92.
32. Персонификация месяцев в Исламе. ДАН — Б, 1926, с. 5—8.
33. Рукописная антология поэтов Каината в Азиатском музее. ДАН — Б, 1926, с. 63—66.
34. Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев. I. Локон и лицо. Сб.«Язык и литература», I. Л., 1926, с. 361—386.
35. Теория музыки в современной Персии. «Музыкальная этнография», 1926, с. 29—36.
36. Персидский театр. Сб. «Театр народов Востока». Л., Изд-во АН СССР, 1927, с. 15—17.
37. Основные моменты в развитии суфийской поэзии. «Восточные записки», т. I. Л., Институт живых восточных языков, 1927, с. 91—103.
38. Рукопись Тафсира Сулами в Государственной публичной библиотеке. ИАН, 1927, с. 417—424.
39. Легенда о шейхе и царской дочери. ИАН, 1927, с. 117—126.
40. Автобиография Каани. ДАН — Б, 1927, с. 13—18.
41. Чагатайский тарджибанд неизвестного автора. ДАН — Б, 1927, с. 46—51.
42. Grundlinien der Entwicklungsgeschichte des sūfischen Lehrgedichts in Persien. «Islamica», vol. 3. Fasc. I, 1927, S. 1—31.
43. Bericht über die iranistischen und turkologischen Studien in Russland während der Jahre 1914—1920. «Islamica», vol. 3. Fasc. 3, 1927, S. 305—318.
44. «آینده» نسخهٔ کلیات ابن یمین, 1927, № 2, с. 177—181.
45. Рец. «Rašīd Yāsimī Aḥwāl-i Ibn-Yamīn.Тегеран, 1303 (1925), 148+4 с. Сб. «Иран», т. I, 1927, с. 253—260.
46. Очерк истории персидской литературы. Л., 1928, 204 с.
47. Ахмад ибн Харб. ДАН — Б, 1928, с. 14—19.

48. Новая рукопись персидского словаря Tuḥfat al-aḥbāb Самарканде. ДАН — Б, 1928, с. 255—260.
49. Eine wertvolle Handschrift von Farīdaddīn ʿAttārs Dichtungen in der Öffentlichen Bibliothek zu Leningrad. ДАН — Б, 1928, с. 33—38.
50. Неваи и Аттар. Сб. «Мир-Али-Шир», Л., Изд-во АН СССР, 1928, с. 24—82.
51. Из истории попыток реформы арабского алфавита. I. Малькум-хан. «Культура и письменность Востока», т. III. Баку, 1928, с. 10—17; II. Али-Мухаммад-хан; III. Али-Наги-хан Вазир. Там же, т. IV, 1929, с. 7—16.
52. Рец. А. А. Семенов. Персидская новелла о Мир-Али Шире Неваи. Сб. «Мир-Али-Шир». Л., Изд-во АН СССР, с. 165—167.
53. Нӯр-ал-ʿулӯм. Жизнеописание шейха Абӯ-л-Ḥасана Ḫараḳānī. Сб. «Иран», т. III, 1929, с. 155—224.
54. Новая версия Бахтиар-намэ. ИАН, 1929, с. 249—276.
55. ʿАйн ал-Ḳуḍāт Хамадānī. ИАН, 1929, с. 695—706.
56. Farīdaddīn ʿAṭṭārs Khayyāṭ-nāma. ИАН, 1929, с. 201—214.
57. Стиль эпических поэм ʿУнṣурī. ДАН — Б, 1929, с. 47—53.
58. Ṣьoataj ədəbijatь və unь ovgeniv məs'ələsi. «Ələngə», 1929, № 10, s. 2—4.
59. Dar boraji zaboni adabiji toçik. «Rahbari doniš», 1929, № 10/11, с. 30—32 (Перепечатано в «Zaboni adabiji toçik», 1930, с. 185—194).
60. Абу-л Гази Бехадур. БСЭ, изд. I, т. I, с. 100.
61. Арабские стихи Фузули. ЗКВ, т. V, 1930, с. 39—72.
62. О материалах комиссии по таджикскому литературному языку. Сб. «К вопросу о едином литературном таджикском языке», Сталинабад, 1930, с. 5—69.
63. Новая рукопись куллиата Фузули. ИАН, 1930, с. 297—306.
64. Ṣьoataj şe'rijatьnь tekşiryv metodi ystidə. «Ələngə», 1930, № 2, s. 5—8.
65. Farslarda xalq nəsri. «Ələngə», 1930, № 4, с. 17—20.
66. Mīrzā Muḥammed Dja 'far Karadjadaghī. EI, B. 3, S. 740.
67. Дакики. БСЭ, изд. I, т. 20, с. 185.
68. Таджикская литература. МСЭ, т. V, с. 646, М., 1930.
69. Рец. Nizāmu'd-din, Muhammed, Ph. D. Introduction to the Jawami' ul-hikayat wa Lawami' u'r-riwayat of Sadidu'd-din Muhammad al-'Awfī. London, Luzac and Co. 1929, XXIII, 316 s, GMS, vol. VIII. «Orientalistische Literaturzeitung», 1930, № 12, S. 1024—1027.
70. Джандари, Мирза Садик мунши (тадж. поэт, 1800—1826). БСЭ, изд. I, т. 21, с. 740.
71. Доулатшах. БСЭ, изд. I, т. 23, с. 350—351.
72. Учебник персидского языка. Ленинградский восточный институт, 1932, 402 с.
73. Персидская лубочная литература. Сб. «С. Ф. Ольденбургу». Л., 1932, с. 83—94.
74. Персидский исторический роман XX века. «Проблемы литературы Востока», Труды Ин-та востоковедения АН СССР, т. 1. Л., 1932, с. 111—125.
75. Рец. Macmunn, G. Afghanistan from Darius to Amanullah. London. G. Bell and Sons Ltd., 1929, XII+359 стр., 241 фото, 8 карт в тексте и 1 прилож. «Библиография Востока». Л., 1932, с. 88—90.
76. Насир-и Хусрау. Сафар-намэ (Книга путешествия). Пер. и вст. ст. М. — Л., Academia, 1933, 206 с. В виде извлечений переиздано: Носир Хисроу. Избранное. Сталинабад, 1949, с. 29—151; Носир Хисроу. Избранное. Сталинабад, 1954, с. 17—115.
77. Состояние работ по изучению истории таджикской литературы. Зап. ИВАН, т. 2, 1933, с. 89—106.
78. Шинаси Ибрахим эфенди (турецк. поэт, 1827—1871). БСЭ, изд. 1, т. 62, с. 411.
79. Эмин Мехмед (турецк. поэт, род. 1869). БСЭ, изд. 1, т. 64, с. 178.
80. Переводы сочинений Ленина на таджикский язык. В кн. «Памяти В. И. Ленина (1924—1934)». М.— Л., 1934, с. 831—846.
81. Фирдоуси. К 1000-летию со дня рождения персидского поэта Абу-л-Касима Фирдоуси. ВАН, 1934, № 9, с. 19—20.

82. Лингвистические работы Таджикистанской базы АН СССР. В сб. «Таджикско-памирская экспедиция 1938 г.». Л., 1934, с. 473—476.
83. Фердовси и его творчество. Сб. «Фердовси. 934—1334». Л., Институт востоковедения и Гос. Эрмитаж, 1934, с. 97—118.
84. Афганская пресса. «Библиография Востока», вып. 5—6. Л., 1934, с. 9—26.
85. Пути создания таджикских словарей. В кн. «Проблемы Таджикистана» (Труды первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР), т. I. Л., 1934, с. 177—184.
86. Лингвисты в седьмой союзной. «За социалистическую науку», 20 июня 1934 г.
87. Переведем на восточные языки классиков марксизма-ленинизма. «За социалистическую науку», 3 сент. 1934 г.
88. Советская делегация на празднествах Фердоуси. «За социалистическую науку», 27 ноября 1934 г.
89. Чагатайская литература. БСЭ, изд. 1, т. 61, с. 18—19.
90. Рец. Sorab K. H. Katrak. Through Amanullah's Afhganistan. A book of travel. Karachi, 1929, XXXIV + 145, 1 карта и 36 илл. «Библиография Востока», вып. 2—4 (1933). Л., 1934, с. 136—138.
91. Рец. Scott, George B. Afghan and Pathan. A sketch. London, 1929, 188 с. + 1 карта. «Библиография Востока», вып. 2—4 (1933). Л., 1934, с. 138—140.
92. Рец. Ruydād-i riyāsat-i divān-i' āliyi hukūmat-i shāhi-yi Afghānistān rāji ba muhākama-yi khāinin-i millat va ghaddārān-i mamlakat Muhammad Vali va Mahmud Sāmi. Kabul, 1309, 177 с. «Библиография Востока», вып. 2—4 (1933). Л., 1934, с. 140—144.
93. Абу-л-Касим Фирдоуси и его творчество. Л. — М., Изд-во АН СССР, 1935, 72 с.
94. Персидская поэзия в Бухаре X в. Л., Изд-во АН СССР, 1935, 57 с. Перевод на персидский: «پیام نو» میلادی در قرن دهم در بخارا فارسی شعر. 1323/1944, № 2, с. 89 — 92; № 3, с. 159—162; № 4, с. 30—32; № 5, с. 30—32; № 6, с. 28—30.
95. Кандахарское наречие языка пушту. «Советское языкознание», т. I, 1935, с. 173—181.
96. Тарзи Афшар и его творчество. Зап. ИВ АН, т. III, 1935, с. 101—124.
97. К вопросу о латинизации персидской письменности. Зап. ИВ АН, т. III, 1935, с. 183—190.
98. Эдип Халидэ (турецк. писательница, род. 1883). БСЭ, изд. 1, т. 63, с. 120—121.
99. Экрем, Махмуд (турецк. поэт, 1847—1913). БСЭ, изд. 1, т. 63, с. 315.
100. Предисловие к кн. متنخبات اشعار. لاهوتی هزار مصرع М.—Л., 1935, с. 9—14.
101. Строй языка пушту. Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания, 1936, 30 с.
102. Об иранских и тюркских переводах. «Литературная газета», 10 января 1936 г.
103. Mu'īn al-Miskīn. EI, B. 3, S. 761.
104. Muḥammed Ḥusain Tabrīzī. EI, B. 3, S. 742.
105. Muḥammed 'Abd al-Karīm 'Alawī. EI, B. 3, S. 730—731.
106. Amīn Aḥmed Rāzī. EI, B. 3, S. 1228—1229.
107. Raschīd al-Dīn Ṭabīb. EI, B. 3, S. 1213—1215.
108. al-Ramī, mit dem vollen Namen Ḥasan ben Muḥammed Scharaf al-Dīn. EI, B. 3, S. 1203—1204.
109. Neupersische Litteratur. EI, B. 3, S. 1143—1151.
110. Nizāmī Ḥasan. EI, B. 3, S. 1014.
111. Nizāmī. Nizām al-Dīn Abū Muḥammed Ilyās ben Yūsuf. EI, B. 3, S. 1012—1013.
112. Nizām al-Dīn Aḥmed ben Muḥammed Muḳīm al-Haravī. EI, B. 3, S. 1006.
113. Ni'mat Khān 'Alī. EI, B. 3, S. 996.
114. Ni'mat Allāh Walī. EI, B. 3, S. 996.
115. Ni'mat Allāh ben Ḥabīb Allah Harawī. EI, B. 3, S. 995—996.
116. Ni'mat Allāh ben Aḥmed ben Ḳāḍī Mubārak. EI, B. 3, S. 995.
117. Nāẓim Farrukh Ḥusain. EI, B. 3, S. 961—962.
118. Naw'ī Muḥammed Riḍā aus Khabūshān. EI, B. 3, S. 959.

119. Nāṣir 'Ali aus Sarhind. EI, B. 3, S. 937—938.
120. Nashāt, Mīrzā'Abd al-Wahhāb aus Isfahan. EI, B. 3, S. 923—924.
121. Naṣr al-Allāh ben Muḥammed ben 'Abd al-Ḥamid abu 'l-Ma'ālī aus Shiraz. EI, B. 3, S. 945.
122. Nāṣir-i Khusraw. EI, B. 3, S. 939—940.
123. Nakhshabi. Shaikh Ḍiyā al-Dīn. EI, B. 3, S. 908—909.
124. Mīr 'Abd Al-'Alī Nadjāt. EI, B. 3, S. 884.
125. Mu'izzī, Amīr. EI, B. 3, S. 764.
126. Muḥyī Lārī. EI, B. 3, S. 76.
127. Рукописи произведений Ахмада Каллэ. Труды Таджикской базы АН СССР, т. III. М. — Л., 1936. с. 9—28.
128. Ст. от редакции. Труды Таджикистанской базы, т. III. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1936, с. 3—8.
129. Авиценна и персидская литература. ИАН, 1938, № 1—2, с. 75—94.
130. Ред. Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1938, с. III + IX от ред. + 482 персидск. текста.
131. Придворная касыда в Иране и ее связи с развитием изобразительного искусства. III международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград. Сентябрь 1935. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1939, с. 26—30. Резюме на фр. языке.
132. Литература народов Средней Азии от древнейших времен до XV века н. э. «Новый мир», 1939, № 6, с. 210—231; № 7, с. 246—265; № 9, с. 264—281.
133. لاهوتی в кн. دیوان لاهوتی М., 1939, с. V—XXVI.
134. Низами Гянджави. «Литературный Азербайджан», 1939, № 3, с. 60—69; № 5, с. 43—53; № 6, с. 16—20 и 1940, № 2, с. 44—55.
135. Nizami (şairin həjatь). «Revojusija və Qultura». Bakь, 1939, № 4 (157), s. 77—86.
136. Nizami II. jaradьçьlьǒь. «Revoljusija və Qultura», 1939, № 6 (159), s. 78—88.
137. Nizaminin jaradьçьlьǒь. «Revoljusija və Qultura», 1939, № 10—11 (163—4), s. 144—160.
138. Гениальный азербайджанский поэт Низами. «Правда», 3 декабря 1939 г.
139. Подготовка к юбилею Низами (азербайджанский поэт XII в.). «Литературная газета», 10 декабря 1939 г.
140. Бөйүк шаир вә мутәфәккир. Газ. «Кәнч пшчи», 12 октября 1939 г.
141. Ред. Низами. Сокровищница тайн. Пер. А. А. Ромаскевича, 1939. Стеклограф. изд.
142. Лейли и Меджнун (Навои). «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940, с. 30—49.
143. Низами и Фирдоуси. «Низами». Сборник второй. Баку, 1940, с. 38—85.
144. Некоторые задачи изучения творчества Низами. «Низами». Сборник первый, 1940, с. 3—9.
145. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха — жизнь — творчество. Баку, АзФАН, 1940, 148 с. +5 вкл., илл. Азербайдж. пер.: Бөйүк Азәрбайчан шаири Низами (дөвру — һәяты — ярадычылыгы). Бакы, 1940.
146. Источники «Лейли и Меджнун» Низами. «Низами». Сборник первый. Баку, 1940, с. 57—69.
147. Низами ярадычылыгы һаггында б'әзи гейдләр. «Низами». Сборник первый. Баку, 1940, с. 171—178.
148. Nizami. Iskəndərnamə. «Revoljusija və Qultura», 1940, № 1 (166), s. 109—124.
149. Лейли и Меджнун (История сюжета арабского предания, версия Низами и поэма Навои). «Литература и искусство Узбекистана», кн. 1, 1940, с. 61—72.
150. Низами и его изучение. «Советское востоковедение», т. I, 1940, с. 95—106.
151. Низами и его творчество. «Дружба народов», кн. 5. М., 1940, с. 318—327.
152. Низами. К 800-летию великого народного поэта. «Смена», 1940, № 54.

153. Низами (о жизни и творчестве азербайджанского поэта XII в.). «Учительская газета», 1 декабря 1940 г.
154. Алишер Навои (узбекский поэт XV в.). «Правда», 19 марта 1940 г.
155. Низаминин ярадачылығы (гара сарай). Газ. «Кировабад болшевики», 30 января 1940 г.
156. Низами юбилейинэ азырлыг. «Эдэбийят гэзети», 1 января 1940 г.
157. Лейли и Меджнун. В кн. Алишер Навои. Лейли и Меджнун. Ташкент, 1940, с. 7—34.
158. Персидская литература. БСЭ, I изд., т. 45, с. 133—141.
159. Ред. Низами. Хосров и Ширин. Пер. Г. В. Птицына, 1940.
160. Низами Гянджави. Искендер-намэ, ч. I, Шараф-намэ. Перевод, предисловие (с. 5—30) и редакция. Баку, Изд-во АзФАН, 1940, 393 с.
161. Ред. А. А. Сеид-заде. Мирза Шафи или Боденштедт. Баку, 1940, 206 с.
162. Ред. Алишер Навои. Фархад и Ширин. Пер. З. Аксакова. Стеклогр. изд.
163. Ред. Алишер Навои. Избранные стихи (из «Чар диван»). Подстрочный пер. Н. Ф. Лебедева. Стеклогр. изд., б. г., б. м.
164. Низами о художественном творчестве. «Низами». Сборник третий, 111, 1941, с. 22—61.
165. Низаминин ярадычылыгы (Сары сарай). Газ. «Кировабад болшевики», 13 января 1941 г.
166. «ارمغان» تصحیح یک بیت شرفنامه 1320/1941, т. XXII.
167. Редкая рукопись стихов Навои (О приобретении Бакинским музеем Низами рукописной книги стихов). «Правда», 27 мая 1941 г.
168. Низами. «Звезда», 1941, № 1, с. 80—96.
169. Навои и литература Востока. «Дружба народов», кн. 6. М., 1941, с. 330—339.
170. Литература эпохи Низами. ИАН, 1941, № 2, с. 42—57.
171. Политические взгляды Низами. ИАН, 1941, № 2, с. 22—42.
172. Низами и Навои. ИАН, 1941, № 2, 3—6.
173. Творчество Амир Хосрова и его значение для литературы народов Средней Азии. Рабочая хроника Института востоковедения АН СССР, т. 1. Ташкент, 1943.
174. Предисловие к кн. Бабур. Лирика. М., 1943, с. 3—7.
175. Предисловие к кн. Алишер Навои. Фархад и Ширин. Перевел Лев Пеньковский. Под ред. проф. Е. Э. Бертельса. Ташкент, 1943, 329 с. Переиздания в кн. Алишер Навои. Фархад и Ширин. М., ГИХЛ, 1948; то же, ГИХЛ, 1956.
176. «شەرق‌ھەقىقىتى» ئۇيغورلارنىڭ قوتادغوبيليک داستانى‌وه ئونيڭ ئەھمىيتى Ташкент, 1944, № 12, с. 15—16.
177. К вопросу о происхождении языка дари. Рабочая хроника Института востоковедения АН СССР, т. II. Ташкент, 1944, с. 10—12.
178. Персидская литература в Средней Азии. Рабочая хроника Института востоковедения АН СССР, т. II. Ташкент, 1944, с. 13—14.
179. Узбекский поэт Дурбек и его поэма о Иосифе Прекрасном. Альманах «Дар» Ташкент, 1944, с. 166—172.
180. Ибн-Сино ва янги фалсафа. «Армуган», Адабий-бадий туплам. Ташкент, 1944, с. 173—177.
181. Махтумкули о художественном творчестве. «Совет Эдебиаты». Ашхабад, 1944, № 7, с. 128—138.
182. Литературное прошлое туркменского народа (от древнейших времен до XVIII века). «Совет Эдебияты». Ашхабад, 1944, № 9—10, с. 181—201.
183. «پیام نو» يك رمان از حات نوائی شاعربزرگ ازبک 1323/1944, № 4, с. 13.
184. منظور اساسی فردوسی В кн. «هزارهٔ فردوسی». Тегеран, 1323/1944, с. 157—161.
185. Подготовка к изданию наманганской рукописи Кудатгу Билик. «Литературная газета», 10 марта 1945 г.

186. Персидская литература в Средней Азии. В кн. «Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год». ИАН СССР, отд. лит-ры и языка, 1945, с. 23.
187. К вопросу о мировоззрении Навои. Бюллетень АН УзССР, 1945, № 5.
188. Кафедра иранской филологии. В кн. «25 лет Среднеазиатского государственного университета». Ташкент, Изд-во САГУ, 1945.
189. «Хибат ал-Хакаик» Ахмада Югнаки. Труды САГУ, нов. серия, вып. 3, кн. I. Гуманитарные науки. Ташкент, 1945, с. 29—46.
190. Великий азербайджанский поэт Низами. Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ за 1939—1944 гг. (Бюллетень САГУ, вып. 23). Ташкент, 1945, с. 193.
191. История узбекской литературы от древнейших времен до конца XV в. Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ за 1939—1944 гг. (Бюллетень САГУ, вып. 23). Ташкент, 1945, с. 194.
192. Бедил хакида мулоҳазалар. Сб. «Зафар», Адабий альманах, № 1. Ташкент, 1945, с. 117—122.
193. Навои и Низами. Сб. «Алишер Навои», 1946, с. 68—91.
194. Неджеф-оглан, туркменский роман о поэте. В кн. «Белек С. Е. Малову». Сборник статей. Фрунзе, Изд-во Киргизск. ФАН СССР, 1946, с. 26—28.
195. Персидский — дари — таджикский. Известия Таджикистанского филиала АН СССР, 1946, № 12, с. 7—18.
196. Махтумкули, его жизнь и творчество. Пред. к кн. Махтумкули. Избранные. М., ГИХЛ, 1946, с. 3—13.
197. Ундитилиб кетган X аср шоираси. «Шарк юлдузи», 1946, № 4—5, с. 96—103.
198. Рец. Лирика Низами. М., ГИХЛ, 1946, с. 7—12.
199. Великий поэт азербайджанского народа. В кн. Низами. Пять поэм. М., ГИХЛ, 1946.
200. Ред. Рашиддаддин. Сборник летописей, т. 3. Пер. с перс. А. А. Арендса. Под ред. Е. Э. Бертельса. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, 340 с.
201. Низами (Жизнь замечательных людей) М., «Молодая гвардия», 1947, 304 с., илл., 1 л. портр.
202. Отголоски творчества Низами в английской средневековой балладе. «Низами». Сборник четвертый. Баку, 1947, с. 188—193.
203. Работа над текстом Низами. «Низами Гянджави» (Сборник статей). Баку, Изд-во АН АзССР, 1947, с. 35—50.
204. Юбилей Низами в Азербайджане. ВАН СССР, 1947, № 12, с. 90—96.
205. Поэтика Низами. Сб. «Низами Гянджави, материалы научной сессии». Баку, 1947, с. 19—25.
206. Востоковедение в Узбекской ССР. Труды МИВ, сб. 4. М., 1947, с. 124—129.
207. Письмо Хакани. «Низами». Сборник четвертый. Баку, 1947, с. 183—187.
208. Низами вэ бэдии ярадычылыг. «Низами». Сборник четвертый. Баку, 1947, с. 63—91.
209. Абдуррахман Джами и его дружба с Навои. ИАН, т. VI, вып. 6, 1947, с. 463—474.
210. Туркменская поэма о поэте. Труды МИВ, сб. 4. М., 1947, с. 75—87.
211. Вступительная статья «Низами и его творчество» (VII—XXXVII) и коммент. В кн. Низами Гянджави. Избранные произведения. М., ГИХЛ, 1947, 363 с., 9 л. илл.
212. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. «Советское востоковедение», т. IV, 1947, с. 73—81.
213. Узбекская литература. БСЭ, изд. I, т. 55, с. 610—616.
214. Гуманист-новатор. «Литературная газета», 13 сентября 1947 г.
215. Низами и его творчество. «Бакинский рабочий», 3 июня 1947 г.
216. Рец. Afghanistan. Revue trimestrielle artistique, litteraire, historique et culturelle, vol. I, № 1, janvier, fevrier, mars. Kaboul, 1946, p. 54. Труды МИВ, сб. 4. М., 1947, с. 120—123.

217. Рец. Проф. А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943, Труды МИВ, сб. 4. М., 1947, с. 116—119.
218. Рец. Доц. П. Азимов. Советско-интернациональные аффиксы в туркменском языке. Ашхабад, 1944, Труды МИВ, сб. 4. М., 1947, с. 116—119.
219. Рец. Доц. П. Азимов. Туркмен дилинде ясама созлердэки фонетики уйтгешмелер. Ашхабад, 1944, Труды МИВ, сб. 4. М., 1947, с. 116—119.
220. Рец. Доц. П. Азимов. Туркмен дилинде халларын ясалышы. Ашхабад, 1944, Труды МИВ, сб. 4. М., 1947, с. 116—119.
221. Рец. Проф. А. П. Поцелуевский. Реликты инкорпорирования в туркменском языке. Ашхабад, 1945, Труды МИВ, сб. 4. М., 1947, с. 116—119.
222. Ред. «Шараф-намэ» Низами. Крит. текст подготов. А. А. Ализаде. Баку, Изд-во АН АзССР, 1947, 508+20 с.
223. Ред. «Икбал-намэ» Низами. Крит. текст подготов. Ф. Бабаевым. Баку, Изд-во АН АзССР, 1947, 235+20 с.
224. Навои. Опыт творческой биографии. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1948, 272 с.
225. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. Москва, Изд-во АН СССР, 1948, 186 с.
226. Литература на персидском языке в Средней Азии. «Советское востоковедение», т. V, 1948, с. 199—228. Немец. пер. E. E. Berthels. Die persische Literatur in Mittelasien. «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», B. III, Heft 2. Berlin, 1955, S. 180—221.
227. О поэтике Низами. ВАН СССР, 1948, № 3, с. 130.
228. Навои и его пятерица. Предисл. к кн. Навои А. Пять поэм. М., ГИХЛ, 1948, с. 3—15.
229. Махтум-Кули. Предисл. к кн. Махтум Кули. Избранные стихи. М., 1948, с. 5—10.
230. Предисловие к кн. Алишер Навои. Лирика. М., 1948, с. 3—11.
231. Низами и его творчество. Вступ. статья в кн. Низами Гянджави. Хосров и Ширин. М., с. 5—20.
232. В ореоле бессмертия. «Литературная газета», 18 мая 1948 г.
233. Родоначальник узбекской литературы. «Правда», 15 мая 1948 г.
234. Ред. Козлов Г. И. Различия между таджикским и персидским языками. М., МИВ, 1949. Стеклогр. изд.
235. Джами. Эпоха, жизнь, творчество. Сталинабад, Таджик. гос. изд-во, 1949, 174 с.
236. Программа обзорного курса теоретической грамматики персидского языка. М., МИВ, 1949, 4 с.
237. Программа курса грамматики персидского языка. М., МИВ, 1949, 4 с.
238. Программа курса «Перевод с русского языка на персидский язык», М., МИВ, 1949, 4 с.
239. Айбек. БСЭ, изд. 2, т. I, с. 551.
240. Рец. Великий узбекский поэт. Сборник статей под ред. М. Т. Айбек. Ташкент, Изд-во УзССР, 1948, 168 с. «Советская книга», № 1, 1949, с. 109—111.
241. Русско-таджикский словарь. 45 000 слов. Гл. ред. чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельс. Москва — Сталинабад, 1949.
242. И. В. Сталин и литература народов СССР. ВАН СССР, 1950, № 1, с. 136—137.
243. Персидский — дари — таджикский. «Советская этнография», № 4, 1950, с. 55—66.
244. Краткие сведения об афганском языке, его фонетике и письме (с. 561—568). Краткий афганско-русский словарь. Под ред. чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1950.
245. Новые работы по изучению Авесты. Уч. зап. Института востоковедения АН СССР, т. III, 1951, с. 257—271.
246. Авиценна. «Огонек», 1952, № 33 (1314), с. 1—3, с портр.

247. Годы юности. Из автобиографии. Перевод. Е. Бертельса. «Огонек». 1952, № 33 (1314), с. 4—5.
248. Авиценна (К 1000-летию со дня рождения). «Наука и жизнь», 1952, № 5, с. 44—46.
249. Авиценна. «Всемирные студенческие новости», 1952, № 5, с. 16—17.
250. Гафур Гулям, БСЭ, изд. 2, т. 13, с. 194.
251. Дурбек (узбекск. поэт, XIV—XV вв.). БСЭ, изд. 2, т. 15, с. 302.
252. Avicenna. «Die neue Gesellschaft» Berlin, 1952, № 12, S. 916—923.
253. Avicenna «Veau nou». Bucureşti, 1952, 14 August, an. 8, № 33, p. 2.
254. Рец. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. I. АН УзССР. Ин.-т востоковедения. Ташкент. Изд-во АН УзССР, 1952, 442 стр., илл. «Советская книга», 1952, № 7, с. 113—115.
255. Кабус-намэ. Исслед., пер. и прим. М., Изд-во АН СССР, 1953, 276 с.
256. Образец таджикской художественной прозы XII века. Кратк. сообщ. ИВ АН, кн. IX, 1953, с. 37—47.
257. Носири-Хусрау и его взгляды на поэзию. Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. IV, 1953, с. 139—153.
258. Как звали первую жену Низами? Сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию». М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 65—66.
259. Праздник джашни сада в таджикской поэзии. Труды АН ТаджССР, т. XII, 1953, с. 33—42.
260. Музыка (Ирана). БСЭ, изд. 2, т. 18, с, 430—431.
261. Театр (в Иране). БСЭ, изд. 2, т. 18, с. 431—432.
262. Великое творение Низами (пятерица). «Литературная газета», 15 декабря 1953 г
263. Предисловие к кн. Б. И. Сирус. Рифма в таджикской поэзии. Под ред. чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса. Сталинабад, Изд-во АН ТаджССР, 1953, 86 с.
264. Краткое изложение доклада об участии советских ученых в Международном конгрессе востоковедов. ВАН СССР, 1954, № 4, с. 79—80.
265. Краткое изложение выступления на открытии Всесоюзного совещания по вопросам изучения эпоса народов СССР, ИАН, 1954, т. 13, вып. 5, с. 483.
266. Неоценимое значение дружбы. «Новое время», 1954, № 41, с. 14—16.
267. На Международном конгрессе востоковедов в Тегеране. «Новое время», 1954, № 30, с. 26—29.
268. Изучение истории туркменской классической литературы в Советском Союзе. Доклады советской делегации на XXIII международном конгрессе востоковедов, секция Ирана, Армении и Средней Азии. М., 1954, с. 51—64. На англ. яз., с. 65—78.
269. Лютфи (узбекск. поэт, 1369—1465). БСЭ, изд. 2, т. 25, с. 570.
270. Таджикско-русский словарь. 40 000 слов. Гл. ред. чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельс. М., 1954, 790 с.
271. Предисловие к кн.: С. Айни. Мирзо Абдулкодир Бедил. Сталинабад, 1954.
272. Шахнаме и критика текста. СВ, 1955, № 1, 88—95.
273. К вопросу о филологической основе изучения восточных памятников. СВ, 1955, № 3, с. 11—18.
274. Предисловие к сб. «Рассказы персидских писателей». М., 1955, 244 с.
275. В кн. «جشن نامهٔ ابن سینا مجلد دوم» Тегеран, 1334/1955, с. 3—19. رباعیات ابن سینا
276. Рец. Handbuch der Orientalistik, herausgegeben von Berthold Spuler. Dritter Band: Semitistik, zweiter und dritter Abschnitt mit Beiträgen von Anton Baumstark, Carl Brockelmann, Johan Fück, Maria Höfner, Enno Littman, Adolf Rückert, Bertold Spuler. BO, 1955, № 2, S. 57—59.
277. Низами. Творческий путь поэта. М., Изд-во АН СССР, 1956, 261 с., 4 вкл. илл.
278. К вопросу об индийском стиле в персидской поэзии. Сб. «Charisteria Orientalia». Praha, 1956 (Joanni Rypka... hoc volumen sacrum), стр. 56—59.
279. Стихосложение у арабов. БСЭ, изд. 2, т. 41, с. 12—13.

280. Стихосложение в иранских языках. БСЭ, изд. 2, т. 41, с. 13.
281. Стихосложение в тюркских языках. БСЭ, изд. 2, т. 41, с. 13.
282. Eine neue Quelle zur Charakteristik der Weltanschaung der städtischen Bevölkerung Irans im X—XI Jahrhundert. BO, 1956, № 1/2, S. 86—87.
283. Рец. S. V. Hartmann. Gayomart. Etude sur le syncrétisme dans l'ancien Iran. Uppsala, 1953, 265 + CXXI Seiten. BO, 1956, № 1/2, S. 67.
284. Рец. Memorial Jean Sauvaget, tome I. Damas, Institut français de Damas, 1954 (4 to, XXXV + 309 S., II taf.). BO, 1956, № 5/6, p. 199.
285. Владимир Александрович Гордлевский. КС ИВ АН, сб. XXII, 1956, с. 3—6.
286. Вопросы методики подготовки критических изданий классических памятников литературы народов Ближнего и Среднего Востока (297—242). Первая всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент. Изд-во АН УзССР, 1957.
287. Рец. Bertold Spuler. Die Mongolenzeit. Leiden E. I. Brill, 1953, 124 S. BO, 1957, № 3/4, S. 133.
288. Рец. Bertold Spuler. Die Chalifenzeit. Entstehung und Zerfall des Islamischen Weltreiches. Leiden, E. I. Brill, 1952. BO, 1957, № 3/4, S. 133.
289. Рец. Uto Melzer. Sechzehnhundert Sätze Persish. Wiesbaden. Otto Harrassowitz, 1956 (12 mo. 65 S.). BO, 1957, № 3/4.
290. Рец. К выходу в свет книги А. Зайончковского «Gazele wybrane Hafiza», СВ, 1957, № 6.
291. Ред. Шахнаме, т. I. От начала поэмы до сказания о Сохрабе. М., Изд-во АН СССР, 1957, 674 с.
292. Предисловие к кн. Калила и Димна. М., Изд-во вост. лит-ры, 1957, с. 5—12.
293. Предисловие к кн. Ибн Хазм. Ожерелье голубки. М., Изд-во вост. лит-ры, 1957, с. 3—6.

В печати

294. История персидско-таджикской литературы (с древнейших времен до начала XIII в.), 47 п. л.
295. Пятое муназаре Асади Туси. Уч. Зап. ИВ АН СССР, т. XX.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИАН — Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка
ИВ АН — Институт востоковедения Академии наук СССР
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ДАН — Доклады Академии наук СССР
ДРАН — Доклады Российской академии наук, Б — серия
КС ИВ АН — Краткие сообщения ИВ АН
МИВ — Московский институт востоковедения
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СВ — Советское востоковедение
БСЭ — Большая советская энциклопедия
МСЭ — Малая советская энциклопедия
EI — Enzyklopaedie des Islam
BO — Bibliotheca Orientalis

Г. Ю. Алиев

Ю. Н. РОЗАЛИЕВ. Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны. М., Изд-во АН СССР, 1956, 207 стр.

Выпущенная в 1956 г. Издательством Академии наук СССР книга Ю. Н. Розалиева «Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны» посвящена актуальной и мало изученной в нашей литературе теме. За границей также нет ни одной марксистской книги на эту тему.

Ю. Н. Розалиев поставил перед собой задачу изучить некоторые особенности развития промышленности и формирования промышленного пролетариата в Турции и показать, на основе анализа фактического материала, процесс обнищания турецких рабочих после второй мировой войны, систему трудового законодательства и страхования рабочих, раскрыть основные методы политического угнетения турецкого пролетариата.

Довольно убедительно обрисованы Ю. Н. Розалиевым крайне тяжелые условия жизни промышленного пролетариата и система эксплуатации рабочих Турции. Автор привлек официальные турецкие материалы, использовал интересные факты из решений Высшего арбитражного суда по коллективным трудовым разногласиям. Впервые привлечены сборники Гёркейя и Саймена по турецкому трудовому законодательству, а также работы турецких авторов Еришчи «История рабочего класса Турции», Кывылджыма «Социальное положение рабочего класса Турции» и другие[1].

Книга имеет семь глав и введение. В последнем дан краткий обзор экономики современной Турции. Свое изложение Ю. Н. Розалиев начинает с характеристики турецкой промышленности после национально-освободительной войны 1918 — 1922 гг. и анализа сущности политики этатизма (государственного капитализма). Затем он рассматривает состояние промышленности Турции после второй мировой войны, причем приводит сведения о численности и размещении промышленного пролетариата Турции и о его формировании. На страницах, посвященных турецкому законодательству о труде, автор в основном рассматривает закон о труде 1936 г. и ряд различных инструкций к нему. На конкретных фактах автор доказывает, что многие исключения, предусмотренные на случай «особой необходимости», позволяют предпринимателям ловко обходить закон и значительно увеличивать рабочий день.

Много места уделено в книге освещению системы страхования рабочих.

Заканчивается книга описанием политического бесправия турецких рабочих.

К книге имеются приложения, из которых можно почерпнуть сведения о численности рабочих на некоторых предприятиях страны, о средней номинальной заработной плате рабочих, а также данные о прибылях, полученных в 1952 г. некоторыми государственными предприятиями. Кроме того, имеется перечень 12 крупных профсоюзов.

[1] См. *M. Görkey.* Son Değişikliklere göre Iş kanunu ve bu kanunla ilgili mevzular. 1947 и сборник того же названия 1951 г. издания; *F. H. Saymen.* Sistematik Türk Iş hukuku mevzuatı. Istanbul, 1953; *Erişçi L.* . Türkiyede işçi sınıfının tarihi. Istanbul, 1951; *H. Kıvılcım.* Türkey işçi-sınıfının sosyal varlığı. Istanbul, 1935.

Все это — положительные стороны работы Ю. Н. Розалиева. Однако в ней имеются и существенные недостатки.

Например, введение не отвечает своему назначению, так как повторяет многие положения, выдвигаемые автором в тексте самой книги.

Ю. Н. Розалиев не дал правильной оценки этатизма как политики, направленной в свое время на создание национальной промышленности и укрепление экономической независимости страны. На стр. 16 и 17 Ю. Н. Розалиев утверждает: «Требования народных масс вынуждали кемалистов делать некоторые попытки ослабления зависимости Турции от империалистических держав». Автор недооценивает роли национальной буржуазии, ее заинтересованность в ослаблении позиций иностранного капитала в определенный период. Хорошо известно, что политика этатизма проводилась в интересах турецкой буржуазии и объективно была направлена на укрепление независимости страны. Но это автором не подчеркнуто. Отсюда и другие ошибки.

В первые годы после кемалистской революции, пишет Ю. Н. Розалиев, в турецкой промышленности не произошло каких-либо существенных изменений (стр. 12). Но он обходит молчанием ряд мероприятий турецкого правительства, направленных на развитие и создание некоторых отраслей национальной промышленности (в частности, создание сахарной, цементной промышленности, развитие текстильной, строительство железных дорог и т. п.)[2], требовавших значительных капиталовложений, а также закон о покровительстве промышленности 1927 г. В частности, Ю. Н. Розалиев явно недооценивает значение выкупа турецким правительством иностранных концессий, предприятий и железных дорог. Совершенно без каких бы то ни было оснований автор утверждает (стр. 18), что путем выкупа ряда иностранных предприятий крупная турецкая буржуазия спасала их владельцев от банкротства в годы кризиса. На деле же выкуп иностранных предприятий являлся общегосударственным мероприятием, направленным на укрепление позиций национальной буржуазии в экономике страны и начавшимся задолго до экономического кризиса. Одним из основных элементов политики этатизма, наряду с развитием государственной промышленности, была помощь со стороны государства частному национальному предпринимательству. И эта политика правительства, подрывавшая позиции иностранного капитала в стране, как известно, привела к обострению отношений между Турцией и империалистическими державами.

Преувеличивает Ю. Н. Розалиев роль и участие частного капитала в осуществлении политики этатизма, а также участие иностранного капитала в Центральном банке Турции. Ю. Н. Розалиев сам пишет, что законом о Центральном банке иностранным банкам предназначалось всего 10% акций. В действительности в 1945—1951 гг. число этих акций не достигало и 7%.

В книге указывается, что экономика страны держится на военной промышленности. Однако в действительности военная промышленность слишком большой роли в экономике страны пока не играет. Автор не рассказывает о строительстве электростанций, заводов (цементной, сахарной, текстильной промышленности и др.), ирригационных систем, о расширении добывающей и других отраслей. Он вообще не показывает динамики роста промышленного производства. Промышленная продукция Турции с 1950 по 1954 г. увеличилась на 38%. Выросла продукция горнодобывающей промышленности, увеличилась выплавка чугуна и стали, расширилось также и производство предметов широкого потребления[3]. Промышленность Турции еще весьма слаба, не хватает

[2] До 1927 г. Турция ввозила сахар, в 1927 г. было произведено более 5 тыс. тонн сахара, а в 1933 г.— уже более 65 тыс. тонн. Железнодорожная сеть Турции в 1924 г. превышала 4 тыс. км, а протяженность государственных дорог — 1700 км. Но уже в 1930 г. железнодорожная сеть составляла более 5300 км и государственные дороги — около 3 тыс. км. Только в 1925—1929 гг. правительством было построено до 800 км новых железных дорог.

[3] «Report of the Expert Group on the economic development of Southern Europe». U. N. Economic and Social Council, March 12, 1956, p. 89.

многих товаров, но она все же развивается. Автор же утверждает, что в стране происходит периодическое свертывание некоторых промышленных предприятий (стр. 5). В подтверждение этого он ссылается на закрытие с 1948 по 1952 г. 350 «мелких предприятий», но ведь в 1951 г. таких предприятий было около 80 тыс. Автор склонен переоценивать позиции отдельных иностранных монополий в Турцир, проводящих изыскательские работы и работы по расширению и модернизации рудников и бассейнов и т. д., как правило, на подрядных началах. Он считает, что американские монополии захватили «командные высоты» в добывающей промышленности, хотя в действительности командные высоты находятся в руках государственного Этибанка. Ю. Н. Розалиев утверждает, что сахарная промышленность Турции находится в руках частного капитала (стр. 28—30), в то время как известно, что государственный капитал занимает в ней значительные позиции.

Автору следовало бы обратить больше внимания на военно-политическое подчинение страны американским империалистам, что повлекло за собой серьезные экономические трудности, крайнее обострение финансового положения страны, сильный рост инфляции, резкое увеличение государственного долга, быстрый рост стоимости жизни, ухудшение положения трудящихся масс. Поскольку политика этатизма была в определенной мере препятствием для внедрения иностранного капитала в страну, в последние годы правящие круги Турции, втянув ее в агрессивные блоки и подчинив интересам американских империалистов, провозгласили, в соответствии с желанием заокеанских «друзей», отказ от политики этатизма и встали на путь поощрения вложений иностранного капитала в Турцию.

В книге допущены противоречивые утверждения, вытекающие, видимо, из ошибочной оценки автором роли государственного капитала. «Добывающая промышленность Турции,— пишет Ю. Н. Розалиев,— в значительной своей части подчинена иностранному капиталу» (стр. 27). Но дальше читаем: «Главную роль в добывающей промышленности играет государственный капитал» (стр. 27), и это правильно.

Что касается оценки автором закона о труде, то в рецензируемой книге ошибочно утверждается, что этот закон якобы исходит лишь из интересов буржуазии и «явился по существу составной частью политики этатизма», а принятый парламентом закон был направлен на то, чтобы «поставить под контроль правительства условия труда на крупных предприятиях Турции».

Ю. Н. Розалиев утверждает, что именно этот «контроль укреплял позиции крупного капитала, позволял ему усиливать эксплуатацию рабочих» (стр. 60), т. е., по мнению Ю. Н. Розалиева, закон о труде «только юридически оформил ту жесточайшую систему эксплуатации, которая существовала на турецких предприятиях и раньше» (стр. 61). Односторонность приведенных утверждений Ю. Н. Розалиева очевидна. В действительности же буржуазия была вынуждена допустить принятие закона о труде по определенной причине — из-за обострения классовой борьбы в Турции. Все же многие предприниматели, даже в то время, когда закон о труде обсуждался в парламенте, открыто выступали против проекта закона и малейших попыток формальной регламентации рабочего дня и ограничения применения женского и детского труда.

Позиция этой части предпринимателей ясна: закон о труде не устраивал их потому, что он хотя бы формально ограничивал кабальную эксплуатацию рабочих. Поэтому, когда закон был принят, капиталисты постарались свести на нет ряд статей закона, добившись отсрочки проведения их в жизнь на годы. Но даже если бы они и не сделали этого, действие закона распространялось лишь на меньшинство рабочего класса[4].

Как правило, закон о труде, уже изуродованный разъяснениями и инструкциями, систематически нарушается предпринимателями. Не только удлиняется рабочий день порой до 12—15 ч., но при

[4] В 1950 г. законом о труде было охвачено всего около 333 тыс. рабочих, с 1950 г. до середины 1956 г.— еще 100 тыс. рабочих («Zafer», 9 Haziran 1956). В июне 1956 г. было принято решение о распространении действия закона о труде еще на 11 профессий («Zafer», 16 Haziran 1956).

этом не производится уплата надбавки за сверхурочные работы.

Автор также не указывает, что принятие законов о социальном страховании является уступкой буржуазии в результате борьбы рабочего класса.

Вызывает сомнение у читателя уверенность автора в точности его расчета нормы эксплуатации турецких рабочих, поскольку автор не располагает в достаточной степени необходимыми данными. К тому же он исходит зачастую из произвольных предположений.

Исследуя вопрос о так называемой социальной помощи, показывая демагогический характер этой помощи, Ю. Н. Розалиев допускает неточности. Например, он ошибочно утверждает в некоторых местах, что стоимость обедов, которые выдают на предприятиях рабочим, входит в сумму их зарплаты. Доказательства недостаточности материальной помощи рабочим подчас неубедительны. Действительно, о чем свидетельствуют, например, данные на стр. 106, что на одном табачном предприятии из 439 рабочих на протяжении 21 месяца пособия по женитьбе получили 5 человек, а за 9 месяцев пособия при рождении детей получили 55 человек, если при этом автор не приводит случаев отказа в помощи? Ю. Н. Розалиев пишет, что средний размер пособия при рождении ребенка — 25 лир, но эта средняя цифра нисколько не показательна для аргументов автора, поскольку при сопоставлении с его же данными о зарплате она составляет треть-четверть среднемесячного заработка (в 1950—1951 гг.). Между тем автором не использованы данные о социальном страховании, публикуемые в Бюллетене Центрального банка Турции.

Выводы о прожиточном минимуме рабочих, имеющиеся в рецензируемой книге, обосновываются немногочисленными и малоубедительными данными за 1938 г. — о доходах и расходах нескольких десятков семей Стамбула и Анкары.

Слабо в рецензируемой книге описана борьба рабочего класса за свои права, хотя пролетариат Турции активно борется за право на забастовки, за повышение заработной платы, сокращение продолжительности рабочего дня и улучшение системы безопасности на предприятиях и т. д.

На своем конгрессе 23 апреля 1956 г. рабочие шоссейных дорог заявили, что закон о труде в настоящих условиях их не удовлетворяет и должен быть пересмотрен. Рабочие потребовали отмены запрещения забастовок[5].

В результате упорной борьбы рабочего класса и нарастания в стране недовольства всех трудящихся своим положением — непрерывным повышением цен на необходимые товары[6] и снижением жизненного уровня — правящие круги Турции вынуждены в последнее время идти на некоторые частичные мероприятия, чтобы облегчить материальное положение трудящихся. В частности, в июне 1956 г. Великое национальное собрание Турции приняло закон о полной оплате праздничных и выходных дней[7].

О нарастании борьбы рабочего класса свидетельствуют появляющиеся в газетах сообщения о требованиях рабочих экономического и политического характера. Арбитражные суды, разбирающие дела по трудовым конфликтам, признавали не раз в своих решениях факт повышения стоимости жизни и, по требованию рабочих, были вынуждены обязывать предпринимателей повышать, хотя и совершенно незначительно, заработную плату.

В работе Ю. Н. Розалиева имеются и неточные выводы, а также порой довольно вольное обращение со статистическими данными. Остановимся лишь на некоторых из них.

Необоснованно утверждение Ю. Н. Розалиева, что в Турции имеются все условия для использования на месте добываемых полезных ископаемых (стр. 27). Современное состояние промышленности страны ограничивает возможность использования многих полезных ископаемых. Турция, например, вывозит медную руду и ввозит медь и медные изделия. Значительной статьей вывоза является хром.

Автор утверждает, что «только на выплату процентов по государственному долгу в 1954 г. была ассигнована почти $^1/_4$ бюджета Турции» (стр. 8). На самом же деле, около 11%.

Автор допускает неточность в расчетах (стр. 75—76), когда доказывает, что капиталисту выгодно платить 25% надбавки к основной зарплате за сверхурочное время (для примера автор берет 3 сверхурочных часа) и «устанавливает», что прибыль капиталиста в 9,2 раза превышает заработок рабочего. В действительности же прибыль капиталиста выше в 2,2 раза.

В ряде мест книги не указано, к какому времени относятся те или иные факты и цифры. Так, в сведениях о заработной плате рабочих автор должен был оперировать либо данными за 1954 и 1955 гг., либо точно указывать период, к какому относятся эти цифры. Те же недостатки имеются в ряде мест и в приложении, включающем интересные данные. Они основаны на материалах ряда лет в пределах 1950—1953 гг. Но автор книги имел возможность привлечь и некоторые более поздние материалы; к сожалению, и в приложении в ряде случаев не указывается дата.

Недостаточно использованы в рецензируемой работе турецкие газеты и журналы, поэтому приведенные материалы, как правило, не выходят за рамки 1951—1953 гг. Имеются ошибки в научном аппарате.

Все же следует сказать, что, несмотря на указанные недостатки книги, Ю. Н. Розалиев в общем проделал полезную работу по исследованию положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны.

Б. М. Поцхверия

[5] «Ulus», 24 Nisan 1956.

[6] Если 1950 г. принять за 100, то к апрелю 1956 г. цены поднялись на муку до 144, на пищевые продукты — до 241, на фрукты — до 218, сахар — 152, рыбу — 199, мясо — 244, на одежду — около 225, квартплату — 270 и т. п.

[7] «Zafer», 9 Haziran 1956.

SUMMARY

According to the reviewer the book in question touches upon an urgent and poorly studied theme. The reviewer sees the chief merit of the book in its analysis of labour legislation and social insurance in Turkey and the system of exploitation of the workers who are denied all political rights. The author describes the extremely poor living conditions of the industrial proletariat. In the reviewer's opinion, the main shortcomings of the book are: the incorrect description of the policy of "etatism"; the overestimation of the role played by foreign and private capital in the development of Turkish economics; a one-sided approach to the analysis of labour laws and the social insurance, which the author considers to be worked out only in the interests of the bourgeoisie, etc.

Д. В. БЕКЛЕШОВ. Индонезия. Экономика и внешняя торговля. М., Внешторгиздат, 1956, 147 стр., 2 л. карт.

Книга Д. В. Беклешова посвящена характеристике экономики и экономической политике правительства Индонезии.

Индонезия — аграрная страна. 75% населения архипелага занято в сельском хозяйстве, которое дает 60% национального дохода. Стоимость промышленной продукции составляет лишь 10,5% национального дохода. В прошлом голландские колонизаторы отводили Индонезии роль поставщика сырья для метрополии.

Народное хозяйство страны понесло огромный урон во время японской оккупации и длительной освободительной борьбы, которую индонезийский народ вел против английских и голландских колонизаторов.

Производство многих видов сырья и некоторых сельскохозяйственных продуктов еще не достигло довоенного уровня. Однако в производстве продукции, пользующейся большим спросом на мировом рынке (олово, каучук), Индонезия сделала большой шаг вперед.

Автор приводит данные, характеризующие развитие производительных сил страны. В 1954 г. в Индонезии потреблялось 11 квт-ч электроэнергии и 2,5 кг стали на человека, т. е. в 13 раз меньше, чем в Голландии, и в 22 раза меньше, чем в США.

Иностранный капитал все еще занимает ключевые позиции в добывающей и крупной обрабатывающей промышленности и плантационном хозяйстве. Сумма иностранных капиталовложений в Индонезии составляет около 62 млрд. индонезийских рупий, причем большая часть иностранных инвестиций приходится на голландский капитал, хотя после второй мировой войны американские монополии уже потеснили своего младшего партнера по всем линиям как путем скупки акций голландских и английских компаний, так и за счет увеличения экспорта капитала и товаров.

Особенно острая борьба развернулась между монополиями за контроль над производством нефти и каучука. Если до войны американские компании добывали треть индонезийской нефти, то теперь — примерно половину. Втрое по сравнению с довоенным периодом увеличились капиталовложения США и в каучуковые плантации. Д. В. Беклешов пишет также о западногерманских и японских монополиях, прилагающих большие старания к тому, чтобы занять более прочное место в эксплуатации природных богатств Индонезии. В книге правильно подчеркивается, что после второй мировой войны заметно изменились и формы вложения иностранного капитала в экономику Индонезии.

После второй мировой войны позиции иностранного капитала в сельском хозяйстве Индонезии значительно ослабели. Часть ранее принадлежавших плантаторам земель была захвачена крестьянами. В результате всего этого площадь под плантациями в 1950 г. уменьшилась на $^1/_3$ по сравнению с 1939 г. Однако площадь под каучуковыми плантациями расширилась. После войны две американские компании — «Гудьир тайр энд рабер» и «Юнайтед Стейт рабер» — приобрели новые участки на Яве и Суматре по 200 тыс. га каждая. Площадь американских каучуковых плантаций после второй мировой войны увеличилась в четыре раза.

Автор характеризует также экономическую политику правительства, которое стремится подготовить почву для индустриализации страны и поощряет развитие национального капитала.

Проводя в жизнь намеченную программу национализации предприятий общественного пользования, правительство к концу 1954 г. национализировало 70% электростанций.

В целях организации контроля над деятельностью иностранных компаний и уменьшения отлива капитала за границу принято постановление, в силу которого 51% акций вновь создаваемых иностранных компаний будет принадлежать правительству или национальному капиталу. Значительно увеличены налоги на иностранные предприятия (от 40 до 52% дохода) и с 1954 г. повышен налог на переводимые за границу прибыли (66,6% переводимой суммы).

Во второй главе книги Д. В. Беклешов дает подробный анализ внешней торговли и внешнеторговой политики Индонезии.

США, Англия и Голландия, занимавшие монопольное положение во внешней торговле Индонезии, до последнего времени имели возможность устанавливать в своих интересах соотношение между ценами на продукцию индонезийского сельского хозяйства и добывающей промышленности и экспортируемыми в Индонезию товарами.

Под экономическим и политическим нажимом со стороны США (закон Бэтла) Индонезия длительное время воздерживалась от заключения экономических соглашений со странами социалистического лагеря. Это причинило Индонезии значительный материальный ущерб. Как известно, США в 1951 г. добились незаконного решения ООН об экономической блокаде КНР, после чего им удалось уже в 1951 г. снизить на 50% цены на каучук. Корыстная политика США вызвала в Индонезии большое негодование. Индонезийское правительство отказалось от блокады КНР, и уже 30 ноября 1953 г. состоялось подписание важного торгового соглашения между Индонезией и КНР.

Индонезийское правительство старается вести торговлю непосредственно со странами, заинтересованными в индонезийском сырье.

В рецензируемой книге представлен анализ структуры и направления экспорта в страны по отдельным товарам.

Автор дает обзор торговых соглашений, заключенных Индонезией со странами народной демократии (КНР, Чехословакия, Венгрия, Польша, Румыния, Болгария, ГДР) и капиталистическими странами.

До последнего времени объем торговли Индонезии со странами демократического лагеря был сравнительно невысок (в 1954—1955 гг. до 5% объема внешней торговли страны). Тем не менее ввиду характера этой торговли и постоянной тенденции к ее расширению она играет важную роль в экономике Индонезии. По соглашениям, заключенным Индонезией с Чехословакией и ГДР, доля машин и оборудования в поставках из этих стран составляет от 40 до 50%. В договорах предусмотрены установка оборудования, пуск его в действие и обучение обслуживающего персонала.

15 сентября 1956 г. в Джакарте было подписано генеральное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Республикой Индонезия. В соглашении предусмотрена помощь со стороны Советского Союза в проведении в стране проектно-изыскательских работ и строительстве ряда промышленных предприятий.

В рецензируемой книге имеются и недостатки. Нередко в тексте не указывается, к какому году следует отнести те или иные данные. В работе нет главы о финансово-банковской системе Индонезии.

Автор мало пишет о кооперативном движении в Индонезии, имеющем важное значение в строительстве национальной экономики страны.

Схемы, помещенные в книге, порой вводят читателя в заблуждение. Из схемы на стр. 27 можно сделать вывод, что в 1954 г. уровень добычи нефти составлял лишь 72% к 1938 г., а олова — 64%, что не соответствует действительности. На стр. 67 автор пишет: «В настоящее время размер площади, занятой под соя-бобами, и сбор этой культуры еще не достигли довоенного уровня». Но по данным схемы на стр. 64, сбор соя-бобов в 1954 г. на 260% превысил довоенный уровень!

Неверно, что в VII—XV вв. Суматра являлась центром государственного объединения индонезийских островов (стр. 9).

Автор не всегда правильно дает транскрипцию голландских компаний, имеющихся в Индонезии. Он почему-то слово Maatschappij — «компания» транскрибирует как «маатчапай», а не «маатсхапай». Государственная компания по добыче олова теперь называется не «Бангка тинвиннинг», а «Перусахаан негера тамбанг тимах Бангка».

В. Сикорский

SUMMARY

The reviewer considers D. V. Bekleschov's book, "Indonesia. Economics and Foreign Policy", to be very useful to its readers. The lack of information on Indonesia's financial system and banks is one of its shortcomings.

Е. М. КОЛПАКЧИ. Очерки по истории японского языка, т. I. Морфология глагола. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, 235 стр.

Книга проф. Е. М. Колпакчи — первая из серии монографий, в которых автор предполагал обобщить свои многолетние исследования по истории японского языка. К сожалению, эти замыслы не были осуществлены полностью. Е. М. Колпакчи скончалась в 1952 г., в период подготовки к печати первого тома исследований.

Подобно ранее подготовленным и опубликованным трудам Е. М. Колпакчи[1], рецензируемая книга содержит большой, тщательно изученный фактический материал, интересные наблюдения и ценные теоретические обобщения. В первом томе «Очерков» не случайно исследуются развитие японского глагола, система его форм и значений, поскольку это наиболее развитая и во многих отношениях самая определенная категория японской грамматики. Показывая, как постепенно менялась морфология глагола, автор стремится вскрыть «общие тенденции развития японского языка, отраженные в глаголе в историческую эпоху его существования» (стр. 14).

Материалом служат основные литературные памятники, начиная с Манъёсю («Сборник мириадов лепестков» — антология японской поэзии VIII в.), Кодзики («Записки древних деяний», VIII в.), Такэтори-моногатари («Повесть о бумбосеке», IX в.), Микотонори («Царские эдикты», IX—X вв.). Сравнивая старые и современные формы языка, автор приводит примеры также из популярных произведений XX в.

Наблюдения, обобщения и выводы автора во многом самостоятельны и оригинальны; они добыты многолетней трудоемкой работой над первоисточниками. Тщательный анализ и правильная трактовка собранных материалов позволяют убедительно показать трансформацию глагольных форм и значений на протяжении тринадцативековой документированной истории японского языка. Пережиточные формы, обнаруживаемые в первых письменных памятниках, дают возможность, кроме того, сделать некоторые предположения о древнейшем, дописьменном, состоянии японского глагола.

Рецензируемая книга дает также некоторое представление об истории изучения глагольных форм японскими учеными, так как в ней критически использованы труды выдающихся японских лингвистов, в частности, Юдзава Кокитиро, Ямада Ёсио, Андо Масацугу, Ёсидзава Ёсинори, Оцуки Фумихико, Симмура Идзуру, Татибана Тикакэ, Оцука Эцудзо и некоторых других.

Структура «Очерков» отличается простотой, ясностью и вполне мотивирована предметом исследования. В первой главе дана характеристика старояпонских глагольных основ и их функций, показано постепенное движение глагольной парадигмы к современному состоянию. Последующие главы посвящены таким важнейшим категориям глагола, как переходность — непереходность и залоги, времена и виды, наклонения. Частные глагольные категории представлены как взаимообусловленные, исторически меняющиеся элементы единой структуры. Нельзя, однако, не заметить, что суффиксальные глагольные формы описаны подробнее, чем формы основные (бессуффиксальные) и тем более аналитические.

Исследование Е. М. Колпакчи наглядно показывает, что система грамматических форм и значений японского глагола, сохраняя в основном свою специфику и определенность, претерпела на протяжении многих веков столь значительные изменения, что современный японец без специальной подготовки не в состоянии разобраться в старых текстах. Трансформация составных элементов глагольной парадигмы проходила неравномерно. Наименее устойчивыми оказались глагольные суффиксы —внешние выразители грамматических значений. Многие форманты вышли из употребления, другие изменили свой звуковой облик. Одновременно шел непрерывный процесс уточнения и перераспределения грамматических значений. Исчезло так называемое давнопрошедшее время, изменились средства выражения прошедшего времени и видовых различий, иной характер приобрели и сами значения вида и времени.

Еще заметнее коренные сдвиги в области выражения модальных значений. Развитие глагольных форм привело к появлению элементов флективности: возникает двойственный тип основ в системе одного и того же глагола. Агглютинативный по основным своим качествам, японский язык становится агглютинативно-флективным.

Опираясь на работы предшественников и собственные изыскания, Е. М. Колпакчи с максимально возможной точностью устанавливает последовательное появление в литературных памятниках новых глагольных форм. Цифровые данные о частоте употребления сменяющих друг друга однозначных формантов помогают составить полное представление о формальных и смысловых изменениях глагольной системы.

Очень интересны предположения о дописьменном состоянии японского глагола. Значительное место уделено формальной дифференциации первоначально нейтральных глаголов на переходные и непереходные (стр. 54—55), генезису модальных суффиксов (стр. 232), выяснению исторического соотношения временных и модальных категорий (стр. 228).

Сделаны ценные наблюдения о синтаксической конструкции четырехчленного пассива (стр. 71—74), об употреблении суффиксов прошедшего совершенного *цу* и *ну* в зависимости не только от переходности или непереходности глагола, но и от одушевленности-неодушевленности подлежащего (стр. 121—122). Предложены интересные толкования семантических различий форм будущего времени, выраженных бессуффиксальной формой и основой с суффиксом *му* (стр. 148).

Некоторые обобщения, выводы и гипотезы автора «Очерков» не являются вполне бесспорными. Думается, что приведенный в книге фактический языковый материал не подтверждает выдвигаемую автором систему залогов без побудительного залога. Вообще распределение глаголов по трем залогам (действительный, средний, страдательный) лишено необходимых морфологических оснований. Один и тот же глагол в одной и той же форме может выступать и со значением среднего залога и со значением страдательного залога. «Разница эта,— говорит автор,— определяется синтаксическим контекстом: наличием в предложении указания на действующее лицо или отсутствием его» (стр. 68). Более продуктивной и лучше оправдываемой как современным, так и старым состоянием языка нам представляется концепция японских залоговых противопоставлений и категорий, обоснованная Н. И. Конрадом[2].

Может вызвать возражения также трактовка категории отрицания как одного из наклонений в ряду таких наклонений, как повелительное, желательное и вероятное. Ведь отрицательной бывает любая форма глагола.

Сомнителен тезис о первоначально неглагольном характере форм типа *табуру* (четвертая основа), которые, по мнению Е. М. Колпакчи, лишь к XVI в. входят в глагольную парадигму. Основания для характеристики формы на *ру* как причастия, обособленного от глагола, автор видит в том, что эта форма употреблялась не только в позиции определения, но также в качестве подлежащего и дополнения и лишь эпизодически — сказуемого.

Однако приведенные примеры свидетельствуют о том, что во всех возможных позициях так называемое причастие сохраняло и глагольную семантику, и способность управлять дополнениями, и возможность выражать частные глагольные категории. Специфика этой формы — только в ее своеобразных синтаксических позициях,

---

[1] *Е. Колпакчи.* Древнеяпонский литературный язык по памятникам эпохи Нара. Докторская диссертация. Рукопись. Л., 1945; *ее же.* Из истории японского сложного предложения. «Советское востоковедение», 1949, VI; *ее же.* Опыт семантического анализа в области японского языка. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», вып. I, 1949; *ее же.* О категории послелога в современном японском языке. «Ученые записки ЛГУ», вып. III, 1952; *ее же.* Винительный падеж в современном японском языке. «Ученые записки Института востоковедения», 1952, т. IV; *ее же.* Некоторые проблемы истории японского языка. «Краткие сообщения Института востоковедения», 1955, XII.

[2] *Н. И. Конрад.* Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937, стр. 193—210.

которые вполне объяснимы в свете общих закономерностей японского языка и, во всяком случае, недостаточны для выделения одной из глагольных форм в отдельную часть речи.

Еще меньше оснований для старого языка выводить за пределы глагольной парадигмы форму на *рэ* (пятую основу), которая, насколько можно судить по литературе, никаких иных употреблений, кроме глагольных (сказуемое подчиненного предложения с суффиксами *ба*, *до*, *домо*, сказуемое главного предложения при наличии частицы *косо*), никогда не имела.

Впрочем, наибольшие достоинства «Очерков» — не в теоретическом осмыслении системы языка в целом, для чего, кстати говоря, явно недостаточны материалы только по морфологии глагола, а в тщательном и тонком анализе отдельных глагольных форм и значений, в умелом отборе наиболее выразительных языковых фактов, в их правильном истолковании, в точной передаче смысловых и эмоциональных оттенков приводимых примеров. В этом отношении «Очерки» дают больше, чем обещано в подзаголовке. Внимательный читатель найдет здесь не только полные сведения по исторической морфологии глагола, но и полезные общеграмматические, лексикологические и историко-литературные комментарии.

«Очерки» многоаспектны. Историки японского языка, несомненно, заинтересуются многими плодотворными мыслями автора; изучающим современный японский язык эта книга поможет глубже понять ныне употребительные грамматические формы глагола; для тех, кто впервые знакомится с классической японской литературой, многочисленные примеры с переводами и комментариями могут служить своеобразным введением в самостоятельное изучение сложных текстов; лингвистам-неяпонистам эта книга даст достаточно полное представление о своеобразном развитии глагольных категорий японского языка.

А. А. Пашковский

Р. АЛЫЕВ. Кеминәниң өмри ве дередиҗилиги (моноґрафия). Ашгабат, Туркмендөвлетнешир, 1956, 132 с.

Рецензируемая работа — первая печатная монография, посвященная творчеству Кемине, наиболее популярного, после Махтумкули, туркменского поэта дореволюционного периода. Актуальность ее несомненна.

Книга Р. Алиева открывается разделом «Экономическое, политическое и культурное состояние эпохи, в которую жил Кемине». К сожалению, вместо анализа исторической обстановки, на протяжении 9 страниц просто повторяются общеизвестные факты, да и те подчас в искаженном виде. Автор утверждает, например, что в первой четверти XIX в. човдуры, недовольные Хивинским ханом Мухаммадом Рахимом, подняли против него восстание, которое было поддержано текинцами и сарыками. Между тем известно, что борьба Мухаммада Рахима с човдурами в 1808—1810 гг. являлась своего рода боевым эпизодом большой войны с Аралом, в интересах которого действовали последние. В эту пору текинцы не имели никакого отношения ни к човдурам, ни к хивинскому хану, которому они не платили подати. Мухаммад Рахим пошел походом на текинцев лишь в 1812 г. Вся характеристика экономического состояния эпохи заключается в констатации того факта, что основное место в жизни туркменского народа занимали земледелие и скотоводство.

Культура эпохи Кемине также освещается очень бегло. Неприятно поражает односторонний подход к поэту, последовательное стремление поставить Кемине в исключительное положение не только среди туркменских поэтов XIX в., но и в мировом масштабе. Вот, например, одно из очень характерных в этом плане высказываний:

«Хотя восточная классическая литература лирического жанра и вырастила ряд таких, обладающих самостоятельным характером творчества, знаменитых поэтов, как Саʿди, Хафиз, Физули, Навои, все же до Кемине не было поэта, который, выйдя из среды трудового народа, в своем творчестве так открыто и прямо выразил бы социальные стремления» (стр. 45).

Таким образом, по мнению Р. Алиева, до Кемине в литературе Востока не было поэта из народной среды и, больше того, не было поэта, в произведениях которого открыто звучали бы социальные мотивы. К такому утверждению могло привести только полнейшее игнорирование творчества даже перечисленных автором поэтов.

Далее автор сравнивает Кемине с Гоголем и Щедриным, указывая, что «критический реализм» этого поэта занимал такое же важное место в жизни туркменского народа, как реализм Гоголя и Щедрина в русской действительности. Этот тезис автора даже не нуждается в критике. Если поэт все зло общества видит в отступлении отдельных личностей от прямого пути шариата и в немилостивой судьбе, то его метод художественного изображения действительности едва ли уместно называть «критическим реализмом».

Р. Алиев сопоставляет Кемине и с Некрасовым. Насколько неправомерно такое сравнение, ясно хотя бы из следующего примера. На странице 59 монографии автор приводит двустишие:

Бири йӯз өвӯрер хӯнәре,
Хӯнәр эдер гөре-гөре.

Одна из них (женщин) обратится к мастерству,
Беря пример, она совершает мастерские (дела),

на основании которого утверждает, что Кемине, так же как и Некрасов, писал о тяжелой женской доле.

Мы, в угоду Р. Алиеву, перевели слово *хӯнәр* как ʿмастерствоʾ, хотя более точное его значение ʿремеслоʾ, причем в данном контексте, вполне возможно, ремесло неблаговидное. Правильность именно такого толкования подтверждает вторая часть строфы:

Бирисиниң, реңни гара,
Мысалы сыгыра меңзер.
Одна из них черна,
Образ ее подобен корове.

Нельзя, нам кажется, брать данный отрывок изолированно и от всей остальной части стихотворения, которое посвящено женщинам вообще; здесь поэт дает целую галерею женщин, то царственных и властных, то сплетниц и нерях, то обжор и докучливых болтушек, то упрямых, которых не исправить, «хоть 15 раз ломай о них палки», то покорных и готовых служить, то величавых и прекрасных; не увидеть этих последних, по мнению поэта, — значит прожить напрасно жизнь. Но о труде и мастерстве в этом стихотворении не говорится. Если бы даже наш автор привел более удачные примеры (а они в творчестве поэта имеются), все равно сопоставление с Некрасовым было бы неуместным.

Стремясь изобразить Кемине писателем, обладающим всеми чертами поэта-демократа, автор весьма свободно трактует его произведения.

Так, он приводит (стр. 49) строфу из песни «Бедность» (Гарыплык):

Йылба-йылдан мениң, мӯфлӯсим[1] чыкар,
Гарыбың йӯзуне ким гӯлӯп бакар?
Йөрӯшсем, ярышсам, ойнашсам йыкар,
Ойнасам, ойнумда утар гарыплык.
Что ни год, то все больше я нищаю,
Кто с улыбкой взглянет в лицо бедняку?
Пущусь с нею итти рядом — обгонит,
начну состязаться — с ног собьет,
Стану играть с нею — и в игре обыграет
меня бедность.

Анализируя этот отрывок, автор приходит к весьма любопытному выводу: «Кемине, говоря о том, что бедные всюду оказались побежденными и подавленными, тем самым реально рисует решительную борьбу, которая продолжалась между противоположными социальными группами общества того времени». Свои рассуждения автор заключает еще более многозначительными словами: «Не ограничиваясь показом существующего положения в обществе, он верно определяет направление развития этого общества» (стр. 49—50).

«Гарыплык», несомненно, одна из лучших песен Кемине как в художественном, так и в идейном отношении. Однако было бы, конечно, преувеличением видеть в ней изображение «решительной борьбы социальных групп»; слова же о том, что «бедность не уходит к богатым», что «она приходит к бедняку, как караван, и дом его делает своей стоянкой», вряд ли помогают определить «направление развития общества».

---

[1] Это слово туркмены произносят с *и* долгим во втором слоге — *мӯфлис*, данное же начертание принадлежит Р. Алиеву.

Это же стремление показать поэта человеком «образцовым во всех отношениях» нашло свое отражение и в оценке религиозных воззрений Кемине. Вероятно, поэтому он характеризуется как человек, выступающий против основных законов ислама; против освященных и узаконенных религией нравов. Лишь мимоходом упоминается о том, что Кемине был верующим.

Необъективность подобного показа отношения Кемине к религии станет ясна, даже если обратиться к первым строкам песни «Бейле», которую Р. Алиев считает хорошей иллюстрацией атеистических воззрений поэта:

Ылым бир дарагтдыр, ыслам — саясы,
Сер чекмиш асмана шахасы бейле.
Имана кувват бийр онуң мивеси,
Пула лайык гелмез бахасы бейле.
Наука — это древо, ислам же — тень его,
До небес протянуты ветви его.
Придают силу вере плоды его,
Деньгами не измерить цену его.

Правда, в своих сатирических стихах, отличающихся большой художественной силой, Кемине ярко изображает нравы кадиев, пиров и мулл. Однако нельзя не заметить, что, бичуя представителей мусульманского духовенства, он призывает их вернуться на «прямой, как алеф, путь шариата, путь, который прямее посоха Моисея».

Строки явно религиозного содержания автором монографии признаются плодом позднейшей фальсификации (стр. 118), несмотря на то, что они имеются во всех рукописях. Там же, где идея, по мнению автора, подходит к нарисованной им схеме, он готов немедля приписать поэту даже явно чужие стихи. На странице 129, например, приложение открывается стихотворением «Байың», в записи значащимся под именем Молланепеса. Не занявшись анализом языка, не выяснив смысла первой строфы (в ней нет ясности мысли, и грамматически она неверна), Р. Алиев спешит приписать это стихотворение Кемине. Между тем данное произведение явно создано в более позднее время: его решительный тон, призыв убивать даже детей богачей, а самих их вешать за ноги — как раз то, что едва ли можно считать типичным для данного поэта.

Упомянутая тенденциозность выступает и при анализе отдельных произведений. Так, совершенно произвольно истолкованы причины появления стихотворения «Оразым». Автор утверждает, что Кемине посвятил эту хвалебную оду Ораз-хану, поскольку считал его правителем, заботившимся о мире и благоденствии своего народа. Аргументом служит то обстоятельство, что Ораз-хан, желая якобы добиться независимости, оказывал помощь правителю Хорасана Салару. Между тем Ораз-хан помогал Салару в его походе против центрального иранского правительства в 1846 г., т. е. уже после смерти Кемине, причем в результате этой помощи усилилась межплеменная распря среди туркмен.

Приведем еще один пример неправильного анализа текста. На 74 стр. приводится строфа:

Болса йигдиң ягшы аялы,
Дөвлет салар сана ёлы,
Абырайың долдыр голы,
Бир сахыбы пире меңзер.
Если у удальца хорошая жена,
То к тебе проложит дорогу счастье,
А почет и авторитет твой наполнят округу,—
Она похожа на обладательницу пира (т. е. старца, главы дервишского ордена).

Далее следует такое толкование: «Вообще сравнение женщины со старцем могло бы показаться в том обществе поношением религии ислама и видных ее представителей. За это дело мог взяться только такой смелый человек, как Кемине».

Однако вместо того, чтобы делать такие далеко идущие выводы, следовало бы внимательнее присмотреться к тексту. Три первые строки данного отрывка подсказывают, что и в четвертой речь должна идти о женщине полной достоинства, о величавой красавице, славящейся добротой и другими высокими качествами. Сравнение же с ненавистным для Кемине пиром звучит явным диссонансом. Не следует ли читать здесь صاحب فرّ 'обладательница великолепия'. Логика диктует именно такой вариант. Тем более, что замена *n* и *ф* (обусловленная различным произношением звука *ф* в диалектах и литературном языке) при записи вполне вероятна.

Монография Р. Алиева посвящена литературоведческим вопросам. Но, пожалуй, больше всего путаницы в ней именно с

точки зрения литературоведения. Говоря о метрике вообще, наш автор не пытается дифференцировать, что́ из произведений Кемине создано по правилам аруза и что́ соотносимо с народной поэзией. Если же эти попытки и предпринимаются, то часто только дезориентируют читателя.

Так, касаясь стихотворения «Твой локон» (Зулпуң), автор утверждает, что «Это стихотворение написано в форме мухаммес в арузном размере» (стр. 86). Однако оно как раз написано не арузом, а размером, уходящим корнями в древнейшее народное стихосложение.

В работе Р. Алиева мы не встречаем даже упоминания об источниках; нет здесь ни описания рукописей, ни замечаний относительно того или иного источника. Между тем совершенно очевидно, что автор исходит из собрания стихотворений поэта, которое было издано в 1940 г. в расчете на массового читателя.

Наконец, нельзя не отметить ряд досадных искажений, касающихся истории изучения творчества поэта. По мнению автора, первым исследователем Кемине был И. Н. Березин (стр. 110). Между тем цитата, приводимая с ссылкой на II том его «Турецкой хрестоматии», на самом деле взята из статьи акад. Е. А. Крымского, напечатанной в «Энциклопедическом словаре» Граната (т. 41 — X, стр. 110). Известный польский востоковед и дипломат А. Л. Ходзько-Борейко оказался... английским путешественником! Член Ост-Индской компании Борнс превращен нашим автором в Бориса (стр. 109—110). Трудно считать это опечаткой, поскольку данное имя упоминается в таком виде неоднократно.

Дарование Кемине, творчество которого неразрывно связано с жизнью народа, настолько значительно, что без всяких скидок и приукрашивания позволяет считать поэта одним из наиболее выдающихся представителей своего времени. Монография о Кемине могла бы быть написана на более высоком научном уровне. Такую работу мы в праве ожидать от Р. Алиева.

З. Мухаммедова и *А. Мередов*

SUMMARY

Recognizing the urgency of the first monograph which is dedicated to Kēmiṇēh, one of the most popular Turkmen poets, the reviewers believe that R. Aliev has adopted a rather one-sided approach to his poetry.

That accounts for the very free interpretation of the poet's works and for some unjustified conclusions. Attention is directed in the review to mistakes in the interpretation of the text and to the inadequately supported literary criticism.

張肇強。戰後印度尼西亞的政治和經濟 (*ЧЖАН ЧЖАО-ЦЯН. Послевоенная политика и экономика Индонезии*). Пекин, Изд-во Шицзе-Чжиши, 1956, 256стр.

Вышедшая в Китае в конце 1956 г. книга Чжан Чжао-цяна «Послевоенная политика и экономика Индонезии» содержит обстоятельный научный обзор внутреннего положения Индонезии и анализ экономических проблем страны. Опираясь на богатый цифровой материал, автор подробно освещает характер экономики Индонезии, позиции иностранного капитала и его влияние на народное хозяйство.

В первой главе дается обзор послевоенной истории страны. Описывая колониальную войну Голландии против Индонезии, автор особо подчеркивает роль английского и американского империализма. США оказывали Голландии военную помощь с первых дней колониальной войны.

Изложив главные события, имевшие место в стране после Ренвильского соглашения и конференции круглого стола, ав-

тор отмечает, что в последнее время в Индонезии усиливается подрывная деятельность, направляемая голландскими, американскими и английскими империалистами, которые постоянно оказывают помощь различным вооруженным бандам.

Говоря об экономическом положении Индонезии, Чжан Чжао-цян подчеркивает, что, несмотря на свою политическую независимость, Индонезия ввиду ее экономической слабости осталась источником сырья и рынком сбыта для империалистических стран. Иностранный капитал и феодальные пережитки препятствуют развитию национального капитала. Об этом свидетельствуют медленные темпы восстановления промышленности и сельского хозяйства, постоянный дефицит внешней торговли, являющиеся следствием американского эмбарго на торговлю с КНР и неэквивалентного обмена, увеличение дефицита в государственном бюджете и дороговизна.

Среди империалистических держав, говорится в книге, преобладающее влияние по-прежнему имеет Голландия, в руках которой сосредоточены командные высоты индонезийской экономики. Но после войны усилилась и американская экономическая экспансия в Индонезию, что привело к дальнейшему обострению противоречий между империалистическими державами. Голландский капитал в Индонезии в массе иностранных капиталов составляет 63,5% (стр. 63). Голландия контролирует и финансы Индонезии. Из иностранных капиталов, вложенных в банки Индонезии, на долю Голландии приходится 75%. Голландские банки и торговые компании расположены во всех городах Индонезии. Банки занимаются не только кредитными операциями, но и являются собственниками плантаций, предприятий обрабатывающей промышленности, они контролируют торговлю, транспорт, добывающую промышленность и т. д. Автор книги приходит к выводу, что голландский финансовый капитал контролирует экономику Индонезии.

Весьма интересны в книге данные о добыче и эксплуатации основных полезных ископаемых Индонезии. Здесь также огромная доля принадлежит голландскому и английскому капиталу и частично американскому. В Индонезии, пишет автор, ежегодно добывается свыше 7 млн. тонн нефти, из этого количества больше половины — англо-голландской нефтяной компанией «Батафше петролеум». Из суммы 2 млрд. рупий иностранной валюты, получаемой ежегодно за экспорт индонезийской нефти, только 200 млн. рупий поступает в государственную казну (стр. 66). В области текстильной промышленности из 90 тыс. веретен — 80 тыс. принадлежат англо-голландскому капиталу.

Индонезия, как известно, является островной страной. Поэтому межостровной транспорт имеет важное значение для экономической и политической жизни страны. Однако 90% каботажного судоходства находится в руках Голландской королевской пароходной компании, а дальние морские перевозки — в руках голландского и английского капитала.

Сколько прибылей Голландия ежегодно получает в Индонезии? Автор ссылается на голландские официальные данные: в 1938 г. Голландия, говорится в книге, получила из Индонезии доход в сумме 700 млн. гульденов, что составило 14% национального дохода Голландии. А в 1956 г. доход Голландии в Индонезии достиг 967,3 млн. гульденов.

Усилившаяся после войны американская экономическая экспансия в Индонезию вызвала обострение противоречий между империалистическими державами. На большом цифровом материале автор показывает, какую роль играют империалистические страны, помимо Голландии, в экономике Индонезии. Автор приводит интересные цифры, свидетельствующие о том, насколько усилилась американская экономическая экспансия в Индонезию в послевоенные годы.

Активное проникновение американского капитала после второй мировой войны под видом займов и «помощи», а также капиталовложений частных лиц ослабляет позиции, занимаемые голландским и английским капиталом. Это вызывает острую конкурентную борьбу между империалистическими странами. После войны возобновилось проникновение в Индонезию также японского и западногерманского капитала, становящихся опасными соперниками Голландии и Англии на индонезийском рынке.

Чжан Чжао-цян указывает, что выпуск промышленной продукции в Индонезии не обеспечивает потребностей ее населения. Производство бумаги, например, покрывает потребность страны лишь на 12%. Добыча угля еще не достигла довоенного уровня. Однако нефть, олово и бокситы добываются в количествах, превышающих довоенный уровень.

Почти все продукты, получаемые в плантационном хозяйстве, предназначены на экспорт, и, следовательно, производство их зависит от мирового рынка, прежде всего американского, а также от нужд военной экономики США. Таким образом, производство продуктов сельского хозяйства (кроме стратегического сырья, например каучука) восстанавливается и развивается очень медленно.

Внешняя торговля имеет весьма важное значение в экономике страны. Стоимость экспорта каучука, нефти и олова составляет 64,5% стоимости всего экспорта.

Характеризуя финансовое положение страны, Чжан Чжао-цян пишет, что, получив политическую независимость, индонезийская национальная буржуазия взяла курс на создание независимой национальной экономики. Это стремление отвечает требованиям и интересам индонезийского народа. Автор в конце этой главы освещает финансово-экономическую политику первого и второго правительств Али Састроамиджойо и рассказывает о первом пятилетнем плане. Проводя политику развития и покровительства национальной промышленности и торговли и ограничения деятельности иностранного монополистического капитала, первое правительство Али Састроамиджойо выдвинуло лозунг «превратить колониальную экономику в национальную экономику».

Аграрному строю Индонезии и феодальным пережиткам в деревне посвящена специальная глава.

Освещая экономическое положение трудящихся и их борьбу, автор подчеркивает, что в богатой природными ресурсами и славящейся плодородными почвами Индонезии народ живет еще тяжело.

Автор рассказывает о рабочем, крестьянском, молодежном и женском движении в стране в послевоенное время, о движении сторонников мира. Коммунистическая партия Индонезии борется за создание широкого единого национального фронта и поддерживает мероприятия правительства, направленные на защиту национальных интересов страны и дела мира. Пятилетний план развития хозяйства свидетельствует о том, что молодая индонезийская республика стремится к сохранению и укреплению своей независимости.

Богатый фактический материал, глубокий анализ экономического положения Индонезии, содержащиеся в книге Чжан Чжао-цяна, заслуживают того, чтобы советский читатель познакомился с ней не только из рецензии.

Чжан Цзя-линь

О КУЛЬТУРЕ ПЕРЕВОДА

В связи с широким размахом переводческой деятельности в нашей стране все настоятельнее встает вопрос о дальнейшем повышении филологической культуры перевода, в частности с восточных языков. Цель настоящих кратких заметок — показать необходимость этого на примере русского перевода книги Й. Баларамамурти «Краткая история народа андхра»*.

Книга Баларамамурти — ценное пособие по истории андхров (или телугу), и следует приветствовать выход ее на русском языке. Это первый перевод с телугу на русский язык, что, естественно, не могло не сказаться на качестве перевода. Однако значительное число погрешностей, допущенных при переводе и комментировании, не связано со спецификой языка, литературы и культуры андхров. Многие факты, иногда неправильно понятые при переводе, изложены, естественно, неточно.

Наша индология имеет славные переводческие традиции. Переводы таких ее вы-

---

* *Йетукури Баларамамурти.* Краткая история народа андхра. Сокращенный перевод с телугу. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1956, 174 стр.

дающихся представителей, как акад. Ф. И. Щербатский (с санскрита) и акад. А. П. Баранников (с хинди), являются образцовыми работами с точки зрения филологической культуры перевода. Нельзя нарушать эти переводческие традиции русской и советской индологии, как это делается в рецензируемой книге. Недопустимо, например, заменять привычные термины «вишнуит», «шиваит», «джайн», «подкаста» и т. п. терминами «вишнуист» (стр. 122, 139), «шиваист» (там же), «джайнист» (стр. 59, 61; этот термин переводчик употребляет наряду с правильным «джайн», стр. 32), «субкаста» (стр. 76). Мифическую птицу Гаруду, на которой, согласно легендам, летал Вишну, нельзя называть «орлом» (стр. 62). Не облегчает, а затрудняет понимание текста введенный в книге новый термин: «древнеиндуистский» (стр. 82).

Санскритские религиозно-философские термины, названия санскритских произведений и имена авторов следует транскрибировать так, как они звучат по-санскритски (что всегда являлось практикой русской и советской индологической литературы), а не так, как они произносятся на каждом из четырнадцати современных индийских языков, в противном случае читатель будет иметь дело не с одним названием или именем, а с четырнадцатью вариантами его. Не следует поэтому вместо слов «шуньявада», «мадхьямикавада», «ваджраяна» и других писать: «шуньявадам», «мадхьямикавадам» (стр. 31), «ваджраянам» (стр. 43) или передавать название «Брихаткатха» как «Брухаткатха» (стр. 16), имя «Дандин» — как «Данди», «Арьябхата» — как «Арьабхатта» (стр. 48). В нашей индологической литературе принято отделять в написании почетный титул, звание, чин, прозвище от личного имени, хотя в оригинальном написании на индийских языках эти словосочетания могут иногда писаться и слитно. Такое раздельное написание (как, например, ārya Vimuktasena, bhadanta Vimuktasena, ācārya Haribhadra[1], Master Nāgārjuna, Master Buddhapālita[2] и т. п.) устраняет возможность недоразумений и ошибок, облегчает пользование указателями и справочниками. Принятое в рассматриваемой книге написание имен Сантарамадас (стр. 128), Санта Тукарам (стр. 150) неправильно; санта («святой») будет воспринято читателем как составная часть имени Рамадаса и Тукарама. Имеется разнобой в написании некоторых слов: Шанкара (стр. 32) и Шанкарачарья (стр. 41), Нагарджуначарья (стр. 24) и Ачарья Нагарджуна (стр. 31). Правильно в таких случаях писать ачарья Шанкара, ачарья Нагарджуна, ачарья Саяна (прославленный комментатор вед) — вместо Саяначарья (стр. 129).

Санскритские сложносоставные личные имена также пишутся в нашей литературе слитно[3], хотя и они могут быть написаны в оригинале раздельно. В рецензируемой книге подобные имена произвольно пишутся либо слитно, либо раздельно — Шактиварма (стр. 70), Мадхава Варма (стр. 45), Шарва Варма (стр. 26), Вишнушарма (стр. 66) и т. д. Санскритские географические названия также принято в литературе писать слитно, без дефиса (например, Курукшетра, но не Куру-Кшетра, стр. 13).

Имена потомков древних родов — кауравов, пандавов и т. п.— принято писать со строчной буквы[4], поэтому написание «Кауравы», «Пандавы» (стр. 13) следует признать ошибочным. В русском переводе книги личные имена телугу даются либо в «классическом», санскритском, произношении, либо в произношении телугу, отражающем изменения по правилам сандхи, и т. п. Эта непоследовательность приводит к тому, что одни и те же имена или одни и те же составные части имен пишутся различно, разница заключается иногда в передаче глухих или звонких согласных (например Вартхамана, Вардхамана). Такую непоследовательность в написании можно наблюдать во всей книге. Как представляется автору данной заметки, в переводах написание имен телугу следует максимально приблизить к произношению.

[1] «Bibliotheca Buddhica», XXIII, p. VIII.

[2] *Th. Stcherbatsky.* The Conception of Buddhist Nirvāṭa. Leningrad, 1927, p. 103, 104.

[3] См., например, *Дандин.* Приключения десяти принцев. Пер. с санскритск. Ф. Щербатского. «Восток», 1923, кн. 3; 1924, кн. 4; 1925, кн. 5; «Махабхарата», Адипарва, книга первая, пер. с санскрита В. И. Кальянова. М.—Л., 1950.

[4] См. перевод «Махабхараты».

Неверно переведена значительная часть названий памятников литературы. Так, сказочный эпос «Брихаткатха» («Великое сказание») переведен как «История о Брухат» (стр. 16), название имеющегося в русском переводе романа классика санскритской литературы Дандина «Дашакумарачарита» («Приключения десяти принцев») переведено как «История Дашакумары» (стр. 68). «Сатьябхамасантвана» Шрикамешвары и «Радхикасантвана» Венкатакришнаппы переведены как «Укрощение красавицы Сатьябхама» и «Укрощение Радхи» вместо «Утешение Сатьябхамы» [кем-либо], «Утешение Радхики» (стр. 142). Название другого произведения Венкатакришнаппы — «Ахальясамкрандана» не «Похищение Ахальи», как указано в русском переводе, а «Плач Ахальи» (стр. 142). Книга Сомаяджи «Андхрабхашавикасуму» озаглавлена не «Расцвет языка андхра», а «Развитие языка андхра» (стр. 174).

При переводах игнорируется своеобразие различных литературных жанров. Так, «Начикетопакхьянам» Дугганы означает не «Комментарии о Начикете», а «Сказание о Начикете» (стр. 47), «Маркандеяпурана» — не «Пурана о Маркандее», а «Пурана (приписываемая мудрецу) Маркандее» (стр. 105).

Много неверного в передаче имен и географических названий. Прославленные китайские путешественники, классики географии раннего средневековья Фа Сянь и Сюань Цзан «раздвоились» и путешествуют в книге вместе со своими двойниками Па Хи-яном (стр. 46) и Ху Сюань Цзаном (стр. 68). Итальянский путешественник Николо ди Конти превратился в Николо Деланти (стр. 123, 125), национальный герой народа андхра Шрирамулу фигурирует повсюду как Шриралулу (стр. 170, 172).

В книге не проводится четкого различия между именами Мухаммед (Махаммед) и Махмуд. Так, например, делийский султан Мухаммед Туглак превращен в Махмуда Туглака (стр. 115, 128), различными именами награжден один и тот же царь из династии Паллавов (IV в. н. э.) Шивараскандаварма (стр. 44, 52). Автор медицинского труда Вагбхата назван Вагбхат (стр. 48), буддийский философ Дигнага — Дингнага (стр. 49), богиня Дурга почти всюду именуется Дурги (стр. 47, 125). Река Инд названа Синд (стр. 53), город Ханумаконда — Анумаконда (стр. 104) и т. д.

При переводе смещены некоторые даты. Так, император Ашока жил на пятьсот лет раньше, чем указано на стр. 16. «В 1322 году Ала-уд-дин предпринял третий поход против государства Какатиев», читаем на стр. 94. Между тем известно, что Ала-уд-дин умер 2 января 1316 г. и третий поход его относится к 1311 г. Равным образом, Марко Поло, умерший в 1324 г., не мог путешествовать по Андхре «в конце XIV века» (стр. 101).

На стр. 40 говорится о «индийских пуранах» и «буддийских произведениях». Упоминаемые буддийские произведения создавались также в Индии, их нельзя противопоставлять пуранам; речь идет о пуранах как произведениях индуизма. На стр. 48 читатель узнает, что великий математик V в. Арьябхата «первым в мире открыл абсолютный нуль в математике...» «Абсолютный нуль» в математике не «открыт» и поныне. Далее про Арьябхату сообщается, что он «... доказал, что Солнце является центром Галактики...». Не проводится в переводе различия между суффиксом и окончанием (стр. 51, 52). Неверно объяснен термин «татсама». В индийской лингвистической традиции им обозначаются слова санскритского происхождения (в частности, заимствованные санскритизмы), не изменившие своего фонетического и морфологического облика, в противоположность словам «тадбхава», изменившим свою звуковую и морфологическую структуру. Буквальный перевод слова «татсама» означает не «эквивалентный» (стр. 54), то есть «равнозначный», а «тот самый». Предложение «в Калингу прибыл известный проповедник джайнизма Вартхамана Махавира, который распространил там свое учение» (стр. 59) является механическим переводом с телугу. Называть Махавиру «известным проповедником джайнизма» столь же неточно, как Иисуса Христа — «известным проповедником христианства». На стр. 163 говорится о времени правления «генерал-губернатора Томаса Мунро». Между тем, Томас Мунро был не генерал-губернатором (т. е. вице-королем Индии), а губернатором Мадраса.

Не всегда удовлетворяют требованию историзма переводы текста надписей Ашоки

(которые почему-то именуются шасанами), свидетельства иностранных путешественников и др. На стр. 58 читаем: «Существовала следующая иерархия чиновников: *аматьяшрени, прадешаки...*». Читатель может подумать, что слова «аматьяшрени» и «прадешака» обозначают чиновников определенной категории. Это верно в отношении слова «прадешака». Что же касается слова «аматьяшрени», то оно само по себе означает «категория аматья», «разряд аматья». К ряду искажений приводят и неправильно поставленные кавычки. Так, получается, что Марко Поло упоминал о династии Какатиев (стр. 101), а Сюань Цзан измерял расстояние в милях (стр. 60; переводчик заставляет Сюань Цзана даже площадь измерять не в квадратных, а в линейных милях) и т. п.

Имеются погрешности и в русском языке перевода. Противоречат нормам русского языка такие переводы названий, как «Очерк о Калингах», «Очерк о Сатаваханах», «Очерк о редди», «Очерк о вступлении на престол Раджараджанарендры» (стр. 173), «История о Брухат» (стр. 16), «Комментарии о Начикете» (стр. 47). Неправильно склоняются во всей книге слово «шудра» (например, «касты шудров», стр. 17, 76) и имя собственное Икшваку («Правители династии икшваков», стр. 36). Древняя гана (род, основное подразделение племени), склонявшаяся на стр. 14 как имя существительное женского рода, на стр. 17 уже успела изменить свой грамматический род («внутри самих арийских ганов»). При упоминании оставляемых без перевода составных названий книг, глав, разделов и т. п. недопустимо склонять первую часть названия. Так, на стр. 26 читаем: «В «Нагарике пронидхи» (одной из глав «Артхашастры») достаточно подробно описывается деятельность управленческого аппарата» (модернизацию перевода — управленческий аппарат в IV в. до н. э.!— оставляю на совести переводчика). Глава называется «Нагарика пранидхи» («Глава о городском управлении»), склонять слово «нагарика», как первую часть названия, нельзя. В переводе много неряшливых выражений. Что означает, например, предложение: «Народы андхра стали терять терпение»? (стр. 170). Андхра (с прописной буквы) — название штата и национальной области, андхра (со строчной буквы) — название народа и отдельного его представителя. Словосочетание «народы андхра» так же невозможно, как «португальские народы» или «турецкие народы».

Ряд неточностей допущен и во вступительной статье редактора книги. Редактору представляются недостаточно обоснованными «попытки автора объяснить тем или иным способом некоторые исторические легенды, в частности сказания о различных войнах, встречающиеся в литературе на языке телугу» (стр. 8). Между тем упоминаемые в книге исторические легенды и сказания о войнах основаны не на литературе на языке телугу, а на литературе на других языках. На стр. 5 даны общие сведения о народе и языке: «Язык андхра, или телугу, распространен в Северной части штата Мадрас и в Восточной части штата Хайдарабад, то есть вдоль побережья Бенгальского залива». Только из последующего изложения читатель узнает, что вся территория народа телугу объединена в штате Андхра. Некоторые примечания сделаны не совсем точно. Джайны — не «одна из религий древней Индии...» (стр. 32), а люди, последователи этой религии. Пракрит пали — не «один из южноиндийских пракритов...» (стр. 58), а один из среднеиндийских языков, разговорный язык населения Северной Индии. В основу литературной нормы пали лег один из диалектов Северной Индии. В примечаниях обходится ряд важных моментов. Так, автор книги детально анализирует важнейший исторический источник — сказочный эпос «Брихаткатха» («Великое сказание»)[5], первоначально написанный на пайшачи (одном из разговорных языков Андхры, как считает Балерамамурти), но дошедший до нас на санскрите. Об этом надо было сказать. Употребленная в переводе неправильная глагольная форма предложения: «произведение это написано на языке пайшачи» (стр. 26) — уже сама по себе вводит читателя в заблуждение. Следовало

[5] Анализу состава и композиции эпоса посвящена работа акад. С. Ф. Ольденбурга «Материалы для исследования индийского сказочного сборника Brhatkathā». «Записки Восточного Отделения русского археологического общества». СПб., 1888 т. 3, вып. 1—2, стр. 41—50.

перевести: «было написано». Эпос «Брихаткатха» сохранился в двух основных санскритских вариантах—«Катхасаритсагара» («Море рек сказаний») и «Брихаткатхаманджари» («Отрасль великого сказа»). Поскольку в примечании это не оговорено, создается представление, будто «Брихаткатха» и «Катхасаритсагара» являются двумя различными произведениями (стр. 16, 20, 25, 26, 35 и др.).

Йетукури Балерамамурти принадлежит к числу ученых, которые придерживаются теории генетического родства дравидийской и дардской языковых семей. Индологи, отрицающие это родство, считают, что дардские языки (к которым относятся распространенные на крайнем северо-западе Индии языки кховари, кухистани, кашмирский и другие, а также упоминавшийся выше язык пайшачи) занимают промежуточное положение между индийской ветвью индо-европейских языков и иранскими языками. В примечании к главе «Эволюция языка народа андхра» необходимо было объяснить читателю сущность ведущегося в науке спора о родстве дравидийских и дардских языков, а не ограничиваться замечанием, что языки шина и другие не имеют ничего общего с дравидийскими (стр. 53). Не сказав ничего в примечаниях о научных взглядах автора книги, редактор в то же время без каких-либо на то оснований объявляет ошибочными отдельные положения, высказанные Йетукури Балерамамурти. Много ошибок, опечаток и неточностей содержится в «Библиографии» (стр. 173—174).

Издание русского перевода книги бесспорно представляет большую ценность. Именно поэтому Издательству иностранной литературы следовало обратить больше внимания на филологический уровень перевода.

И. С. Рабинович

SUMMARY

Taking as an example the first translation of the book from the Telugu language into Russian, the reviewer calls attention to mistakes in terminology, style, etc. resulting from an inferior translation and commentary.

Р. В. РАБЕМАНАНДЗАРА. Мадагаскар. История мальгашской нации. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1956, 232 стр.

Р. Рабеманандзара — один из руководителей современного национально-освободительного движения на Мадагаскаре, заместитель генерального секретаря массовой народной партии Мадагаскара — МДРМ[1], партии, возникшей после второй мировой войны как политическое объединение крестьян, рабочих и части национальной буржуазии острова.

Книга Р. Рабеманандзара представляет собой очерк важнейших проблем истории Мадагаскара и прежде всего истории борьбы мальгашского народа против французского колониализма в XX в. Хотя книга не является специальным всесторонним исследованием истории Мадагаскара, в основу ее положен большой фактический материал, собранный как мальгашскими, так и французскими историками.

Первые страницы своей книги Р. Рабеманандзара посвящает истории Мадагаскара до XIX в.

Мальгашское государство возникло на рубеже XIII—XIV вв. Из имеющихся в распоряжении современных исследователей сведений об общественных отношениях на Мадагаскаре в период, предшествующий европейской колонизации, можно заключить, что на острове господствовали феодальные отношения; при этом сохранялись пережитки родового строя и рабства.

[1] Le mouvement démocratique de la rénovation malgache (Демократическое движение за мальгашское возрождение)

Р. Рабеманандзара уделяет мало внимания истории социальных отношений в мальгашском государстве. Автора рецензируемой книги главным образом интересует политическая история Мадагаскара, особенно внешняя политика мальгашского государства.

Большую роль в жизни мальгашского государства сыграли его отношения с Англией и Францией, боровшимися за сферы влияния в западной части Индийского океана. Борьба между Англией и Францией на Мадагаскаре продолжалась до конца XIX в. Мадагаскар иногда получал возможность использовать эту борьбу в своих интересах. Так, в период франко-мальгашской войны 1883—1885 гг. в мальгашской армии имелись английские инструкторы, мальгаши получали от Англии деньги и оружие[2]. Мальгаши сумели тогда с оружием в руках отстоять свою независимость. Однако в 1895 г. Франция, сговорившись с Англией о разделе сфер влияния в западной части Индийского океана, развязала новую войну против мальгашей и в октябре 1895 г. захватила Мадагаскар.

Р. Рабеманандзара дает верную характеристику последствий колониального порабощения Мадагаскара. Ухудшилось положение народных масс, были введены трудовая повинность, тяжелый подушный налог. Многие крестьяне лишились земли, которая перешла в руки французских колонистов. За счет усиления эксплуатации мальгашского населения колонизаторы расширяли производство экспортных сельскохозяйственных культур, добычу полезных ископаемых. Некоторое развитие получила промышленность по обработке сельскохозяйственного сырья. Мадагаскар был включен в таможенную систему Франции. Доступ английским, немецким и американским товарам был почти закрыт. После второй мировой войны возросла добыча бериллия, урана, графита, слюды. Тем не менее и в наши дни Мадагаскар продолжает оставаться аграрной страной.

Развитие капиталистических отношений на Мадагаскаре привело к важным социально-экономическим переменам. Постепенно преодолевалась замкнутость отдельных районов острова, расширились внутриэкономические связи, что уменьшило различия в языке, культуре и быте отдельных народностей Мадагаскара. Возникли новые общественные силы: пролетариат и национальная буржуазия. Последнее привело к усилению сопротивления мальгашского народа колониальному режиму. В период между первой и второй мировыми войнами появилась прогрессивная мальгашская печать. Вокруг новых газет и журналов группировались передовые люди мальгашского общества.

Большое влияние на рост национально-освободительного движения оказала вторая мировая война. Р. Рабеманандзара совершенно прав, утверждая, что обстановка, создавшаяся после второй мировой войны, способствовала высвобождению «национальных сил тех территорий и народов, которые были оккупированы или находились до сих пор в зависимости. В этом отношении 1945 год должен рассматриваться как особенно важный этап в истории мальгашской нации» (стр. 155).

Опираясь на поддержку прогрессивных сил Франции, мальгашский народ добился частичной либерализации политической жизни на острове. Появились условия для образования легальных политических организаций. В 1946 г. возникла партия Демократическое движение за мальгашское возрождение (МДРМ), объединившая в своих рядах до ста тысяч членов. Мальгашам было предоставлено право участвовать в выборах в местные совещательные органы — ассамблеи. Выборы в эти органы происходили по двум куриям: европейской и туземной. Европейцы, составляющие ничтожное меньшинство населения острова, получили, однако, почти столько же мандатов, сколько представители мальгашских избирателей.

В 1945—1946 гг. под давлением прогрессивных сил Мадагаскара французское правительство вынуждено было начать переговоры с представителями мальгашского народа о политическом статуте Мадагаскара. Однако саботаж представителей французского правительства привел к провалу переговоров. Французские колонизаторы решительно отвергали идею создания единого мальгашского законодательного представительства. Они всячески старались разжечь

[2] *G. Hanotaux et A. Martineau.* Histoire des colonies françaises..., t. VI. Paris, 1933, p. 157—162.

сепаратистские тенденции, противопоставляя население наиболее развитой в экономическом и политическом отношениях центральной части Мадагаскара населению отсталых приморских районов.

В то же время колонизаторы выжидали удобного случая, чтобы покончить с национально-освободительным движением на Мадагаскаре. В марте и апреле 1947 г., когда французские правые социалисты удалили из состава правительства Франции коммунистов, на Мадагаскаре начались массовые аресты мальгашских политических и профсоюзных деятелей. Было спровоцировано восстание мальгашей, которое в силу своей неподготовленности потерпело поражение. До 90 тыс. мальгашей было убито, более 5 тыс.— брошено в тюрьмы[3].

Борьбу против колонизаторской политики Франции решительно поддерживала Коммунистическая партия Франции.

К сожалению, в рецензируемой книге неправильно характеризуется интернационалистская позиция французских коммунистов. Рабеманандзара утверждает, что компартия Франции якобы не является сторонницей скорейшего предоставления независимости Мадагаскару (стр. 157). Между тем общеизвестно, что компартия Франции всегда отстаивала принцип самоопределения наций. В своем выступлении на XIV съезде КПФ М. Торез указывал, что коммунисты выступают «за отказ от колониальных отношений в Алжире и других зависимых странах и за замену этих отношений новыми отношениями ассоциации, соответствующими свободному волеизъявлению самих народов»[4].

Подчеркивая нарастание сопротивления колонизаторам на Мадагаскаре, Р. Рабеманандзара приходит к совершенно правильному выводу: «Каждый народ пишет свою историю своими каждодневными деяниями. Существование, как и изменение политических статутов, зависит от пробуждения сознания народа, борющегося за более справедливый, более свободный и братский мир.

Главное, что народ пробудился. Ибо народ — это будущее, которое поднимается против всякого гнета и всякого рабства»

В. А. Субботин

[3] «Cahiers du communisme», Juin—Juillet, 1954, № 6—7, p. 647—648.

[4] «Cahiers du communisme», 1956, Numéro spécial (juillet—août), p. 36.

SUMMARY

Coloured with deep sympathy for the Malagasy people, the book, in the reviewer's opinion, gives a correct appraisal of the consequences of the French colonial policy for the population of Madagascar.

كريم‌طاهر زاده بهزاد قيام آذربايجان در انقلاب مشروطيت ايران

КЕРИМ ТАХЕРЗАДЕ БЕХЗАД. *Азербайджанское восстание во время конституционной революции Ирана.* Тегеран. Изд-во «Эгбал», 1955, 528 стр.

История революционного движения в Иранском Азербайджане в течение последних 50 лет постоянно привлекала к себе внимание иранских историков и общественных деятелей. Первая книга о революционном движении в Азербайджане была написана еще в 1908 г. участником Тавризского восстания 1908—1909 гг. Мохаммед-Багиром Виджуеи[1]. Его труд содержит хроникальное описание многих событий этого восстания. В дальнейшем исследованию данного вопроса были посвящены труды видного иранского ученого Ахмеда Кесрави Тебризи[2], часть шеститомной работы об иранской революции Мехди Малекзаде[3], небольшая работа Ферзад Гусейна[4] и другие. Среди указанных работ самой значительной, бесспорно, является работа А. Кесрави. В своей книге он приводит много фактического и документального материала о революционном движении в Иранском Азербайджане за указанный период. В связи с пятидесятилетием иранской революции наблюдается повышенный интерес к ее истории. Печатается много статей, воспоминаний участников революции, выходят в свет книги. Одной из таких работ, представляющей особый интерес, является книга К. Тахерзаде. После работы Кесрави книгу Тахерзаде можно считать самой ценной работой по истории революционного движения в Иранском Азербайджане.

Значительную часть книги занимают изложение событий Тавризского восстания (июнь 1908 г. — апрель 1909 г.) и анализ некоторых важных вопросов, тесно связанных с этим восстанием (главы I—XV). Первые пять глав посвящены нарастанию революционного движения в Тавризе.

В главах VI—XV рассказывается о событиях 1908—1909 гг. Главы XVI—XVIII посвящены деятельности участников революционного движения, покинувших Иран после подавления восстания. В последней главе автор дает биографии видных революционных деятелей Иранского Азербайджана.

Книга имеет в основном мемуарный характер, однако К. Тахерзаде не ограничился только своими личными воспоминаниями, а использовал также работы иранских и западных авторов и привлек первоисточники — периодику времен иранской революции и документы.

Керим Тахерзаде Бехзад — участник иранской революции 1905—1911 гг. Вместе со своим братом Гусейном Тахерзаде Бехзадом[5] он с 16 лет вступил в ряды революционеров Иранского Азербайджана. Во время Тавризского восстания автор был командиром муджахидской дружины, затем офицером так называемой Национальной гвардии (Гарде мелли). После подавления восстания он эмигрировал в Турцию, потом в Германию, получил там высшее образование и работал инженером-архитектором. В Берлине Тахерзаде был связан с центром иранских демократов-эмигрантов. В Иран Тахерзаде вернулся в 1927 г.

Керим Тахерзаде—характерный представитель буржуазной интеллигенции Ирана. С одной стороны, он желает укрепления независимости своей страны, признает справедливость борьбы широких народных

---

[1] ويجو ه‌اى تاريخ انقلاب آذربايجان‌و بلواى‌تبريز (*М. Б. Виджуеи.* История азербайджанской революции и тавризского восстания). Тавриз, 1908.

[2] احمد كسروى‌تبريزى‌تاريخ‌مشروطهٔ‌ايران (*Ахмед Кесрави Тебризи.* «История конституции Ирана, т. I—II—III). Тегеран, 1940—1944.

[3] مهدى‌ملك‌زاده تاريخ‌انقلاب مشروطيت ايران (*Мехди Малекзаде.* История конституционной революции Ирана, т. I—VI). Тегеран, 1949—1951.

[4] فرزاد حسين انقلاب و تحول آذربايجان دردورهٔ مشروطيت يا تاريخ ستارخان سردار ملّى (*Ферзад Гусейн.* Революция и перемены в Азербайджане в период конституционализма, или история Саттар-хана — народного вождя). Тавриз. 1945.

[5] Ныне один из наиболее видных художников-миниатюристов Ирана.

масс, видит в руководителях дружин муджахидов Тавриза подлинных борцов за народное счастье и критикует действия буржуазных либералов, которые после взятия власти в свои руки начали вражду с федайскими отрядами, при помощи которых они и пришли к власти. С другой, он восхваляет «революционную деятельность» азербайджанской крупной торговой буржуазии и переоценивает роль некоторых буржуазных либералов, изображая их руководителями народного движения.

Керим Тахерзаде явно преувеличивает роль Гасана Тагизаде в Тавризском восстании (стр. 122, 221—222—223)[6]. Тагизаде некоторым образом противопоставляется даже Саттару — признанному вождю Тавризского восстания.

Однако Тахерзаде, добросовестно относясь к фактическому материалу, отдает должное героизму и организаторским способностям Саттара и Багира. Автор справедливо указывает, что в тяжелые дни Тавриза, когда город со всех сторон был окружен контрреволюционными силами, душой обороны восставшего города был именно Саттар. Свое мнение о высоких качествах Саттара и других предводителей федайских отрядов автор подкрепляет фактами, излагая эпизоды из истории восстания (стр. 221, 223, 327, 443 и др.). Таким образом, мы видим явное противоречие. С одной стороны, Саттар, Багир и другие вожди муджахидов называются вождями восставших тавризцев, и это подкрепляется фактами, а с другой, автор объявляет вождем тавризцев Тагизаде, причем это утверждение остается голословным.

Несмотря на эти противоречия, Тахерзаде в основном правильно освещает революционные события и весьма удачно пытается оценить политику империалистических держав в годы революции, исходя из национальных интересов своей страны.

Очень интересны отношение автора к революционному движению в Иране в целом и его оценка роли иранской революции 1905—1911 гг. в историческом развитии страны.

Тахерзаде пишет, что революция «сняла вековой мрак невежества с глаз великого и благородного народа Ирана...», что в огне революции, в борьбе против лютого самодержавия снова проявились самые яркие национальные черты иранского народа—его великодушие и благородство (стр. XXII).

Керим Тахерзаде подробно рассказывает о некоторых крупных столкновениях федайских отрядов с реакционерами; в этих описаниях есть много новых сведений. Интересны описания первого и второго сражений революционеров с контрреволюционными войсками, присланными из Маку Эгбал-эс-Салтане[7].

Автор рассказывает о деятельности социал-демократической группы в Тавризе, организаторами которой являлись Али Мосью, Гаджи Расул Садекьяни, Гаджи Али Давафуруш и Юсиф Хаздуз (стр. 45—66; 250—263). Эта группа, по свидетельству Тахерзаде, начавшая свою деятельность в Тавризе с 1906 г., считалась ответвлением Иранской социал-демократической партии «Эджтимаюне-амиюн» («Социал-демократ»)[8]. «Эджтимаюне-амиюн» была авангардом революционной демократии в 1905—1911 гг. Автор пишет об организации муджахидов (борцов за правое дело), созданной в Тавризе руководителями социал-демократической группы; во главе организации стоял «Марказе-Гейби» («Тайный центр»). В этой части книги особый интерес представляют те места, где Тахерзаде подробно говорит об организационных основах общества муджахидов (стр. 65—66).

Касаясь деятельности руководителей общества муджахидов, Тахерзаде пишет,

---

[6] Надо заметить, что Ахмед Кесрави придерживается совсем иного мнения относительно роли Тагизаде в иранской революции, в особенности в Тавризском восстании. Он пишет, что в 1909 г. Тагизаде пытался толкнуть восставших тавризцев на путь примирения с реакцией и принятия требований России и Англии. См. احمد كسروى‌تبريزى—تاريخ‌هيجده‌سالهٔ آذربايجان بازمانده تاريخ مشروطه ايران (*А. Кесрави.* 18-летняя история Азербайджана. Продолжение истории конституции Ирана). Тегеран, 1954, стр. 29.

[7] Эгбал-эс-Салтане в годы Иранской революции был генерал-губернатором Маку. Являясь одним из самых крупных землевладельцев в Иранском Азербайджане, он был ярым сторонником шаха.

[8] См. احمد كسروى تبريزى‌تاريخ‌مشروطهٔ ايران (*А. Кесрави.* История конституции Ирана, т. II). Тегеран, 1943, стр. 148.

что после 1907 г. они лишились своей популярности. Причину этого автор усматривает в подрывной деятельности проникших в ряды партии «Эджтимаюне-амиюн» реакционных элементов—монархистов, феррашей [9] и других (стр. 48—49, 258). К тому времени, когда позиции партии «Эджтимаюне-амиюн» ослабли, в Тавризе была образована организация демократической партии [10], которая, как утверждает К. Тахерзаде, сразу же начала враждебную кампанию против «Эджтимаюне-амиюн» и, в противовес контролируемым ею вооруженным отрядам федаев, создала свои вооруженные отряды под названием «Гарде мелли», которыми командовал Тарбият (стр. 250—259). В руководство этой организации входили представители либеральной буржуазии, и, как утверждает автор, многие из них имели связи с правительственными кругами и находились под их влиянием (стр. 318). Поэтому в руководстве организации демократической партии часто ощущалось стремление дискредитировать перед народом вождей революционной мелкой буржуазии [11].

Либералы, после прихода к власти, опасаясь дальнейшего развертывания революционного движения, потребовали расформирования муджахидских отрядов. Тахерзаде, приводя много сведений, часто не может раскрыть их классовой сущности. Например, в приказе о расформировании федайских отрядов, он видит всего лишь «неправильное решение» правительства (стр. 262). Тем не менее посвященные этим вопросам страницы книги представляют особый интерес, так как в нашей ирановедческой литературе из-за недостатка фактического материала очень мало освещен вопрос о неудачах партии «Эджтимаюне-амиюн», а также взаимоотношения и борьба между этой партией и демократической партией Ирана.

В связи с тем, что царская Россия сыграла определенную роль в подавлении Тавризского восстания, автор в IV главе сделал экскурс в историю русско-иранских отношений (стр. 80—131) и сжато изложил историю их с давних времен до начала XX в. При этом Тахерзаде справедливо не смешивает царское правительство и его политику с народами России и их стремлениями.

Правильно характеризуется в книге политика Англии в Иране в годы революции. Как известно, многие иранские историки, идя на поводу у западных реакционных историков, утверждали, что якобы Англия, в особенности в первый период иранской революции, была на стороне иранских революционеров. К. Тахерзаде, напротив, говоря об отношении европейских держав к иранской революции, пишет: «Необходимо знать, что прогрессивным движениям на Востоке европейские державы никогда не сочувствовали. С тех пор как они захватили Азию и стали грабить ее, они все время твердят, что народы Азии не способны к самостоятельному существованию, недостойны претендовать на свободу и уважение, или, как они говорят, „выйти на политическую арену“. Они хотят, чтобы народы Востока всегда были поглощены внутренними религиозными распрями...» (стр. 317).

Англия, по правильному убеждению автора, поддерживала конституционалистов лишь постольку, поскольку она хотела ослабить позиции шаха и его двора, которые были сторонниками основного конкурента Великобритании в Иране — царской России. Договорившись с Россией в 1907 г., английское правительство вместе с русским царем задушили иранскую революцию. «Итак,— заключает Тахерзаде,— политические деятели Англии придерживались относительно революционеров такого же взгляда, как и политики царской России» (стр. 318). Рассматривая политику Англии в Иране в годы конституционного движения, Тахерзаде отмечает в ней две основные черты. Первая — это готовность Англии перед лицом германской угрозы пойти на соглашение с Россией, второе — то, что Англия одновременно стремилась подорвать влияние России и поднять свой престиж среди иранцев (стр. 318). Не считая оценку политики Англии в Иране в годы революции полной, нельзя не видеть, что в основном она дана автором правильно.

Представляет большой интерес отношение Тахерзаде к некоторым авторам, написавшим труды по истории революционного движения в Иранском Азербайджане. Самую высокую оценку он дает по праву трудам Ахмеда Кесрави Тебризи. Автор останавливается также на трудах Малекзаде. Говоря о пятом томе «Истории конституционной революции Ирана» Мехди Малекзаде, Тахерзаде указывает на наличие в его работе больших недостатков, в первую очередь на то, что автором не соблюдены последовательность и порядок в изложении событий и перепутаны даты и места революционных событий (стр. 379). Необходимо подчеркнуть, что указанные недостатки характерны для всех томов сочинения Малекзаде. Тахерзаде указывает и на некоторые конкретные примеры искажений хода Тавризского восстания, которые имеются в пятом томе истории Малекзаде. Так, например, Малекзаде пишет, что после разгрома меджлиса (июнь 1908 г.) все тавризцы подняли над своими домами белые флаги в знак капитуляции и толпами направились к «Исламие», в штабквартиру контрреволюции. Тахерзаде утверждает, что ничего подобного в указанное время не произошло, что среди восставших тавризцев и после разгрома меджлиса царил такой боевой дух и революционный подъем, что никакие угрозы не могли сломить их волю (стр. 398).

Заслуживают внимания и те места книги, где автор на конкретных фактах обличает Мохбер-эс-Салтане (М. Хедаят) [12] в клевете на Саттара (стр. 325—489).

Особый научный интерес представляют документы, на которые ссылается в своей книге Тахерзаде. Им опубликованы телеграммы, которыми осенью 1906 г. обменялись национальный энджумен Тавриза и депутаты меджлиса от Азербайджана. В своей телеграмме (стр. 54) тавризцы требовали скорейшего утверждения шахом проекта конституции, угрожая в противном случае восстанием. Эта, а также другие телеграммы показывают, что благодаря требованиям тавризцев в 1906—1907 гг. была сорвана попытка реакции помешать введению конституции. На стр. 235—243 помещены копии телеграмм, которыми обменялись укрывшиеся в Девачи [13] муллы и ахунды с Мохаммед-Али шахом, Амир-Бахадур-Дженгом и другими. В книге имеются также фотокопии писем реакционного духовенства к шаху. Эти документы показывают растерянность, царившую среди реакционеров.

Говоря о революционном движении в Иранском Азербайджане, автор останавливается на социально-политической и экономической жизни современного Ирана. Коротко коснувшись истории Ирана со времени начала революции, Тахерзаде указывает, что в течение этих 50 лет во всем мире произошли большие политические перемены, говорящие о прогрессе и развитии, Иран же, по его мнению, «не только не сделал ни одного шага вперед», а, наоборот, «попятился» назад (стр. 10).

Размышления автора о современном состоянии Ирана говорят о том, что К. Тахерзаде искренне желает улучшения социально-экономического состояния своей родины и укрепления ее национальной независимости и самостоятельности.

Подводя общий итог всему сказанному о книге К. Тахерзаде, необходимо подчеркнуть, что она примечательна не только своими интересными фактическими и документальными материалами, но и многими правильными выводами и оценками, направление которых свидетельствует о росте национального самосознания среди всех социальных слоев Ирана.

С. М. Алиев

---

[9] См. احمد کسروی تبریزی زندگانی من (*А. Кесрави.* Моя жизнь). Тегеран, 1944, стр. 11.

[10] Тавризскую организацию демократической партии возглавляли Мирза Резахан Тарбият, Кербалаи Али Харири и Мирза Исмаил Егани.

[11] Однако среди руководителей Тавризской организации демократической партии были и такие искренние борцы за преобразования и укрепление независимости Ирана, как Хиабани и Егани.

[12] Мохбер-эс-Салтане пишет, что якобы после вступления в 1909 г. русских войск в Тавриз Саттар просил прощения у русского консула. См. مهدی‌قلی‌هدایت ـ خاطرات و خطارات (*М. Хедаят.* Воспоминания и тревоги). Тегеран, 1950, стр. 260.

[13] Девачи (или Шоторбан) — квартал в Тавризе, где в то время находились главари реакции.

SUMMARY

The author of the review points out that Kerim Taherzade Behzad's book on the revolutionary movement in Iranian Azerbaijan in 1905—1911 contains new and interesting information about the Tabriz uprising of 1908—1909. The book gives a correct appraisal of the policy of the imperialist powers, and, especially, of Great Britain's policy in Iran during the revolution. The reviewer notes, the importance of the telegrams, letters and other documents cited by the author. Attention is also directed to the contradictions in the author's appraisal of the motive forces of the revolutionary movement in Iranian Azerbaijan.

The reviewer considers Taherzade's book to be a new contribution to the study of the history of the Iranian revolution of 1905—1911.

گرد آورنده حسن قائمیان مجموعهٔ نوشته های پراکندهٔ صادق هدایت

(Сборник разрозненных произведений Садека Хедаята. Составитель-Хасан Каимиян). Тегеран, Изд-во «Амире Кабир», 1334/1956, 645 стр.

С каждым днем не только в Иране, но и за его пределами все более выясняется выдающаяся роль Садека Хедаята в развитии современной персидской литературы. Теперь уже никто не сомневается в том, что этот писатель, жизнь которого трагически оборвалась в 1951 г, был выдающимся мастером персидской новеллы. Человек большого и многогранного таланта, С. Хедаят, кроме блестящих художественных произведений, опубликовал, как известно, ряд этнографических, лингвистических и литературоведческих работ. Наконец, он оставил неопубликованные произведения и интересную личную переписку.

После смерти С. Хедаята сделано немало для популяризации его творчества. Одна за другой в Тегеране выходят отдельно и в виде сборников его новеллы (некоторые выдержали 2, 3 и 4 издания), вновь появляются произведения, которые раньше не переиздавались[1], публикуются отдельные письма писателя[2]. Но еще многие ранние публикации работ С. Хедаята, нередко весьма ценных и интересных, продолжают оставаться библиографической редкостью. Кроме того, из различных статей и воспоминаний друзей С. Хедаята видно, что не все его рассказы и письма опубликованы, а некоторые даже еще не обнаружены. Вот почему достойна всяческого одобрения любая инициатива по собиранию и изданию наследия писателя.

В 1956 г. в Тегеране вышел объемистый, превосходно изданный сборник произведений С. Хедаята. В него вошли собранные писателем сказки, его исследования и критические статьи, а также художественные произведения, написанные на французском языке. Цель составителя сборника Хасана Каимияна заключалась в переиздании того, что разбросано по различным журналам или было опубликовано очень давно и малым тиражом.

Сборник снабжен большим предисловием составителя, которое представляет собой в сущности комментарий к произведениям, вошедшим в книгу. Значение предисловия состоит прежде всего в систематизации старых и опубликовании новых сведений библиографического характера о произведениях писателя. Здесь собраны воедино данные о том, когда, где и в каком виде впервые было опубликовано то или иное из них; указываются произведения, не подписанные Садеком Хедаятом, но принадлежащие его перу. Впервые приводятся и некоторые другие библиографические факты, как, например, то, что помещенный в сборнике سه قطره خون (Три капли крови) рассказ محال (Разлагающийся) первоначально вышел в 1310/1931 г. в 28-м выпуске серии افسانه (Сказка) под названием درد دل میرزا یدالله (Сердечные муки Мирзы Ядолла).

Весьма важны и некоторые данные, вводящие нас в творческую лабораторию писателя. Так, приводится ряд пометок С. Хедаята на полях его опубликованных работ. По этим пометкам видно, что писатель продолжал работать над своими произведениями и после их опубликования.

Наибольший интерес и ценность как для исследователя творчества С. Хедаята, так и для обычного читателя представляют малоизвестные работы писателя, вошедшие в упомянутый сборник. Здесь можно, например, найти переведенный С. Хедаятом рассказ А. П. Чехова «Крыжовник»(تمشک تیغدار), статью, посвященную столетию со дня рождения великого русского композитора П. И. Чайковского, малоизвестные критические очерки о персидских поэтах и о литературном стиле, замечания к словарю Асади Туси, этнографические исследования и многие другие интересные публикации.

Таким образом, польза от издания большая. Но в нем имеются и некоторые недостатки. Непонятно, например, почему в книгу не включено сравнительно большое антиколонизаторское по своему содержанию произведение توپ مروارید (Жемчужная пушка), отдельные части которого уже публиковались в Иране[3]. Ведь по своему характеру оно стоит в одном ряду с «Живой водой», которая вошла в упомянутый сборник.

Нет в сборнике и некоторых интересных рецензий, например, о советском фильме «Мулла Насреддин в Бухаре», о «Ревизоре» Гоголя на персидском языке[4]. Х. Каимиян ограничивается лишь упоминанием их. Кстати, во второй рецензии С. Хедаят призывает больше и лучше переводить на персидский язык шедевры мировой литературы, подчеркивая насущную необходимость всемерно развивать научные, культурные и общественные связи с передовыми странами мира.

Очень интересно было бы ознакомиться с уже найденными письмами С. Хедаята. Часть их в свое время увидела свет в тегеранском журнале «سخن»(«Сохан»,1333/1954, № 3). Однако, как указывает Х. Каимиян, опубликованы были не все письма писателя, хранящиеся в редакции упомянутого журнала. Насколько можно понять, не все известные составителю письма С. Хедаята включены и в рецензируемую книгу. Остается выразить надежду, что разыскания в области эпистолярного наследия писателя будут продолжены, и оно появится отдельным изданием.

Не вошли в сборник и краткие предисловия, отдельные замечания и редакторские пометки С. Хедаята. Пусть они невелики по объему и не представляют собой цельных и законченных работ, но, имея в виду талант и глубокие знания Хедаята, можно, очевидно, найти и в его «случайно оброненных» фразах ценные мысли.

Досадным упущением является отсутствие в издании необходимых указателей.

Сборник существенно восполняет пробел в издании наследия Хедаята. Но это только первый шаг. Хорошее начинание, надо полагать, будет продолжено. Назрела необходимость издания всего литературного наследия этого крупного представителя современной персидской литературы.

Д. С. Комиссаров

---

[1] Так, за последние годы переизданы: کتاب مستطاب وغ وغ ساهاب (Достопочтенная книга господина Ваг-Вага; в соавторстве с М. Фарадом), 2-е изд. Тегеран, 1334/1955; آب زندگی (Живая вода), 2-е изд. в сб. زنده بگور (Заживо погребенный). Тегеран, 1334/1955; اصفهان نصف جهان|Исфаган — полмира), 2-е изд. в сб. پروین دختر ساسان (Парвин—сасанидская девушка). Тегеран, 1333/1954; نیرنگستان (Нейренгестан), 2-е изд. Тегеран,1335/1956. и многие другие произведения, не публиковавшиеся с начала тридцатых годов.

[2] توضیح در بارهٔ دونامه ازصادق هدایت نوشته حسن قائمیان (*Хасан Каимиян.* Разъяснение о двух письмах Садека Хедаята), с приложением текста писем. Тегеран, 1332/1953.

[3] В книге ونسان‌مونتی دربارهٔصادق‌هدایت ترجمه حسن قائمیان (*Венсан Монтей.* О Садеке Хедаяте, Пер. Хасан Каимиян), 2-е изд. Тегеран, 1331/1952, стр. 102—127.

[4] ص. ه. «بازرس» اثر گوگول (*С. Х.* «Ревизор» — произведение Гоголя); ملانصرالدین در بخارا (*Его же.* «Мулла Насреддин в Бухаре») «پیام نو» («Пеяме ноу») 1323/1944, № 1, стр. 52 и 58.

SUMMARY

Referring to the popularization of Sadeq Hedayat's works in Iran after his death (1951), the reviewer emphasizes the great value of his book which contains in one volume (supplemented with necessary bibliographical commentary) works published formerly in different magazines, or in small editions. At the same time, the reviewer directs attention to some of the author's works which have not been included in this collection.

В. ЭЛЛЕНБЕРГЕР. Трагический конец бушменов. Перевод с французского. Ред. и вступ. статья Д. А. Ольдерогге. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1956, 307 стр.

Рецензируемая книга, основанная на тщательном изучении большого круга литературы и письменных источников, сохранившихся памятников своеобразной культуры бушменов, убедительно опровергает клеветнические измышления апологетов колониализма, хотя сам автор ее отнюдь не является принципиальным противником колониальной системы.

Вначале В. Элленбергер дает антропологический очерк санов, подчеркивая, что они представляют собой особую расу, что до появления европейских колонизаторов «бушменская раса была многочисленной и занимала обширные пространства Южной Африки» (стр. 45).

В книге обстоятельно рассказывается об образе жизни и занятиях бушменов, об охоте и рыболовстве, являвшихся для них (наряду с собирательством) основным источником существования. При этом автор отнюдь не отрицает сравнительной отсталости бушменов, отмечая, в частности, что, в отличие от многих других африканских племен, они не применяли металлов и пользовались орудиями из камня или рога. В то же время в книге убедительно доказано, что отставание в области материальной культуры отнюдь не свидетельствует о физической или духовной неполноценности бушменов. Несмотря на примитивность своих орудий, они «становились блестящими знатоками психологии зверей» (стр. 135), были весьма искусными и ловкими охотниками и рыболовами.

Большой интерес представляет характеристика духовной жизни бушменов. Во многих районах Южной Африки, где прежде жили бушмены или их предки, сохранились многочисленные наскальные рисунки и пещерные фрески, создававшиеся бушменскими художниками вплоть до второй половины XIX века.

«Можно сказать,— пишет В. Элленбергер,— что Южная Африка является неоценимой сокровищницей наскальных изображений, которая заслуживает внимания историков искусства в такой же мере, как великие произведения европейских художников и художников Средиземноморья» (стр. 175).

В книге воспроизводятся шедевры бушменской живописи (например, фреска «Антилопа», обнаруженная и расчищенная в пещере Теятеяхенг). Автор отмечает, что применение в живописи красок — великое открытие бушменов (стр. 194 и сл.).

Обо всем этом приходится говорить преимущественно в прошедшем времени, ибо племена бушменов, упорно защищавших свою свободу и землю, были стерты с лица земли колонизаторами, а остатки их оттеснены в пустыни.

Для политики колонизаторов чрезвычайно характерна история оседлого поселения бушменов, возникшего в XIX в. В этом поселении, созданном миссионерами, говорится в книге, осело до 1700 бушменов. Они вели мирный образ жизни и успешно занимались сельским хозяйством. Через некоторое время, однако, колонисты решили захватить плодородные земли, возделанные бушменами. Они напали на поселок и устроили ужасающую резню, не щадя ни женщин, ни детей. Много бушменов погибло в войнах с другими африканскими племенами и народностями, в частности, с басутами, причем подобные войны нередко провоцировались колонизаторами. Однако показательно, что бушмены в последний раз оказали организованное сопротивление английским захватчикам совместно с басутами.

Остатки бушменов, сохранившиеся в ряде районов Южной Африки, большей частью утратили свой язык и обычаи, смешались с окружающим местным населением и были вынуждены наниматься пастухами и батраками на фермы колонистов. На бушменском языке, который еще в начале XIX в. был одним из наиболее распространенных в Южной Африке, говорят теперь всего несколько тысяч человек, загнанных в пустыню Калахари, где они продолжают вести бродячий образ жизни. Общая численность бушменов, включая и метисов, в настоящее время составляет всего лишь 34 тыс. человек. Между тем, как указывает автор книги, до начала европейской колонизации численность бушменского населения доходила до 100 тысяч (стр. 49).

Цитируя официальный отчет южноафриканских властей о быстром вымирании бушменской расы, В. Элленбергер спрашивает: «Удастся ли спасти тех, кто остался в живых и влачит жалкое существование в самых бесплодных районах Южной Африки..?»

Но ответа на свой вопрос автор не дает. В. Элленбергер, видимо, не располагает материалами о том, в каких условиях и как живут уцелевшие бушмены.

В отличие от страндлоопероров, вытесненных европейцами из района мыса Доброй Надежды в песчаные пустыни и уже почти вымерших, некоторые группы бушменов (в частности, племени 'Кунг) продолжают жить в пустыне Калахари, сохранив свой язык и культуру. Американские и южноафриканские ученые, которые длительное время жили среди бушменов в 1952—1953 и 1955 гг., прониклись восхищением и уважением к этим людям, изумительно приспособившимся к тяжелейшим условиям песчаной пустыни.

Американские и южноафриканские ученые, непосредственно изучавшие жизнь бушменов, характеризуют бушменское общество как самое «мирное и сплоченное» из всех известных, им. Они высказывают «большую озабоченность относительно будущего» бушменов, «загнанных на последний участок территории, в котором не нуждаются более агрессивные расы» [1]. Но разве не ясно, что если даже и этот участок когда-либо приобретет ценность для колонизаторов (например, в результате обнаружения полезных ископаемых), то власти Юго-Западной Африки поступят с остатками бушменов точно так же, как они поступают с остатками гереро и готтентотов, которых они изгоняют с их земель.

Будущее уцелевшей части бушменов неразрывно связано с борьбой народов мира против колониализма, обрекающего на гибель все слабые народы.

В интересной и полезной книге В. Элленбергера, помимо того, что в ней нет никаких материалов о современном положении бушменов, есть недостатки и другого характера. Они отмечены во вступительной статье Д. А. Ольдерогге. Придерживаясь распространенной среди части ученых Запада теории, что якобы все народы заимствовали свою культуру из небольшого числа центров, В. Элленбергер пишет, будто бушмены появились в Южной Африке из Северной, а их язык и некоторые физические особенности, а также элементы материальной и духовной культуры якобы роднят их с населением древнего Египта. Д. А. Ольдерогге убедительно опровергает эти домыслы и доказывает, что бушмены «представляют собою южноафриканскую расу и являются древнейшими автохтонами Африки» (стр. 14).

В целом рецензируемая книга бесспорно способствует разоблачению колониальной политики империалистических держав в Африке.

И. В. Голант

[1] *См.* Suidwes-Afrika Yaarboek, 1956, p. 21, 23, 27.

SUMMARY

The reviewer stresses the value of V. Ellenberger's book, "The Tragic End of the Bushmen", which unmasks the colonial policy of the imperialist powers.

Иностранный капитал в Японии (перевод с японского). М., Изд-во иностр. лит-ры, 1956, 414 стр.

Рецензируемая работа написана коллективом прогрессивных японских экономистов — сотрудников Исследовательского института политики и экономики. В первой части книги (пять глав) в теоретическом плане рассматривается проблема иностранных инвестиций; вторая часть (две главы) содержит обширный фактический материал, характеризующий эти инвестиции.

Авторы разоблачают империалистический характер «помощи», которую США оказывают другим капиталистическим странам после второй мировой войны, подчеркивая, что каждый факт подобной «помощи» сопровождался усилением экспансии американских монополий, захватом важных позиций в экономике этих стран, стремлением к их милитаризации.

Экспорт капитала США в Японию осуществляется преимущественно в форме государственных займов и «помощи». Частные же инвестиции имеют второстепенное значение. В этих инвестициях преобладает так называемая техническая помощь, т. е. инвестиции «нефинансового» характера, не связанные с большим риском.

В книге указывается, что после войны в Японии ощущалась острая нехватка ссудных капиталов. Поэтому японские монополисты были заинтересованы в привлечении иностранных капиталов для того, чтобы укрепить свои позиции. Известно, что Япония имеет большое значение для США как сфера приложения капитала. К началу 1954 г. частные инвестиции США в Японии составляли 275 млн. долл. (в 1956 г.— 440 млн. долл. Общая сумма займов и субсидий за 1946—1956 гг. составила 2,7 млрд. долл.). При этом необходимо иметь в виду, что экспорт капитала связан и с экспортом товаров. Удельный вес США во внешней торговле Японии значительно возрос. При помощи США был восстановлен и усилен экономический потенциал Японии. Одновременно США форсировали ремилитаризацию страны. В целях создания необходимых условий для импорта иностранного капитала, и в первую очередь американского, в 1949—1953 гг. японский парламент принял ряд законов. Владельцам иностранных инвестиций, как правило, предоставлялись гарантии со стороны японских властей.

Авторы привели большой материал об экспансии американского капитала в Японию, в частности, о поставках продовольственных и промышленных товаров. Выручка от продажи американских товаров использовалась в основном для покрытия дефицита внешнеторгового баланса Японии. Часть этой выручки перечислялась в так называемый эквивалентный фонд, который уже в 1949—1951 гг. произвел операций на сумму 316,5 млрд. иен (стр. 105). Значительная часть этой суммы была использована для финансирования важнейших монополистических объединений в основных отраслях экономики.

Одновременно с этим японский капитал проявил большую заинтересованность в использовании иностранной техники путем заключения контрактов о технической помощи, а также в привлечении частных иностранных капиталовложений. С лета 1950 г., когда началась война в Корее, США в целях удовлетворения нужд своих войск стали размещать в Японии военные заказы и производить закупки, выручка от которых стала главным средством покрытия дефицита внешнеторгового баланса. В то же время в целях усиления зависимости японской экономики от США последние запретили Японии торговать с Китайской Народной Республикой, Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря.

В 1954 г. США и Япония заключили «договор о взаимном обеспечении безопасности», который предусматривал поставки американского оружия в Японию при условии увеличения ею своих вооруженных сил, а также поставку продовольствия (часть выручки от продажи продовольствия предоставлялась Японии в виде займа). Наряду с этим было заключено соглашение о предоставлении новых гарантий частным американским владельцам инвестиций в Японии.

В книге подчеркивается, что привлечение в Японию капитала США облегчалось

оккупационным режимом (до 1952 г.) и общей зависимостью Японии от США. Авторы рецензируемой работы прослеживают связь между политикой оккупационных властей и интересами американских владельцев инвестиций в Японии. Для последних были созданы наиболее выгодные условия для помещения капиталов в японские предприятия. В книге изложены результаты исследований о проникновении иностранного, главным образом американского, капитала в область кредита, в различные отрасли промышленности, во внешнюю торговлю.

Представляют большой интерес данные о деятельности иностранных банков в Японии.

Иностранные вложения в Японии осуществляются также и в форме частных кредитов, «технической помощи», приобретения акций. Инвестиции в форме приобретения акций японских фирм к марту 1954 г. достигли 12,2 млрд. иен (а к марту 1956 г.— 15,9 млрд. иен). При этом акции на сумму 8,7 млрд. иен (в 1956 г.— 11,7 млрд. иен) давали право на управление соответствующими фирмами (66% этих инвестиций падало на США). Кредиты японским фирмам к концу марта 1954 г. составляли 31,6 млрд. иен, или 87,9 млн. долл. (а в марте 1956 г. уже 64,0 млрд. иен, или 177,8 млн. долл.). Количество контрактов о технической помощи в марте 1954 г. достигло 363 (а в феврале 1956 г. уже 520). 71% всех контрактов приходится на американские фирмы. Техническая помощь предоставлялась на весьма тяжелых условиях. Например, плата за патенты доходила до 3—5%, а во многих случаях даже до 7—10% и выше от суммы, вырученной от продажи продукции. Авторы книги подчеркивают, что оказание технической помощи носит «характер не столько инвестиций, сколько операций, близких к ограблению» (стр. 187).

Рецензируемая книга содержит ценный фактический материал по сложным и актуальным вопросам экономической жизни современной Японии. Вместе с тем она имеет и существенные недостатки. В книге отсутствует, например, четкая постановка вопроса о положении Японии в послевоенный период. В одном случае утверждается, что Япония оказалась «на положении колониальной страны» (стр. 154), в другом говорится о зависимости Японии от США (стр. 186). В третьем случае подчеркивается ее колониальное, зависимое положение. Подобный разнобой в оценках не случаен, он связан с определенной точкой зрения, в основе которой лежит переоценка сил США и недооценка сил Японии.

Как известно, Япония не была колонией, как не является она ею и в настоящее время. Послевоенная Япония — высокоразвитая капиталистическая страна, которая временно попала в зависимость от США. Было бы ошибочно считать, что нынешняя Япония ничем не отличается от Японии начального периода после ее капитуляции, или тем более полагать, что в настоящее время США являются полновластными хозяевами в Японии. Наличие блока между американскими и японскими реакционерами, разумеется, не могло устранить глубоких и непримиримых противоречий между ними. Восстановление и усиление японского экономического потенциала, т. е. явное усиление позиций японских монополий, с одной стороны, и упорная борьба прогрессивных сил японского народа, с другой, привели к ослаблению зависимости Японии от США. К тому же в современных условиях отношения между США и Японией нельзя рассматривать изолированно от общей международной обстановки, а также и положения, создавшегося на Дальнем Востоке и во всей Азии. Поэтому нельзя согласиться с авторами книги, когда они утверждают, что американская политика в Японии, приведшая к усилению японских монополий, одновременно означала усиление зависимости японских монополий от США, или даже больше того, что после войны они оказались в полной зависимости от США и пребывают в этом положении по настоящее время. Именно эта точка зрения отчетливо выражена в рецензируемой книге.

«Американские монополии,—пишут авторы,— еще больше укрепили свое господство в отношении японских монополий, уже ранее находившихся в зависимом положении» (стр. 409) и далее «...Соединенные Штаты полностью захватили власть над японским монополистическим капиталом» (стр. 79). «...Соединенные

Штаты укрепили японские монополии и превратили их в орудие своего влияния и господства...» (стр. 82) или «... все важные позиции в промышленности и экономике оказались в руках американских монополий» (стр. 410) и т. д.

Все эти оценки расходятся с действительностью, они противоречат и материалам, приведенным в самой книге. Например, на стр. 194 приводятся данные о доле иностранных инвестиций в оплаченном капитале японских фирм, из которых видно, что из общей суммы оплаченного капитала японских фирм на иностранные инвестиции приходилось лишь 3% (1955 г.— 1,4%). Аналогичное положение и с операциями иностранных банков в Японии. Их депозиты и ссуды, по сравнению с депозитами и ссудами всех японских кредитно-банковских институтов, составили по депозитам 1,8% (40,2 млрд. иен), по ссудам 0,8% (17,2 млрд. иен).

Разумеется, нельзя отрицать господствующее положение иностранного капитала в ряде отраслей японской промышленности. Однако это не дает основания утверждать, что иностранный капитал господствует во всей экономике страны. В книге же по отношению к некоторым отраслям промышленности вывод о господстве в них иностранного капитала сделан лишь на том основании, что японские фирмы заключили с иностранными монополиями контракты о технической помощи. Хотя условия этих контрактов весьма тяжелы, но роль их преувеличивать не следует. К тому же срок действия части контрактов уже кончился. Как известно, и до второй мировой войны японские фирмы заключали контракты о технической помощи (число таких контрактов доходило до 250). Однако на этом основании о господстве иностранных фирм над японскими никто не говорил.

Преувеличение сил и возможностей американских монополий ведет к умалению значения японских монополий. Неслучайно поэтому в книге в ряде случаев (стр. 127, 150, 208, 214, 216, 219, 240, 300, 412—413 и др.), когда речь идет о противоречиях между японскими и американскими монополиями, о борьбе между ними, о противодействии японских монополий американской экспансии, должных выводов из этого не сделано. В частности, анализируя законодательство об иностранных капиталовложениях, авторы рецензируемой книги приходя к выводу, что после войны «совершенно невозможно задержать вторжение иностранного капитала» (стр. 85). При этом, однако, не учитывается то обстоятельство, что японские монополии для защиты своих интересов используют государственный аппарат и постоянно стремятся направить к своей выгоде практику законодательства об иностранных инвестициях.

Из других недостатков книги следует указать на неправильную трактовку послевоенной аграрной реформы, которая характеризуется как «демагогическая», «фальшивая». Авторы утверждают, что она задержала развитие производительных сил японской деревни (стр. 72) и сохранила паразитическое помещичье землевладение. В действительности же реформа вызвала важные изменения в аграрных отношениях в деревне, она в основном ликвидировала помещичью систему. Как известно, реформа привела к серьезному перераспределению земельной собственности, к резкому сокращению аренды и дальнейшему развитию капитализма в японской деревне.

В книге ошибочно отрицается расширение внутреннего рынка в послевоенной Японии (стр. 89, 92, 125 и др.). По существу это означает отрицание роста производства в стране, тогда как в 1956 г. промышленное производство превысило уровень 1934—1936 гг. на 118,9%, а сельское хозяйство на 19,1%. Рост производства авторы объясняют лишь военными заказами и закупками США в Японии. В книге прямо говорится, что основой развития экономики «являлось выполнение специальных заказов» (стр. 112). Но удельный вес военных заказов и закупок США в общей стоимости промышленной продукции в 1950—1956 гг. составлял менее 4%; таким образом, эти заказы не могли служить и не служили основой для развития экономики.

Переоценка авторами значения военных заказов тесно связана с нечеткой трактовкой вопроса о милитаризации промышленности, о которой говорится во многих местах рецензируемой работы (стр. 76, 79, 83, 88, 90, 103, 104, 105, 107, 112, 113, 118, 120, 187 и др.). В книге не всегда проводится

четкое различие между функционирующим военно-промышленным производством и военно-экономическим и промышленным потенциалом.

Вызывает, наконец, возражения противоречивое освещение в книге вопроса о положении экономики Японии. В одном случае авторы пишут о назревании (стр. 92) или угрозе кризиса перепроизводства (стр. 118), в другом — о развитии экономического кризиса и стремлении японских монополий ослабить его (стр. 112, 121), в третьем — о дальнейшем углублении послевоенной депрессии (стр. 111). Но всем этим оценкам противоречит факт роста до последнего времени промышленности и национального дохода Японии. Таким образом, говорить о кризисе, а тем более о депрессии до 1954 г. было бы по меньшей мере преждевременно. В книге есть ряд и других недостатков.

О недочетах книги лишь вскользь и далеко не полно сказано в предисловии от редакции литературы по вопросам экономических наук Издательства иностранной литературы.

В целом следует отметить, что рецензируемый труд японских ученых помогает глубже ознакомиться с изменениями, происходящими в послевоенной экономике Японии.

А. И. Динкевич

SUMMARY

In the reviewer's opinion, the authors of the book give a correct appraisal of the aims, forms and methods of the economic expansion of the United States monopolies in Japan. The book contains a wealth of documentary information on the penetration of American capital in Japan.

Among the shortcomings of the book indicated by the reviewer is the underestimation of the sharp contradictions between Japanese and American monopolies and of the economic strength of Japanese monopoly concerns.

J. D. PEARSON. Oriental Manuscript in the Libraries of Great Britain and Ireland. The Royal Asiatic Society. London, 1954, 90 p.

Книга Дж. Д. Пирсона, посвященная обзору восточных рукописных фондов Великобритании и Ирландии, состоит из двух частей. Первая — «Востоковедные библиотеки Великобритании и Ирландии» (стр. 1—18)—состоит из семи разделов, в которых дается характеристика следующих книгохранилищ: 1. Библиотека Британского музея; 2. Библиотека Оксфордского университета (Бодлеанская библиотека); 3. Библиотека Кембриджского университета; 4. Библиотека Индиа Оффис; 5. Библиотека Школы восточных и африканских языков; 6. Библиотека Королевского азиатского общества; 7. Другие библиотеки (частные и общественных учреждений) Великобритании и Ирландии.

В каждом из разделов содержится краткий очерк истории образования рукописных и книжных собраний библиотеки, характеристика принятой системы хранения и каталогизации, сведения о востоковедах, обрабатывавших фонды данного хранилища, и о выпущенных или подготовляемых ими каталогах восточных рукописей и печатных книг. Приводятся также библиографические сведения о работах, посвященных истории отдельных библиотек.

Касаясь современного положения английских библиотек, автор с сожалением отмечает, что в послевоенные годы ввиду экономии из-за отсутствия по-

обходимых денежных средств комплектование библиотек значительно ухудшилось.

Вторая и основная часть книги — «Собрания рукописей» (стр. 19—90)— представляет собой систематический обзор коллекций восточных рукописей, сгруппированных по следующим языковым разделам: еврейские рукописи (стр. 19—29); сирийские рукописи (стр. 30—33); коптские рукописи (стр. 34—37); эфиопские рукописи (стр. 38—40); армянские рукописи (стр. 41—42); грузинские рукописи (стр. 43); арабские, персидские и турецкие рукописи (стр. 44—60); рукописи на санскрите, пали и пракритах (стр. 61—69); рукописи на современных индийских языках (стр. 70—75); рукописи на языках Юго-Восточной Азии: бирманские и сиамские (стр. 76—77), малайские и индонезийские (стр. 77—81); рукописи на языках Центральной Азии: согдийские, хотанские и кучанские (тохарские) фрагменты, тибетские рукописи, фрагменты и книги, авестийские и пехлевийские рукописи и фрагменты (стр. 82—85); рукописи на языках Дальнего Востока: китайские рукописи и ксилографы, рукописи на языках национальных меньшинств Китая, японские рукописи и книги (стр. 86—90).

Описание коллекций внутри каждой из указанных групп ведется по перечисленным выше библиотекам, и о каждой коллекции приводятся следующие сведения: опубликованные каталоги или списки рукописей, с указанием количества описанных рукописей; краткая характеристика коллекции по фондам первичного образования; характеристика карточного или иного рукописного каталога в данном хранилище; готовящиеся к публикации каталоги или списки; рукописи, описания которых до сих пор не опубликованы.

По словам автора, описания некоторых коллекций, подготовленные уже довольно давно, все еще не изданы. В качестве примера можно привести следующие готовые, но не изданные описания: охватывающий 900 единиц каталог еврейских рукописей Библиотеки Кембриджского университета, составленный С. М. Шиллер-Синесси и продолженный Гербертом Лёве (стр. 25—26); каталог эфиопских рукописей Библиотеки Джона Райлэндса (John Rylands Library), составленный Дж. М. Родвеллом и Баджем (стр. 39); каталог грузинских рукописей Бодлеанской библиотеки (стр. 43); каталог 6330 санскритских рукописей Бодлеанской библиотеки, составленный Т. Г. Пэрри (стр. 64), и другие (см. стр. 41, 68, 73, 82). Автор, однако, не сообщает, будут ли эти каталоги изданы в скором будущем.

В настоящее время готовятся к публикации следующие каталоги: 1. Каталог персидских рукописей Библиотеки Индиа Оффис, куда войдут описания рукописей «Делийской коллекции» и поступлений после 1935 г., всего 1550 единиц (стр. 53); 2. Каталог арабских и персидских рукописей Библиотеки Школы восточных и африканских языков, составленный А. Дж. Арберри (стр. 54); 3. Список турецких рукописей Национальной шотландской библиотеки (National Library of Scotland), подготовляемый Дж. Р. Уолшем (стр. 59); 4. Каталог гуджаратских и раджастанских рукописей Библиотеки Индиа Оффис, составленный А. Мастером (стр. 73); 5. Каталоги 160 рукописей на языке хинди и 56 рукописей на пенджаби Библиотеки Индиа Оффис, составленные Дж. Ф. Блумхардтом (стр. 73); 6. Каталог китайских документов, добытых третьей экспедицией А. Стейна, составленный Джайлзом (стр. 82). На основании приводимых Пирсоном данных можно подсчитать общее число хранящихся в британских и ирландских библиотеках рукописей, описания которых до сих пор не опубликованы. Ниже приводятся округленные и несколько заниженные цифры, так как автор не всегда точно сообщает число рукописей, ожидающих описания: еврейские — 1430 рукописей и 28 700 фрагментов; сирийские — 280 рукописей; коптские — 250 рукописей и большое количество фрагментов на папирусе; эфиопские — 120 (и 30 амхарских) рукописей; армянские — 50; грузинские — 120; арабские — 3500; персидские — 3400; тюркские 1050; санскритские — 13 500; рукописи на пракритах — 120; рукописи на пали — 410; рукописи на современных индийских языках (сюда же включены рукописи на пушту)— 900; рукописи на дравидийских языках — 470; рукописи на языках мунда — 36; бирманские (ни одного каталога до сих пор вообще нет) и сиамские рукописи — 850; индонезийские рукописи — 400.

Трудно установить число неописанных рукописей, ксилографов и фрагментов, сгруппированных автором в разделах «Центральная Азия» и «Дальний Восток», можно лишь сказать, что их насчитывается больше десятка тысяч.

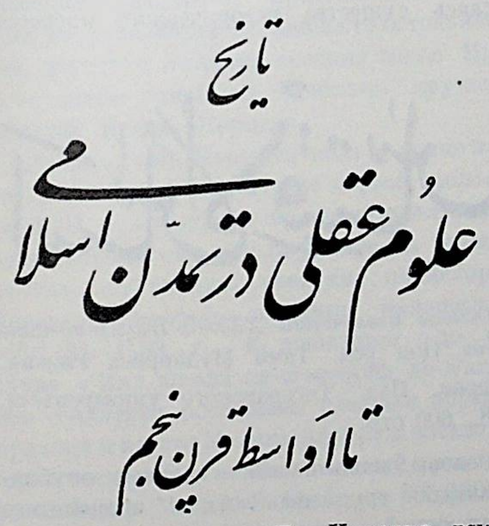
Принятая автором группировка рукописных коллекций по языкам весьма удобна для пользования книгой, так как позволяет легко установить, в каких хранилищах и в каком количестве имеются рукописи на интересующем читателя языке и в какой мере они описаны. В целом книга является очень полезным и своевременно изданным справочником.

В заключение хочется выразить надежду, что будет осуществлено намерение автора выпустить подобные же справочники, посвященные обзору восточных документов, архивных материалов и художественных собраний, хранящихся в библиотеках и музеях Великобритании и Ирландии.

Ю. Е. Борщевский

НЕКОТОРЫЕ ИЗДАНИЯ ТЕГЕРАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

*(Продолжение)**

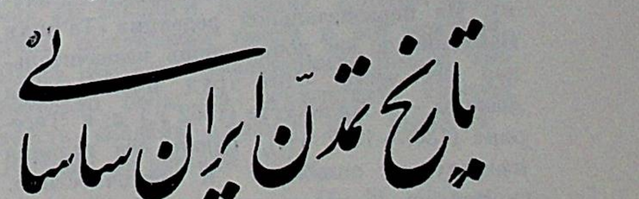
(ЗАБӢХАЛЛАХ ṢАФА. *История рациональных наук в истории ислама до V века хиджры*). Тегеран, 1331 г. с. х., 451 стр.

З. Ṣафа излагает историю развития науки на Ближнем и отчасти Среднем востоке в первых веках хиджры. Автор отмечает, что большое значение для развития науки в халифате имели переводы научных трудов с других языков на арабский. Временем расцвета науки в халифате З. Ṣафа считает II — IV вв. х. С V в. развитие науки прекратилось, по его мнению, вследствие победы религиозной реакции. Причины гонений на науку он объясняет фанатизмом суннитского духовенства.

Основная часть книги посвящена истории философии. Располагая материал в хронологической последовательности З. Ṣафа начинает свое исследование с ал-Киндӣ (ум. 258 г. х.) и кончает Саййдом ибн Хибба̄тал-ла̄хом (436—495 г. х.). Он рассказывает о 27 философах, среди которых имеются такие известные философы, как Фа̄ра̄бӣ, Ибн-Мискавейх, Ибн-Сӣна̄, Бӣрӯнӣ. Небольшой раздел посвящен басрийской школе «Ихва̄н ас-ṣафа̄».

К книге приложены список сохранившихся переводов научных трудов и данные о месте их издания или хранения рукописи, а также список не названных в книге философских произведений.

З. Ṣафа не марксист, и трудно требовать, чтобы в его труде была изложена история философии, удовлетворяющая советского читателя во всех отношениях. Но глубокое изучение первоисточников и огромный фактический материал, положенные в основу этого труда, делают ее перевод на русский язык крайне желательным.

(СА'ӢД НАФӢСӢ. *История цивилизации сасанидского Ирана*). Тегеран, 1331 г. с. х., 346 стр.

Книга представляет собой учебник для студентов-филологов. В основу его легли соответствующие части работы К. Юар (Huart) с дополнениями С. Нафӣсӣ.

* Начало обзора см. «Советское востоковедение», 1957, № 4.

تاريخ مسعودى معروف به تاريخ بيهقى

АБӮ-Л-ФАЗЛ БАЙХАҚӢ (*Та'рӣхи Байхакӣ*). Тегеран, ч. I, 1319 г. с. х., ч. II, 1326 г. с. х., ч. III, 1332 г. с. х. (комментарии и дополнения С. Нафӣсӣ). Текст и ред. С. Нафӣсӣ. 1596 стр.

Огромный исторический труд «Та'рихи Мас'ӯдӣ», известный в науке под названием «Та'рӣхи Байҳакӣ», был составлен видным газневидским ученым-царедворцем Абӯ-л-Фазлем Байхакӣ в V в. х. Труд Байхакӣ содержит много исторических фактов из области общественных и политических отношений в газневидском государстве. Автора прежде всего интересуют вопросы политической борьбы, финансовой и налоговой политики, земельных отношений. Однако и для лингвистов «Та'рӣхи Байхакӣ» является также неисчерпаемым источником языковых фактов. «Та'рӣхи Байхакӣ», как и «Та'рӣхи Табарӣ» Бал'амӣ, должен служить основным источником при составлении исторической грамматики языка фарси. Байхакӣ сообщает также о многих явлениях литературной жизни.

Научно-критическое издание «Та'рӣхи Байхакӣ» является большим вкладом в науку. Из первоначальной редакции «Та'рӣхи Байхакӣ» до нас дошла лишь незначительная его часть. Этот труд публиковался дважды — в Калькутте (1862 г.) и в Тегеране (1305—1307 гг.), однако оба издания изобилуют ошибками и неточностями. С. Нафӣсӣ сличил предыдущие публикации с рукописями. В подстрочных примечаниях помещены все разночтения, которые дают представление о состоянии использованных рукописей и предыдущих изданий.

В примечаниях приведены также комментарии Сайида Аҳмада (Адӣб Пишаварӣ) к тегеранской публикации текста.

تاريخ اسلام

(*'АЛӢ АКБАР ФАЙЙӐЗ*. История ислама.) Тегеран, 1327 г. с. х., 245 стр.

Работа 'Алӣ Акбар Файйӑза является учебным пособием для студентов первого курса гуманитарных факультетов университета. По утверждению автора, учебник написан на основе первоисточников, однако научный аппарат в нем отсутствует. Материал расположен по династийному признаку. Автор подробно описывает события, не касаясь существа исторического процесса.

اساس الاقتباس

«Основы извлечений Ҳӑджа Насӣр ад-дӣна Тӯсӣ». Под ред. Таҡӣ Мударриса Ризавӣ. Тегеран, Изд. Тегеранского университета, 1948, 600 стр.

«Основы извлечений» — впервые опубликованный труд по логике знаменитого средневекового ученого и философа Насӣр ад-дӣна Тӯсӣ. В этом трактате подробно освещены различные области логики. Составлен он на основе трудов Аристотеля, Ибн-Сӣны и других античных и мусульманских авторов. Для литературоведов исключительный интерес представляет глава о поэзии и ее сущности.

Д-р Таҡӣ Мударрис Ризавӣ использовал 10 старых рукописей сочинения Ҳӑджа Насӣр ад-дӣна Тӯси, хранящихся в библиотеках и личных коллекциях. (Самая древняя рукопись относится к 1439 г.) Это позволило составить сводный текст и отметить существенные разночтения. В небольшом предисловии к книге даются некоторые сведения о жизни и деятельности автора трактата и приводится полный список его сочинений, а также приписываемых ему трудов.

تاريخ افضل يا بدايع الازمان فى وقايع كرمان

АФЗАЛ АДДӢНА АБӮ-ҲӐМИДА АҲМАДА ИБН ҲАМИДА КЕРМӐНӢ (*История Афзаля или Чудеса времен в событиях Кермана*. Издатель доктор Махдӣ Байӑнӣ). Изд. Тегеранского университета, 1956, 150 стр.

Сочинение Афзал ад-дӣна Абӯ-Ҳӑмида ибн Ҳӑмида Кермӑнӣ, известное под названием «Та'рӣхи Афдал», как справедливо указывает издатель, представляет собой один из редчайших по ценности источников для изучения истории средних веков Ирана — точнее одной из наиболее крупных областей Ирана—Кермана.

Афзал ад-дӣн Кермӑнӣ жил в конце второй половины XII,—начале первой половины XIII в. Он долгое время служил в диване керманских сельджукидов, в течение многих лет собирал сведения по истории Кермана, которые впервые изложил в 548/1188—1189 г. в дошедшем до нас труде «'Икд ал-ала ли-л-мавҡиф ал-а'ала». Это сочинение посвящено главным образом приходу к власти Малика Дӣнӑра и восхвалению его особы. Как полагает видный иранский ученый д-р Махдӣ Байӑнӣ, до 605/1208—1209 г. Афзал ад-дӣн написал общую историю Кермана и назвал ее «Бадӑйи' ал-азмӑн фӣ вакӑйи'и Кермӑн». Это произведение Афзал ад-дӣна послужило основным источником для многих сочинений по истории сельджукидов Кермана. Впервые на это обстоятельство обратил внимание еще М. Хоутсма в XIX в., установив, что в «Тавӑриҳи Али Салджӯҡ» Муҳаммада ибн Ибрӑхӣма (первая половина XVI в.) главы о керманских сельджукидах взяты непосредственно из сочинения Афзал ад-дӣна Кермӑнӣ «Бадӑйи' ал-азмӑн фи вакӑйи' и Кермӑн». Хоутсма и другие ориенталисты безуспешно пытались разыскать сочинение Афзал ад-дӣна и в конце концов стали считать эту рукопись утраченной. Махдӣ Байӑнӣ удалось установить, что «История Кермана» Афзал ад-дӣна использована не только Муҳаммадом ибн Ибрӑхӣмом, но и другими средневековыми историками, такими, как Ҳасани ибн Шихӑб, Нӑсир ад-дӣн Кермӑнӣ, Хафизи Абру и другие.

Махдӣ Байӑнӣ решил восстановить, насколько это возможно, большую часть труда Афзал ад-дӣна Кермӑнӣ по сочинениям Мухаммада ибн Ибрӑхӣма (Тавӑрӣҳи Али Салджӯҡ) и Ҳасани ибн Шихӑба, в которых соответствующие главы по истории Кермана были слово в слово взяты из «Истории Кермана» Афзаля. Байӑнӣ успешно справился с этой задачей. Восстановленный и опубликованный им текст «Та'рӣхи Афзал» занимает 110 большого формата страниц убористой печати. Этот текст, как доказывает Махдӣ Байӑнӣ, составляет основную часть утерянного оригинала. Не удалось реконструировать лишь начало и конец сочинения. Текст начинается с описания правления основателя династии Кавурдидов — сельджукидов Руки ад-дӣна Кӑвурда ибн Чагры-бека Кӑрӑ Арслӑна и заканчивается описанием гибели последнего отпрыска Кавурдидов атабека Муҳаммада ибн Бахрӑмшӑха и падения династии сельджукидов в Кермане.

Тексту предпослано обширное, блестящее выполненное предисловие, в котором составитель рассказывает историю сочинения Афзал ад-дӣна Кермӑнӣ, приводит новые, исключительной важности и ценности данные об исторических сочинениях, в которых сохранились отрывки «Бадӑйи» ал-азмӑн фӣ вакӑйи'и Кермӑн», излагает принципы составления текста и его критики. Книга снабжена указателями. Весьма желательно было бы осуществить перевод текста «Бадӑйи' ал-азмӑн фӣ вакӑйи'и Кермӑн» на русский язык.

Р. М. Алиев и *М.-Н. Османов*

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Аграрные преобразования в народно-демократических странах Азии. Ответ. ред. Е. Ф. Ковалев. М., Госполитиздат, 1957, 230 стр. (АН СССР. Ин-тут востоковедения).

Сборник статей научных сотрудников Института востоковедения АН СССР ставит задачу «обобщить опыт аграрных преобразований в народно-демократических странах Азии», выяснить важнейшие, общие для всех них черты и специфические особенности развития каждой из исследуемых стран.

В сборнике четыре статьи: А. И. Стадниченко «Аграрные преобразования в Китайской Народной Республике»; А. А. Губер, А. Г. Мазаев «Аграрные преобразования в Демократической Республике Вьетнам»; Н. С. Ким «Аграрные преобразования в Корейской Народно-Демократической Республике», Н. Т. Варгин «Аграрный вопрос и развитие сельского хозяйства в Монгольской Народной Республике».

Авторы привлекают большой фактический материал, используя статистические справочники, монографические работы и прессу на русском, западноевропейских и соответствующих восточных (китайский, вьетнамский, корейский, монгольский) языках. В статьях дан анализ аграрных отношений в исследуемых странах Востока в период их колониального и полуколониального существования, освещена аграрная политика коммунистических партий в годы борьбы за национальную независимость и после установления народно-демократической власти, показаны экономические и социальные сдвиги в результате проведения аграрных преобразований и перехода к коллективным социалистическим формам сельскохозяйственного производства.

К. и Ф. ЖАНСОН. Алжир вне закона. Пер. с франц. Е. Рубинина и К. Хенкина. Вступ. ст. Р. Авакова. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957, 358 стр.

Книга французских публицистов Коллет и Франсис Жансон «Алжир вне закона» написана в форме острого политического памфлета. Авторы выступают против французских колонизаторов, пытающихся вооруженной силой подавить национально-освободительное движение алжирского народа.

В книге собран большой фактический материал. Авторы широко использовали официальные документы, статистические данные и прессу. Помимо основных четырех глав («Немного истории», «Алжирский статут», «Экономические и социальные вопросы», «Восстание»), в книге помещены (в приложении) интересные документы: «Органический статут Алжира», «Отрывки из дневника двух алжирских французов», «Интервью одного из руководителей Фронта национального освобождения», «Несколько листовок, распространенных в Алжире Фронтом национального освобождения», «Заявление алжирской делегации Фронта национального освобождения» и другие.

В кратком историческом очерке авторы приводят малоизвестные советским читателям факты, разоблачающие преступные цели и методы закабаления и колонизации Алжира Францией. Основное внимание они уделяют важнейшим современным проблемам политического и социально-экономического развития Алжира. Авторы подвергают резкой критике «Органический статут Алжира», называя его «юридическим уродством», а также разоблачают определяемый этим статутом колониальный режим в Алжире. Книга насыщена большим фактическим материалом о современном положении и самоотверженной борьбе трудовых масс Алжира против французского империализма, о деятельности политических партий Алжира и т. д. Авторы разоблачают апологетическую сущность теории неоколониализма, утверждающей, что французский колониальный режим в Алжире якобы неповинен в отсталости экономического развития страны и бедственном положении ее народа.

Коллет и Франсис Жансон — не коммунисты. В ряде случаев они не высказывают ясно и четко свою точку зрения, не делают определенных выводов из приводимых ими фактов, а иногда некритически воспринимают из буржуазной печати оценку политических событий и деятельности партий. Тем не менее они в основном трезво и правдиво оценивают положение, сложившееся в Алжире в послевоенные годы. Авторы пытаются ответить на злободневные вопросы, волнующие миллионы людей во Франции, в Алжире и во всем мире: к каким последствиям для Франции может привести продолжение войны в Алжире, как выбраться из тупика, в который завела Францию колонизаторская политика ее правителей? Они призывают здраво подойти к решению алжирской проблемы и прекратить бессмысленную войну, которая, как они пишут, уже «проиграна самым очевидным образом».

«Annuaire de la Fédération Egyptienne de l'industrie 1955 — 1956». Kairo, 1957, 744 p.

Статистический сборник, изданный Египетской федерацией промышленности, содержит много ценных материалов по различным отраслям экономики современного Египта. В книге помещены отчеты Египетской федерации промышленности и промышленных палат, цифровые данные о продукции промышленности и сельского хозяйства в 1954—1956 гг., о внешней торговле, финансовом положении страны, новых капиталовложениях в экономику Египта, государственном бюджете, а также о промышленном, финансовом и социальном законодательстве. В приложении к книге даны подробные списки промышленных предприятий Египта, промышленной продукции всех фабричных марок, поставщиков различных отраслей промышленности и т. д. Данные сборника убедительно свидетельствуют о значительных темпах развития экономики свободного Египта накануне англо-франко-израильской агрессии.

Д. Р. Вобликов

عبدالرحمن الرافعى مقدمات ثورة ٢٣ يوليه سنة ١٩٥٢

АБДАРРАХМАН АР-РАФИИ. Прелюдии революции 23 июля 1952 года. Каир, 1957, 256 стр.

Почти тридцать лет Абдаррахман ар-Рафии трудится над созданием истории национально-освободительной борьбы египетского народа, начиная с последней четверти XVIII в. до наших дней. «Прелюдии» являются пятнадцатой книгой в серии его трудов, в которую входят такие работы, как «История национального движения» (2 т.), «Эпоха Мухаммеда Али», «Эпоха Исмаила» (2 т.), «Революция под руководством Араби-паши и английская оккупация», «Египет и Судан в первые годы оккупации», «Мустафа Камиль — лидер национального движения», «Мухаммед Фарид — образец преданности и самопожертвования», «Революция 1919 года в Египте» (2 т., переведена на русский язык и издана в Москве в 1954 г.), «Последствия революции 1919 года» (3 т.). В настоящее время автор завершает книгу «Революция 23 июля 1952 года».

«Прелюдии» Абдаррахмана ар-Рафии охватывают небольшой отрезок времени от октября 1951 до июля 1952 г.— период наивысшего подъема национально-освободительной борьбы египетского народа против английской оккупации и прогнившей монархии, завершившийся революцией 23 июля 1952 г.

Автор правильно оценивает денонсацию договора 1936 г. как поворотный пункт в истории освободительной борьбы египетского народа. Он подробно описывает борьбу египетских партизан против английских оккупантов в зоне Суэцкого канала в 1951 г. Оставаясь на своих прежних политических позициях противника партии Вафд, ар-Рафии возлагает на ее руководство ответственность за поражение народа в вооруженной борьбе против оккупантов в январе 1952 г. и последовавшее за этим наступление реакции. Автор рассказывает о бесплодных попытках четырех быстро сменивших друг друга правительств подавить народное движение и заключить новый кабальный англо-египетский договор. Ар-Рафии пытается также выяснить характер экономических, политических и социальных причин, приведших к революции 1952 г. В последней главе он отмечает, в частности, что одной из причин, породивших революцию, была антинародная деятельность короля Фарука.

Несмотря на ряд недостатков, вытекающих из буржуазной концепции автора, его новая книга несомненно окажет большую помощь историкам, изучающим национально-освободительную борьбу египетского народа.

شهدى عطية الشافعى، تطور الحركة القومية المصرية، ١٨٨٢ – ١٩٥٦

(ШАХДИ АТЫЙЯ АШ-ШАФИИ. Развитие египетского национального движения 1882 — 1956 гг.). Каир, 1957, 248 стр.

Автор книги — прогрессивный общественный деятель Египта — во «Введении» пишет: «... история общественного развития — это, прежде всего, история народа», «действительной движущей силой истории является народ». Исходя из этого методологически единственно правильного подхода к исторической науке, Шафии создал превосходную работу по истории национально-освободительного движения египетского народа за последние три четверти века. Его книга в корне отличается от всех написанных ранее египетскими авторами исторических работ. Автор не ставит перед собой цели подробно и хронологически последовательно изложить факты египетской истории. Основное внимание он уделяет научному анализу важнейших исторических этапов в развитии национально-освободительного движения в Египте, показу решающей роли народных масс в этом движении. На основании исторических фактов Шафии убедительно показывает, что успех и поражение, сила и слабость национального движения в Египте непосредственно зависели от участия в нем народных масс, степени развития их политического и национального самосознания и организованности. Прослеживая историю деятельности буржуазных партий Египта, их руководства национальным движением, автор показывает, что судьба этих партий целиком зависела от того, насколько они опирались на народные массы, считались с их интересами и чаяниями в периоды, когда оказывались в роли руководителей национального движения.

Значительное место автор отводит исследованию экономического развития Египта (вопреки колониальной политике английского империализма). Он отмечает развитие промышленности и одновременный рост численности пролетариата, его классового самосознания и организованности.

Шафии показывает, какую предательскую роль в национальном движении играли королевский двор, крупные феодалы, компрадорская буржуазия, являвшиеся главной опорой английского господства в стране, союзниками колонизаторов в борьбе против египетского народа.

Успехи Египетской республики в борьбе за независимость автор справедливо связывает с расширением и укреплением социалистического лагеря и антиколониального движения на всем Востоке.

Анализируя современное международное экономическое и политическое положение, конкретные условия развития и возможности Египетской республики, Шафии высказывает ряд соображений относительно дальнейшего развития Египта по пути укрепления национальной независимости и государственного суверенитета, защиты страны от угрозы порабощения ее западноевропейскими империалистическими державами.

Работа Шафии основана на богатом фактическом материале. Выход ее в свет является отрадным фактом.

М. В. Малюковский

من هم بالعالم العربى

(Кто они в арабском мире), т. I. Дамаск, 1957, 654 стр.

В 1957 г. в Дамаске вышел первый том справочника (типа Who's Who), который должен включить в себя краткие биографии всех известных современных деятелей арабских стран. Вышедший том содержит краткие биографические данные о 1600 современных государственных, общественных деятелях и деятелях культуры Сирийской республики. Книга составлена Отделом по изучению Сирии и арабских стран. Большая часть сведений получена непосредственно от лиц, биографии которых даны в справочнике. Материал расположен в порядке арабского алфавита и иллюстрирован фотографиями. Справочнику предпослано краткое предисловие, написанное директором Отдела по изучению Сирии и арабских стран Джорджем Фарисом.

Книга представляет собой большую ценность для специалистов, занимающихся странами арабского Востока.

Р. П. Шапкина

MOHAMED MAJZOUB. Le Liban et l'Orient Arabe. 1943—1956. Aix-en-Provence. La Pensée Universitaire, 1956, 233 p.

Автор исследует политическую роль Ливана в арабском мире, определяемую, с одной стороны, его стратегическим положением и, с другой стороны, большей живучестью экономических, культурных и психологических остатков колониализма. Все это вместе взятое создает известную отчужденность между Ливаном и остальными арабскими странами во вред национальным интересам ливанского народа.

На Арабском Востоке Ливан является самым крупным узлом воздушных коммуникаций и поэтому самым важным пунктом военно-стратегических интриг империалистов. Хотя Ливан не имеет нефти, однако на его территории проложены нефтепроводы АРАМКО (Arabian American oil company), ТАПЛИН (Trans-Arabian pipe line) и других американских и английских нефтяных концернов. Вмешательство этих компаний во внутреннюю жизнь Ливана создает обстановку постоянной политической неустойчивости в стране. Достаточно сказать, что за 13 лет здесь сменилось 25 правительств!

Наиболее бесцеремонным, с точки зрения автора книги, является вмешательство США во внутренние дела Ливана. Последние требуют отказа Ливана от солидарности со странами Арабского Востока и настаивают на выходе его из Лиги арабских стран. США добиваются, чтобы Ливан заключил с ними двухстороннее соглашение или присоединился к Багдадскому пакту. Они стремятся разместить в Ливане свои военные базы и требуют от Ливана покончить с политикой нейтралитета. При этом агенты американских монополий в Ливане идут на все: на фальсификацию выборов в парламент, на подкуп печати, преследования коммунистов, устраивают заговоры против неугодных США правительств, сочиняют проекты кабально-экономической «помощи» и, наконец, клеветнически утверждают о якобы предстоящем вторжении Сирии в Ливан. Главной агентурой антиарабских интриг США в Ливане, утверждает Маджзуб, является Израиль. Ряд документов в книге свидетельствует об экспансионистском характере израильской политики по отношению к арабским соседям.

М. Маджзуб, анализируя аспекты современной международной политики, приходит к выводу, что Ливан должен для сохранения своей национальной независимости отстаивать принцип солидарности арабских народов, проводить в жизнь, подобно Индии и Египту, принципы Бандунгской конференции и политику нейтралитета, отказаться от «помощи» Запада, предоставляемой на политических и военных условиях, противодействовать вовлечению арабских стран в Багдадский пакт.

С. М.

D. BOTHAS. Timorlaut. Berlin, 1956, 284 S.

В 1956 г. в Германской Демократической Республике вышла интересная книга об Индонезии, написанная кинооператором Ботас. Дагмара Ботас накануне второй мировой войны посетила индонезийский архипелаг и дала яркое описание природы и культуры Индонезии. В книге рассказывается об актуальных проблемах и исторических событиях современной Индонезийской республики. Дагмара Ботас выступила в защиту освободительной борьбы Индонезии и резко осудила колониализм. Она показала особенности колониальных методов управления, практиковавшихся Голландией. В книге правдиво описывается жизнь индонезийского народа, его любовь к труду и свободе.

Дагмара Ботас подробно прослеживает историческое развитие Индонезии и, приводя многие яркие факты, показывает борьбу индонезийского народа против голландского гнета.

К книге приложена краткая хронология важнейших событий в период с 1945 по 1950 г. Книга богато иллюстрирована.

Гюнтер Галих

E. E. RAMSAUR. The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908. Princeton university press, 1957, 180 p. (Princeton oriental studies: social science, 2).

Э. Рэмсаур изучал историю в Калифорнийском университете, в Роберт-колледже, в Стамбуле и в университете в Айове. В 1942—1946 гг. служил в морском ведомстве. В 1948—1950 гг. был вице-консулом в Стамбуле. В настоящее время Э. Рэмсаур — сотрудник государственного департамента.

Издательство Принстонского университета рекомендует книгу Рэмсаура как первое полное исследование истории младотурецкой революции.

В «Библиографических заметках» (стр. 151—157) автор дает оценки ряду изданий документов и мемуаров. Книга имеет библиографию (стр. 158—173) по следующим разделам: официальные публикации, неопубликованные материалы, воспоминания, автобиографии, записки путешественников, биографические исследования, исторические сочинения общего характера, статьи из периодической печати. Из советских публикаций и исследований в библиографии упомянута лишь публикация А. Попова «Турецкая революция 1908—1909 гг.» («Красный Архив», т. 43, 44, 45). К книге приложен комплексный предметно-именной указатель (стр. 175—180).

Е. С.

АННОТАЦИИ

НА КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ В РЕСПУБЛИКАХ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА (1956 — 1957 гг.)

ИСТОРИЯ

АБРАМЯН В. А. Ремесла в Армении IV — XVIII вв. Ереван. Изд-во АН АрмССР, 1956, 290 с., 7 л. илл. (АН АрмССР. Государственный исторический музей Армении). На арм. яз. Резюме на русск. яа.

На основании письменных источников и памятников материальной культуры автор показывает развитие различных отраслей ремесел и их старинные центры. Главное внимание он уделяет истории производства металлических изделий и тканей, более коротко останавливается на других видах ремесел, а также на цеховой организации в средневековой Армении.

АЛИ-ЗАДЕ А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, Изд-во АН АзССР, 1956, 420 с., с илл. Библиогр. и указ., с. 400—420.

Используя многочисленные источники, автор дает всесторонний анализ различных видов феодальной земельной собственности, состояния сельского хозяйства, положения крестьянства, ремесленников и их отношений с классом феодалов в период, предшествовавший монгольскому нашествию, а также те существенные изменения в экономической и политической жизни Азербайджана, которые произошли в связи с нашествием монголов. В работе отражены и основные аспекты политической истории Азербайджана XIII—XIV вв.

АМИН-И-БУХАРИ МИР МУХАММЕД. Убайдулла-наме. Пер. с таджик. (предисл. и прим. А. А. Семенова). Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, 326 с. (АН УзССР, Ин-т востоковедения).

Труд бухарского историка XVIII в., являющийся ценным источником по истории Бухарского ханства (1702—1711), дает широкую картину его социально-экономической и политической жизни.

АПАКИДЗЕ А. М., ГОБЕДЖИШВИЛИ Г. Ф. КАЛАНДАДЗЕ А. Н. и другие. *Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937 — 1946 гг. «Мцхета».* Итоги археологических исследований, т. I. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1955, 255 с., 135 л. илл. (АН ГрузССР, Ин-т истории). На груз. яз. Резюме на русск яз. Библиогр., с. 215—223.

Книга посвящена археологическим памятникам Армазисхеви, в основном резиденции и некрополю эриставов-питиахшей, представителей знати древней Картли (Иберия). Эти памятники представляют интерес для изучения древней истории Картлийского царства.

«Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.». Сталинабад, Изд-во АН ТаджССР, 1956, 123 с. (АН ТаджССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Труды. . . т. XXXVII).

Настоящий выпуск является вторым сборником предварительных отчетов о полевых работах Таджикской археологической экспедиции. По инициативе сектора археологии в него введен новый отдел—

краткие информации об археологических работах в соседних с Таджикистаном республиках Средней Азии.

БЕЙСЕМБИЕВ К. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX в. (Ч. Валиханов, И. Алтынсарин). Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1957, 212 с.

Книга Бейсембиева — одна из первых попыток охарактеризовать деятельность просветителей-демократов Казахстана.

БУНЯТОВ Т. А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, Изд-во АН АзССР, 1957, 138 с. (АН АзССР. Ин-т истории). Библиогр., с. 127 — 137.

Книга является первым опытом сводной работы, построенной на материалах, добытых на территории Азербайджанской ССР и всего Восточного Закавказья. В работе подытоживаются результаты комплексного изучения всех материальных и письменных источников, освещающих состояние и развитие земледелия и скотоводства в Азербайджане от III до I тысячелетий до н. э.

АРАКЕЛЯН Б. Н. Результаты работ Гарнийской археологической экспедиции 1951 — 1955 гг. (Античный период). Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1957, 93 с., 16 л. илл. (Ин-т истории. «Гарни, т. II. Археологические раскопки в Армении», № 7).

Автор указывает, что наиболее важные результаты раскопок относятся к первым векам нашей эры. Это развалины бани с мозаичным полом, остатки других архитектурных сооружений, предметы, найденные в античном культурном слое и, в частности, в могильнике первых веков. Материал характеризует малоизученную культуру и искусство древней Армении.

«Грузинско-персидские исторические документы». Пер. и прим. В. С. Путуридзе. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1955, 528 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории).

В книге приводятся документы на персидском и грузинском языках, освещающие грузинско-персидские политические, торговые, аграрные отношения, договоры, законодательные акты, царские указы, купчие грамоты и т. д.

ГУЛЯМОВ Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, 314 с., с илл. и карт. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Библиогр., с. 299— 313.

Автор книги, используя материалы деятельности Хорезмской археологической экспедиции, освещает историю возникновения и развития орошения в низовьях Аму-Дарьи.

ДАВИДОВИЧ Е. А. и ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, Изд-во АН ТаджССР, 1955, 232 стр. с илл., 2 л. илл. (АНТаджССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Труды . . . , т. XXXV). Резюме на тадж. яз.

Описание памятников от первых веков нашей эры до XIX в.

ДЖАМГЕРЧИНОВ Б. Д. Важный этап из истории киргизского народа. (К 100-летию присоединения Киргизии к России). Под. ред. М. П. Вяткина. Фрунзе, Киргизгосиздат, 1957, 93 с.

В своей работе автор показывает, как тяжела и трагична была история небольшой киргизской народности, которая не раз подвергалась разорению со стороны многочисленных врагов и вела многолетнюю и упорную борьбу с соседними феодальными государствами.

Автор анализирует прогрессивное историческое значение присоединения Киргизии к России в середине XIX в.

ДОНАДЗЕ В. Б. Сунь Ят-сен — великий китайский революционер-демократ. Тбилиси, Госиздат ГрузССР, 1955, 239 с., с илл. На груз. яз.

В книге отражена жизнь и деятельность выдающегося китайского революционера, его роль в революции 1911—1912 гг. и в борьбе китайского народа за свое освобождение.

ДЬЯКОНОВ М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Вступ. статья канд. ист. наук Б. А. Литвинского. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956, 138 с., с илл. и карт.

Настоящая книга рассказывает об археологических работах в Таджикистане, о том, как они помогают историкам восстановить картину жизни народа в древнем и раннесредневековом Таджикистане.

ИСМИ-ЗАДЕ О. Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, Изд-во АН АзССР, 1956, 132 с., илл. (АН СССР. Ин-т истории и философии).

Исследование о месте и значении в древней истории народов Закавказья ялойлутепинской культуры, занимавшей большую часть Азербайджана в III—I вв. до н. э.

История Узбекской ССР, т. I, кн. I. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, VII, 543 с., 8 л. илл. и портр. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Библиогр., с. 504 — 542

В книге три части. Первая посвящена истории первобытного общества, вторая— истории рабовладельческого общества, третья — феодальному строю. В периодизацию феодального общества, по сравнению с первым изданием, внесены значительные поправки.

КАПАНЦЯН г. Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Древняя Малая Азия. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1956, 472 с. (АН АрмССР. Ин-т языка).

История страны и царства Хайаса-Аззи. Представляет большой интерес для изучения происхождения и становления армянского народа и его государственности.

КАРИМОВ У. И. Неизвестное сочинение ар Рази «Книга тайны тайн». Ташкент, 1957 191 с., 1 л. фотокопии. Библиогр., с. 189—191.

Перевод ранее неизвестного сочинения арабского ученого Абу Бакра Мухаммеда ибн Закариййа ар-Рази (865—925 гг.). Книга состоит из трех частей и приложения. В первой части содержится исследование этой рукописи, во второй — перевод рукописи, излагающей основные вопросы химии того времени, третья часть — комментарии к тексту.

Одна из наиболее полных в нашей литературе работ об архитектуре Тейшебаини. В книге показано, каким путем армянское зодчество пришло к своему расцвету (период Тейшебаини).

«Картлис Цховреба» (История Грузии). Т. I. Тбилиси, Госиздат ГрузССР, 1955, 464 с. На груз. яз.

Первый том нового издания истории Грузии, выходящего в двух томах, подготовлен научным коллективом филологического отделения Института истории АН ГрузССР под общим руководством С. Каухчишвили.

Составителями изучены и учтены все рукописи, выявленные со времени первого издания этого сочинения Петербургской академией наук в 1849 г. под редакцией М. Бросе. В первый том вошли сочинения древних грузинских историков, повествующие о судьбе грузинского народа с древнейших времен до XVIII в.

МАНАНДЯН Я. А. О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ереван, Айпетрат, 1956, 156 с., с карт.

Автор рассматривает следующие вопросы: местонахождение древних стран Армянского Нагорья — Уруатри и Наири, маршруты походов Салманасара III и Саргона II против Урарту и, наконец, сообщения хеттских, ассирийских, урартийских и армянских источников о Хайаса-Аззи. Изучаемый период истории охватывает XIII—VIII вв. до н. э.

«Материалы по археологии Грузии и Кавказа», т. I. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1955, 220 с., 32 л. илл. На груз. и русск. яз. (АН ГрузССР. Ин-т истории).

Сборник материалов археологических исследований Самтаврского и Качретского погребений района побережья Колхидской низменности, Тетрицкаройского района, в Тбилиси и Рустави, а также данные о находках Мцхетской экспедиции и экспедиции в Цилкани, о раскопках в Ганджискари. Сборник богато иллюстрирован.

«Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 32. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1955, 242 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории). На груз. яз. Резюме на русск. яз.

Настоящий выпуск из серии «Материалы по истории Грузии и Кавказа» содержит 13 статей различных авторов. Сборник охватывает период с древнейших времен до начала XIX в.

«Материалы по истории прогрессивной общественной мысли в Узбекистане». Под ред. И. М. Муминова. Ташкент, 1957, 321 с., портр. (АН УзССР. Отдел. философии и права).

Введение, краткие биографии и избранные места из произведений мыслителей и ученых с древнейших времен до советского времени.

Книга рассчитана на широкие круги интеллигенции, интересующиеся историей культуры Узбекистана.

«Мелкие хроники XIII – XVIII вв.», т. 2. Сост. В. А. Акопян. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1956, XI, 686 с. (АН АрмССР. Ин-т истории. «Материалы по истории армянского народа», кн. 3). На арм. яз.

Второй том мелких хроник охватывает историю армянского народа с XIII по XVIII в. Хроники взяты из архивов Государственного хранилища древних рукописей при Совете министров Армянской ССР (Матенадаран) и из богатейшего собрания древнеармянских рукописей (Эчмиадзин).

МУМИНОВ И. Философские взгляды Мирзы Бедиля. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, 110 с. (АН УзССР, Отд. философии и права).

Мирза Абдулкадыр Бедиль (1644—1720)— поэт и мыслитель — занимает большое место в истории индийской и таджикской литературы и философии. Автор показывает историческую обстановку, в которой протекала жизнь и деятельность Бедиля, глубоко исследует его философские воззрения и социально-политические взгляды, говорит о влиянии творчества Мирзы Бедиля на развитие узбекской и таджикской литературы.

МУХАММЕД ЮСУФ МУНШИ. Муким-ханская история. Пер. с тадж., предисл., прим. и указ. А. А. Семенова. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, 304 с.

Один из основных источников по истории Бухарского ханства XVII — начала XVIII вв., излагающий историю династии Аштарханидов (или Джанидов).

МУХАМЕДЖАНОВ А. Р. и НИГМАТОВ Т. Некоторые источники к истории взаимоотношений Бухары и Хивы с Россией. Под ред. Я. Г. Гулямова. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, 223 с. (АН УзССР. Ин-т востоковедения). На узб. яз. Библиогр., с. 211— 221.

Книга состоит из двух частей: работы А. Р. Мухамеджанова об отношениях Бухары и России в 20—50-х годах XIX в. и работы Т. Нигматова о взаимоотношениях Хивы и России в 20—50-е годы XIX столетия.

НЕРСИСЯН М. Г. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. 1850 — 1870 гг. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1955, 532 с. (АН АрмССР. Ин-т истории). На арм. яз. Резюме и часть прилож. на русск. яз.

В книге отражено общественно-политическое движение среди армян в 60-х годах XIX в., борьба армянского народа за свое освобождение от турецкого ига, вылившаяся в 1862 г. в значительное восстание (г. Зейтун).

ОГАНЕСЯН К. Л. Архитектура Тейшебаини. «Кармир-Блур. Археологические раскопки в Армении», № 6. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1955, 112 с., 4 л. илл. (АН АрмССР. Сектор истории и теории искусств).

Одна из наиболее полных в нашей литературе книг, дающая представление об архитектуре Тейшебаини, древнего Урартского города, с которым связаны истоки национальной архитектуры Армении.

«Очерки по древней истории Азербайджана» (Под ред. А. Н. Гулиева). Баку, Изд-во АН АзССР, 1956, 168 [25] с., с илл., 3 л. карт. (АН АзССР. Ин-т истории и философии).

Сборник состоит из двух работ по древней истории Азербайджана: И. М. Джафарзаде «Древнейший период истории Азербайджана» (по археологическим данным) и И. Алиева «Мидия — древнейшее государство на территории Азербайджана».

Обе работы представляют собой разделы готовящейся к изданию многотомной истории Азербайджана.

ПАХОМОВ Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 7. Баку, Изд-во АН АзССР, 1957, 124 с. (АН АзССР. Ин-т истории).

Настоящий выпуск является продолжением предыдущих выпусков и составлен по тому же плану. Описываются клады Кавказа и Закавказья, а также клады кавказских монет, найденные в других областях СССР и в Турции. В приложении дан указатель кладов и указатель имен, династий и географических названий.

ПИОТРОВСКИЙ Б. Б. Результаты работ Археологической экспедиции Института истории АН АрмССР и Государственного

Эрмитажа. 1951—1953 гг. «Кармир-Блур. Археологические раскопки в Армении», № 5. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1955, 75 с., 8 л. илл. (АН АрмССР. Сектор истории и теории искусств).

Работа интересна тем, что в ней впервые в нашей научной литературе сжато обобщены данные археологических изысканий в Армении за последние годы.

«Труды Института истории и археологии (АН УзССР)», вып. 7. «Материалы по археологии Узбекистана». Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, 197 с., с илл. и табл.

В настоящем выпуске опубликованы сведения о новых археологических находках в Узбекистане, например, об остатках водопровода I в. до н. э., о стоянках первобытного человека, обнаруженных недалеко от Самарканда, о своеобразных архитектурных деталях и т. д.

«Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. V. Ашхабад. Изд-во АН ТуркмССР, 1955, 261 с.

В сборник включены статьи, различные по тематике, но так или иначе связанные с работой ЮТАКЭ. Из наиболее значительных можно назвать статьи М. Е. Массона «Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства», А. А. Семенова «К истории г. Нисы в XII в. (по актам того времени)», И. П. Петрушевского «Труд Сейфи как источник по истории Восточного Хорасана» и другие. Кроме того в сборник входят «Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ», написанная М. Е. Массоном, «Указатель литературы по истории и археологии Парфии» и перечень опубликованных работ ЮТАКЭ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

АДАМЯН А. Эстетические воззрения средневековой Армении. Период раннего феодализма. Ереван, Армгиз, 1955, 223 с. Библиогр., с. 217—222.

Настоящая работа является первой попыткой разобраться в вопросах средневековой эстетической теории в Армении. С этой целью автор исследует труды средневековых грамматиков, философов и богословов. Он стремится доказать, что эстетические воззрения средневековой Армении, несмотря на греческое влияние, обладали особыми, национальными чертами.

АЙНИ Х. С. Бедиль и его поэма «Ирфон». (Предисл. д-ра филол. наук И. Брагинского). Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956, 127 с.

Исследование о поэте и мыслителе Мирзо Абдулкадыре Бедиле (1644—1730), занимающем большое место в истории таджикской и индийской литератур.

БАСЕНОВ Т. К. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1957, 98 с., 59 л. илл.

Автор исследует историю казахского орнамента, а также вопросы его практического применения в архитектуре.

БОЛДЫРЕВ А. Н. Зайнаддин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Под редакцией А. М. Мирзоева. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1957, 355 с.

Книга, выпущенная Институтом языка и литературы АН Таджикской ССР, является первой монографией о творчестве выдающегося таджикского писателя первой половины XVI в. Зайнаддина Васифи, которому автор посвятил целый ряд статей и очерков, опубликованных в различных периодических изданиях. Работа состоит из семи глав, воссоздающих жизненный и творческий путь поэта и раскрывающих основные черты идейного содержания его творчества. Завершают книгу «Хронологическая канва биографии» Васифи и весьма подробный раздел примечаний.

БРАГИНСКИЙ И. С. Очерки из истории таджикской литературы. Ответ. редактор М. Турсунзаде. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956, 452 с.

Книга состоит из отдельных очерков, посвященных различным вопросам изучения таджикского фольклора, средневековой и современной таджикской литературы и делится в соответствии с этим на три раздела: «Фольклор», «Классическая литература», «Советская литература». Часть очерков, как указывает сам автор в небольшом введении, была опубликована прежде в различных изданиях, но при включении в настоящую книгу переработана и дополнена. В 1957 г. отдельной брошюрой-вкладкой вышел «Именной указатель» к книге.

МИРЗОЕВ А. Бинои. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1957, 492 с. (АН ТаджССР. Ин-т языка и литературы). На таджик. яз.

Докторская диссертация, защищавшаяся автором в апреле 1957 г. в Институте востоковедения АН СССР. Посвящена жизни и творчеству выдающегося таджикского поэта конца XV — начала XVI вв. Камолиддина Бинои. Автор подробно рассматривает литературную жизнь времени Бинои, взаимоотношения его с великим узбекским поэтом Навои, искажавшиеся в литературе до последнего времени, подробно анализирует идейные и художественные особенности дошедших до нас произведений поэта.

МИРЗОЕВ А. М. Сайидо Насафи и его место в истории таджикской литературы. Пер. с тадж. под ред. А. Н. Болдырева. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1954, 208 с. (АН ТаджССР. Ин-т языка и литературы).

Автор ставит своей задачей установить основные особенности литературного наследия Сайидо и определяет место поэта в таджикской литературе. Книга снабжена биографическим и библиографическим справочниками, содержащими сведения о 46 литераторах XVII в., о которых в настоящее время в научной литературе нет никаких или почти никаких сведений.

МОРОЧНИК С. Б. и РОЗЕНФЕЛЬД Б. А. Омар Хайям — поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1957, 209 с.

Биография Омара Хайяма и исследование его поэтического творчества, научных и философских трудов. В приложении даны переводы на русский язык пяти философских трактатов Хайяма.

НИЛЬСЕН В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI — XII вв. К вопросу о возникновении средневековой архитектуры в Средней Азии. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, 157 с., с илл. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Библиогр., с. 149—155 и прим., с. 137—148.

Автор делает попытку, на основании архитектурно-археологического исследования памятников Бухары, решить вопрос о возникновении среднеазиатской монументальной средневековой архитектуры. Привлечены материалы также из других областей Средней Азии и сопредельных зарубежных стран.

Книга содержит краткие сведения об исторических, социальных, экономических, политических, архитектурных факторах, обусловивших образование среднеазиатской архитектуры средневековья. В заключение высказывается мнение о возможности критического использования некоторых элементов этой архитектуры в практике современного архитектурного строительства.

ОРБЕЛИ И. Армянский героический эпос [«Давид Сасунский»]. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1956, 144 с., 6 л. илл. (АН АрмССР. Ин-т литературы).

В этой работе анализируются содержание и основные образы армянского эпоса «Давид Сасунский», носящего в армянском народном предании несколько названий. Автор исследует исторические корни этой поэмы и сопоставляет ее с эпическими сказаниями других народов.

Очерк истории таджикской советской литературы. Часть I. Редколлегия: М. Турсунзаде, И. С. Брагинский, С. Табаров, Ш. Хусейнзаде, А. С. Эдельман, М. Шукуров. Сталинабад, 1956, 311 стр. Часть II. Редколлегия: Брагинский И. С., Шукуров М., Эдельман А. С., Хусейнзаде Ш. Сталинабад, 1957, 521 с.

«Очерк истории таджикской советской литературы», выпущенный в 2-х частях Институтом языка и литературы АН Таджикск. ССР на таджикском языке (часть первая вышла также на русском языке) в 1956—1957 гг., представляет собой первую сводную работу по истории таджикской советской литературы. Часть первая дает очерк развития таджикской советской литературы с зарождения до 1954 г., подразделяя историю ее на следующие периоды: период победы Великой Октябрьской социалистической революции и укрепления Советской власти в Таджикистане (1917—1929), период довоенных пятилеток (1930—1941), период Великой Отечественной войны (1941—1945), послевоенный период.

Во второй части даны краткие монографические очерки творчества одиннадцати наиболее крупных советских таджикских писателей: С. Айни, А. Лахути, С. Пайрава (Пайрав Сулаймони), А. Рахими, Дж. Икроми, А. Дехоти, М. Турсунзаде, С. Улугзаде, Р. Джалила, М. Миршакара, Х. Юсуфи.

САИНЯН А. Архитектура Касахской башилики. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1955, 304 с., 3 л. илл., табл., карт. (АН АрмССР.

Сектор истории и теории искусств). На арм. яз. Резюме на русск. яз.

Касахская базилика является одним из важнейших памятников раннехристианского периода в Армении. Автор стремится опровергнуть распространенную теорию о чужеземном происхождении архитектурных произведений упомянутого периода и доказать, что их истоки восходят к армянским культовым сооружениям дохристианского периода.

«Узбекский народный эпос», т. I. Ташкент. Изд-во АН УзССР, 1956, 518 с., илл. (АН УзССР. Ин-т языка и литературы и Музей литературы). На узб. яз.

В первый том вошло восемь народных поэм, снабженных кратким словарем.

ХАЛПАХЧЬЯН О. Х. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван. Изд-во АН АрмССР, 1957, 125 с., 81 л. илл. (АН АрмССР. Сектор истории и теории искусств).

В книге рассматриваются армяно-русские культурные связи, начиная с X в. и до наших дней, их отражение на памятниках зодчества, а также прослеживается взаимное влияние русского и армянского искусств.

ЧИКОВАНИ М. Я. История грузинской народной словесности. Тбилиси, Изд-во Науч.-метод. кабинета Мин-ва просвещения ГрузССР, 1956, 588 с. На груз. яз.

Книга вышла третьим изданием и состоит из восьми глав. Это сообщения, древние письменные известия о грузинском фольклоре, история собирания и изучения его в XIX в., сведения о дореволюционном этапе развития, а также освещение вопросов развития современного грузинского фольклора и определение автором понятия «фольклор».

ШАГИНЯН М. С. Этюды о Низами. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1955, 206 с. (АН АрмССР. Ин-т литературы).

Книга М. Шагинян «Этюды о Низами» посвящена исследованию общественных и философских взглядов Низами на основе анализа его ранней поэмы «Сокровищница тайн» и исследованию его поэмы «Искандернаме».

«Этюды по истории древнегрузинской литературы». Сб. Т. III. Сост. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1955, 336 с. На груз. и русск. яз.

В этот том вошли 25 очерков, публикуемых впервые и освещающих различные вопросы по истории древнегрузинской литературы. Некоторые очерки написаны на русском языке, например, «Грузинское возрождение», «Отклики в Грузии на падение Константинополя», «Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI века Леонтия Мровели».

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БАЛАКАЕВ М. Б. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1957, 123 с. (Каз. гос. ун-т. Ин-т языка и литературы).

Вопросы синтаксиса, словосочетаний, исследуемые в данной работе, слабо разработаны вообще в тюркологической литературе, в частности, в трудах по казахскому языку. Автор ставит целью дать возможно более полное описание основных типов словосочетаний в казахском языке: именного и глагольного.

«Говоры муганской группы азербайджанского языка». Баку, Изд-во АН АзССР, 1955, 263 с. На азерб. яз. (АН АзССР. Ин-т литературы и языка).

Книга посвящена одному из самых распространенных диалектов азербайджанского языка. Дается фонетический, морфологический и синтаксический разбор этого диалекта.

«Иберийско-кавказское языкознание». Ibero-Caucasica. VII. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1955, 485 с. (АН ГрузССР. Ин-т языка). На груз. и русск. яз.

Материалы по иберийско-кавказским и картвельским языкам вообще, а также по отдельным: древнегрузинскому, грузинскому (с кахетинским и ингилойски наречиями), сванскому (с лихамульским подналечием), абхазскому, ахвахскому, аварскому, андийским, лезгинскому и табасаранскому языкам.

ИСЕНГАЛИЕВА В. А. Служебные имена и послелоги в казахском языке. Алма-Ата Изд-во АН КазССР, 1957, 148 с. (АН КазССР. Ин-т языка и литературы).

Автор поставил себе целью дать описание и классификацию служебных имен и послелогов казахского языка, а также описание их значений и функции. В качестве фактического материала использованы тексты оригинальной художественной литературы, переводной художественной литературы, язык прессы и живой разговорный язык.

КУДАЙБЕРГЕНОВ С. Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, Киргизучпедгиз, 1957, 108 с. (АН КиргизССР. Ин-т языка и литературы).

Работа посвящена исследованию одной из малоизученных лексических групп киргизского языка — подражательных слов. Подражательные слова в киргизском языке являются особой лексико-грамматической категорией слов, которая отличается от междометий и может быть выделена как самостоятельная часть речи. Во введении дан обзор тюркологической литературы о подражательных словах. К книге приложен список наиболее употребительных образных и подражательных слов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография армянской периодической печати (1794—1900). С предисл. и прим. Сост. Ов. Петросян. Ереван, Гос. кн. палата. АрмССР, 1956, 747 с. На арм. яз.

Ценный справочник по библиографии. Включает важнейшие журналы и газеты, издававшиеся в Армении более чем за столетие. В библиографии указываются уникальные издания.

Библиография изданий Академии наук Казахской ССР 1951—1955 гг. Алма-Ата, 1956, 212 с. (АН КазССР. Центр. научн. б-ка).

В настоящую библиографию включены монографии, научно-популярная литература, периодические издания, сборники и труды Академии наук Казахской ССР.

Библиография изданий Академии наук Таджикской ССР. (Книги и статьи 1951—1954 гг.), вып. I. Сталинабад, Изд-во АН ТаджССР, 1955, 85 с. (АН ТаджССР. Центр. научн. б-ка).

Библиография включает монографии, научно-популярную литературу, периодические издания, сборники и труды Академии наук Таджикской ССР на русском и таджикском языках, опубликованные Издательством АН Таджикской ССР.

Описание археологических материалов, обнаруженных в Грузии и поступивших в 1904—1920 годах. Сост. и подгот. к печати М. М. Бадриашвили, Д. Л. Коридзе, Л. И. Глонти, Т. Н. Чубинишвили. Под ред. А. М. Апакидзе. Тбилиси, 1955, 109 с., 59 табл., 2 карт. (АН ГрузССР. Государственный музей Грузии им. С. Н. Джанашиа. «Каталог археологических материалов», т. II). На груз. и русск. яз.

Описаны многообразные материалы периода от ранней бронзы до эпохи феодализма. Каталог иллюстрирован фотоснимками почти всех описанных предметов (около пятисот).

ПЕТРОВ М. П. Библиография по географии Ирана. Указ. лит-ры на русск. яз. (1720—1954). Отв. ред. В. Н. Кунин. Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, 1955, 237 с., 4 л. илл., 3 отд. л. карт. (АН ТуркмССР).

Библиографический указатель, составленный с учетом требований научных работников, преподавательского состава и студентов географических факультетов высших учебных заведений. Указатель содержит 960 названий книг и журнальных статей. К библиографии приложены два вспомогательных указателя: географических названий и предметно-тематический.

САРЫБАЕВ Ш. Ш. Библиографический указатель по казахскому языкознанию. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1956, 97 с. (АН КазССР. Ин-т языка и литературы). На каз. и русск. яз.

Предназначен для преподавателей вузов, научных работников и студентов. Охватывает литературу по казахскому языкознанию со второй половины XIX в. до 1955 г. включительно. Содержит около 1800 названий книг, монографий, брошюр, журнальных и газетных статей.

Л. А. Мухин, З. Ф. Трудолюбова, Н. З. Хотимская, М. Е. Шумская.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В АКАДЕМИИ НАУК КНДР

За время существования Корейской Народно-Демократической Республики здесь создана широкая сеть научно-исследовательских организаций — институтов и комитетов, разрабатывающих проблемы, относящиеся к различным областям науки и техники.

Высшим научным центром республики является Академия наук КНДР, образованная в 1952 г. В ее состав входят десять академиков и пятнадцать членов-корреспондентов.

Труды многих корейских ученых получили высокую оценку и за пределами Кореи. Так, широко известна «Грамматика корейского языка» и другие работы выдающегося филолога акад. Ким Ду Бона. Писатель и литературовед акад. Хон Мён Хи перевел на корейский язык многие произведения Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и других классиков мировой литературы, большой популярностью пользуется его роман «Лим Ко Чон». Президент Академии наук акад. Пэк Нам Ун—видный экономист и историк. Им написано много трудов по социально-экономическим вопросам: «История социальной экономики Кореи», «История экономики феодальной Кореи» и другие. Перу акад. Пак Си Хена принадлежат монографические труды по исследованию земельной собственности времен династии Ли, а также учебники по истории Кореи периода феодализма для высших учебных заведений и средних школ. Директор Института археологии и этнографии АН КНДР член-корр. То Ю Хо — автор работ по истории первобытного общества Кореи.

В ведении Академии наук КНДР находится ряд научно-исследовательских институтов, в том числе: Институт экономики и права, Институт истории, Институт археологии и этнографии и Институт корейского языка и литературы.

Институт экономики и права был создан в январе 1953 г. С самого начала своего существования Институт приступил к издательской деятельности. В 1954 г. вышел в свет сборник «Развитие народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики», в 1955 г. — «Сборник экономических статей» и «Сборник статей по правовым наукам» (вып. I и II)[1]. С 1956 г. стали выходить журналы — «Кёнчже ёнгу» («Экономические исследования») и «Попхак ёнгу» (Исследования по праву») (периодичность шесть раз в год).

В 1956 г. экономисты Института разрабатывали вопросы экономики переходного периода в КНДР, источников накопления в народном хозяйстве, кооперирования сельского хозяйства, повышения производительности труда в промышленности, роли потребительской кооперации в социалистическом преобразовании деревни и другие. Специалисты в области права исследовали проблемы законодательства и истории права. В своей работе Институт учитывает непосредственные нужды промышленности и сельского хозяйства республики. Совместно с работниками министерств и ведомств проводятся творческие дискуссии, на которых решаются вопросы, связанные с практической деятельностью экономических и правовых органов страны.

[1] В «Сборнике экономических статей» опубликованы статьи: «Особенности экономики переходного периода в Северной Корее», «Вопросы создания фундамента индустриализации страны в период восстановления и развития народного хозяйства после войны», «Сельское хозяйство КНДР, вступившее на путь нового развития», «Роль финансов в восстановлении и развитии народного хозяйства после войны» и другие; в «Сборнике статей по правовым наукам» — статьи «Установление и развитие народной власти в КНДР», «Десять лет правосудия в КНДР и роль Верховного суда в его развитии», «Возникновение и развитие института жалоб и заявлений в КНДР» и другие.

Исследования по истории до основания Академии наук проводились созданной в 1947 г. постоянной Комиссией по составлению истории Кореи. За пять лет своего существования она проделала значительную работу по собиранию материалов для написания истории корейского народа. Орган этой Комиссии — журнал «Екса че мунчже» («Вопросы истории») публиковал научные статьи и документы по отечественной истории. В 1952 г. на базе этой Комиссии был учрежден Институт истории АН КНДР. Его первым директором был акад. Пак Си Хен. Институт подготовил и издал ряд работ. Видное место среди них занимает двухтомная «История Кореи». Первый том излагает события до 1862 г., второй — историю Кореи XIX и XX вв. до наших дней. Это первый обобщающий труд по истории корейского народа, составленный на основе марксистско-ленинской методологии. Ряд выпущенных Институтом трудов относится к истории древней и средневековой Кореи, включая учебные пособия для высших учебных заведений—«Древняя история Кореи», «Средневековая история Кореи» (т. I и II) под редакцией Пак Кен Су, монографии Пак Си Хена «Земельная собственность при династии Ли», Ким Сек Хёна «История военной организации в период династии Ли», Юн Се Пхена «Имдинская хроника (1592—1598 гг.)» и другие. Издано также большое число научно-популярных работ. Большое участие приняли историки в работе по переводу на корейский язык и изданию трудов классиков марксизма-ленинизма. С 1945 по 1956 г. в КНДР вышло в свет 250 различных произведений Маркса, Энгельса и Ленина. Тираж этих изданий достигает пяти миллионов экземпляров. Выпущено 14 томов собрания сочинений В. И. Ленина, переводится «Капитал» К. Маркса и другие. Переведен и издан также ряд трудов советских историков: «История древнего Востока» В. В. Струве, «История Греции» С. И. Ковалева, «История Рима» Н. А. Машкина, «Международные отношения на Дальнем Востоке» — коллективный труд под редакцией Е. М. Жукова, учебники для высших учебных заведений — «История средних веков» под редакцией С. Д. Сказкина, «Новая история» (т. I и II) под редакцией Е. В. Тарле, «Новая история стран зарубежного Востока» (т. I) под редакцией И. М. Рейснера и Б. Н. Рубцова. Переводятся и в ближайшее время будут изданы «Всемирная история» (т. I) и «Новая история стран зарубежного Востока» (т. II). В 1955 г. создан научный орган Института — журнал «Ёкса квахак» (Историческая наука)[2]. Материалы, относящиеся к истории, печатаются также в журналах «Чосон Квахаквон Тхонбо» («Вестник Академии наук КНДР»), упоминавшихся выше «Экономических исследованиях», «Исследованиях по праву» и других периодических изданиях.

В 1956 г. корейские историки изучали вопросы социально-экономической формации трех государств, истории религии и древнего периода истории Кореи, земельные отношения, классовую структуру, историю крестьянства, экономику периода феодализма, события политического переворота 1884 г. и крестьянской войны 1894—1895 гг.

В тематике исследований по истории новейшего времени наибольшее внимание было уделено рабочему и крестьянскому движению в период борьбы против японского империализма, борьбе Трудовой партии Кореи за укрепление демократических основ и единого демократического фронта в КНДР, освободительному движению народа Южной Кореи. Сектор философии, входящий в состав Института истории, занимался изучением творческого применения Трудовой партией Кореи марксистско-ленинской теории в строительстве демократического и независимого государства, а также историей

[2] Обзор десяти номеров этого журнала см. «Советское востоковедение», 1956, № 4, стр. 178—189.

философии и критикой современной буржуазной философии и социологии.

Ведется подготовка к публикации ряда источников по истории крестьянского и рабочего движения, исторической географии древней Кореи, развитию производительных сил Кореи в XVII—XIX вв., военному искусству, истории общественной мысли и т.д. Важным начинанием является предпринятая Институтом истории работа по изданию летописей. Их публикация даст возможность ввести в научный оборот очень ценные первоисточники, тем более, что летописи в Корее сохранились за очень длительный период.

Институт археологии и этнографии Академии Наук КНДР создан в октябре 1953 г. До 1956 г. он назывался Институтом истории материальной культуры. Его директором является член-корр. АН КНДР То Ю Хо. До создания Института археология Кореи изучалась мало. В период японского господства здесь не было какого-либо исследовательского археологического центра. Правда, японцы производили раскопки ряда курганов, но делали это хищническим, варварским способом. Этнография, как наука, в Корее до недавнего времени почти не была представлена. Поэтому и археологию и этнографию как отрасли исторической науки пришлось создавать в Северной Корее заново. Эта задача и была поставлена перед Институтом истории материальной культуры.

Институт состоит из трех секторов — археологии, этнографии и истории искусств.

За короткий срок здесь проведена большая полевая работа по археологическому обследованию территории КНДР и составлена первая археологическая карта Северной Кореи (Южная еще не обследована). Одновременно археологи и историки разработали и издали подробную карту исторических памятников Кореи с указанием выдающихся сооружений корейского зодчества от периода раннего средневековья до наших дней. Начаты раскопки стоянок первобытного человека, могильников и курганов древней и средневековой Кореи. Уже первые результаты изысканий показали, что в Корее богато представлен неолит и бронзовый век. Установлено, что бронзовые изделия того времени носили на себе следы «влияния Китая и народов северных стран» [3]. Из средневековых памятников, вскрытых в последние годы, большой интерес представляет Анакский курган, находящийся недалеко от Пхеньяна. В нем обнаружена мраморная усыпальница одного из королей династии Когурё. Хорошо сохранившаяся иероглифическая надпись на одной из внутренних стен усыпальницы позволяет точно датировать памятник 357 г. Это—монументальное сооружение, сделанное из целых кусков мрамора, без каких-либо соединительных материалов. Состоит оно из нескольких помещений, в центре которых находится могила короля. Помещения соединены проходами, поддерживаемыми мраморными колоннами. На стенах сохранились изумительно красивые красочные фрески. Для своего времени этот памятник был большим достижением зодчества, техники и искусства.

Этнографы Института собрали значительное количество материалов, рассказывающих о быте, обрядах, народных представлениях в масках, истории одежды и т. д., позволяющих в самое ближайшее время создать в Пхеньяне музей этнографии.

Сектор истории искусств Института археологии и этнографии АН КНДР изучает богатое наследие корейской живописи, графики, архитектуры, музыки и других видов искусства. Искусствоведы принимают деятельное участие в организации в Пхеньяне выставок, на которых демонстрируются современные картины, вышивки, рисунки и скульптура. В связи с огромным размахом градостроительства в Северной Корее большое внимание уделяется исследованию национальных традиций в архитектуре. Издан специальный труд по истории, принципам планирования, реконструкции и созданию архитектурного ансамбля городов КНДР; в нем учтен также опыт советских архитекторов. Готовится издание работ, обобщающих археологические данные о первобытном обществе Кореи, средневековых памятниках и пиктографических надписях периода династий Когурё, а также работы по этнографии и истории искусств корейского народа.

Институт корейского языка и литературы АН КНДР был организован в 1953 г. В его составе пять секторов: современного корейского языка, корейской литературы, истории корейского языка и диалектологии, иностранных языков и зарубежной литературы и лексикографии. Институтом составлен и в 1955 г. издан «Малый толковый словарь корейского языка». Он содержит 41 927 слов и представляет собой не только пособие для изучения языка, но и солидный труд по его унификации; готовится также издание Среднего и Большого толковых словарей корейского языка; разрабатываются вопросы транскрипции, орфографии и лексикографии. В 1956 г. издан труд по вопросам транскрибирования иностранных слов на корейскую графику. Кроме того, Институт совместно с правительственным комитетом проводит большую работу по реформе корейской письменности.

Сотрудники Института опубликовали ряд книг, в том числе «Древний корейский язык», «Правописание корейского языка», «Вопросы языкознания» и т. д. Ведется подготовка к изданию ряда исследований по истории корейского языка, его фонетике, морфологии, синтаксису, изучаются такие проблемы, как «История развития литературной критики в Корее», «Образ рабочих в корейской литературе», «Пак Чи Вон—великий писатель-реалист», «Новое литературное направление, так называемое Син Кенъхянъпха» и другие. Шесть раз в год выходит журнал Института «Корейский язык и литература».

Проекты перспективного плана институтов Академии наук КНДР на 10 лет (1957—1966) намечают исследование большого числа интересных проблем во всех областях науки. Институт экономики даст исследования по социалистической индустриализации и коллективизации КНДР, использованию экономических законов в развитии народного хозяйства КНДР, по экономике Южной Кореи и другие. Предполагается написать ряд трудов по истории экономической мысли, развитию капитализма в Корее, истории народного хозяйства КНДР. В области права будут подготовлены работы о сущности и функциях государственной власти КНДР, деятельности правовых органов по обеспечению народно-демократической законности, о правовых вопросах промышленности и сельского хозяйства КНДР. Одновременно будет разрабатываться история государства и права Кореи. Институт истории планирует дать большое число исследований по истории Кореи. Будет изучена природа социально-экономического строя Кореи периода трех государств, характер феодального общества, история борьбы корейского народа против агрессоров. Намечено также разработать такие темы, как борьба корейского народа против японских колонизаторов, история рабочего движения, распространение идей марксизма-ленинизма в Корее, борьба корейского народа за построение социализма, история агрессии американских империалистов в Корее и многие другие.

Следует отметить, что во всех институтах общественных наук Академии наук КНДР систематически проводятся творческие дискуссии. Их тематика разнообразна. Так, в 1956 г. историки обсуждали вопросы социально-экономической формации периода трех государств древней Кореи, происхождения корейской нации, характера революции в Корее. Дискуссии привлекают внимание широких кругов научной общественности. Предварительные материалы и результаты дискуссий печатаются в центральной прессе, «Университетской газете» и в академических журналах.

Из года в год растут международные связи корейских ученых. Все чаще посещают они международные научные съезды и конференции, обмениваются опытом работы с учеными других стран, ведут оживленную переписку и вступают в международные объединения. Историки КНДР создали свой Национальный комитет и обратились с просьбой о приеме их в Международный комитет историков при ЮНЕСКО.

Тесные научные связи устанавливаются между академиями наук СССР и КНДР. Делегация ученых Академии наук КНДР приняла участие в работе Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте в 1957 г. Взаимная помощь и сотрудничество советских и корейских ученых будут способствовать дальнейшему обогащению науки.

М. В. Попов

[3] *Тен Пяк Ун.* Бронзовый век в Корее. «Вестник Академии наук КНДР», 1957, № 1, стр. 49.

ИСКУССТВО СТРАН ВОСТОКА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

На Международной художественной выставке, устроенной в Москве в дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, впервые было широко показано искусство народов Востока.

Около трехсот произведений живописи, графики, скульптуры и предметов художественного ремесла дали возможность посетителям выставки познакомиться с искусством современного Египта. Несмотря на различие школ и художественных направлений, к которым принадлежат создатели этих произведений, всех их роднит горячая любовь к родине, стремление откликнуться своим творчеством на самые актуальные проблемы современности. Главная тема, волнующая большинство художников, — борьба народа против англо-франко-израильских интервентов, героическая оборона Порт-Саида.

На многих картинах запечатлены разрушения, причиненные войной. Улицы, покрытые пеплом пожарищ (Шакер Нагги* «После битвы»), потопленное рыбацкое судно с разорванным парусом и сломанной мачтой (Камель Мустафа «Затонувший корабль»), покинутый крестьянский дом с разбросанным скарбом (Хамуда Ахмед Камель «Последствия войны»). Тысячи египтян остались без крова, война заставила их покинуть родные места, принесла смерть и горе. Скупыми средствами, почти одними символами, художник передает весь трагизм происходящего. На темном фоне, над землей поднимается шест с головным платком павшего защитника родины (Камель Мустафа «Могила солдата»). Картина Ибрагима Мохаммеда Кутбы «Около жертвы» рассказывает о тоске людей, утративших близкого человека. В горе склонились женщины над трупом убитого. Неподвижное, покрытое белым тело резко контрастирует с их скорбными фигурами, закутанными в темные платки. Наибольшей силы тема страдания достигает в картине Салиба Амира «Эмиграция» (см. рис. 2). Женщина, прижимая к груди ребенка, покидает горящий город.

Египетские художники рассказывают не только о горе народа, но и о его самоотверженной борьбе. В гравюре «Народная оборона» Рафаил Сабхи показал солдат и крестьян, стреляющих из-за баррикады. Рисунок Вафи «Воин, защищающий свободу», изображает солдата, загородившего своим телом женщин и детей. Сжимая в руках оружие, египетский воин решительно преграждает путь всем, кто посягает на свободу его родины.

На выставке был широко представлен плакат, сыгравший большую роль в дни вооруженной борьбы, а сейчас призывающий египетский народ к восстановлению разрушенного. На плакате Фуада Ахмеда «Восстановление Порт-Саида» на фоне поднимающегося каркаса здания изображен мускулистый рабочий, несущий огромную балку.

Большое внимание египетские художники уделяют изображению жизни и быта народа. Красочность и сутолока восточного базара хорошо переданы в картине Эль Салехи Фатьмы «На рынке». Тяжелый труд феллахов запечатлен в картине Ауаеса Мохаммеда «Сельская семья». Мужчина, женщина и ребенок несут бревно; согнутые фигуры людей словно придавлены его тяжестью. Художник сумел достичь выразительности поз и композиции, хотя излишняя деформация фигур и ядовито-синий тон, господствующий в картине, несколько обедняют художественную значимость образов.

Египетские художники часто обращаются к изображению простых людей, увиденных ими на рынке, в ремесленной мастерской, на улице. Запоминается картина Иссы Хасиба Ахмеда «Продавец флейт». Локальностью цветового решения, графичностью и плоскостностью фигур она напоминает восточную миниатюру. На картине Бадаро Клеа «Семья» молодая мать внимательно следит за успехами своей дочурки, старательно выводящей первые буквы.

Красочные, многолюдные восточные празднества запечатлены на многих картинах. Среди произведений, написанных на эту тему, выделяется картина Хусейна Таха «Народ веселится», изображающая группу женщин в национальных костюмах. Счастливые лица людей, яркие краски одежд,

* Имена художников даны в соответствии с транскрипцией каталога выставки.

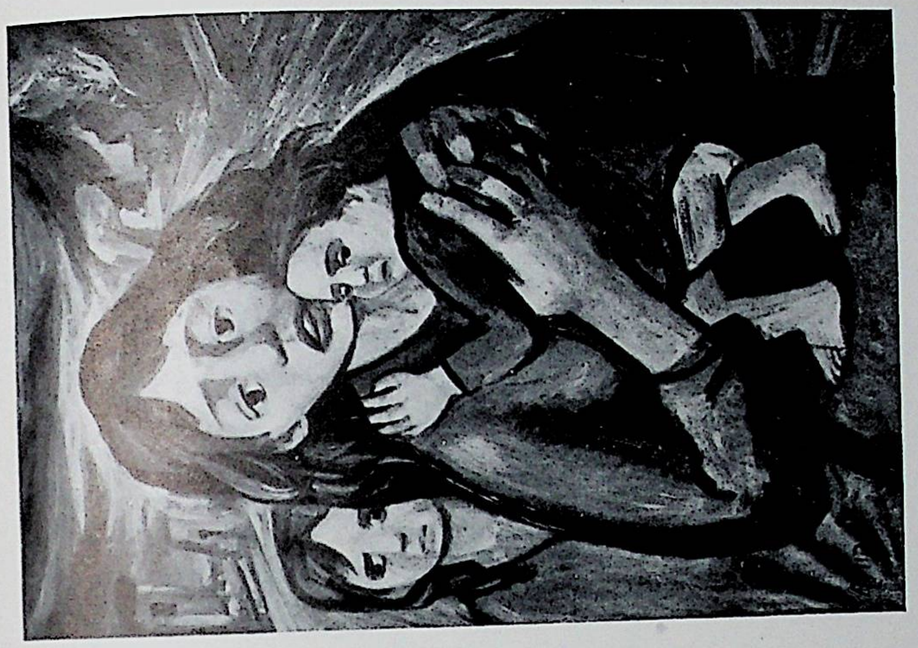

Рис. 2. Салиб Амир. Эмиграция

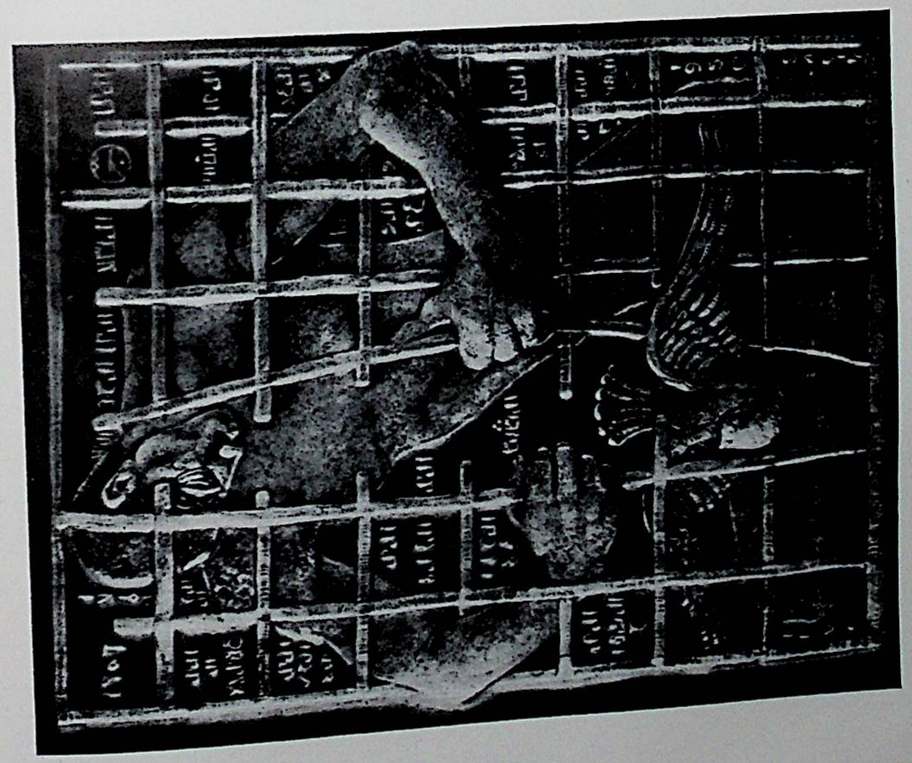

Рис. 1. Сагини Гамаль. Свобода

Рис. 4. Рашад Кабати. Портрет крестьянки

Рис. 3. Салахи. Старая женщина

лучи света, освещающие всю композицию, создают ощущение веселья и радости. Восемь рисунков Айеда Рахеба показывают любимое национальное развлечение египтян — «Танцы лошадей». Интересно отметить, что мастер использует художественные приемы, заимствованные из древнеегипетских рельефов. В частности, позы лошадей, их высокие выгнутые шеи очень напоминают изображения лошадей в батальных композициях египетских храмов.

Гастролям в Египте Государственного ансамбля народного танца СССР посвящена большая красочная серия (33 листа), написанная Уанли Эдхэмом и Уанли Серфэддином.

На многих картинах изображены дети: мальчуган, рисующий танки и парашюты (Джордж аль-Бахгури «Маленький командир»), девочка, положившая голову на колени (Исса Хасиб Ахмед «Спящая Самиха»), мальчик в желтом халатике, сидящий у кувшинов (Саад Бишара Фараг «Мальчик, охраняющий пищу») и ряд других образов детей, написанных с большой теплотой и любовью.

На выставке было представлено много пейзажей. Наряду с документальными зарисовками Порт-Саида в дни войны, имеется много видов Ассуана, Каира и Александрии, а также деревень, разбросанных вдоль Нильской долины. С любовью изображают художники каналы и пальмы, сады и хлопковые плантации, бесконечные дали пустыни. При этом они стремятся не только передать своеобразие египетского пейзажа, но и раскрыть его внутреннюю сущность. В этом отношении типичны «Сельский вид» Сабри Мохаммеда — узкий канал, обсаженный пальмами, и чудесная по своему колориту маленькая картинка Мурси Абдель Вуахаба «Домик у морского берега».

Портретные работы египетских мастеров, хотя и немногочисленны, но в своем большинстве выполнены в реалистической манере. Наиболее интересными в этом жанре являются произведения Сабри Ахмеда и Сабри Мохаммеда. Последнему принадлежит, в частности, прекрасный пастельный портрет девушки из Марокко (см. рис. 5). Тонкая лепка формы в сочетании с серебристо-зелеными, чуть мерцающими тонами делают облик девушки особенно нежным и привлекательным. Хорош по колориту портрет доктора Фуэзиа, созданный художником Хаатом Махги Рефом, хотя само решение портрета — изображение человека, отдаленного от зрителя большими темными очками, — несколько спорно.

Особого внимания заслуживают работы скульптора Гамаля Сагини, удостоенные Золотой медали. Его рельефный плакат, выкованный из меди, называется «Свобода». (см. рис. 1). На нем изображен узник, могучим рывком согнувший решетку тюремного окна. Здесь все зовет к победе и предвещает победу: и сильная фигура человека (с плечами, развернутыми, как на древнеегипетских рельефах), и голубь, вырвавшийся на свободу, и общий мажорный тон всего произведения. «Свобода» имела большой успех как в Египте, так и за тысячи километров от него. Интерес к использованию древних традиций проявляется и в других произведениях Сагини; в частности, в рельефе «Мир и война между небом и землей» нетрудно узнать египетского бога земли Геба и богиню неба Нут. По земле идет пахарь и поднимается стол с дарами, на небе разбросаны звезды, похожие на звезды Нут. Борьбе с темными силами посвящен аллегорический рельеф «Змей», созданный тем же автором. В древнем Египте в виде змея изображалось страшное чудовище Апопий — враг солнца, истребитель живого.

Подобное творческое использование древних традиций весьма характерно для современного египетского искусства. Оно заметно также и на предметах художественного ремесла — изделиях из дерева, глины, бисера, металла, прекрасных ковров и гобеленах, экспонировавшихся на выставке. Очень лиричны и в то же время просты и выразительны маленькие панно-аппликации, сделанные Асадом Нагидом. Интересны по замыслу мозаики из дерева Мазхара Асаада («Дети в дни войны», «В гостях», «Троянский конь»). Особенно следует отметить творчество египетских молодых ткачей, создавших яркие, выдержанные в светлых тонах ковры.

Вековые узы дружбы связывают культуру Египта с соседним Суданом. Эта дружба растет и развивается. Тема мира в искусстве Судана, как и в искусстве других народов Востока, имеет первостепенное значение. Картина Мухтара «Преследуемый ребенок» по своей про-

Рис. 6. Фатах. Юноша с бубном.

Рис. 5. Сабри Мохаммед. Девушка из Марокко.

стоте и лаконичности напоминает плакат: яркий свет падающей бомбы прорезал темноту улицы, по которой бежит маленькая девочка. Контраст черных стен домов и ярко-желтого луча, захватившего девочку, создает ощущение напряженности и взволнованности.

Суданские художники, так же как и их египетские коллеги, уделяют много внимания изображению повседневной жизни и быта народа. Среди мастеров жанровой живописи особенно интересен художник Фатах, представленный на выставке рядом произведений («Уличный продавец», «Революция 1924 года», «Развалины Савакии», «Юноша с бубном») (см. рис. 6). Фатах воспринимает мир очень живо, его картины, отличающиеся оригинальностью композиционных решений, весьма приятны по колориту.

Стремление суданских художников к реализму ярко проявилось в рисунках Салахи («Портрет мужчины», «Старая женщина») (см. рис. 3) для которых характерна смелость штриха, умелая моделировка формы.

Запомнились графические работы двух тунисских художников — Горжи и Турки. Серия гравюр Горжи выполнена в несколько условной, формалистической манере. Этюды Турки отличаются знанием натуры и точностью рисунка.

Впервые на данной выставке посетители смогли познакомиться с молодым изобразительным искусством Сирии. Оно было представлено 23 авторами, среди которых есть художники различных направлений и жанров. Для большинства из них характерна тяга к реализму. «Сирийские художники стремятся к тому, чтобы быть понятными народу, и только реалистическое искусство дает эту возможность»,—сказал в дружеской беседе один из участников выставки, Назем Джафари. К словам Джафари присоединились и другие сирийские мастера живописи, принимавшие участие в беседе.

Много внимания уделяют сирийские художники изображению пейзажа родной страны. Работы Абдула Хади Бакара «Пейзаж Дамаска», Илиаса Зайата «Сирийский пейзаж» были удостоены почетных наград выставки. Высокую оценку получил и «Пейзаж Дамаска» Назема Джафари, впечатляющий своим мягким колоритом и светом.

Большой интерес проявляют сирийские художники и к портрету. Одним из лучших является «Портрет крестьянки» Рашада Кзебати, характеризующийся суровой простотой (см. рис. 4).

Неослабное внимание уделяют сирийские художники темам борьбы за мир и укрепление дружбы между народами. Посетители выставки познакомились с такими произведениями, как, например, большое полотно Назема Джа'фари «Народы

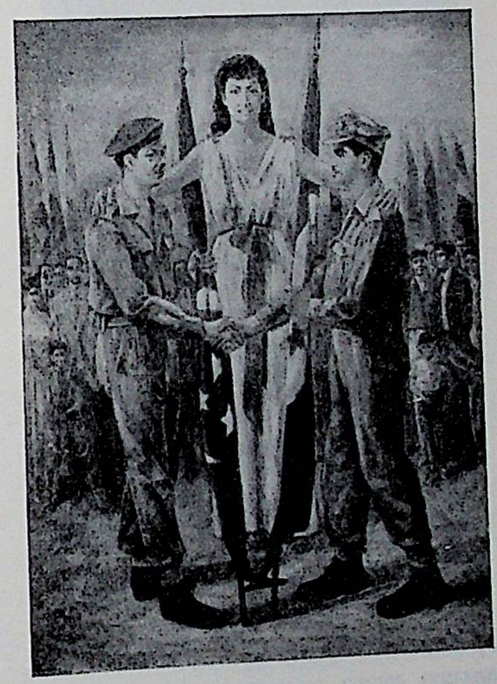

Рис. 7. Назем Джа'фари. Народы приветствуют единство арабов.

приветствуют единство арабов» (см. рис. 7). На первом плане два воина — сириец и египтянин — протягивают друг другу руки; воинов соединяет стоящая в середине женская фигура, символизирующая мир. Сзади со знаменами в руках — народы арабских стран восторженно приветствуют это единение.

Полотно «Мир» Исмаила Хисни и «Девушка с голубем» Наима и Исмаила, выполненные в различных манерах, рассказывают о едином стремлении сирийского народа к миру и созиданию.

Среди немногочисленных произведений художников Ливана следует отметить работы художницы Симоны Бальтаксэ, для которой характерен интерес к жизни простых людей. Такие ее полотна, как

«Беседа рабочих», изображающее момент короткого отдыха за скромной трапезой усталых тружеников, обменивающихся своими невеселыми мыслями, «В цеху» или «Семья с детьми», говорят о тяжелом положении простого народа. На последнем из отмеченных произведений художница изобразила группу женщин и детей,

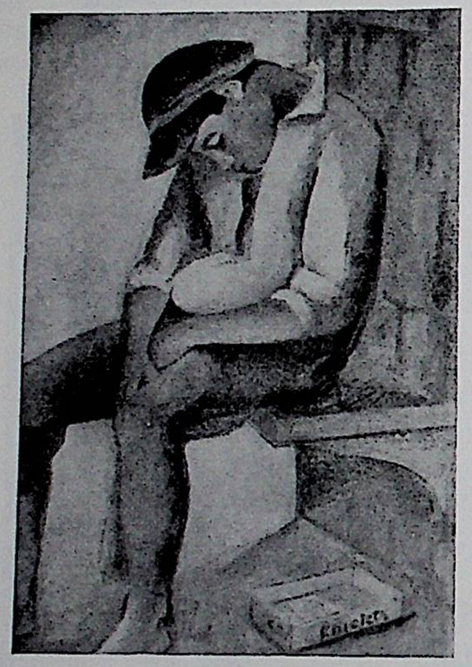

Рис. 8. Симона Бальтаксэ. Сидящий мальчик.

собравшихся в почти пустой компате; центральное место в картине занимает пол комнаты, выложенный белыми безжизненными кафельными плитами. Холодом и горем веет от этого изображения, выполненного в темной красочной гамме. Лучшим из произведений, представленных на выставке Симоной Бальтаксэ, является картина, носящая скромное название «Сидящий мальчик» (см. рис. 8). Смертельно усталый от непосильных тягот жизни, сидит, понурившись, на скамейке мальчик нищий. Чувство одиночества, пронизывающее всю картину, еще более усиливается благодаря холодному колориту и фону, лишенному каких бы то ни было деталей. Автор глубоко сочувствует своему герою. Картина вызывает у зрителя чувство протеста против социальной несправедливости.

Изобразительное искусство Израиля представлено на выставке графикой молодого талантливого художника Кнспела Гершона. Среди его гравюр — иллюстрации к поэме Го Мо-жо «Две звезды», к поэме Вл. Маяковского «150 000 000» и А. Пена «Ночи без крыши» (см. рис. 9). Для творчества К. Гершона характерны смелые линии контуров, четкие и сильные образы, насыщенные подчас большим драматизмом. Его работы удостоены Серебряной медали выставки.

Обращаясь к произведениям прогрессивных художников стран Дальнего Востока, следует отметить, что, несмотря на различие национальных и художественных традиций, все они стремятся поставить свое искусство на службу миру.

Наиболее остро и страстно выступают против войны молодые художники Японии, представители народа, уже испытавшего на себе ужасы атомной бомбардировки. Произведения живописи и графики, находившиеся на выставке, созданы в основном учащимися высших художественных школ Японии. Разнообразны жанры и художественные направления молодого японского искусства, достигшего в послевоенные годы значительных успехов. Посетители выставки видели и яркие солнечные пейзажи Японии (Симидзу Масаки «Пейзаж», Хосихара Мицуро «Моя родная страна»), и индустриальные ландшафты (Сакай Такеши «Труба), и портреты (Хори Мичузо «Портрет», Накано Джун «Этюд», Ито Кацуко «Ребенок» и др.), и жанровую живопись. Выразительно и сурово повествуют художники о тяжелой жизни народа (гравюры Казуо Сато «Жизнь фермеров», Акири Эндо «Слепые, играющие на флейте», удостоенная Бронзовой медали и др.). Современное искусство Японии, гневное, страшное, подчас даже отталкивающее, — это страстный протест против войны, против тех бедствий, которые она принесла и может принести еще народу. Листы художников Миура Хираку «У них отобрали дом», Накаима Ясухико «Мать и ребенок» рассказывают о судьбе обездоленных, лишенных крова людей, о голой, выжженной войной земле. Большая серия гравюр Исии Сигео носит название «Ужасы войны». На фоне бесконечной каменной стены, держась за веревки, висят люди. Одни еще крепко держатся, другие уже выбились из сил, еще мгновение, и они сорвутся в пропасть, где лежит груда тел уже погибших людей. На другом листе

изображены огромные шары и колеса, которые калечат тела людей. Очень выразителен один из листов: за колючей проволокой концентрационного лагеря бежит человек— скелет, обреченный на неминуемую гибель. Серия Исии Сигео — это крик ужаса перед катастрофой, грозящей человечеству.

Молодые японские художники считают, что искусство не может и не должно быть скковано национальными границами. Стремясь сделать свое творчество выразительным, близким всему человечеству, они овладевают достижениями изобразительного искусства различных стран, продолжая вместе с тем национальные традиции Японии. Эти традиции они ищут не в мертвых схемах и образах прошлого, а в специфике подчеркнуто скупой и суровой формы, в яркой декоративности и одновременно тонкости красочных сопоставлений, в логике ритмического линейного узора.

Рядом с японским искусством искусство Народного Китая особенно поэтично и радостно. Пафос социалистического строительства, красота родной природы владеют чувствами и мыслями молодых художников, лучшие произведения которых были отобраны для показа на фестивале с выставки молодых художников, проходившей в Пекине весной 1957 г.

Экспозиция работ художников Китая включает произведения масляной живописи и традиционной живописи на свитках, выполненных в так называемом стиле «гохуа», рисунки и гравюры, прикладное искусство и скульптуру.

Немало художников работает в сравнительно новой для Китая живописи маслом, считая, что она дает возможность наиболее полно раскрыть новую жизнь, новые взаимоотношения между людьми. Запоминаются произведения художников Чжань Цзянь-цзюня «Новый дом» и Ван Сюйчжу «В ожидании переправы». Картина молодого художника Цинь Чжэня, принимавшего активное участие в партизанском движении, рассказывает о жизни Китая в период японской оккупации. В технике масляной живописи создаются портреты (Гао Ди «Сестры-монголки», У Лэ-дзу «Портрет девочки», Хо Куп-дэ «Девушка») и пейзажи (Чэнь Бэй-синь «Утро»). Но в последние годы все больше молодых художников начинают понимать те огромные возможности, которые таятся в традиционной живописи «гохуа». Искусство «гохуа», отточенное на протяжении многих столетий, позволяет художнику, пользуясь скромными изобразительными средствами (главным образом черной тушью), раскрывать самую сущность изображаемых предметов и явлений. Успехи живописи за последние годы показали, что в форме «гохуа»

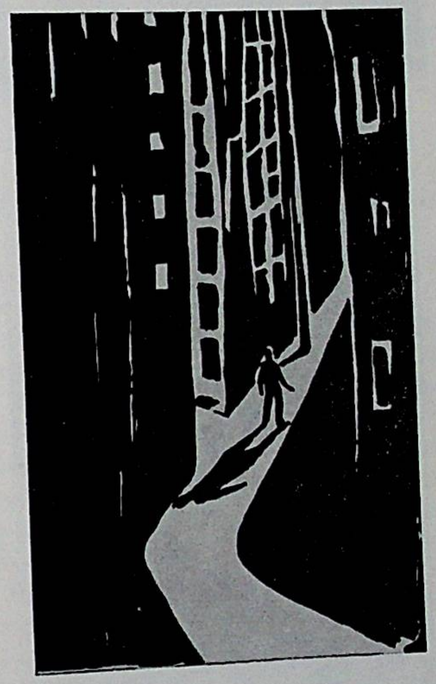

Рис. 9. Кнспел Гершон. Ночи без крыши.

могут развиваться не только традиционные жанры пейзажа, «цветов и птиц», но и современный бытовой жанр. Об этом свидетельствуют, в частности, такие работы, как «Метель в Цайдамской впадине» Хуан Чжоу, удостоенная Золотой медали, изображающая караван геологоразведочного отряда, работа «За чтением» Юй Юэ-чуаня (см. рис. 10), Ши Чжао-дзу «Девушка и утки» и другие.

Хорошо была представлена на выставке интересная область китайского изобразительного искусства — репродукционная гравюра на дереве (мастерская Жунбао-чжай). Молодые мастера выполняют гравюры с произведений старых и современных китайских живописцев. Создавая произведения, очень близкие живописи, они овладевают традиционным мастерством и вместе с тем создают оригинальные гравюры. Этот древний вид китайского искусства, переживший особый расцвет в

период революционной борьбы китайского народа, принимает в последние годы новые формы. Наряду с гравюрой, которая продолжает традиции революционной графики 20 х годов, гравюрой лаконичной

Рис. 10. Юй Юэ-чуань. За чтением.

и острой, строящейся на выразительности линейного контура, на сопоставлении четких красочных или черно-белых пятен (например, «Сучение веревки» Чжу Цинь-бао), появляются так называемые живописные гравюры (например: «У ручья» Ду Юн-цяо, «Рыбная ловля» Мо Цэ и многие другие). Они строятся на тонких красочных сочетаниях. Они во многом близки живописи и в известной мере напоминают древнюю китайскую гравюру.

Одним из наиболее распространенных видов графики являются так называемые книжки-картинки, которые распространяются большими тиражами среди широких народных масс. Рисунки Фэн Цинь-юя к книжке-картинке «Я хочу учиться», созданной по материалам автобиографического романа Гао Юй-бао, безыскусственно и тепло рассказывают о ссудьбе крестьянского мальчика до освобождения страны.

К сожалению, в последние годы незначительное развитие получила еще одна отрасль китайского искусства—«лубок», или новогодние картинки—«нянь хуа». Если в период революционной борьбы и в первые годы после революции многие художники Китая, следуя указанию Мао Цзэ-дуна о том, что «прежде чем учить народ, надо учиться у народа», обратились к этой излюбленной форме народного искусства, то впоследствии она была заброшена. Однако потребность в ярком, красочном лубке, доступном широким народным массам, в доходчивой форме рассказывающем о всем том, что происходит в стране, очень велика. На выставке экспонировалось несколько хороших лубков, в том числе «Танец льва» У Гуан-хуа, удостоенный Серебряной медали, и «Пейзаж парка Цзиншань» Лян Дуна

Широко было представлено на выставке искусство Кореи. Как и китайские мастера, молодые художники Кореи, успешно осваивая новую для них живопись маслом, не забывают и традиционное искусство вышивки и живописи на свитках. Наряду с классическими темами (Лим За Ен «Водопад», Ким Ен Дюн «Танец», «Цветы»), художники отражают в своих произведениях жизнь и борьбу корейского народа. Запоминается картина художника Ли Юль Сона «Крестьянин Пак Чэ Гын оказывает помощь китайскому добровольцу». Теме войны посвящена также серия гравюр художника Хам Чхан Ена.

Произведений индийских художников на выставке было сравнительно немного. В основном это работы художников Калькутты, Бомбея и произведения индийского художника Дасгупта, живущего в Мюнхене. Как и большинство художников Востока, индийские мастера, овладевая современной темой, ищут адекватные ей средства художественной выразительности, обращаясь как к достижениям европейского искусства, так и к древним национальным традициям. Но для Индии характерно не разграничение этих направлений, а наоборот, их сближение. Можно установить различные истоки творчества,

Рис. 11. Аруп Дас. Поездка на заре

например, художника А. С. Бенделя или Бикаш Сен Гупта. Но важнее то, что их произведения, особенно «Беженец», «Пейзаж» А. С. Бенделя или красивые, солнечные акварели Бикаш Сен Гупта, — это правдивый и волнующий рассказ о жизни народов Индии, о ее чудесной природе. И тогда, когда индийские художники обращаются к древнему искусству миниатюры, фрески, ковра, они сохраняют его жизнелюбие, его увлеченность богатством и красотой мира, его любовь к сочному, насыщенному цвету, к изобилию, пышности формы. Не все картины художников Индии одинаково удачны. Наибольшее впечатление оставляют те из них, в которых форма не сковывает непосредственного и индивидуального восприятия художником жизни. Таковы, например, картины Аруп Даса «Шикар» и «Поездка на заре» (см. рис. 11), залитые солнечным светом, полные жизни. Такова картина Сихаре «Величие труда», заражающая зрителя радостным, активным чувством, динамичностью, волнующая яркой декоративной красотой. Запоминается и картина Видья Бхусана «К реке», изображающая трех молодых девушек, идущих по воду. Эта картина пронизана глубоким чувством, ощущением красоты и силы человека.

Изобразительное искусство Камбоджи представлено только литографиями Сам Юна, посвященными природе и жизни крестьянства Камбоджи. Решая свои листы в сочной, живописной манере, с резким противопоставлением света и тени в таких работах, как «Водонос», «Крестьянская семья», художник убедительно передает суровую силу народа, тяжелые условия его жизни.

Искусство Индонезии представляли лишь несколько рисунков тушью Дженария Джека: путевые зарисовки художника. Здесь города и люди Индии и Индонезии («Индийская певица», «Город Хамдар»), природа Советского Союза («оз. Байкал»), знакомые улицы Москвы («Московский университет») и другие.

Представленные на выставке произведения изобразительного искусства стран Востока свидетельствуют о больших творческих возможностях их авторов и о росте национальных художественных школ.

С. И. Ходжаш, И. М. Лосева, Б. Г. Воронова

ХРОНИКА

В СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

На заседании Ученого совета Института 20 декабря 1957 г. были подведены итоги научно-исследовательской деятельности за год. Эта деятельность проходила под знаком реализации исторических решений XX съезда КПСС, касающихся развития советской науки в целом и востоковедения, в особенности.

План научно-исследовательских работ в основном выполнен (завершены 63 работы из намеченных по плану 67). Сотрудники Института подготовили и частично опубликовали ряд исследований по вопросам древней, средневековой, новой и новейшей истории стран Востока, по различным проблемам экономики, филологии и лингвистики. Особо следует отметить ряд работ, посвященных странам народной демократии Азии. Канд. ист. наук С. К. Рощин закончил монографию «Образование и развитие социалистического уклада в Монгольской Народной Республике». Сотрудники сектора Кореи подготовили сборник статей по истории и экономике Кореи. Закончен ряд научных работ, посвященных роли и значению Африки в колониальной системе империализма. Среди них «Матабеле и Машона в борьбе против английских колонизаторов (1887—1897)» (мл. научн. сотрудник А. Б. Давидсон); сборник «Вопросы истории и экономики Африки»; монография д-ра эконом. наук А. Ю. Шпирта «Роль африканского сырья и людских ресурсов во второй мировой войне».

В сборнике, посвященном десятилетию Бирманского Союза, наряду с советскими востоковедами приняли участие и бирманские ученые.

В 1957 г. Институтом востоковедения подготовлен и издан ряд работ сверх плана.

* * *

Важными событиями, имевшими первостепенное значение для всей востоковедной науки, явились Первая Всесоюзная конференция востоковедов в Ташкенте и активное участие большой группы советских ученых в работе XXIV Международного конгресса востоковедов в Мюнхене.

По инициативе и при помощи Института востоковедения АН СССР создаются востоковедческие учреждения в Академиях наук Азербайджанской ССР, Грузинской ССР и Армянской ССР. Намечена подготовка совместных трудов с Институтом востоковедения АН Узб. ССР, с Институтом этнографии АН СССР и т. д.

В целях дальнейшего подъема уровня научных исследований осуществлены мероприятия по усовершенствованию структуры Института. Созданы Сектора конъюнктуры и научной информации, организован отдел языков народов Востока в составе трех секторов: языков Южного Китая и Юго-Восточной Азии; тюрко-монгольских языков Дальнего Востока; иранских и семитских языков.

В 1957 г. было создано Издательство восточной литературы. Важное значение имеет создание нового периодического органа Института — журнала «Современный Восток» (в 1957 г. выпущено 6 номеров журнала).

* * *

Значительно расширились международные связи Института востоковедения как с зарубежными научными учреждениями, так и с отдельными учеными. Систематический характер приняли научные командировки сотрудников Института в изучаемые ими зарубежные страны Востока. В стенах Института состоялись многочисленные встречи с иностранными учеными, посещавшими Советский Союз.

* * *

21 декабря в Институте состоялось выездное заседание Бюро Отделения исторических наук АН СССР. Бюро утвердило отчет о научно-исследовательской деятельности Института востоковедения АН СССР за 1957 год и отметило, что коллектив Института добился заметных успехов в реализации решений XX съезда КПСС.

* * *

В конце прошлого года в Советском Союзе гостила делегация египетских деятелей культуры во главе с министром национальной ориентации Республики Египет г-ном Фатхи Радваном.

Группа членов делегации (министр Фатхи, крупный археолог и историк профессор Абдэль-Монейм Абу-Бакр, литературовед, преподаватель института «Айн-Шамс» (Каир) Али Райя) посетила Институт востоковедения АН СССР и имела беседу с сотрудниками Отдела стран Арабского Востока.

Профессор Каирского университета Абу-Бакр, ученик выдающегося русского ученого — египтолога В. С. Голенищева-Кутузова, прочитал сотрудникам Отдела Древнего Востока доклад о новейших исследованиях египетских археологов и историков.

* * *

В ноябре 1957 г. в Институте состоялась встреча видного японского общественного деятеля, известного теоретика в области культуры, литературной критики, переводчика русской художественной литературы Курахара Корэхито с научными работниками Москвы, изучающими японскую историю, экономику, литературу и язык. Курахара Корэхито сделал доклад о различных течениях в японской литературе послевоенного периода. (Изложение доклада будет опубликовано в следующем номере журнала.)

* * *

По приглашению Академии наук СССР Москву в октябре прошлого года посетил известный индолог Вальтер Рубен (ГДР), крупный специалист по древнеиндийской культуре, философии и истории. Среди востоковедов В. Рубен известен как автор ряда трудов, посвященных развитию философской мысли, религии, культуры древней Индии. Большой интерес представляет и работа В. Рубена по социально-экономическим отношениям в древней Индии. На расширенном заседании Отдела Индии и Сектора Древнего Востока В. Рубен прочитал доклад о рабстве в древней Индии. На основе изучения большого количества источников автор показал развитие индийского рабства с древнейших времен вплоть до эпохи феодализма. Большое внимание было уделено в докладе вопросам древнеиндийской религии. (Сообщение В. Рубена будет опубликовано в одном из ближайших номеров журнала.)

В дискуссии, развернувшейся по докладу В. Рубена, приняли участие научные сотрудники Института востоковедения.

* * *

В ноябре 1957 г. Институт посетил профессор Восточного университета в Неаполе Алессио Бомбачи, ученик известного итальянского востоковеда проф. Л. Бонелли. Проф. А. Бомбачи известен своими исследованиями в области турецкого языка, литературы и средневековых документов. Его последняя работа «История турецкой литературы» привлекла широкое внимание ученых.

В беседе с советскими учеными проф. А. Бомбачи проявил интерес к тюркологическим исследованиям в Советском Союзе, постановке востоковедного образования в СССР.

Проф. А. Бомбачи дал высокую оценку ряду исследований советских востоковедов.

ИНСТИТУТ КИТАЕВЕДЕНИЯ АН СССР

В конце 1957 г. в Институте китаеведения АН СССР состоялась встреча сотрудников Института и группы советских добровольцев — участников революционных событий в Китае с представителями делегации китайских трудящихся. На встрече присутствовали члены китайской делегации — участники Октябрьской революции и гражданской войны тт. Лю Фу, Чэнь Бочуань, Сюй Чжэнь-цзю, известные китайские писатели Лао Шэ и Ба Цзинь, представители китайской прессы.

Ученый секретарь Института Г. Д. Сухарчук познакомил собравшихся с планами работы Института и готовящимися к печати работами. Сотрудник Института Лю Юнань рассказал о работе над сборником воспоминаний советских граждан—участников революционных событий в Китае.

Писатель М. П. Новогрудский сообщил о работе над сборником материалов об участии китайских добровольцев в гражданской войне.

Китайские товарищи — участники гражданской войны — выступили с воспоминаниями о боевых годах партизанской борьбы.

Лао Шэ в своем выступлении остановился на значении культурного и научного сотрудничества для укрепления советско-китайской дружбы.

Своими воспоминаниями поделилась участник революционных событий в Китае Ф. С. Бородина.

* * *

В середине декабря1957 г. в Институте состоялось собрание, посвященное 30-летию восстания в Гуанчжоу. На собрании присутствовали представители общественности столицы, свидетели и очевидцы этого восстания, родственники сотрудников консульства СССР в Гуаньчжоу, казненных гоминьдановцами в декабре 1927 г., а также многочисленные гости и представители прессы.

С докладом о декабрьских событиях выступил старший научный сотрудник Института китаеведения А. Г. Крымов. С воспоминаниями выступили тт. С. А. Далин, С. Н. Наумов, Е. В. Тесленко, А. И. Черепанов.

СОВЕЩАНИЕ СОВЕТСКИХ, МОНГОЛЬСКИХ И КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ В МОСКВЕ

На основе соглашения между Комитетом наук МНР и Академией наук СССР с 1956 г. началась подготовка к написанию силами монгольских и советских ученых трехтомного академического труда «История Монгольской Народной Республики» с древнейших времен до наших дней. Для координации и руководства этой работой была создана главная редакция во главе с действительным членом Комитета наук МНР профессором Б. Ширендыбом.

Первое пленарное совещание Главной редакции состоялось в ноябре 1956 г. в г. Улан-Баторе.

* * *

С 9 по 18 декабря 1957 г. в Москве состоялось второе расширенное совещание членов Главной редакции трехтомника. В работе этого совещания приняли участие: советская часть Главной редакции — С. Д. Дылыков (зам. главного редактора), С. В. Киселев, Г. Д. Санжеев, П. Я. Златкин, П. П. Старицина, А. Т. Якимов; монгольская часть — Б. Ширендыб (главный редактор), Ш. Нацагдорж (зам. главного редактора), Ц. Дамдинсурэн, Г. Гончигдорж, Д. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджав. В работе совещания участвовали китайские ученые: Вэнь Ду-цзянь, Хань Жу-лин, Шао Сунь-чжэнь.

В совещании приняли также участие ученые Бурят-Монгольской АССР, Калмыцкой автономной области, научные сотрудники Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, научные сотрудники сектора Монголии Института востоковедения АН СССР и др.

Каждая из делегаций представила свои варианты развернутого плана трехтомника. Рассмотрению этих вариантов и было уделено основное внимание участников совещания. Варианты планов I, II и III томов обсуждались на секциях. Пленарным заседанием совещания был принят согласованный единый вариант развернутого плана. Решено разработать на основе указанного плана проспект трехтомника «Истории МНР» и рассмотреть его на очередном совещании членов Главной редакции.

На совещании были заслушаны и обсуждены научные доклады и сообщения по различным проблемам истории МНР.

Кроме того совещание заслушало сообщения по вопросам источниковедения. В прениях по докладам и сообщениям выступило около 50 человек.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Посол Цейлона в СССР г-н Г. П. Малаласекера прочел в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова цикл лекций по истории, экономике и культуре Цейлона. Специальные лекции были посвящены государственному строю, религиозным верованиям, быту и нравам народов, населяющих страну.

Лекции г-на Г. П. Малаласекера привлекли многочисленную аудиторию — научных работников, аспирантов, студентов высших учебных заведений столицы.

* * *

30—31 октября в Институте восточных языков проходила научная конференция («Ломоносовские чтения»), посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На заседании филологической секции были заслушаны доклады преподавателей и сотрудников Института, в которых освещались вопросы влияния идей Октябрьской революции на развитие ряда зарубежных восточных литератур, развитие отдельных областей востоковедения за 40 лет, частные проблемы того или иного восточного языка.

М. А. Тырлова сделала доклад на тему «Октябрьская революция и прогрессивная китайская литература 1918—1927 гг.». В докладе Н. Г. Иваненко «Японская прогрессивная литература и Великая Октябрьская социалистическая революция» на анализе творчества отдельных японских писателей было показано непосредственное влияние Октябрьской революции на формирование движения «Пролетарской литературы».

Доклад А. А. Старикова был посвящен вопросу о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на развитие литературы Ирана. В докладе Э. А. Грунтной «Развитие советской тюркологии за 40 лет» анализируется характер развития советской тюркологии; Ш. С. Айляров выступил с докладом «Языковая реформа в Турции». Доклад Т. П. Задоенко «О границе между словом и словосочетанием (на материале результативных образований современного китайского языка)» был посвящен одной из спорных проблем грамматики китайского языка, решение которой имеет особое значение в связи с подготовляемой ныне реформой китайской письменности.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АН СССР

В декабре 1957 г. Институтом совместно с редакцией журнала «Мировая экономика и международные отношения» была проведена научная конференция на тему „Помощь" США странам Азии». Участники конференции заслушали доклады: «Американская „помощь" — петля на шее народов Азии» (В. Я. Аварин); «Система организации американской „помощи"» (В. М. Коллонтай); «„Помощь" США Китаю в 1945—1949 гг. и ее роль в разжигании гражданской войны в Китае» (Г. В. Астафьев) и др.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1958 г. Издательство иностранной литературы предполагает выпустить в русском переводе ряд произведений иностранных авторов по зарубежному Востоку. Среди них: «Древняя история Вьетнама»; «История Кореи», представляющая собой коллективный труд сотрудников Института истории Академии наук КНДР; «Афганистан в XIX в.»— работа известного афганского историка и писателя Рештия Сеид Касым Хана. В фундаментальном труде буржуазного историка Дж. Холла «История Юго-Восточной Азии» излагается история Бирмы, Камбоджи, Лаоса и некоторых других стран Юго-Восточной Азии с древнейших времен до 50-х годов XX в. Будет издана книга Чан Зан Тиена «Президент Хо Ши Мин».

Выйдет ряд книг о международных отношениях: «Репортаж из Лаоса и Камбоджи» У. Бэрчетта и «Черный режим в Ираке» прогрессивного иракского писателя Г. Фирмана, сборник статей «Народы стран Ближнего и Среднего Востока против „доктрины Эйзенхауэра — Даллеса“» и др.

Экономическая литература будет представлена большим коллективным трудом группы японских прогрессивных ученых «Рабочий класс Японии», работой Чжан Цяна «Политика и экономика послевоенной Индонезии», сборником статей «Экономика переходного периода в Китайской Народной Республике».

В 1958 г. будет издан ряд трудов по международному и государственному праву: «Конституция стран африканского континента» (в сборник войдут конституции и конституционные акты Южно-Африканского Союза, Либерии, Государства Гана, Туниса, Марокко), «Конституции стран Юго-Восточной Азии и Океании» (Таиланда, Филиппин, Японии, Индонезии и др.), работа Чжоу Фана «Государственная структура Китайской Народной Республики».

* * *

Вопросам философии посвящен сборник статей Го Мо-жо «Десять критических статей» и сборник работ прогрессивных буржуазных японских ученых под редакцией С. Ицуро: «Современные японские мыслители».

Одной из первых в истории индийской мысли марксистских попыток материалистического истолкования истории индийской философии является книга «История индийской философии» М. Роя.

Филология будет представлена «Грамматикой хинди» К. Гуру, «Историей японской литературы нового времени» Окадзаки и первым томом «Истории арабской литературы» Х. Фахури.

Из художественной литературы в 1958 г. будут переведены рассказы М. Димьяти «Люди и события» (с индонезийского), романы — Б. Варма «Рани Джханси» и Яшпала «Дивья» (с хинди), Т. Исикава «Тростник под ветром» (с японского), Я. Кемаля «Тощий Мамед» (с турецкого), Б. Ринчена «Заря в степи» (с монгольского), «Избранное» Сэнгэ Д. (с монгольского), К. Чандра «Поражение» (с урду), «Избранное» С. Х. Манто (с урду), Цинь Чжао-яна «Вперед, на поля» (с китайского), повесть Нго Тат То «Лампа гаснет» (с вьетнамского), сборник «Пословицы и поговорки» (с корейского), «Рассказы писателей Сирии и Ливана» (с арабского), «Восемнадцать стихотворений» Мао Цзэ-дуна, стихи Валатхолла (с бенгали) и др.

ВСЕСОЮЗНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В ноябре 1957 г. в библиотеке открылась выставка литературы арабских стран. На выставке экспонируется имеющаяся в фондах библиотеки научная и художественная литература на арабском языке, а также научная литература на русском и европейских языках, посвященная странам Арабского Востока.

На выставке была широко представлена пресса арабских стран. Библиотека выписывает 65 наименований газет и журналов из стран Арабского Востока. В числе научных журналов экспонируется «Журнал Арабской академии наук» (Сирия), научно-популярный журнал «ал-Улум» (Египет), литературные журналы: «ас-Сакафа ал-ватанийа» (Ливан), «ал-Адиб» (Ливан), «ан-Наккад» (Сирия), «ал-Хилал» (Египет), общественно-политический и литературный журнал «ат-Тарик» (Ливан) и т. д.

В разделе истории собраны арабские средневековые источники, произведения современных арабских ученых.

На выставке экспонируются: «Мукаддима» средневекового историка Ибн Халдуна, произведение андалузского историка и политического деятеля XIV века Ибн ал-Хатиба, посвященное истории мусульманской Испании, антология ученого и писателя Ибн Кутайбы «Источники сведений», сочинения ученого IX—X вв. из Басры ал-Джахиза: «Книга о скупцах», «Книга о животных», «Книга красот и противопоставлений», новое издание географического словаря Йакута ар-Руми и т. д.

* * *

Представляют значительный научный интерес исследования историков, изданные в последние годы. В 1956 г. вышло 2-томное сочинение Махмуда аш-Шаркави, посвященное жизни и деятельности историка XIX века Абдуррахмана ал-Джабарти. Книга Салах ад-Дина ал-Мухтара «История Саудовской Аравии» (первый том вышел в 1957 г.) восполняет пробел в научной литературе по истории стран Аравийского полуострова. На выставке экспонируются первые два тома «Истории арабской нации» Мухаммада Асада Таласа (Бейрут, 1957 г.), охватывающие доисламский период истории арабов и первоначальный период распространения ислама, произведения ливанского историка и публициста ал-Хусари, посвященные вопросам арабского национального единства, сборник неизданных статей и тексты выступлений ливанского писателя Амина ар-Рейхани «ал-Каумийат» (Бейрут, 1956 г.); монографии исторического содержания, сборники статей и воспоминания основателя и президента Арабской Академии наук в Дамаске Курда Али и т. д. Представляет значительный интерес сборник литературных произведений и публицистических статей под названием «В борьбе... мы с Египтом», выпущенный ливанскими писателями в 1957 г.

В разделе литературоведения на выставке экспонируются труды современных ученых и критиков по истории и теории литературы, а также исследования творчества отдельных средневековых и современных поэтов и писателей. Из общих работ по истории арабской классической литературы следует назвать произведения Ханна Фахури, Мустафы Садика ар-Рафии, Ади Надима, Шавки Дайфа и др. Представляют интерес книги современного литературоведа Бутруса ал-Бустани. Заслуживает быть отмеченной монография Насир ад-Дин ал-Асада «Источники доисламской поэзии и их историческое значение», изданная в Каире в 1956 г.

Отдельные монографии посвящены творчеству средневековых поэтов: Омару ибн Аби-Рабиа, Абу-л-Ала ал-Маарри, ал-Мутанабби, Абу-Нувасу, аш-Шарифу ар-Ради и т. д.

Анализ «Книги песен» Абу-л-Фараджа ал-Исфагани содержится в работах ал-Исмаи, Шафика Джабри, Мухаммада Ахмада Халфаллаха и др. Истории сатирической литературы в доисламский период и в начальную эпоху ислама посвящены две книги Мухаммада Хусейна.

* * *

На выставке экспонировался ряд работ по различным вопросам современной арабской литературы. Следует отметить два исследования литературоведа Мухаммада Юсуфа Наджма «Рассказ в современной арабской литературе» (Каир, 1952 г.) и интересную монографию «Драматургия в современной арабской литературе» (1-й том издан в Бейруте в 1956 г.). Представляет интерес также сборник очерков Абд ал-Кадира ал-Кутта «О современной египетской литературе» (Каир, 1955 г.) и двухтомное исследование Омара ад-Дасуки по истории арабской литературы в XIX—XX вв.

В разделе современной художественной литературы представлены сочинения писателей XX века: Таха Хусейна, Махмуда Теймура, Тауфика ал-Хакима, Абдуррахмана аш-Шаркави, Михаила Нуайме, Джебрана Халила Джебрана, Амина ар-Рейхани, Юсуфа Идриса, Абдуррахмана ал-Хамиси и т. д.

«ВОСТОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ»

23 декабря 1957 г. в конференц-зале Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР открылись ставшие уже традиционными «Восточные чтения», организуемые Институтом мировой литературы и Институтом востоковедения АН СССР. С докладом «Вопросы сравнительного изучения в литературоведении и литература Востока» выступил член-корреспондент АН СССР Н. И. Конрад. Дав критический обзор современного западного сравнительного литературоведения, докладчик на ряде примеров показал необходимость изучения восточных литератур с марксистских позиций в плане сравнения и установления связей. Принявшие участие в обсуждении доклада говорили о связях древнегреческой и санскритской литератур (П. Гринцер), о взаимосвязях современной персидской и таджикской литератур в их соотношении с классической таджикско-персидской литературой (З. Османова), о важности комплексного изучения современных индийских литератур (Н. Вишневская), о связях в области формы (М. Рафили), о проблемах литературных влияний (А. Стариков), о рискованности литературно-исторических аналогий (М.-Н. Османов), о значении сравнительного изучения литературных связей и региональной специфике литератур (И. Брагинский).

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

Ленинградский государственный университет совместно с Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР провел в 1957 г. научную сессию, посвященную вопросам новой истории Индии и индийской филологии.

Приуроченная к двум знаменательным в истории Индии событиям — столетию национального восстания 1857 года и десятилетию со дня освобождения страны — сессия вызвала значительный интерес ленинградской общественности. В ее заседаниях приняли участие представители многих научных учреждений Ленинграда, а также Москвы и Риги. На открытии сессии присутствовали гостившие в Ленинграде члены делийской «Международной академии индийской культуры».

С докладом «Индийское народно-освободите л ь н о е восстание 1857—1859 гг.» выступил кандидат исторических наук Ю. В. Петченко. Заведующий сектором Пакистана Института востоковедения АН СССР д-р ист. наук А. М. Дьяков (Москва) обрисовал в своем докладе экономические и политические успехи Индийской Республики за десять лет ее существования.

Доц. Е. Я. Люстерник ознакомила слушателей с развитием русско-индийских экономических связей в начале 70-х годов XIX века. Заведующая кафедрой индийской филологии ЛГУ доц. В. А. Новикова выступила с докладом «Современная бенгальская литература». Новой пенджабской литературе был посвящен доклад кандидата филологических наук Н. И. Толстой «Выдающийся поэт Пенджаба Дхани Рам Чатрик (1876—1954)».

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АН СССР

Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР (ФБОН) регулярно обменивается книгами и другими изданиями с академиями наук, университетами, научными обществами, научно-исследовательскими институтами, национальными библиотеками, музеями, статистическими и плановыми организациями, редакциями журналов и издательствами, а также общественными организациями многих стран Востока.

За последние годы особенно возрос книгообмен с организациями Китайской Народной Республики, откуда получено несколько тысяч томов старых изданий, представляющих собой большую научную ценность, например, собрание классических китайских произведений «Сы бу цункань» в 4-х разделах (2100 томов), Свод законов Цинской империи в 494-х томах, крупнейшая серия публикаций древнекитайских источников «Сы ку чжень бэнь цуншу» в 1960 томах и др.

Большое количество литературы из Демократической Республики Вьетнам присылает Комитет по изучению истории, географии и литературы, Общество вьетнамо-советской дружбы и Центральная библиотека Ханоя. Из Вьетнама в ФБОН поступают все издания общественно-научного и политического характера, в том числе «Правительственный вестник», научный журнал «Литература, история, география», журнал «Литература и искусство» и другие. Из Сайгона (Ю. Вьетнам) поступает многотомная серия книг, издаваемая французским институтом изучения Дальнего Востока.

Ведется книгообмен с Библиотекой Академии наук КНДР (г. Пхеньян) и Институтом народного хозяйства при Кабинете министров.

Из Бароды прислано многотомное издание «Гаеквадс ориентал сериес». Деккан Колледж (Пуна), Индийский Совет по изучению международных отношений и Национальная Академия литературы в Нью-Дели, а также Индийский институт мировой культуры в Бангалоре присылают как свои публикации, так и издания других организаций.

Интересный статистический материал прислан недавно из Египта. Налаживаются научные книгообменные связи с группой изучения Угарита в Сирии, издающей свой бюллетень, ФБОН высылает в ее адрес «Вестник древней истории» и монографии по соответствующей тематике. Ведется переписка и книгообмен с Угандой, Родезией, Ганой.

Весьма активен книгообмен с библиотекой японского парламента, Японским историческим обществом, Токийским и Киотским университетами, Университетом Хо сэй, Японо-советской библиотекой, Институтом по изучению Китая. Среди наиболее важных поступлений из Японии следует отметить: национальную японскую библиографию, материалы ежегодных собраний исторического общества, журналы научных обществ и институтов при университетах.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

В конце декабря 1957 г. в Государственном музее восточных культур открылась выставка изобразительного и декоративно-прикладного искусства Сирии. На выставке были представлены пейзажи, портреты, натюрморты, исторические полотна, резьба по дереву и кости, чеканные изделия из меди, серебра и стали, одежда и предметы домашнего обихода.

Общественность столицы проявила большой интерес к первой в Советском Союзе выставке сирийского искусства.

БАШКИРСКАЯ АССР

За годы Советской власти количество книг, выпускаемых издательствами Башкирии, сильно возросло. Так, в 1923 г. Башкирским книжным издательством были изданы четыре книги тиражом 8500 экземпляров.

В 1956 г. в том же издательстве вышло 146 книг тиражом 655 090 экз. В этом году будет выпущено 155 названий книг тиражом в 895 000 экз.

КАРА-КАЛПАКСКАЯ АССР

Научные сотрудники Кара-Калпакского комплексного научно-исследовательского ин-та АН УзССР записали со слов жрау Кияса Хайратдинова полный вариант эпоса узбекского и кара-калпакского народов «Алпамыс». Кара-Калпакское государственное издательство выпустило книгу с предисловием кандидата филологических наук И. Сагитова.

ТАДЖИКСКАЯ ССР

Литературный и общественно-политический журнал «Шарки сурх» знакомит своих читателей не только с произведениями советских писателей, но и с авторами зарубежного Востока.

Так, в № 6 за 1957 г. большое место отведено произведениям афганских писателей. Напечатана публицистическая статья президента афганской акаде-

мии «Пушту Толина» Гульпачи Улфата «Наш сегодняшний и завтрашний день», опубликованы стихи афганских поэтов Рафика Шамреза, Ваджида, Хатира, С. А. Джалиля и др. В № 7 помещена статья Д. С. Комиссарова о жизни и творчестве прогрессивного современного иранского писателя, историка и литературоведа Садека Хидаята, а также рассказ С. Хидаята «Патриот». Стихотворения афганских поэтов и рассказ С. Хидаята напечатаны на языке оригинала.

УЗБЕКСКАЯ ССР

Под руководством проф. Я. Г. Гулямова ведется изучение древнего поселения II — I в. до н. э. и начаты раскопки одного из крупных городов древней Ферганы — Кувы. Культурные слои города имеют более 9 м толщины. При раскопках найдены памятники, свидетельствующие о существовании здесь поселения еще в первом тысячелетии до н. э.

* * *

В Ташкенте открыт Музей узбекской литературы им. Алишера Навои при Институте языка и литературы Академии наук республики. В музее собраны материалы о творчестве Алишера Навои и его последователей, о писателях-демократах XIX в. Фуртаке, Мукими и др., а также о советской узбекской литературе, узбекском фольклоре и т. д.

* * *

Институт истории и археологии АН УзССР выпустил в свет второй том «Истории Узбекской ССР», охватывающий период от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Книга завершает собой созданную научным коллективом Института «Историю УзССР» в двух томах.

* * *

Большой интерес представляет недавно найденная кандидатом филологических наук Х. Зариповым касида Алишера Навои «Хилалия». До сих пор считалось, что это замечательное поэтическое произведение утеряно. Касида опубликована в № 6 журнала «Шарк Юлдузи» за 1957 г. с кратким предисловием чл.-корр. АН Узбекской ССР В. Ю. Захидова.

ЗА РУБЕЖОМ

СОВЕЩАНИЕ ВОСТОКОВЕДОВ В ВАРШАВЕ

В октябре 1957 г. в Варшаве, по инициативе востоковедных институтов СССР, Польши и других социалистических стран, состоялось совещание по вопросу об изучении и издании восточных источников по истории народов Восточной и Центральной Европы. В совещании приняли участие ученые Венгрии: Л. Фекете, К. Цегледи; Польши: А. Зайончковский, С. Левицкий, Я. Рейхман, С. Стрельцин; СССР: Б. Заходер, В. Беляев, А. Тверитинова; Чехословакии: И. Хрбек; Югославии: Б. Джурджев. Участники совещания заслушали доклады, освещавшие историю и современное состояние изучения восточных источников. Были обсуждены насущные научно-организационные вопросы и принята резолюция, отмечающая плодотворность проведенного совещания и необходимость дальнейшего усиления международного сотрудничества. Признано необходимым ежегодно проводить совещания ученых, занимающихся разработкой восточных источников. Совещание избрало организационный комитет в составе: А. Зайончковского (председатель), Б. Джурджева, Б. Заходера, Л. Фекете, И. Хрбека. Намечено издание библиографий, каталогов и критических изданий текстов ал-Масуди, ал-Идриси и Эвлия Челеби, касающихся народов Восточной и Центральной Европы.

КОНФЕРЕНЦИЯ МОТ в ДЕЛИ

С 13 по 25 ноября 1957 г. в столице Индии Дели проходила IV азиатская региональная конференция Международной Организации Труда. В ней участвовало 19 стран, в том числе 13 стран и территорий обширного района Азии — от Пакистана на западе до Японии на востоке. Впервые в работе азиатской региональной конференции МОТ приняли участие делегаты Советского Союза.

Участники конференции обсудили доклад Генерального директора МОТ, содержавший обзор некоторых основных экономических проблем, стоящих в настоящее время перед странами Азии и непосредственно затрагивающих интересы трудящихся. Делегаты стран Азии, вставших на путь самостоятельного развития, рассказали об усилиях своих стран по преодолению наследия колониализма — промышленной отсталости, неполной занятости населения и низкого жизненного уровня трудящихся. Представители Советского Союза в своих выступлениях выразили солидарность с стремлением народов стран Азии к полной национальной независимости, к развитию самостоятельной экономики и ознакомили конференцию с успехами народов СССР.

Конференция единогласно приняла предложенную представителем профсоюзов СССР резолюцию, призывающую все правительства стран Азии привлекать профессиональные союзы к участию в разработке планов экономического развития и проектов трудового законодательства. При поддержке советских делегатов единодушно были приняты две резолюции, содержащие ряд рекомендаций, отвечающих интересам широких слоев трудового населения стран Азии — об улучшении положения арендаторов, издольщиков и других подобных категорий трудящихся, занятых в сельском хозяйстве. Конференция приняла также резолюцию «Об отношениях между трудящимися и предпринимателями», в которой отразились, к сожалению, противоречащие насущным интересам рабочего класса лозунги «сотрудничества» между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

СОВЕТСКАЯ ВОСТОКОВЕДНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ПРАГЕ

По приглашению директора Института востоковедения Академии наук Чехословакии академика Ярослава Прушека в декабре 1957 г. Прагу посетила советская востоковедная делегация в составе: директора Института востоковедения АН СССР академика АН Таджикской ССР Б. Г. Гафурова, главного редактора журнала «Советское востоковедение» члена-корреспондента АН Таджикской ССР И. С. Брагинского и директора Издательства восточной литературы О. К. Дрейера. Советская делегация подробно ознакомилась с организацией востоковедных исследований и постановкой востоковедного образования, с библиотеками и рукописными фондами в Праге.

Советские востоковеды и чехословацкие ученые обсудили вопросы взаимной координации научных исследований. Достигнута договоренность об обмене книгами, о подготовке ряда совместных изданий. Институт востоковедения АН СССР будет ежегодно издавать сборник рефератов работ чешских ориенталистов, а в чехословацком журнале «Архив ориентальны» будут периодически публиковаться обзоры работ советских востоковедов.

Советская делегация поддержала и выдвинутое чехословацкими востоковедами предложение о создании постоянно действующего органа сотрудничества востоковедных учреждений социалистических стран Европы.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ИСЛАМУ

С 29 декабря 1957 г. по 8 января 1958 г. в г. Лахоре (Пакистан) проходили заседания Международного коллоквиума по Исламу. В коллоквиуме приняла участие советская делегация.

(Информация о коллоквиуме будет напечатана в следующем номере журнала).

КОНФЕРЕНЦИЯ ЮНЕСКО В ДУБРОВНИКЕ

С 1 по 6 октября 1957 г. в гор. Дубровнике (Югославия) состоялась Вторая конференция европейских национальных комиссий по делам ЮНЕСКО, созванная по инициативе Югославской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО с целью обмена опытом работы между национальными комиссиями европейских стран. В работе конференции приняли участие делегации 26 стран Европы и несколько наблюдателей из стран Азии и США.

Одним из главных вопросов повестки дня был вопрос об участии европейских государств — членов ЮНЕСКО в работе по выполнению основного проекта «Об обоюдном признании ценности народных культур Востока и Запада» (см. журнал «Советское востоковедение», № 4 за 1957 г.).

* * *

Многие национальные комиссии уже провели подготовительные меры и представили согласованные планы участия в осуществлении проекта «Восток—Запад». Так, например, польская национальная комиссия создала рабочую группу, в состав которой вошли востоковеды — профессора университетов Варшавы, Кракова, Лодзи. Эта комиссия выработала ряд предложений о расширении переводческой и научно-исследовательской работы в области восточной филологии и истории, о мероприятиях по популяризации проблем проекта «Восток—Запад» с помощью статей, лекций, кинофильмов, трудов экспертов, об обмене публикациями и сотрудничестве с редакциями этих публикаций и журналов, занимающихся вопросами востоковедения, и т.д. Предполагается провести конференцию историков и востоковедов с целью изучения проблемы преподавания истории Востока в польских университетах и средних учебных заведениях.

* * *

В Чехословакии создан комитет по проведению проекта «Восток — Запад», в состав которого наряду с учеными-востоковедами входят также этнографы, деятели изобразительного и театрального искусства, музыканты, публицисты и работники просвещения. В рамках осуществления этого проекта в Чехословакии были организованы выставки китайского, египетского, цейлонского и индонезийского искусства. Предполагается провести международный коллоквиум, посвященный анализу главным образом идеологических аспектов проекта и его значения в деле расширения мирного сотрудничества между народами.

* * *

Национальная комиссия Югославии собрала и систематизировала данные о проводившейся до сих пор в стране работе по ознакомлению с культурными ценностями Востока и Запада. Подготовлен план, предусматривающий посылку в страны Востока молодых научных работников с целью изучения языков и культур народов этих стран, составление совместно с другими странами справочника о культурных ценностях Югославии и соседних с ней балканских стран. В 1958—1960 гг. будет организован международный симпозиум писателей, философов, социологов, психологов и т. д. стран Востока и Запада по одной из крупных гуманитарных проблем нашей эпохи (например «Личность и общество»).

* * *

Национальная комиссия ФРГ сообщила, что в настоящее время в стране существует свыше 100 организаций, не считая 70 институтов, изучающих различные вопросы востоковедения. Все эти организации будут привлечены к сотрудничеству в выполнении проекта «Восток — Запад». В 1958 году в г. Брауншвейге при участии Международного института по учебникам будет организована встреча европейских историков на тему «Оценка европейской цивилизации в учебниках стран Азии», затем будет проведен семинар на тему «Развитие международного взаимопонимания между молодежью ФРГ и Индии». Бельгийская национальная Комиссия с помощью ЮНЕСКО организует в 1958 г. в Брюсселе международный коллоквиум на тему «Совершенствование человека в современном мире», в котором примут участие около 30 ученых стран Востока и Запада. Согласно плану, представленному национальной комиссией Франции и Парижа, в ближайшее время будет организована выставка о взаимосвязи западной и восточной культур. Скандинавские страны: Финляндия, Норвегия, Швеция и Дания, разработали совместный план участия в основном проекте «Восток—Запад», включающий организацию передвижной выставки, посвященной странам Азии, организацию совместных поездок в страны Востока и т. д.

* * *

В ходе общей дискуссии все делегаты согласились с тем, что первый этап в осуществлении проекта «Восток — Запад» должен предусматривать составление каждой страной списка учреждений, занимающихся изучением восточных культур, которые должны быть направлены секретариату ЮНЕСКО. Следует также направить списки книг и публикаций, являющихся наиболее характерными для национальных культур различных стран, а также списки книг о восточных странах, вышедших в странах Запада. Было принято предложение Венгрии и Бельгии провести в 1958 г. в различных странах неделю обоюдного ознакомления Востока и Запада. Делегации Болгарии и Румынии внесли предложение о совместном участии и тесном сотрудничестве стран Балканского полуострова в проведении в жизнь проекта «Восток — Запад». Было решено организовать сотрудничество университетов и научных учреждений различных стран в области изучения проблем, касающихся Востока. Советская делегация ознакомила участников конференции с формами и методами работы, которая ведется в Советском Союзе по развитию культурного сотрудничества между СССР и странами Востока, а также с планами работы советских ученых в деле осуществления мероприятий, связанных с проектом «Восток—Запад», которые в настоящее время вырабатываются недавно созданным в нашей стране специальным комитетом по осуществлению проекта.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В ТОКИО

С 28 октября по 5 ноября 1957 г. в гг. Токио и Киото состоялся Международный симпозиум по истории культурных связей между странами Востока и Запада, начиная с древнейших времен и до нового времени. Симпозиум был организован японской комиссией ЮНЕСКО. В его работе приняли участие представители 22 стран Азии, Европы и Америки. Самое активное участие в работе симпозиума приняли японские ученые.

Работа симпозиума делилась на две секции: истории и археологии; этнографии и философии. Кроме того, были проведены пленарные заседания с докладами на общие темы и по организационным вопросам.

Советские ученые представили на симпозиум три доклада: «Роль древнего Прибайкалья в культурных связях между Востоком и Западом» (д-р ист. наук А. П. Окладников); «Об установлении культурных связей между Россией и Японией» (XVIII в.) (канд. ист. наук П. П. Топеха); «О культурных связях народов Средней Азии с Востоком (в средние века)» (д-р ист. наук Т. Н. Кары-Ниязов). Доклады советских историков вызвали большой интерес участников симпозиума.

Работа симпозиума была закончена в Киото, где его участники имели возможность детально ознакомиться с памятниками древней культуры Японии. А. П. Окладников, по приглашению историков и археологов Киотоского университета, прочел лекцию на тему о работах советских археологов и историков по изучению древней истории Приморья и Восточной Сибири. Лекция сопровождалась показом диапозитивов и привлекла большую аудиторию; докладчику было задано много вопросов.

В «Обществе изучения СССР» в Токио, по просьбе его членов, с докладом о культурном строительстве выступил Т. Н. Кары-Ниязов; доклад настолько заинтересовал слушателей, что был повторен еще раз для более широкой аудитории.

КИТАЙ

Событие огромной важности произошло 11 декабря 1957 г. в культурной жизни китайского народа. В этот день все китайские газеты опубликовали проект фонетического алфавита, принятого на Пленуме Государственного Совета 1 ноября 1957 г.

Проект, разработанный комитетом по реформе китайской письменности, обсуждался в течение двух последних лет широкими кругами научной общественности и теперь напечатан для ознакомления и всенародного обсуждения. (Подробное сообщение о проекте будет опубликовано в следующем номере нашего журнала.)

* * *

1957 год, год решающих побед социалистической революции в Китае в области идеологии, ознаменовался значительным оживлением исследовательской работы в области изучения истории китайской философии. В первой половине года развернулась дискуссия вокруг таких вопросов, как предмет и рамки истории философии Китая, особенности китайской философии, отношение к национальному философскому наследству. Сборник статей и докладов участников дискуссии представляет большой интерес. Наряду с расширением публикации памятников и переизданием трудов, вышедших ранее, увеличилось число новых статей и отдельных работ. Работы, вышедшие в 1957 г., охватывают обширный круг вопросов от учений древности и средневековья до нового и новейшего времени. Так, например, вышли статьи и работы, посвященные Ван Чуну (I в. н. э.), Фань Чжэню (V—VI вв. н. э.), Дай Чжэню (XVII в.), Тань Сы-туну (XIX в.). С интересным начинанием выступил журнал «Синьцзяньшэ» («Новое строительство»), печатающий из номера в номер тезисы лекций по истории китайской философии, читаемых на философском факультете Пекинского университета. Серьезным событием не только в жизни историков философии, но и в жизни китайских историков, явился выход в свет второго и третьего томов коллективного труда «Всеобщей истории идеологии Китая» (1-й том вышел в 1956 г.), охватывающих сложный и малоизученный период от II в. до н. э. до VI в. н. э. Авторский коллектив возглавляет Хоу Вай-лу.

ПОЛЬША

На расширенном заседании Комитета по востоковедению Польской Академии наук, посвященном 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, проф. А. Зайончковский выступил с докладом «Советское востоковедение в свете решений Первой всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте».

* * *

В 1957 г. в Пекине скончался выдающийся польский ученый, бывший профессор Пекинского университета «Цзин Хуа», заведующий кафедрой синологии Варшавского университета проф. Витольд Яблоньский. Проф. Яблоньский — автор многочисленных научных трудов и переводов с китайского языка на польский. Проф. Яблоньский проводил большую научную работу, возглавляя Институт востоковедения Варшавского университета, а также являясь членом Комитета по востоковедению и руководителем отдела по созданию польско-китайского словаря Восточного отделения Польской Академии наук.

РУМЫНИЯ

В Бухаресте организована Секция востоковедения Общества исторических и филологических наук Румынской Народной Республики. Секция объединяет свыше 40 румынских ученых, в том числе и молодых специалистов. Определен круг проблем, исследованием которых должны заниматься ее члены. К числу этих проблем относится, прежде всего, история румынско-турецких отношений. В архивах Румынской Народной Республики только на древнетурецком языке имеется свыше 100 тыс. рукописей и еще большее число материалов, относящихся к XVIII и XIX вв. Секция занимается кроме того изучением современных армянского, грузинского, китайского, японского, турецкого, персидского и арабского языков, классических восточных индоевропейских, арабского и тибетского языков, а также семитских языков. Одновременно с этим изучаются кавказоведение и ассирология. Большое внимание уделяется философии, литературе, этнографии, искусству народов Востока.

Секцией востоковедения и отдельными румынскими учеными установлена связь с научными учреждениями Советского Союза, Венгрии, Польши, Болгарии и других стран Европы, а также стран Ближнего и Дальнего Востока.

Для расширения научных связей предполагается организация учебных и научных командировок в зарубежные научно - исследовательские учреждения, а также обмен делегациями, научными изданиями, информацией, материалами.

Предполагается в ближайшее время приступить к изданию специального журнала по вопросам востоковедения.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

В течение нескольких месяцев чехословацкий лингвист д-р Опльт находился в Индонезии по приглашению правительства этой страны. Он посетил ряд провинций Индонезии, изучая культуру, обычаи, языки народов, населяющих эту страну.

Чехословацкий ученый выступил с лекцией, в которой рассказал слушателям о чехословацко-индонезийских культурных связях.

АНГЛИЯ

В Англии создана организация «Африканская Лига», имеющая свой печатный орган — газету «Голос Африки». В эту организацию входят обучающиеся в Англии студенты из различных африканских стран. Цель, которую ставит перед собой Лига и издаваемая ею газета, заключается в том, чтобы «объединить всех африканцев для совместной борьбы за освобождение народов Африки от колониального гнета». По словам президента Лиги Джона Лонгмора, «Лига неустанно работает над созданием Объединенной федерации африканских социалистических государств».

«Голос Африки» публикует много интересных материалов об освободительной борьбе народов Африки, росте их национального самосознания, а также убедительные факты, характеризующие их бедственное положение. Так, в мартовско-апрельском номере 1957 г. газета поместила статью, посвященную Дедан Кимати, одному из руководителей национально-освободительной борьбы в Кении, расстрелянному по приказу английских колониальных властей в феврале 1957 г. В этом же номере газета рассказывает о многочисленных фактах дискриминации и полицейских преследований африканцев, находящихся в Англии.

В июньско-июльском номере газета уделяет много внимания Нигерийской конституционной конференции, происходившей в мае — июне 1957 г. в Лондоне. Характеризуя роль и значение основных политических партий этой крупнейшей из оставшихся английских колоний, газета указывает, что в то время как Национальный Совет Нигерии и Камеруна и Союз прогрессивных элементов Севера являются партиями, отстаивающими единство Нигерии, две другие крупные партии—«Группа действия» и «Конгресс народов Севера» проводят политику, выгодную английским колонизаторам, стремящимся расколоть страну. В этом номере газета дает достойную отповедь лидеру английских лейбористов Гейтскеллу, выступившему на страницах газеты «Манчестер Гардиан» с клеветой по адресу Советского Союза в связи с венгерскими событиями.

* * *

В Лондоне состоялась вторая конференция по вопросам истории и археологии Африки. Конференция была созвана Институтом востоковедения и африканистики при Лондонском

университете. В ее работах приняло участие свыше ста научных работников из Англии, Франции, Бельгии, Португалии, США, а также историки, археологи и этнографы, работающие во многих районах Африки.

Доклады, заслушанные на конференции, показали, что в последние годы особенно успешно разрабатывались вопросы древнейшей археологии Африки. Наибольший интерес представляют раскопки на восточноафриканском побережье. Ценные находки сделаны также в Гане и Нигерии. Отмечая значение уже проведенных исследований, участники конференции подчеркнули желательность применения новейших достижений химии, физики, естествознания для датировки памятников материальной культуры (определение возраста растительных остатков и т. п.).

Большое внимание конференция уделила новой истории африканского континента. Многие из выступавших указывали, что современная африканистика должна разрабатывать историю народов Африки, а не одну только историю колониальной политики и колониальной администрации, как это делалось до сих пор.

Конференция приняла ряд резолюций. Среди них особенно интересны рекомендации относительно организации международной археологической экспедиции в район верховьев Нила и озера Чад, а также о комплексном изучении истории Африки к югу от Сахары.

АФГАНИСТАН

С весны 1957 г. министерство просвещения Афганистана, помимо журнала «Ирфан» (на фарси), приступило к изданию квартального журнала на пушту «Знание», освещающего проблемы разных областей науки. Редактором журнала назначен известный литературовед и журналист Г. Х. Жобль.

* * *

Афганская Академия издала отдельной книгой стихотворения в прозе (на пушту) известного афганского писателя Абдуррауфа Бенава «Горестные размышления». До 1952 г. они печатались в органе Академии, журнале «Кабул».

ДАНИЯ

В 1957 г. скончался выдающийся датский востоковед тюрколог и монголовед Карл Гронбек, известный как автор многих трудов по монгольской и турецкой филологии, в частности, по монгольскому и турецкому языкам, древним и новым. Перу Карла Гронбека принадлежат работы, посвященные грамматическому анализу языка «Кодекс Куманикус», «Кудатку билик». «Диван люгат ат-Тюрк» и т. д.

Карл Гронбек являлся президентом Международного общества ориенталистов и главным издателем журнала «Acta Orientalia».

ИНДИЯ

В Дели недавно состоялась Всеиндийская конференция востоковедов. Среди участников конференции — видные ученые в области истории, лингвистики, философии и других наук.

* * *

В декабре 1957 г. в Дели открылась выставка «Индия в Чехословакии». На выставке собраны документы, свидетельствующие о постоянно укрепляющихся дружественных связях между Индией и Чехословакией, о визитах видных общественных деятелей Индии в Чехословакию. Уже почти 500 лет тому назад в Чехословакии интересовались Индией. В то время Томаш из Штитного переводил книгу о Будде. На выставке представлены работы чешских востоковедов об Индии и переводы индийской литературы.

ИНДОНЕЗИЯ

В конце 1957 г. в г. Джокьякарте проведен семинар по вопросам истории Индонезии. Среди вопросов, обсуждавшихся участниками семинара: периодизация истории Индонезии, философская концепция истории, создание подлинно национального учебника истории страны, преподавание истории в школах, подготовка специалистов в области истории, охрана исторических ценностей. С докладом по вопросу о периодизации истории Индонезии выступил проф. Сканро. Одновременно в Джокьякарте была устроена выставка по истории Индонезии с древних времен до наших дней. На выставке представлены макеты памятников прошлого, исторические источники, книги по истории Индонезии, изданные как в стране, так и за рубежом, при колониальном режиме и после завоевания независимости.

Семинар по вопросам истории Индонезии вызвал большой интерес широких кругов общественности страны.

ИРАН

24 декабря 1957 г. в Иранском обществе культурных связей с СССР член Академии наук Ирана профессор Тегеранского университета Саид Нафиси сделал доклад на тему «Заслуги известного советского востоковеда профессора Е. Э. Бертельса перед иранской литературой». Иранский ученый отметил большие достижения советской востоковедной науки в изучении культуры Ирана, подчеркнул выдающееся значение трудов профессора Е. Э. Бертельса.

В заключение доклада профессор Нафиси призвал всех присутствующих «почтить вставанием светлую память большого друга Ирана, высокочтимого и всеми любимого покойного профессора Е. Э. Бертельса».

* * *

В Иране с большим удовлетворением встречен выход в свет первого тома полного русского поэтического перевода бессмертного эпоса Фирдоуси «Шахнаме» (Изд. АН СССР, 1957).

Новое издание «Шахнаме», как это отмечается в сообщении, присланном придворным советником по делам культуры Шуджаэд дином Шефа на имя президента АН СССР А. Н. Несмеянова, было просмотрено и одобрено шахиншахом Ирана. «Такие величины, как Фирдоуси, принадлежат всему человечеству,— говорится в сообщении,— и каждое мероприятие по ознакомлению человечества с его произведениями является действительно важным делом для развития культуры во всем мире». Отзывы о новом издании помещены в газете «Этелаат», журнале «Фирдоуси» и др.

* * *

В одном из старинных тегеранских зданий, построенном еще при Файх Али Шахе, находится небольшое, но чрезвычайно ценное частное собрание книг и рукописей известного коллекционера Хаджи Хосейн Ага Малека. Книгохранилище насчитывает всего 21 тыс. томов, в том числе 9 тыс. рукописей. При библиотеке имеется небольшой музей, в числе экспонатов которого находятся коллекция старинных монет, произведения иранских художников, старинная утварь и пр.

В фонд библиотеки входят уникальные рукописи, редчайшие книги по мусульманской истории, философии, религии и другим наукам, многие из которых существуют лишь в единичных экземплярах. Среди уникальных рукописей в библиотеке Малека хранится 4-й том «Зубдат аттаварих» Хафиза Абру, два тома которого хранятся в ленинградском отделении Ин-та востоковедения АН СССР и один том — в национальной библиотеке Ирана, осуществившей недавно частичное издание этой рукописи. Огромную ценность представляет древнейший словарь арабского языка «Китаб аль-аин» Халиля, написанный рукою автора, подлинная рукопись «Фавд аль-асфар» Ибн Маскави и Илейха Хар Амали и ряд других произведений.

ИТАЛИЯ

Известный тамильский ученый, специалист по тамильской культуре Ксавье С. Тани Найягам прочел в Риме лекцию на тему «Древняя тамильская литература и связи между Индией и Римской Империей». Лектор обратил внимание на важные связи, существовавшие между Востоком и Западом в древние века.

Лекция вызвала большой интерес общественности.

* * *

В Риме открылась этнографическая выставка, посвященная кафирам Пакистана. Выставка организована Итальянским институтом Среднего и Дальнего Востока, а также Итало-Пакистанским культурным обществом. На открытии выступил проф. Флорентийского университета Паоло Граиози с докладом «На земле кафиров», в котором он отразил результаты итальянской экспедиции в Каракорум в 1955 г., организованной и руководимой Ардито Дезио.

СИРИЯ

«Генерал Мухаммад Нагиб — случайный попутчик египетской революции; еги-

петская революция проходила под руководством военной интеллигенции и при поддержке народных масс; египетская революция не была повторением революции 1882 г. и революции Араби»,— под таким заголовком опубликован в номере от 4 эйлула (сентября) 1957 г. дамасской газеты «ат-Талиа» редакционный обзор статей и материалов № 2 журнала «Советское востоковедение» за 1957 г., посвященных национально-освободительному движению народов Азии и Африки и прежде всего арабских стран. В небольшом введении к обзору газета пишет: «Советская пресса продолжает с чрезвычайно большим вниманием относиться к событиям на Арабском Востоке и к его борьбе против империализма. Советские журналисты выступают с обстоятельными статьями в поддержку непрерывной героической борьбы народов Арабского Востока против империалистических попыток Америки навязать свое господство арабским государствам. В последнем номере журнала «Советское востоковедение» имеется много статей на темы, интересующие арабский мир». Далее в обзоре кратко излагаются передовая статья № 2 журнала «Советское востоковедение» «Ленин и национально-освободительная борьба народов Востока», статьи Г. Ф. Кима и Р. А. Ульяновского «Вторая годовщина Бандунгской конференции стран Азии и Африки», В. Б. Луцкого «Июльская революция 1952 года в Египте», В. М. Коллонтай «Компания Суэцкого канала — орудие империалистического гнета» и сообщение о сессии, посвященной второй годовщине конференции в Бандунге. Особенно подробно освещается статья В. Б. Луцкого, цитаты из которой и выбраны газетой в качестве заголовка для обзора.

США

В августовском номере «Journal of Asian studies» (1957, т. 16, № 4) опубликован отчет о деятельности американской «Ассоциации по изучению стран Азии», подготовленный одним из ее председателей—Робертом Крейном. Организация была основана в 1941 г. в Нью-Йорке под названием «Дальневосточная ассоциация». Первоначальная цель ассоциации состояла в издании специального журнала, посвященного проблемам Дальнего Востока («Far Eastern quarterly»). Однако впоследствии деятельность ассоциации расширилась, она превратилась в одну из ведущих организаций американских востоковедов. В самые последние годы члены ассоциации и ее орган уделяют все большее внимание странам Южной и Юго-Восточной Азии. В связи с этим в 1956 г. организация была переименована в «Ассоциацию по изучению стран Азии»; соответственно изменилось и название журнала. В настоящее время Ассоциация насчитывает 970 членов. Научные интересы большинства их касаются истории, проблем политического развития и международных отношений в Азии. Некоторые члены ассоциации (16 человек), занимаются изучением советских среднеазиатских республик. Эти же проблемы освещаются на страницах журнала ассоциации, выходящего 4 раза в год. Кроме того ежегодно выпускается специальное библиографическое приложение.

Помимо издания журнала ассоциация в 1956—1957 гг. выпустила в свет две монографии: «Сиам в царствование Рамы III (1834—1851)» Вальтера Велла, «Руководство и власть внутри китайской общины в Таиланде» Дж. Скиннера.

В апреле 1957 г. в Бостоне была проведена 9-я годичная конференция ассоциации. На первом пленарном заседании президент ассоциации Л. К. Гудрич сделал доклад об истории первых археологических исследований в Китае. Дальнейшая работа конференции была организована в форме семинаров, где заслушивались доклады и сообщения ее участников. Большинство семинаров обсуждало темы, связанные с историей и современным положением Японии и Китая.

П. Т. АРУТЮНЯН

8 октября 1957 г. на 43-м году жизни в расцвете творческих сил скончался доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора публикации памятников и документов народов Востока Института востоковедения Академии наук СССР Арутюнян Паруйр Тигранович.

П. Т. Арутюнян родился в 1914 г. в селе Байрахтар Карской области в семье крестьянина. В 1938 г., после окончания Ереванского государственного университета, он поступает в аспирантуру при Государственном Эрмитаже. В аспирантуре П. Т. Арутюнян подготовил кандидатскую диссертацию под руководством акад. И. А. Орбели на тему «Борьба Багратидов за централизацию Армении» и защитил ее в 1944 г. В 1940—1941 гг. преподавал в ЛГУ. В годы Великой Отечественной войны П. Т. Арутюнян принимал участие в героической обороне Ленинграда. Продолжая глубокое изучение средневековой истории Армении и соседних стран, П. Т. Арутюнян в 1951 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века», которая была опубликована в 1954 г. Прекрасный знаток древнеармянского языка, П. Т. Арутюнян был занят глубоким изучением средневековой истории Армении. Его перу принадлежит ряд ценных научных работ, к числу которых относятся: «К вопросу о генеалогии Багратидов» («Известия АН Армянской ССР», 1948, № 3), «Послание Мхитар-бека русскому государству» («Известия АН Армянской ССР», 1952, № 3), «Борьба армянского и азербайджанского народов за присоединение к России» («Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. III, 1951), «Борьба народов Закавказья против иранской и турецкой агрессии» («Всемирная история», т. V), «О неправильном освещении истории народов Закавказья» («Вопросы истории», 1955, № 10) и ряд других. Последние годы П. Т. Арутюнян работал над подготовкой к печати памятника XVIII века «Джамбр» и труда «Русско-армянские отношения первой половины XVIII века».

Светлая память о П. Т. Арутюняне, талантливом, скромном и принципиальном ученом, надолго сохранится в наших сердцах

Группа товарищей

СОДЕРЖАНИЕ

Документы всемирно-исторического значения 3

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

А. Н. Узянов. Десять лет независимости Бирмы 10
Л. А. Гордон. Некоторые особенности эксплуатации рабочего класса в колониальной Индии 18
И. Г. Сенкевич. Младотурецкая революция 1908 года и албанское национальное движение 31
П. А. Искендеров. Развитие городов в Японии в XVI веке 42
Б. Г. Гафуров. О причинах возвышения и падения Саманидов 51
Б. В. Поспелов. Сущность японской теории натурализма (Из истории японской литературной критики) 56
У Тин Фат (Бирма). Краткий очерк истории современной бирманской литературы 67
С. М. Бациева (Ленинград). Историко-философское учение Ибн-Ḫалдӯна . . 75
Л. Р. Полонская. Общественно-политические взгляды Фазл-хака 87

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

К вопросу о персидской просодии 97
С. И. Баевский (Ленинград). Древнеперсидское *marīka* 98
А. Я. Шевеленко. Еще раз об аустроазиатской языковой семье. 101

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Н. Заходер. Изучение в Советском Союзе восточных источников по истории стран Восточной и Центральной Европы 107
Г. Ю. Алиев. Библиография научных трудов члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса 115
Б. М. Поцхверия. Ю. Н. Розалиев. Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны 125
В. Сикорский. Д. В. Беклешов. Индонезия. Экономика и внешняя торговля 129
А. А. Пашковский. Е. М. Колпакчи. Очерки по истории японского языка, т. 1. 132
З. Мухаммедова и *А. Мередов* (Ашхабад). Р. Алыев. Кеминэниң өмри ве дередижилиги (монография) 134
Чжан Цзя-линь. Чжан Чжао-цян. Послевоенная политика и экономика Индонезии. 137
И. С. Рабинович. О культуре перевода 139
В. А. Субботин. Р. В. Рабемананд зара. Мадагаскар. История мальгашской нации 143
С. М. Алиев. Керим Тахерзаде Бехзад. Азербайджанское восстание во время конституционной революции Ирана. 146
Д. С. Комиссаров. Сборник разрозненных произведений Садека Хедаята . . . 150
И. В. Голант (Ленинград). В. Элленбергер. Трагический конец бушменов. . 152
А. И. Динкевич. Иностранный капитал в Японии. 154
Ю. Е. Борщевский (Ленинград). J. D. Pearson. Oriental Manuscript in the Libraries of Great Britain and Ireland 157
Р. М. Алиев и *М.-Н. Османов.* Некоторые издания Тегеранского университета 159
Заметки о книгах (*Д. Р. Вобликов, М. В. Малюковский, Р. П. Шапкина, С. М., Гюнтер Галих, Е. С.*) 162
Аннотации на книги, вышедшие в республиках Советского Востока (1956—1957 гг.) 168

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. В. Попов. Общественные науки в Академии наук КНДР 176
С. И. Ходжаш, И. М. Лосева, Б. Г. Воронова. Искусство стран Востока на Международной выставке изобразительного и прикладного искусства . . . 180
ХРОНИКА 188
П. Т. Арутюнян 205

Documents of World Historic Value 3

ARTICLES, DOCUMENTS, PAPERS

A. N. Uzyanov. Tenth Anniversary of Burma's Independence. 10
L. A. Gordon. Some Features of the Exploitation of the Working Class in Colonial India 18
I. G. Senkevich. The Young Turk Revolution of 1908 and the National Movement in Albania 31
P. A. Iskenderov. Growth of Cities in XVI Century Japan 42
B. G. Gafurov. The Reasons for the Rise and Fall of the Samanides 51
B. V. Pospelov. Japanese Theory of Naturalism 56
U-Htin-Fatt (Burma). A Short Review of the History of Modern Burmese Literature 67
S. M. Batsieva (Leningrad). Ibn Khaldūn's Teaching on History and Phylosophy 75
L. R. Polonskaya. The Social and Political Views of Faẓl Ḥaq. 87

SCIENTIFIC NOTES

About the Persian Prosody 97
S. I. Baevsky. (Leningrad). Ancient Persian *marīka* 98
A. Y. Shevelenko. Once more about the Austro-Asiatic Family of Languages . . 101

HISTORIOGRAPHY, BOOK REVIEWS, BIBLIOGRAPHY

B. N. Zahoder. The Study of Eastern Sources in the USSR on the History of the Countries of Central and East Europe 107
G. Aliev. A Bibliography of the Works of E. E. Bertels, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences 115
B. M. Potshveria. Y. N. Rozaliev. Conditions of the Industrial Proletariat in Turkey after the Second World War 125
V. Sikorsky. D. V. Bekleshov. Indonesia. Economics and Foreign Trade 129
A. A. Pashkovsky. E. M. Kolpakchi. Outline of the History of the Japanese Language, vol. I. 132
Z. Muhamedova and *A. Meredov* (Ashkhabad). R. Aliev. Life and Works of Kemine. (a Monograph) 134
Chjan-Zo-lin. Chjan Chjao-zyan. The Policy and Economics of Indonesia in the Post-War Period 137
I. S. Rabinovich. The Art of Translating 139
V. A. Subbotin. R. V. Rabemanandzara. Madagascar. History of the Malagasy Nation 143
S. M. Aliev. Kerim Taherzade Behzad. Azerbaijan Revolt during the Constitutional Revolution in Iran 146
D. S. Komissarov. A Symposium of Works of Sadeq Hedayat 150
I. V. Golant (Leningrad). V. Ellenberger. Tragic End of the Bushmen 152
A. I. Dinkevich. Foreign Capital in Japan 154
Y. E. Borshevsky (Leningrad). J. D. Pearson. Oriental Manuscript in the Libraries of Great Britain and Ireland 157
R. Aliev and *M.-N. Osmanov.* Publications of the Teheran University 159
Reviews and Notes (*D. R. Voblikov, M. V. Malyukovsky, R. P. Shapkina, S. M., Gunther Galikh, E. S.*) 162
Annotations on Books Published in the Republics of the Soviet East (1956—1957) 168

SCIENTIFIC NEWS

M. V. Popov. Social Sciences in the Korean Academy of Sciences 176
S. I. Hodjash, I. M. Loseva, B. G. Voronova. The Eastern Countries as Represented at the International Exhibition of Fine and Applied Arts 180
Current Events 188
P. T. Arutunyan 205

社論 3
烏家諾夫——緬甸獨立十週年 10
高爾等——殖民地印度工人階級被剝削的幾個特點 18
深階維赤——1908年新土耳其革命和阿爾巴尼亞民族運動 31
伊斯干代羅夫——十六世紀日本的城市發展 42
格富羅夫——撒馬尼低的升降原因 51
波司貝羅夫——日本的自然主義理論（日本文學批評史片段） 56
武定法（緬甸）——現代緬甸文學簡史 67
柏茨也娃——（列寧格依本一勒）赫爾東的哲史學說 75
保龍斯加亞——福司爾一嚇格的社會政治觀點 87

科學短評

論波斯的詩歌音韶 97
巴也夫斯基（列寧格勒）——古波斯的merika 98
沙富聯科——再論奧大利一亞細亞族的語言 101

史料和書報評介

查哈德爾——蘇聯研究歐州中東諸國史的東方資料來源 107
阿利也夫——彼爾德利斯通詢院士的科學作品的書目 115
博茨嚇維利亞——羅雜利也夫"土耳其二次世界大戰以後的產業工人狀況的綱要" 125
西谷爾斯基——別科列嘉夫"印度尼西亞的經濟和對外貿易" 129
柏十科富斯基——科爾柏克赤„日本語言史大綱第一卷" 132
牟罕咩德娃，美列特夫(阿什哈巴特)——阿來也夫„Кеминонин θмри ве дередижилиги" . 134
張家林 ——張肇強„印度尼西亞戰後政治經濟" 137
羅平諾維赤——論翻譯的文化 139
蘇巴金——拉別馬那雜拉„馬達加斯加.馬立加實民族史" 143
阿利也夫——格來摩 塔海兒色特 泊嚇色 特"伊朗立憲革命時期的阿塞拜疆人民的起義" 146
科米塞羅夫——塞得克，嚇特亞搭的零碎作品文集 150
荷蘭特——愛論堡格爾"布西門人的悲亡" 152
定格維赤（列寧格勒）——在日本的外資 154
布爾色夫斯基 J. D. Pearson. Oriental Manuscript in the Libraries of Great Britain and Ireland 157
奧司曼諾夫，阿里也夫——德黑蘭大學的幾種刊物 159
論出版的幾本書 162

科學生活

包包夫一朝鮮民主人民共和國科學院的社會科學 176
嚇查斯，羅舍娃，伏龍諾娃——國際藝術展覽會中的東方各國藝術 180
新聞 188

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. К-5-91-64.

Т-02812. Подписано к печати 13/III 1958 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6¹/₂
Печ. л. 17,81+2 вкл. Уч.-изд. листов 19,2 Заказ 2309. Тираж 2600 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

В № 5, на стр. 33, 28 стр. снизу должно быть: 71,5 тыс.;

в № 6, на стр. 113 в колонтитуле должно быть:

Абӯ-л-'Алā ал-Ма'аррӣ;

на стр. 155. 2-й стб., 11 стр. сверху должно быть:

«Гӯруглӣ».